

Эль Бланк

ИНСТИТУТ ФАВОРИТОК

ГЛАВА 1

Раз, два, три, четыре, пять, я иду тебя искать

— Раз считаешь, что с тобой поступают несправедливо, — вкрадчиво-мягко и от этого страшно звучат интонации тяжелого мужского голоса, — докажи, что достойна иного к себе отношения... Дихол!

Негодующее восклицание, хлесткий звук рассекающей воздух плети, последующий негромкий писк и топот крошечных ножек по гравию. Все это в кромешной тьме воспринимается намного более остро. До неприятного холодка на коже. До покалывания в кончиках пальцев. До замирания сердца в ожидании... того, чего нет. Лишь тишина. Гулкая, вязкая, неприятная, долгая. И наконец насмешливое, гортанное, раскатистое:

— Ну? Что я сейчас сказал?

— Я не услышала, — шепчу едва слышно. Помогает мало — акустика у грота идеальная. Даже мой тихий голос усиливает, что уж говорить про нарочито громкий бас дяди.

— Вот! Ты бездарность! Пустышка! — триумфально и с нескрываемым возмущением на меня обрушиваются не самые лестные эпитеты. — И после этого смеешь заявлять, что не согласна с моим решением? Ли! Тон идет нам навстречу, делая такую уступку! Закрывает глаза на твою ущербность, а ты нос воротишь?! Неблагодарная! Да ты ноги ему целовать должна за то, что он вообще согласился связать с тобой свою судьбу! Думаешь, ты кому-то другому нужна? Да ни один здравомыслящий иперианин даже не посмотрит в твою сторону, потому что ты не можешь разговаривать с ним на ультри. А рооотонцы? Кто из них женится на девице, слепой, как угрица? Про зогтиан и речи нет, они не будут возиться с потенциальной утопленницей.

Новый, вспарывающий воздух щелчок, от которого я невольно вжимаю голову в плечи, хоть знаю, что не мне предназначены эти удары, и продолжение:

— Мало было Огине собственного печального опыта! Говорил я сестре, что ни к чему хорошему смешанные браки не приводят. Доказывал, что бредовые идеи твоего прадеда хороши только в теории. Нет, уперлась, жемарка! «Интересы империи превыше всего», — процитировал, ломая голос до женского. — Вот и получила... подарочек!

Презрительности в интонациях ощутимо прибавляется, однозначно для того, чтобы у меня не осталось сомнений: он именно свою «любимую» племянницу имеет в виду, а не что-то иное.

— В общем, так. Откажешься, и я устрою тебе такую жизнь, от которой тошно станет за несколько дней. Будешь умолять меня, чтобы я позволил тебе принять предложение цессянина! И не факт, что я соглашусь. Решай, у тебя десять минут, — припечатывает грозный голос и замолкает.

Некоторое время я слышу шумное дыхание, скрип камней под подошвами тяжелых сапог, шорохи ударяющейся о кожаные штаны плети, которую дядя наматывает на рукоять. Потом раздается хриплое, несдержанное «дихол», грузные шаги, и снова воцаряется тишина.

Отступаю, нащупывая за спиной каменный выступ, чтобы на него опереться. Паники, которая владела мной совсем недавно, больше нет, да и слезы уже закончились, остались только горечь и пустота в душе.

Он прав. В том-то и ужас, что дядя прав. В каждом слове и на все сто процентов. Мне не повезло. Я родилась уродкой. Нет, вовсе не в плане внешности, с ней-то у меня как раз полный порядок — и личико симпатичное, и руки-ноги на месте. Я о том, что у меня нет самого главного — расовых способностей. А без них на любой планете империи я буду изгоем, потому что... Да просто потому, что на этом основано выживание! И никакой общественный статус тут не поможет, скорее только усугубит ситуацию. Что, впрочем, и происходит.

Тихое шуршание сбивает с мысли, и я начинаю прислушиваться, стараясь определить, где же находится источник звука. Вернее, сколько их, этих источников. Через мгновение

уже чувствую, как по юбке, цепляясь за нее маленькими коготками и оттягивая ткань вниз собственным весом, забираются шигузути.

У меня плетки нет. И прогнать их я не могу. Впрочем, правильнее будет сказать — не хочу. Это только дядя их ненавидит, а я, как и все жители Роотона, вполне терпимо и даже с любовью к ним отношусь. Эти маленькие, совершенно безобидные, юркие существа очень любят живое тепло, вот и стараются при любом удобном случае забраться на кого-нибудь. Отучить их невозможно, инстинкт у них такой. Если лечь спать, не закрыв решетками оконные проемы, то проснешься под одеялом из шигузути.

Дядю это безумно раздражает. Он же иперианин, а не роотонец. Вот и разгоняет малышей хлесткими ударами плети, с которой не расстается. А на время сна запирается наглухо в своей спальне.

Со вздохом отцепляю от пояса массивный обруч со встроенным в него прибором ночного видения. Фиксирую на голове, чтобы не свалился, надеваю на глаза гермоочки с толстыми стеклами-преобразователями и включаю технику. Это разговаривать с дядей и видеть при этом его лицо мне совсем не хотелось. А общаться с шигузути приятно. К тому же они маленькие, и мне не хочется их случайно раздавить.

Вытягиваю руку, чувствуя, как по рукаву шустро и легко бежит к ладони гибкое тельце. И лишь когда проявляется изображение, люблюсь на лакированную черную шкурку, так разительно контрастирующую с моей практически белой кожей.

— Ну и что мне делать? — Я грустно улыбаюсь, поглаживая животное по голове, на которой есть крошечное светлое пятнышко на самом кончике носа. Эти пятнышки на разных частях тела — опознавательные, индивидуальные, то есть ни у кого не повторяются.

Вопрос мой, ясное дело, риторический. Разумности у этих малышей немного. Так что шигузути, коротко курлыкнув, принимается ловко протискиваться между пальцами, огибая каждый и щекоча своим длинным тонким хвостом. Играет.

Что делать, что делать?.. Соглашаться. Угрозы дяди не пустой звук, а я не в той «весовой категории», чтобы вступать с ним в противоборство. Он мой опекун, а я всего лишь наследница императорской династии. К моему несчастью — единственная, и поэтому даже совершеннолетие не позволяет мне свободно распоряжаться своей судьбой.

Пересаживаю обиженно пискнувшего малыша на уступ, снимаю с себя еще трех, занявших плечи, и, осторожно ступая по гравию, чтобы не раздавить тех, кто не успел проявить смекалку и сообразительность, иду сдаваться на милость дяди.

Это счастье, что он обошелся лишь нотацией относительно неприглядной правды и не припомнил мне мою истерику, побег из замка и однозначно не самые спокойные для него шестичасовые поиски строптивой девчонки, которая спряталась в системе гротов. А ведь мог бы и за это наказать. Однако нет никаких гарантий, что он не сделает этого позже, когда домой вернемся.

— Я сказал, под замок!

Гневный голос дядюшки я слышу раньше, чем оказываюсь на открытом пространстве. И даже чуток притормаживаю, хоть и знаю, что время на исходе. Кого это он решил так радикально изолировать?

— Обоих! На сутки! И к Дейлине без моего разрешения не подпускать! — Ответ получаю однозначный.

Подружек моих. За то, что мое бегство прикрыли, вместо того чтобы на меня донести. Теперь даже попрощаться с ними не получится.

Вот оно, наказание.

Понуро опустив голову и поэтому не слишком присматриваясь к окружающему миру, выхожу наружу. Впрочем, тут особо и не на что смотреть. Прибор и очки позволяют хорошо и четко видеть только предметы, которые вблизи, а те, что дальше, теряют цвет, тускнеют и смазываются. Так что меня вовсе не прельщает темно-серая мутная даль. На

остальное же — скалистый рельеф, маленькие водопадики и строго вертикальные стебли растущей в расщелинах дилимонии — я за эти часы насмотрелась.

Так что единственное, на чем останавливается мой взгляд, — это узконосые, но от этого не менее внушительные черные сапоги. Которые немедленно отступают, и через секунду на их месте оказываются еще одни, ярко-зеленые. Первые принадлежат охраннику, вторые...

— Решила? — сурово, но все же относительно спокойно, словно не сомневаясь в моем решении, спрашивает их обладатель.

Киваю, и за проявленную сознательность даже комплимента достаиваюсь:

— Вот и умница. Идем.

Мне на плечо ложится тяжелая мужская ладонь, сдавливая и вынуждая шагать рядом с родственником. Недалеко, правда. Сразу за каменным нагромождением, на ровной площадке, нас ждет скользюшка — длинный транспортник, очень удобный для скоростных перемещений по равнинной местности. А еще вместительный, потому что помещается в нем с полсотни пассажиров. Впрочем, нас здесь намного меньше, так что сидим мы с дядей довольно далеко от водителя, а все сопровождающие лица вообще в хвосте разместились.

Мы сидим молча. Дядя сосредоточенно перелистывает страницы на своем переносном вильюрере. Я же, сняв прибор, всматриваюсь в темное небо, украшенное мелкой звездной россыпью. Сейчас не тот сезон, чтобы Лагс, Родс и Дарас — спутники Рооотона — поднимались над горизонтом. А без них на поверхности планеты практически непроницаемый мрак. Очки же на большой скорости не позволяют фокусироваться на каких-либо объектах за бортом.

Вот и остается мне прислушиваться к свисту ветра и наслаждаться тем, как теплый встречный воздушный поток треплет волосы и осязаемо-ласково скользит по лицу, оставляя приятное ощущение влаги, которое усиливается, едва под скользюшкой оказывается не земля, покрытая плотной травяной подушкой, а простор совсем неглубокого, но обширного озера, дугой окружающего прилегающую к дворцу территорию. И ощущение это успокаивающее, расслабляющее, от которого я почти забываю о том, что мне предстоит. Лишь когда на горизонте появляются расцвеченные крошечными огоньками контуры внушительных зданий, вздымающихся высоко вверх, я вновь начинаю чувствовать беспокойство.

Мне ведь из дворца свободной уже не выйти. Понятно, что и раньше все приходилось согласовывать с дядей и не все желания исполнялись. Но ведь он, как ни крути, мой родственник. Да и не ущемлял меня, если уж быть честной. Это только если я проявляла характер, вот тогда и надавить мог, как сегодня, и наказать. Да и то, бывало, прощал и шел на уступки. А жених, он же будущий император, — совсем иное дело! У него ко мне никаких чувств, как и у меня к нему. Откуда они возникнут, если мы даже не виделись? Так что наверняка будет вести себя как диктатор. Увезет на Цесс, запрет в четырех стенах и...

В очередной раз ужаснуться тому, что ждет меня в перспективе, я не успеваю. Вильнув хвостовой частью, скользюшка поворачивает, огибая ограждение, еще несколько минут медленно ползет, пока наконец не останавливается напротив парадного входа.

Без очков, в темноте, выглядит он завораживающе. Словно сеть, сплетенную из маленьких звездочек, набросили на арочный каркас, а потом отдернули в стороны, позволяя мягкому желтоватому свету, освещающему главный холл, заполнить собой небольшой фрагмент площадки перед дворцом.

Дядя, который успел снять свой прибор ночного видения, не дожидаясь, пока нам навстречу выйдут те, кому положено это делать, помогает мне спуститься на землю. И снова его ладонь сдавливает плечо, словно напоминая, кто тут главный. Впрочем, едва мы оказываемся в холле, хватка ослабевает. Да и рука исчезает, потому что теперь мой родственник вынужден использовать ее в ином назначении — для приветствия.

В торжественной тишине, которую нарушают лишь наши шаги, слышится шлепок

ладоней друг о дружку. Смуглой и белой.

Первая тут же возвращается на мое плечо, вторая прячется за черный глянцевого кафтан, украшенный на бортах перламутровыми полосами. Длинный, почти по колени, даже голенища сапог под него уходят. Когда-то это была любимая форма моего отца, теперь его брат носит ее с тем же удовольствием.

— Нашлась, значит?.. — задумчиво-мягко спрашивает дядя Ют. С некоторым сожалением даже. Я, конечно, не уверена, но мне кажется, что Тижина, одна из моих подруг, именно с его одобрения взялась устраивать мой побег. Ну не могла она без чьей-либо помощи провести меня через контролируемый безопасниками регента-императора запасной выход. А ведь именно в тот момент он так удачно оказался без охраны!

— Нашлась, — смешливо хмыкает дядя Джаграс. Сейчас его голос звучит совершенно иначе, нежели в разговоре со мной. Весело, иронично, беспечно. — Девочка перенервничала просто. И убегать больше не будет. Осознала, какое счастье упускает. Верно, Дейлина?

Он разворачивает меня лицом к себе, чуть склоняясь, потому как намного выше. Пальцы вцепляются в подбородок, заставляя поднять голову. Желто-зеленые глаза смотрят внимательно, однако мне и без этого зрительного контакта ясно, что шуточный тон — всего лишь маска. Дядя вообще крайне редко говорит просто, без наигранности и двусмысленностей. Впрочем, эта черта характерна для всех ипериан. Мама тоже была такой. Вызывающей, дерзкой. А уж на какие провокации пускалась, чтобы добиться своего... В итоге это стоило ей и отцу жизни.

— Верно, — покладисто подтверждаю, отгоняя от себя грустные мысли. — Можно мне идти к себе?

— Иди, — разрешает иперианин, выпрямляясь и откидывая за спину толстую зеленую косу, скользнувшую со спины вперед, когда он наклонялся.

— Завтра церемония, — напоминает роотонец, которому на ухо один из придворных что-то шепчет.

— Выспись, — советует первый, подталкивая меня в сторону лестницы.

— Наряд в гардеробной, — предупреждает второй, отстраняя советника и отрицательно мотнув темноволосой головой, видимо ответив на заданный вопрос.

Наверное, излишне поспешно, но лишь потому, что стараюсь избавиться от неприятного общества, я поднимаюсь вверх. Приподнимаю длинную юбку, шагая по ступенькам, и улыбкой благодарю служанку, которая меня сопровождает, удерживая в руках светильник. Свет от него падает только на пол, чтобы я не оступилась, и поэтому не разгоняет господствующего в помещениях сумрака.

Это только холл относительно хорошо освещен, хотя дядя Джаграс постоянно твердит, что это не освещение, а издевательство. И я его понимаю. Когда-то во дворце было очень-очень светло. Папа все делал, чтобы маме было комфортно. Так что приспособившись к зрительному восприятию иперианки приходилось роотонцам, которые вообще не выносят яркого света. Они даже надевают темные очки, когда над горизонтом появляется Поорс, озаряя своими лучами поверхность Роотона. Вот и во дворце их носили, подчиняясь приказу императора. С приходом же к власти дяди Юта все в корне переменилось.

Закрыв дверь своей комнаты, почти минуту стою, прислонившись к ней спиной. Ну и зачем убегала, спрашивается? Ясно ведь было, что затея провальная.

Зачем? Да затем, что на эмоциях действовала, в отчаянии от того, что меня поставили перед фактом! Хотела хоть этим показать, что с моим мнением тоже нужно считаться.

А вот почему дядя Ют, раз уж помог сбежать, не довел дело до конца? Ведь мог бы организовать все так, чтобы я пряталась от дяди Джаграса долго и продуктивно. Так нет же, лишь свободный выход из дворца мне обеспечил.

Ох уж эти политики...

Решительно отталкиваюсь, прекращая мучить себя бессмысленными вопросами. Кто мне на них ответит?

Касаюсь панели на стене, включая свет и радуясь, что хоть в моей комнате его оставили таким, как при маме. В этом и плюсы есть — ко мне практически никто из рооотонцев не заходит и не надоедает. Разве что дядя Джаграс, да еще Лурита, потому что иперианка. Но теперь, поскольку подружку от меня изолировали, она не придет.

Привычно не обращая внимания на изысканный декор помещения, сверкающий в лучах света, люющего с потолочных люстр, топаю в ванную комнату, а потом в столовую. Торопливо открываю крышку стола и с жадностью набрасываюсь на то, что для меня приготовлено. Есть хочется ужасно! Я ведь, пока в бегах была, ничего не ела!

— Прости, Дейлина, я тебя подвела.

Тонкий, жалобный голосок раздается за моей спиной столь неожиданно, что я давлюсь, роняю вилку и оборачиваюсь.

— Тижина... Это же неприлично... — выдыхаю, когда наконец откашливаюсь.

— Я отвернусь! — тут же спохватывается рооотонка, разворачиваясь так быстро, что красивые длинные черные косы взлетают в воздух и снова падают, закрывая ей спину.

Натужно выдыхаю, поражаясь тому, с какой легкостью девушка, которая всегда строго придерживалась устоявшихся традиций, сейчас их нарушает. Что-то ведь ее на это толкает. Что-то серьезное!

— Ты как сюда попала? Тебя под арест не посадили? — Встаю, выключаю верхний свет, оставляя лишь один светильник, чтобы девушка могла снять очки, и подхожу к ней, потому что в душе снова нарастает беспокойство. Какая в таких условиях еда?

— Не успели, — вздыхает Тижина, поднимая на меня глаза. — Я на балконе сидела и услышала, как охрана обсуждала приказ. Ну и спряталась. Меня сейчас по всему дворцу ищут.

— Так ведь и здесь найдут.

Ее логики я не понимаю, пока не слышу в ответ:

— Я должна тебе рассказать...

— Про дядю Юта? Это он попросил тебя мне помочь? — перебиваю, высказывая свою догадку, и продолжаю, потому что в ее взгляде вижу подтверждение своим словам: — Жаль только, что истинные планы у него были другими. Транспорт, о котором ты говорила, даже до места назначения меня не довез, сломался в гротах. А если бы меня не нашли быстро, я бы умерла от голода.

— Он был исправен! — изумляется рооотонка. — Я проверяла! И припасы там были, сзади в сумке. И деньги. Что? Не было?.. — теряется, когда я отрицательно качаю головой. — Ой...

Подружка хватается за щеки и оседает на пол. Смотрит на меня в ужасе, тихо бормоча:

— Твоя тетя... Это она. Точно она... Наверное, слышала, как Ют меня инструктировал. Я ее платье видела, потом, когда вниз шла... — сбивчиво объясняет.

Впрочем, мне и так уже все ясно. В первую очередь, то, почему вездесущая и вечно появляющаяся в самый неподходящий момент тетушка вдруг не проявила похвальной бдительности, чтобы меня остановить. То есть получается, что все же остановила, но другим способом. Таким, который сулил мне куда больше неприятностей.

И если в истинных планах дядюшек я еще могла сомневаться, то уж мотивы жены регента-императора для меня прозрачны, как вода. Несмотря на то что тетя Ари всегда вела себя безукоризненно вежливо и корректно, холодность в общении с ней я чувствовала. Она и мою маму не жаловала, и меня не слишком баловала, но опять-таки не давая повода себя в этом упрекнуть. После гибели родителей я думала, что буду

получать от нее больше заботы и внимания, но, увы, мечты не сбылись. Она хочет своих детей, а у дяди Юта, пока он находится на столь ответственном посту, желание совершенно противоположное. Вывод элементарный — тете выгодно от меня избавиться. Если управление Объединенными территориями перейдет от Рооотона к другой планете, дядя наверняка осчастливит свою жену потомством.

По всему выходит, что в планах дяди Юта все же было посредством моего побега отсрочить грядущую передачу власти. Потому он и расстроился. Ему терять политические рычаги управления не хочется.

А вот дяде Джаграсу правление рооотонцев явно не по душе. Тут и общественные мотивы играют роль, и личные. Первые наверняка основываются на том, что Рооотон является планетой — столицей империи уже больше шестидесяти лет, а наследница достигла соответствующего возраста. Пора власть менять, определенно пора! Ну а вторые касаются того факта, что дядя до сих пор не женат. А ведь ему три года назад исполнилась сотня! Выбрать в жены рооотонку он даже в мыслях не допускает, а на Ипер не улетает, потому что связан обязательствами по опеке. Мне же дядя Ют летать на космических крейсерах запретил, после того что с родителями произошло.

Тижина уже ушла, скользнув в маленькую дверь для прислуги, а я еще долго обо всем этом размышляю. Даже оказавшись в кровати, не сразу засыпаю. Сначала нервничаю, представляя себе завтрашний день. Потом вспоминаю бледное лицо, сиреневые глаза и белые волосы цессянина, голографию которого дядя мне показал, прежде чем поставить перед фактом сделанного им в мой адрес предложения. В итоге отвлекаюсь на шорохи и тихое поскребывание, словно кто-то ползет, царапая коготками каменное покрытие. Впрочем, звуки привычные. Это Рооотон. Тут много мелкой живности, которой вертикальные стены не помеха. Те же шигузути, например...

Два года назад я была счастлива. С легкостью вскакивала с кровати и первым делом бросалась к вильюру, чтобы проверить входящие сообщения. Поступали они с задержкой — расстояния слишком большие, да и связь с кораблями, ушедшими в подпространство, невозможна, пока они снова не окажутся в физическом мире. Однако родители отправляли мне письма регулярно и при первой же возможности.

Открывая послания, я с нетерпением читала медленно проявляющиеся символы: «Стартовали с Ипера. Через два часа будем в точке перехода. Поездка была замечательной! Целуем тебя, малышка. Надеемся, ты хорошо ладишь с дядей Джаграсом».

Снова ждала новостей, пока не получала: «Вышли в нормальный космос без кораблей эскорта. Их, видимо, снесло со спирали. Ждем, пока они найдутся. Не волнуйся, пространство чистое, спокойное».

Однако же я нервничала, дожидаясь оптимистичного: «Все крейсера на месте, к нам присоединились. Мы снова под защитой. Летим домой».

И наконец: «Пришлось снова сойти с курса, и эта спираль оказалась нестабильной. Но ты не переживай, такое бывает. Зато теперь нас точно ждет последнее погружение, и через три стандартных дня вернемся, доченька. Надеемся, подарки ты приготовила? Обещаем, твоё совершеннолетие станет незабываемым. Не скучай».

Я радостно прыгала по комнате, включив всю иллюминацию. Успевают, успевают! Все же не придется откладывать праздник! Это замечательно!

Схватила с полки шкатулку. Подарки? Конечно, готовы! Я их своими руками сделала. Маме — браслет из крошечных раковин, которые собрала на берегу. Папе — выполненный в том же стиле фиксатор для стилуса. Им точно понравится!

— Дейлина...

Быстро захлопнула крышку, едва успев спрятать свои сокровища.

— Дядя! — развернулась, бросаясь ему навстречу, и замерла, не в силах понять мрачного, тяжелого взгляда обычно смеющихся зеленых глаз.

— Они не прилетят, — хрипло проговорил он. — Эскадра попала под удар боевых

кораблей лансиан. Все погибли.

Погибли...

Отчаяние и боль тугим обручем сжимают горло, не позволяя ни говорить, ни дышать. Тяжелым камнем ложатся на грудь, останавливая сердце. Реальность исчезает в мутной пелене слез. С судорожным всхлипом я втягиваю воздух...

И просыпаюсь.

Несколько секунд всматриваюсь в окружающий меня мрак и успокаиваюсь. Не так уж часто в сновидениях я вижу самый страшный момент моей жизни, переживая его вновь. Определенно это из-за того, что слишком много вчера нервничала.

Постепенно дыхание начинает выравниваться, слезы перестают литься из глаз, только давление на грудь никак не желает исчезать.

Нащупав на стене панель, я включаю свет и тихо смеюсь, стирая мокрые дорожки со щек. Мне не от горечи воспоминаний тяжело, просто на моей груди, уютно свернувшись, лежит черный комочек.

— Ты здесь откуда? — спрашиваю, недоумевая, как же он пробрался в комнату, если решетка на окне плотно задвинута?

Шигузути приподнимает голову, смотрит на меня с неодобрением и прищуривается. И такой упрек в его взгляде, что я, не задумываясь, приглушаю освещение. Малыш же, благодарно курлыкнув, зевает, потягивается, смешно вытянув лапки, и, царапнув коготками по моей спальной сорочке, вновь сворачивается, закрывая глазки.

— Э нет, так не пойдет! — не соглашаюсь я с его намерениями. Осторожно поднимаю расслабленное тельце и сажусь, нащупывая ступнями тапочки. Медлю, решая: сразу отнести его к окну и высадить на внешний подоконник или позже. Любуюсь на доверчиво прильнувшего к руке шигузути и решаю — оставлю. В таком состоянии он вряд ли удержится на узком выступе. Свалится. Не разобьется, конечно, но стресс получит. Так что пусть досыпает. Правда, без меня.

Устроив малыша в углублении матраса, все еще согретого теплом моего тела, берусь за вильерер, чтобы определиться с планами на сутки. И дядя Ют и дядя Джаграс, памятуя о своих обязанностях (первый — общественных, второй — опекунских), пунктуально заполняют мое расписание. Занятия с учителями, поездки, прогулки, примерки, бывает, даже приемы пищи — все с их разрешения и под бдительным контролем. Периодически в графике появляются указания тети Ари, но не часто, и обычно они касаются воспитательных бесед. Иногда строчки расписания вообще остаются пустыми, и это означает, что я сама могу распоряжаться своим временем. Но такое счастье выпадает мне крайне редко. Обычно все занято полностью.

Открыв блокнот-планнер, понимаю, что сегодня именно такой день. Свободных минут у меня не будет. Ну разве что те, которые остаются до начала сумасшедшей гонки, потому что проснулась я раньше первой позиции в списке запланированных дел. И трачу я эти минуты на водные процедуры.

Безумно люблю воду. Обожаю. В любом виде. Теплую и холодную, бьющую жесткими струями и зависающую вокруг меня легкими каплями... И самое большое мое разочарование заключается вовсе не в неумении слышать и издавать ультразвуки (без них мне как-то даже спокойнее) и не в невозможности видеть в темноте (хотя, конечно, приятного мало), а именно в том, что я не имею способностей зогтиан к кожному дыханию. Ах, как это было бы великолепно — нырнуть в осязаемо-плотную глубину и плыть, долго-долго не поднимаясь на поверхность!

Именно это и делаю, с поправкой на то, что объем водного бассейна у меня совсем маленький. Лежу на дне до тех пор, пока не захлебываюсь и не выпрыгиваю, шумно и громко отфыркиваясь, откашливаясь и ругая себя последними словами.

Не зря дядя Джаграс сказал, что я потенциальная утопленница. И не без основания дядя Ют не пускает меня на Зогг. Я там точно утону, тренируясь делать то, к чему у моего организма нет адаптации! У бабушки Цафи они были, а вот у мамы, как и у меня,

исчезли. Вернее, так и не проявились. Как и у всех тех, кто вступал в смешанные браки.

Это беда нашей маленькой империи. Идея прадедушки Фориата — объединить планеты и их жителей, закрепив политико-экономический союз династическими браками, — поначалу казалась выгодной и успешной. Она сплотила и породнила Зога и Ипера, затем привлекла Рооотон, а теперь все и губит. Ведь именно узнав о последствиях межрасовых браков, больше ни одна звездная система в нашем секторе Галактики не желает присоединяться к Объединенным территориям.

И, кстати, тем более странным и непонятным выглядит предложение Цесса. Их принц, он же по совместительству будущий император, не боится последствий? Или же экономические выгоды задвинули на задний план перспективу иметь неполноценных детей? Или, может, он сам какой-нибудь ущербный?

На мгновение я замираю, забыв про полотенце, которым высушивала волосы. Припоминаю все, что учитель рассказывал о королевской династии Цесса, и, не обнаружив в своих познаниях ничего подтверждающего подобное предположение, пожимаю плечами и продолжаю вытираться. Да вроде нормальный он. Чистокровный альбинос, с безупречной родословной, единственный сын в королевской семье, где есть еще две дочери. Стоп!

Ухватив мысль за хвост, я вновь зависаю, едва не выронив из рук приготовленное на сегодня платье. Единственный! То есть нет на Цессе других прямых наследников правящей династии! А это значит, что после смерти нынешнего правителя он сам станет королем, а потом своему сыну должен будет передать бразды правления! Но если тот родится неполноценным, цессяне его не примут, взбунтуются и потребуют смены династии. Зачем же принцу такие проблемы? Наоборот, он всячески должен их избегать! Не понимаю.

Со вздохом заканчиваю застегивать черный ажурный корсаж, оправляю спадающую мягкими складками юбку, усаживаюсь за туалетный столик и с сомнением смотрю на распущенные волосы. Они у меня длинные. Очень. И обычно мне подружки помогают. Но сегодня придется справляться самой, хотя это и не самая легкая процедура, с учетом того, что мне именно прическа нужна, а не что-то простенькое типа хвоста или кос.

Только берусь за расческу, как дверь за моей спиной открывается, и в зеркальном отражении я вижу...

— Лурита! — радостно взвизгиваю, оборачиваюсь и тут же усмиряю свой порыв. Потому что следом за изящной фигуркой подружки появляется куда более массивная, грузная. Складывает руки на груди, прислоняется спиной к стене и сердито указывает:

— Поторопись! Так и знал, что ты не готова.

Вот ведь... Сам лишил меня возможности быстро привести себя в приличное состояние, а теперь еще и возмущается!

Однако высказывать дяде то, что думаю, я, пожалуй, не рискну. Хватит с меня вчерашнего выговора. Потому и сижу молча, переглядываясь через зеркало с подружкой, которая, справляясь со своей задачей ловко и быстро, тем не менее с явной тревогой и беспокойством на нашего надсмотрщика посматривает. А едва заканчивает, повинувшись непрекаемому «вон!», исчезает, подарив мне краткий извиняющийся взгляд. Я же в отражении вижу, как прищуривается и поджимает губы дядя, внимательно отслеживая ее действия. И чего опасается, спрашивается? Куда я теперь денусь?

— У тебя осталось десять минут на завтрак, — слышу его голос, однозначно недовольный тем, что я не проявляю ожидаемой от меня активности.

Дядя заходит в будуар, заглядывает в спальню и скептически кривится, узрев творящийся там беспорядок. Оборачивается, выразительно приподнимая брови, и уточняет:

— Девять минут.

Продолжения не жду. Остаться голодной я не хочу! Так что все же успеваю заскочить в

столовую и быстренько запихнуть в себя еду до того, как из-за двери раздается громкое:

— На выход!

Старательно задавив желание снова сбежать, воспользовавшись тем самым ходом для прислуги, которым ушла в прошлый раз, выполняю приказ. Одного урока мне достаточно, чтобы не делать глупостей снова. А ведь меня, прежде чем я встречу с будущим императором и начнется церемония, ждет еще два урока. Один, скажем так, повторение. Того самого свадебного танца, который мне предстоит исполнить в паре с цессянином. Я ведь разучивала его на свое двадцатипятилетие — мама перед отлетом на Ипер сказала, что он мне вскоре понадобится. И так многозначительно улыбалась, что у меня и тени сомнений не возникло, что у нее есть какой-то план. Не зря же она столько сил приложила, чтобы убедить папу полететь к ее родственникам. Вот только я так и не узнала, что именно она задумала и кого видела в роли моего жениха.

И вот сейчас, выполняя следом за танцовщицей-рооотонкой фигуры, я с грустью все это вспоминаю. Совсем иной была бы моя жизнь и судьба, если бы...

— Дейлина! Ты даже в этом бездарность! — возмущенно ругается дядя Джаграс, когда я путаюсь и останавливаюсь. — Разве так сложно выполнить нужную последовательность движений?

Не сложно. Просто... Не хочется мне их выполнять. Даже одной. Что уж говорить про танец вдвоем?

— Ладно, девочки, стоп! Время!

Новое распоряжение раздается именно тогда, когда мое терпение уже на исходе. Так что, не дожидаясь, когда дядя поднимется с кресла, направляюсь на выход из зала. Здесь слишком пусто, мрачно, темно и гулко, второй урок, несомненно, пройдет в другом месте — имитирующем внутреннее убранство домов на Ипере. Украшенном мягкими настенными покрытиями из зеленых и желтых тканей. Заполненным ажурной, совсем не характерной для Рооотона мебелью. И совершенно светлом.

Крыло официального представительства Ипера на Рооотоне, главой которого является Джаграс Гун он'Ласт, второй принц в королевской семье, — именно то место во дворце, куда доступ местным обитателям строго запрещен. Здесь и Лурита живет в маленьких апартаментах, и несколько слуг, которых дядя привез с собой, когда прилетел по просьбе мамы, чтобы я не оставалась без присмотра, пока они с папой путешествуют. Есть здесь и комнаты, которые раньше принадлежали родителям Луриты. Ее мама и моя были подругами еще до замужества обеих. Расставаться не захотели. И судьбы разделили, погибнув вместе.

В рабочем кабинете дяди на столе до сих пор стоит их голография. Две зеленоволосые улыбающиеся красавицы, а за их спинами — статный иперианин и не менее эффектный черноволосый рооотонец в темных очках, на фоне оранжево-багряной зари восходящего над Рооотоном Поорса. И мне кажется, что именно глядя на них дядя становится таким суровым и безжалостным. Он вообще сильно изменился после произошедшей трагедии. Я помню, каким он был, когда к нам прилетел, — жизнерадостным и веселым. Грубоватым в выражениях, как и все ипериане, но оскорблений себе не позволял. Помню, как радовалась его появлению мама, как воодушевленно и с искренним удовольствием рассказывала о брате, которого лет шестьдесят не видела. Причем не в переносном, а в совершенно прямом смысле, ведь именно столько лет назад она вышла замуж за папу и улетела на Рооотон, оставив родных. Как вспоминала о брате, который души не чаял в своей младшей сестренке, и как обещала, что он обо мне будет заботиться так же, как в детстве заботился о ней.

Дядя именно это и делает, только... не думая о моих желаниях.

— Очень надеюсь, что ты не будешь халтурить и станцуешь с полной отдачей, — подтверждая мои мысли, строго наставляет меня низкий голос. — Это в твоих интересах. Чем быстрее ты влюбишься в цессянина, раз уж он этого желает, тем тебе же будет проще.

Да, дядя и в этом прав. Есть у наших организмов такая особенность. После совместного

танца даже те, кто изначально холодно друг к другу относился, начинают сначала чувствовать симпатию, а потом и более сильные чувства возникают. Правда, процесс этот долгий, может на пару десятков лет растянуться. Поэтому лучше, если сначала влюбленность появляется, тогда свадебный танец ее закрепляет и усиливает, превращая в настоящую любовь. Вот только мне рассчитывать на такое счастье бессмысленно. Буду долго-долго ждать. На незнакомой планете, в чужой семье, с иными порядками. И даже поделиться своими мыслями и чувствами будет не с кем.

— Дядя... — не утерпев, начинаю разговор раньше, чем он опускается в свое любимое кресло. — Я могу взять Луриту с собой?

— Зачем? — получаю в ответ предсказуемый язвительный смешок. — Чтобы она влюбилась в какого-нибудь цессянина, а ее дети родились неполноценными? Ты желаешь ей зла? Или, как обычно, в первую очередь, о себе думаешь? Привыкла к тому, что она с тобой возится? Не переживай, на Цессе найдутся те, кто будет обязан тебя обслуживать и помогать.

Дядя наконец-то перестает искать среди тонких информационных пластинок на полке нужные и все же садится за стол. Несколько секунд хмурится, словно вспоминая, все ли приготовил, и неожиданно спрашивает:

— Что ты знаешь о цессянах?

— Э-э... — Я не сразу понимаю, что именно он хочет от меня услышать. — Независимая цивилизация. В большинстве своем ее представители имеют альбиносный фенотип. Срок жизни очень большой, потому что способности к регенерации высокие. Их планета третья и единственная обитаемая в системе белого карлика Бокус. В настоящее время правит король Дэйль Монт ли"Тон.

— Хорошо. Что еще? — требует неведомого мне результата визави.

— В тридцатом году до основания империи цессяне предприняли попытку захватить Зогг, чтобы сделать его своей колонией, добывать ултриз и наладить регулярные поставки этого ценнейшего топлива на Цесс. Вмешательство флота ипериан позволило отстоять независимость зоггиан, а в дальнейшем сотрудничество двух планет привело к территориальному объединению систем звезд Эфуса и Фиссо. В шестьдесят пятом году после основания империи цессяне попытку повторили, заплатив за военную поддержку томлинцам. Империю тогда спасли только совместные усилия флота всех трех планет Объединенных территорий. Роотон за год до этого вошел в их состав.

— Я не об этом спрашиваю, — морщится, закатывая глаза к потолку, дядя. А когда его взгляд опускается и скользит по голографии, интонации становятся совсем жесткими, а слова привычно грубыми: — Обучила тебя сестричка, на мою голову! Сама вечно лезла в политику, забывая о том, что решать подобные вопросы — прерогатива мужчин. А твой отец в этом ей потакал. Идиот мягкотелый! Умел бы настаивать на своем, и Огина осталась бы в живых. А в составе империи было бы намного больше планет!

— Тех, которые хотели растащить все, что с таким трудом создавалось и накапливалось другими?! — Мое негодование все же прорывается наружу.

Глаза дяди вспыхивают гневом. Страшным, опасным, едва сдерживаемым. Он резко встает, и ножки стула с жутковатым скрежетом прокатываются по полу. Зеленоволосая фигура через стол склоняется ко мне, нависая сверху.

— Не лезь не в свое дело, девочка! — тихо предупреждает. — Тебе мало примера твоей матери? Хочешь повторить ее судьбу?

На мгновение дядя задумывается, затем его губы кривит усмешка, он отталкивается от столешницы и выпрямляется, складывая руки на груди. Смотрит на меня, улыбаясь все шире.

— Тебя так сильно заботит целостность Объединенных территорий? Их стабильность? Благополучие? Замечательно! Вот и делай то, что от тебя зависит, чтобы этому способствовать! Ведь это твое предназначение — быть гарантом лояльности императора по отношению ко всем планетам, которые уже входят в состав империи. И перестань

забивать себе голову иными проблемами, кроме одной, которая должна тебя сейчас волновать, — как побыстрее привязать к себе того, кто в тебя изначально не влюблен. Я не прав?

Покорно опускаю взгляд, принимаясь рассматривать свои ногти. Прав, дядюшка, ты всегда прав. Вот только мне от этого не легче.

— Кстати, я как раз об этом и хотел поговорить. Совсем ты меня выбила из темы своими... вопросами.

Пауза перед последним словом образовалась вовсе не потому, что дядя долго его подбирал. Он просто отвлекся, загружая в вильерер информацию.

— Разумеется, советовать что-то конкретное я тебе не могу. И вообще не желаю вникать в ваши женские хитрости по привлечению к себе внимания мужчин. Надеюсь, сестра все же хоть чему-то полезному в этом смысле тебя научила. Но помочь учесть возможные нюансы отношений, связанные с институтом семьи и брака у цессян, все же считаю необходимым. Итак...

Новая пауза, и передо мной на столе появляется небольшое объемное изображение. На фоне воздушно-легкого интерьера пастельной зеленой гаммы в кресле сидит художавый представительный мужчина. Не молодой, но и до пожилого возраста ему явно далеко. Белые волосы гладко зачесаны, сиреневые глаза смотрят уверенно и с превосходством. Впрочем, оно и неудивительно, даже по белоснежному костюму, который отличается особой изысканностью и покроя и отделки, ясно — это отнюдь не рядовой цессянин.

Рядом с ним, по правую руку, опираясь на спинку кресла локотком, расположилась цессянка. Очень красивая. Зрелой, четкой красотой. Изящные формы, облегающее бледно-сиреневое платье, замысловатая прическа, милая улыбка на тонких губах.

Справа от мужчины, вполоборота, потому как оглядывается на что-то невидимое зрителю, стоит еще одна альбиноска. Ростом чуть ниже первой дамы, примерно одного с ней возраста, миниатюрная, но посадка головы не менее гордая, взгляд прямой, открытый. Губки полненькие, я бы даже сказала капризные. Платье дорогое, нежно-желтое. Украшения отнюдь не дешевые.

— Это королевская семья Цесса, — слышу короткое пояснение и вопрос: — Как полагаешь, кто эти женщины?

— Жена и... — Задумываюсь. С первой дамой проблем нет, не сложно догадаться, но другая? На сестру не похожа — тип лица иной, на дочку — не подходит по возрасту. Но ведь дядя сказал «семья». Может...

— Племянница?

За спиной слышится краткий смешок, потому что в ожидании ответа родственник на месте не усидел. Его руки опускаются ладонями на столешницу, чтобы обрести опору, а мои волосы на виске шевелятся от негромкого выдоха:

— Любовница.

— Как это? — Я теряюсь, не понимая, почему термин, обычно используемый в отношении девушки, с которой у мужчины временная физическая близость, дядя применил в совершенно ином контексте. — Разве можно любить сразу двух? Зачем?

Руки исчезают, и воцаряется тишина. В недоумении оборачиваюсь и успеваю заметить искаженное болью лицо. Впрочем, уже через секунду выражение становится презрительным, а на меня обрушивается очередная нотация, словно в наказание за то, что я увидела.

— Зачем?! Она еще спрашивает! Бестолочь! Ты бы хоть подумала сначала! Раз есть факт, значит, имеется причина. И с такой способностью к логике женщины рвутся к власти! Невероятно...

Он демонстративно потрясенно падает в свое кресло. Качает головой, скорбно поджимая губы, и наконец соизволяет продолжить:

— У цессян мальчики рождаются в два раза реже, чем девочки. Ну и, сама посуди, что же делать женщинам, которым не хватает мужей? Оставаться одиночками? А ведь всем хочется семейного счастья, верно? Так что король в этом смысле ведет правильную политику.

Вот как? Любопытно, откуда у дяди такая осведомленность? Численность населения, демография планет, обороноспособность и вооружение — все это не та информация, которую будут держать в открытом доступе, потому что она имеет стратегически важное значение. Ведь в своем большинстве звездные системы находятся в конфронтации и состоянии войны. Может, цессянский принц рассказал?

Задумываясь об этом, я даже об основной теме разговора забываю. Однако мне очень быстро о ней напоминают:

— В общем, на Цессе понятие «любовница» имеет несколько иное значение. То есть официальная любовница, разумеется. Для нее даже статус определен — фаворитка. Кстати, учти, что у принца ее нет. И для тебя это большая удача. После свадебного танца цессянин уже не сможет никого признать своей фавориткой. Ты станешь женой и единственной женщиной в его жизни. А если будешь вести себя умно и покажешь мужу свою заинтересованность в нем как мужчине, то провоцировать других девушек на возникновение к нему временных симпатий он не захочет и неофициальных любовниц у него не будет. Все лишь от тебя зависит. От выбранной тобой линии поведения. Ты можешь как сломать, так и построить свое счастье.

Последние слова он сказал совершенно серьезно. Словно на миг избавился от противоречивых чувств, которые бурлили в его душе и толкали то на резкость в общении со мной, то на вполне лояльное обращение.

— Идем, Дейлина. Нас ждут.

Три шага навстречу. Остановиться. Взгляд в пол. Протянуть руку и дожидаться, когда по моей ладони скользнут чужие пальцы. Отступить и замереть в ожидании.

Все делаю в точности, как инструктировал дядя, кроме разве что одного: по сторонам, да и на жениха я не смотрю вовсе не по приказу. Просто потому, что иначе не выдержу. Это эмоционально сложно — ломать себя, заставлять делать одно, когда душа стремится к другому. И пусть я сама не знаю к чему, но это точно не брак с цессянином! А избежать его, увы, нет никакой возможности.

— Мы рады приветствовать гостей, присутствие которых в этом зале, пожалуй, самое значительное событие за время правления Роотона, — ровным голосом начинает церемонию дядя Ют. — Час назад официальным представительством планеты Цесс и мной, действующим регентом-императором, подписано соглашение о территориальном слиянии. С этого момента звездная система Бокус становится полноправным субъектом, входящим в состав империи Объединенных территорий.

Он замолкает, но безмолвие господствует лишь долю секунды.

«Да здравствует империя!» — воодушевленно проявляет инициативу и ревет заполняющая зал публика.

И вот уже рождаются под сводчатым потолком и опускаются, вбирая в себя все голоса, триумфальные аккорды гимна, впервые прозвучавшего сто двадцать семь лет назад на Зоге и Ипере в честь их объединения. Гладкая, почти зеркальная, а потому отражающая происходящее в зале, поверхность пола вспыхивает яркими красками. Радужные зарницы лижут стены, заставляя роотонцев щуриться, а всех остальных восторженно ахать и радостно улыбаться. Наверное. Потому что я все равно этого не вижу. Не желаю любоваться устроенной феерией! У меня отнюдь не праздничное настроение.

— Наш праздник сегодня ознаменуется еще одним приятным событием, которое станет новой вехой в истории правления имперской династии, — едва снижается громкость музыки и яркость зарниц, вновь говорит дядя Ют. — Верно, принц ли? Тон?

Получив вот такое своеобразное разрешение, цессянин немедленно оказывается напротив меня. Теперь я получаю возможность в деталях рассмотреть белоснежный мундир, украшенный бледно-зеленой витой тесьмой.

— Совершенно верно, регент-император, — слышу негромкий, приятный мужской голос. — Я с нетерпением этого ждал. Дейлина Мео Мун! — теперь он обращается ко мне. — Для меня огромная честь связать с вами свою судьбу и назвать своей фавориткой.

Сосредоточенная на том, чтобы мужественно вытерпеть эту пытку, я не сразу понимаю, какое именно предложение получила. По залу прокатывается дружное «ох!». На мгновение воцаряется тишина, а затем... Гомон голосов, негодующих, недоумевающих, переспрашивающих, словно мелкое зерно, брошенное чьей-то могучей рукой, отскакивает от стен и возвращается к нам.

— Любовницей?! Да что вы себе позволяете? — вплетает в него свой возмущенный голос дядя Джаграс. Определенно не такой судьбы он мне желал.

Чьи-то сильные руки на моих плечах заставляют отступить, и я оказываюсь за его спиной. Теперь необходимости как-то реагировать на произошедшее у меня нет, и я, с растущим в геометрической прогрессии любопытством, прислушиваюсь к весьма эмоциональным переговорам.

— Сделанное вами ранее предложение, которое было одобрено советом империи, подразумевало иное — династический брак! — гневно обвиняет дядя Ют.

— Я просил о разрешении стать одной семьей. Это то же самое — по сути и смыслу! Статус фаворитки на Цессе фактически равен статусу жены! — парирует несостоявшийся жених.

— Цесс — не империя!

— Разве? — В голосе альбиноса мне слышится насмешливое изумление.

— Я имел в виду, что звездная система Бокус — это еще не вся империя, — спохватывается регент-император.

— Но имеет те же права, — заявляет принц. — Например, сохранять свои традиции, а также перенимать их у других субъектов империи. Это ведь одно из положений соглашения о территориальном слиянии!

— Но не в отношении того, кем станет наследница! — гневно цедит дядя Джаграс.

— Я же вам объяснял...

— Видимо, недостаточно внятно это делали! — поддерживает родственника дядя Ют.

— Поймите же, — терпеливо пытается донести до них свои умозаключения принц. — Я делаю предложение, выгодное всем и во всех отношениях! Как лицо, заинтересованное в процветании и стабильности Объединенных территорий, предлагаю готовое решение возникшей проблемы, которая, если ее не устранить, погубит империю. А вы не хотите видеть этих перспектив. Мало того, вы их отвергаете!

Он замолкает, переводя дыхание, и, поскольку ошарашенные его напором присутствующие молчат, чуть более спокойно и размеренно продолжает:

— Традиция межрасовых династических браков, которую поставили в основу передачи права управления от одной планеты к другой, с позиции логики оправданна. Была оправданна до тех пор, пока не начали проявляться никем не предвиденные последствия. Исчезновение расовых способностей у наследников перечеркивает все плюсы и становится психологическим барьером для тех правителей, кто желал бы присоединения своих звездных систем к империи. Однако если внести небольшие изменения, совсем незначительные, которые лишь немного скорректируют процесс передачи власти, оставив в своей основе саму идею... — Цессянин делает весьма эффектную, многозначительную паузу и заканчивает: — В составе Объединенных территорий уже через несколько лет окажется больше десятка новых планет! И ведь что для этого нужно? Всего лишь признать, что наследница будет иметь статус фаворитки, а

не жены императора.

Его речь сражает всех наповал. В глазах присутствующих, по крайней мере тех, кого я могу видеть, светится изумление, смешанное с заинтересованностью. Никто не предполагал подобного пути для развития империи. Впрочем, оно и понятно, если социальный институт фавориток, приравненных к женам, существует только на Цессе. Но многие видят в нем шанс. Реальный шанс достичь небывалых высот процветания империи... за мой счет. То есть за счет всех девушек-наследниц, которые будут рождаться у императоров от официальных любовниц. Потому что эти несчастные будут обречены повторять судьбу своих мам. И мне, если дяди не отвергнут «заманчивое» предложение альбиноса, уготована сомнительная честь стать первой такой мамочкой.

А я хочу этого унижения?.. Вот то-то и оно.

Совсем незаметно, на пол шага, отступаю. Убедившись, что мое движение осталось незамеченным, повторяю маневр. Может, под шумок, пока все заняты выяснением отношений, удастся выскользнуть из зала? А там видно будет.

Я успеваю отойти почти на три полных шага, однако порадоваться своей удачливости не получается.

— Ты куда собралась? Церемония еще не завершена, — интересуется приторно-ласковый женский голосок, а в плечи впиваются тонкие пальцы, не больно, но ощутимо сдавливая.

— Э-э... — замираю, принимаясь лихорадочно подыскивать убедительную причину. — Мне надо... В общем, надо!

— Ох, милая, — сочувственно вздыхает тетушка. — Потерпи. Я думаю, совсем немного осталось, — проявляет заботу и... обратно меня толкает. Зар-р-раза!

Я снова оказываюсь за спиной дяди Джаграса, правда, теперь еще и под присмотром тети. То есть исчезнуть по-тихому не вариант. Тогда как избежать незавидной участи? Устроить скандал, чтобы альбинос осознал ошибочность своего выбора и сам отказался от истеричного подарочка? А может, все же дяди расценят наглость цессянского принца как оскорбление и сами ему откажут?

Вновь сосредотачиваюсь на беседе.

— ...только на первый взгляд выглядит весьма перспективно, — дядя Ют продолжает свою речь, начала которой я не услышала.

— Однако, насколько мне известно, статус фаворитки, в отличие от статуса жены, бывает недолговечным. Верно? — подхватывает дядя Джаграс. В голосе такая явная насмешка, что мне, несмотря на непонимание намека, все равно радостно становится. Неужели не отдадут?!

— Да, от официальной любовницы можно отказаться. Но кто же в здравом уме так поступит? Ведь это будет означать потерю статуса императора, — чуть заметно, но все же теряет самоуверенность принц.

— Пока имеется возможность управлять империей, согласен, никто так не сделает. А в дальнейшем? — не сдается дядя. — Когда дочь, новая наследница, достигнет совершеннолетия и право управления перейдет вместе с ней к правящей династии другой планеты, что тогда? Бывший император тут же откажется от теперь уже ненужной ему любовницы, — резюмирует довольно жестко.

Несмотря на его тон, в интонациях цессянина я слышу облегчение.

— Ах, вот вы о чем... Но ведь и в отношении фаворитки предусмотрены гарантии. С ней жених танцует во время свадебного ритуала, после танца с невестой. А это, как вы понимаете, не только подтверждает серьезность намерений, но и навсегда закрепляет психологическую связь между ними, в отличие от временных контактов с любовницами неофициальными.

— Однако до этого момента отказ возможен? — уточняет дядя Ют.

Стараясь делать это незаметно, выглядываю из-за широкого плеча и успеваю заметить, как принц неохотно кивает. Не нравятся ему такие вопросы. Впрочем, отмалчиваться и позволять собеседникам приходить к иным выводам, нежели те, что им запланированы, он, видимо, не умеет. Потому что на присутствующих тут же обрушивается новая порция аргументов. На этот раз совсем не абстрактных, а очень даже конкретных. Предельно откровенных, я бы сказала.

— Для любой династии важнее всего сохранять преемственность. Мне нужен наследник с идеальными расовыми способностями, только тогда его примет народ Цесса. А для этого моя жена должна быть цессянкой. Именно поэтому я не имею морального права предлагать Дейлине этот статус. Но, поверьте, быть фавориткой ничуть не менее почетно. У нее будет все, что она пожелает. Дом, семья, даже моя любовь, когда закрепится связь между нами. Любовь, от которой я уже не смогу отречься. И первая же родившаяся от нашего союза девочка станет новой наследницей.

— А как же сыновья? — интересуется дядя Ют.

— Обычно сыновья от фаворитки, даже со способностями, могут претендовать на право управления планетой, только если нет сыновей от жены, — совершенно буднично поясняет цессянин. — Не думаю, что в нашем случае нужны исключения. За ними можно законодательно закрепить обязанность заботиться о сестре. Впрочем, мне кажется, что это станет для них лишь формальным требованием, если они будут следовать вашему примеру, Джаграс Гун он'Ласт. Мой отец всегда с восхищением отзывался о той преданности и любви к Огине Мео Ритон, которые лежали в основе всех ваших поступков. У меня нет никаких сомнений в том, что все мужчины — наследники имперской династии будут достойными преемниками вашей верности!

Слова пафосные, красивые, льстивые даже. Вот только почему мне в них слышится какой-то странный намек? Словно цессянин что-то знает и вот в такой своеобразной форме ставит об этом в известность. Но как же интересно! Что имел в виду принц? Сказанное больше похоже на своеобразный шантаж, нежели неловкий комплимент. Эх, жаль, я не вижу лица дяди! Зато прекрасно слышу резкий, грубый ответ:

— Не вам об этом судить.

И снова я позволяю себе выглянуть, чтобы хотя бы по косвенным признакам понять причины этого негатива. Вот только инициатива обходится мне дорого. Сиреневые глаза принца впиваются в мое лицо. И это заставляет дядюшек вспомнить, что они вовсе не на дипломатических переговорах, а на церемонии, которая транслируется на всю империю.

Ох, как же умно действует цессянин! Все продумал! Даже о широкой огласке своего предложения позаботился. Ведь если перспективы будут налицо, а регент-император их не примет, население империи может взбунтоваться. И Цесс получит власть... другим способом.

— Мы несколько увлеклись обсуждением, — спохватывается дядя Ют, разворачиваясь ко мне.

Я оказываюсь в эпицентре событий, потому что дядя Джаграс тоже отступает. Вот теперь я вижу его лицо, и в зеленых глазах мне чудится целая буря чувств, порожденных словами цессянина. А может, это просто отблески зарниц? Ведь они по-прежнему раскрашивают стены зала причудливыми картинами.

— Дейлина, ты все слышала... — Под перекрестьем напряженных взглядов я внимаю мягкому голосу регента-императора. — Ты совершеннолетняя и вправе самостоятельно принимать решения. Если тебя предложение Цесса не устраивает, можешь его отклонить.

Ага. Отклонить. Понятно. А дальше что? Гражданская война между планетами? Ведь Цесс своих планов не изменит и не преминет ее спровоцировать. Я в качестве объекта обвинений и ненависти? Потому как все будут винить в происходящем мою неуступчивость. Новый этап муштры и плена на Роотоне? Я же так и останусь его наследницей.

И не факт, что после всего и в таких условиях я смогу потом выйти замуж!

Кстати... Если мы сейчас танцевать не будем, привязки к альбиносу я не получу и буду не женой, а этой... фавориткой, от которой можно до свадьбы отказаться... Ой! Да это же замечательно! Такой изумительный шанс стать свободной! Нужно будет постараться сделать так, чтобы он меня отпустил. А в каком случае это произойдет? То есть при каких обстоятельствах цессянин отступится от своих амбиций и планов на императорский титул? Только если влюбится до умопомрачения. Значит, придется постараться и найти ему такую невесту, которая заставит его забыть обо всем, кроме нее самой.

Сложно. И результат сомнительный. Но все же реально. Да и нет у меня иного пути. А если получится, может, и я сумею найти того, кто меня полюбит и захочет видеть своей женой, а не любовницей!

— Я сделаю все, что от меня зависит, если это принесет пользу империи, — скромно опускаю глаза в пол. Вот нечего всяким наблюдательным альбиносам видеть, как в них загорается надежда. А то ведь все планы порушит, если догадается... Стоп! А вдруг у него уже есть невеста? Вдруг она тоже здесь и сейчас, прямо сейчас все закончится?!

От этой мысли, посетившей мою умную голову слишком поздно, чтобы что-то успеть изменить, мне становится не по себе. Даже в глазах темнеет, хотя, казалось бы, куда еще, в зале и так сумрачно. Что в общем-то и мешает мне понять, есть ли среди присутствующих беловолосая претендентка.

— В таком случае нововведения принимаются и будут внесены в законодательный перечень на ближайшем заседании совета на Рооотоне, — с едва заметным вздохом заключает дядя Ют. Неужели ждал, что я откажусь? Или просто жалеет, что придется отдавать императорство цессянину?

— На мой взгляд, правильнее провести его на Цессе, — неожиданно заявляет заметно обнаглевший от успешности своего предприятия альбинос.

— Совет собирается только на планете — столице империи, — строго напоминает дядя Джаграс, который на подобные выпады всегда реагирует адекватно. — А вы еще не император.

— Ах да... — спохватывается принц.

Он неожиданно отступает, оборачиваясь к стоящим за его спиной сопровождающим, а через мгновение уже шагает ко мне, протягивая в ладонях обрамленную веточкой мелкой зелени, кажущуюся невесомо-воздушной массу белых лепестков.

Цветок? Я, широко раскрыв глаза, смотрю на чудо, которое для Рооотона вообще нереально. Нет здесь цветущих растений!

— Дейлина Мео Мун, — снова повторяет цессянин, на этот раз не с вопросительной, а утвердительной интонацией, — я, Атиус Рэль ли'Тон, в присутствии свидетелей признаю вас своей фавориткой.

Ясно. Признает. Кто б сомневался, тем более я сама ему на это право дала. Но цветочек-то мне зачем вручать? Или на Цессе это такая же традиция, как и на Зогге? Там, насколько я знаю, растения являются обычным украшением. Их и в волосы вплетают, и на платья крепят. А дарят просто так, в знак симпатии.

Однако не в том я сейчас положении, чтобы задавать вопросы. Да и медлить неприлично, все же официальная церемония. Пусть и не совсем обычная. Правда, я все равно стараюсь забрать цветок, не касаясь рук дарителя. Любое физическое взаимодействие с альбиносом может мне дорого обойтись. Ведь и сама влюбиться ненароком могу. Как ни крути, а наши организмы иногда такие фортели выкидывают. В этом случае возникшая привязанность к цессянину поставит жирный крест на моем плане, который и так небезупречен.

И снова я, стараясь сделать это незаметно, пробегаю взглядом по присутствующим, чтобы убедиться, что потенциальной жены здесь нет, а время у меня еще есть.

— Где же ваша невеста? — вновь подает голос дядя Джаграс, видимо, его этот нюанс тоже интересует. А я превращаюсь в одно большое ухо, хотя и понятно: от моей

внимательности мало что зависит.

— У меня ее нет. Я полагал, сначала мне необходимо поладить с Дейлиной. Наличие второй девушки может затормозить возникновение чувств, а ведь они важны, потому что должны стать основой для нормальных семейных отношений.

Ответ принца заставляет меня ликовать. Ах ты ж умничка какой! Предусмотрительный, на мое счастье! Он не только не привез невесту на Рооотон, но даже не имеет таковой в наличии. Ура! Какое у меня широкое поле деятельности появляется!

— Похвальная забота, — на мой взгляд, совершенно искренне высказывает свое отношение к словам принца дядя Ют.

Наверняка поэтому и интонация голоса дяди Джаграса становится вкрадчивой, можно даже сказать сочувствующей, а фразы — утвердительными:

— Значит, сегодня окончательного закрепления привязки не будет. Жаль.

— Что вы имеете в виду? — мгновенно напрягается принц.

Впрочем, не он один. Похоже, никто не понимает, о чем так сожалеет мой родственник. А тот и не думает этого скрывать, потому что охотно объясняет:

— Поскольку сегодня проходит только первая часть церемонии, и она к тому же не является элементом свадебного обряда, значит, вторая часть, которая является признанием за вами статуса нового императора, а за Цессом — четвертой планеты — столицы империи, вынужденно откладывается. На неопределенный срок.

— У империи должны быть гарантии вашей лояльности, а у наследницы — стабильности ее семейного положения, — с готовностью подхватывает дядя Ют. И ведь рад, определенно рад тому, что пока остается у власти!

— Вы правы. — Гневный огонек, на мгновение вспыхнувший в сиреневых глазах, быстро исчезает, на лицо альбиноса возвращается безмятежное выражение. — Однако надеюсь, вы не будете настаивать на том, чтобы моя фаворитка оставалась на Рооотоне до тех пор, пока я не определюсь с выбором жены? Это будет жестоко по отношению к Дейлине.

Мое имя в его устах звучит настолько ласково, словно он уже влюблен по уши и жизни без меня не представляет. Сначала я теряюсь, а потом... Потом понимаю — принц снова работает на публику. Ему в глазах империянского сообщества нужно выглядеть пострадавшим. Ущемленным. Безропотно принимающим произвол нынешней власти.

И попробовал бы регент-император после подобной демонстрации заявить, что меня не отпускает! Да его бы тут же осудили его собственные подданные!

Отличные манипуляторы эти альбиносы! Я хоть и знала об этом (мне мама рассказала многое из воспоминаний прабабушки, которая имела несчастье с цессьянами общаться), но знать — это одно, а столкнуться в реальности — совсем иное. А уж наблюдать в деле...

Вот только от дальнейшего наблюдения меня очень быстро отстранили. Официальную часть церемонии закрыли. Приглашенных поблагодарили и отпустили, так ничем и не одарив, потому как повод уже не был столь важным. Озадачили тетюшку надзором за моей покладистой персоной и отправили нас в свои комнаты. Обедать. Переодеваться. Отдыхать. А сами переместились в кабинет дяди Юта. Наверняка чтобы обсудить детали, раз уж в целом ситуация прояснилась.

Четыре часа прошло, а я по-прежнему сижу взаперти. Одна. Строчки расписания в моем планнере остаются пустыми, а из комнат меня не выпускают. Я попробовала было проявить инициативу и прогуляться хотя бы по коридору. А еще лучше по дворцу. В идеале по парковой зоне вокруг него. Но тетя оказалась на своем посту.

— Разве тебе разрешили? Покажи-ка планнер... — Она словно из-под земли возникла, едва я оказалась в дверном проеме. Оттеснила меня обратно, по-хозяйски зацапала вильерер, открывая программу, и с таким укором воскликнула, словно я на величайшее

преступление решилась: — Дейлина! Что за самодеятельность? Куда ты без спроса собралась? Вдруг это не понравится твоему... — Тетя запнулась, пару секунд соображала, как же обозвать принца, и наконец выдала: — Любовнику.

Я вспыхнула. Кровь бросилась к щекам, воздуха перестало хватать, в глазах потемнело. Впрочем, последнее длилось лишь мгновение. В следующий миг лампы ярко разгорелись от той волны возмущения, которая прошла по мне. Я не взорвалась и не выплеснула свое негодование только потому, что прикрыла глаза, сжала кулаки и заставила себя дышать ровнее.

Спокойно, Дейлина, спокойно. Она тебя не провоцирует, просто не понимает, как это больно. Не зря же говорят, что рооотонцы начинают сопереживать другим, только когда у них собственные дети появляются. А до этого они эгоистичные и думают только о себе, любимых. Браки на Рооотоне заключаются исключительно при наличии выгоды для семьи. Если же девушка влюбилась, а мужчина уже женат или у него нет ни чувств к ней, ни мотивов взять в жены, тогда он просто пользуется возникшей симпатией. Несколько ночей, проведенных вместе, столько же порознь... И после этого у девушки уже нет такого сильного желания продолжать с ним отношения. А через месяц-другой она даже вспомнить не может, что ее привлекало в бывшем возлюбленном.

Бедняжка Тижина, которая на шесть лет меня старше, уже трижды ухитрялась в такую неприятную ситуацию попасть и побыть в роли любовницы. Слишком уж неосторожна подружка в общении с мужским контингентом дворца. Хотя, может, и не она в этом виновата. Часто мужчины сами девушек провоцируют. И несмотря на то что женские организмы реагируют на присутствие мужчин очень индивидуально, иногда бывает достаточно прогулки по парку, касания рук, совместного приема пищи... А уж если объятия... Считай, все. Привязанность в наличии.

Ну вот, вроде я и успокоилась. Или нет?

Прислушиваюсь к себе, стараясь окончательно подавить гневно рокошующие отголоски моего возмущения. Мама, когда узнавала, что о ней говорят что-то некрасивое, чего нет на самом деле, всегда смеялась. Хохотала от души, а потом объясняла мне, что слова ничего не значат. Реальность от этого не изменится. Умный выдумке не поверит и сам постарается во всем разобраться, а глупый... Разве его мнение достойно внимания? В любом случае вымысел ляжет тяжким бременем на совести того, кто его придумал и распространил. И сторицей вернется.

«Добро не останется безнаказанным!» — страшным голосом сообщала мне мама, а потом снова смеялась. И я вместе с ней, потому что ласковые руки щекотали, тискали, мяти, заставляли уворачиваться, вырываться и бежать к папе в поисках спасения. Он всегда был рад меня видеть, даже когда дела империи требовали от него полной сосредоточенности и самоотдачи. И не допустил бы, чтобы его дочь стала официальной любовницей.

Какое жуткое сочетание слов. Звучит как приговор. Впрочем, для меня он таковым и станет, если вовремя не избавлюсь от статуса.

— Фаворитка... — произносит в унисон моим мыслям тетя Ари. Вот только продолжение фразы доказывает, что думает она совершенно о другом: — Ну надо же, как на Цессе умно придумали! Похоже, там строго с кратковременными связями, просто любовниц не бывает, а мужчины себе вольностей и провокаций не позволяют. И если уж девушка влюбилась, то для них это не повод для удовлетворения физиологических потребностей, а большая ответственность. Как удивительно! Такая забота о чувствах женщин достойна уважения. Я буду очень удивлена, если Ют проигнорирует политику столь высокой нравственности и не примет ее законодательно как норму для империи. Хотя если не он, так его преемник это сделает. Когда ему право управления перейдет. Тебе очень повезло, Дейлина. Принц наверняка будет хранить тебе верность, даже несмотря на то, что между вами пока ничего нет. Кстати, я бы на твоём месте все сделала, чтобы побыстрее в него влюбиться. Тогда и он не останется к тебе равнодушным.

Ее эпическую речь я выслушиваю, сидя на диванчике и наблюдая, как тетюшка вдохновенно излагает свои умозаключения, в восхищении закатывает глаза к потолку и прижимает руки к сердцу. Исчезать не собирается и взад-вперед расхаживает по гостиной, демонстрируя мне свой праздничный наряд, который так и не сняла, стремясь

в точности выполнить возложенную на нее задачу и угодить мужу. Потому и воспитательной беседы меня удостоила. М-да... Как же мне жаль, что она замужем. Отправить бы ее саму на Цесс, да в эти самые фаворитки! И посмотреть, что останется от завладевшей ее душой эйфории!

Я, конечно, не знаю, может, на самом деле все так, как она говорит, но интуитивно мне почему-то в это не верится. Может, опять-таки рассказы мамы в этом виноваты? Хоть в них и не было ничего о личных отношениях цессян, только описывались черты характера и некоторые факты из истории, но они-то как раз не слишком совпадали с понятиями благородства и высокой морали.

— В твоём положении нужно вести себя умно. Прояви уступчивость. Даже если принц тебе не нравится, перебори себя, лишний раз ему улыбнись, постарайся быть ближе. Главное, не давай ему повода считать тебя неблагодарной... — продолжает нравоучение тетя и резко замолкает, останавливаясь и устремляя взгляд на мой вильерер, который ожил, издав мелодичную трель.

Очень вовремя ожил, между прочим. Потому что еще немного, и я бы точно не выдержала. И тогда тетушка, возмущенная и негодующая по поводу проявленного мной неуважения, помчалась бы жаловаться. Причем дяде Джаграсу в первую очередь. Ведь это его сестра воспитала хамку, ни во что не ставящую заботу и стремление ей помочь! И наказание должно последовать незамедлительно, дабы в зародыше подавить опасные тенденции и не допустить повторения! А потом и дяде Юту, который, выслушав жену, вне всяких сомнений, болезненно бы поморщился и простонал: «Но вы же женщины! Неужели не можете сами между собой разобраться и найти общий язык?» Он вообще никогда не стремился со мной сблизиться, даже будучи просто принцем Роотона, а не регентом-императором. Я с ним наедине ни разу не разговаривала, только в чьем-то присутствии. Он словно стеснялся того, что у его старшего брата, короля и императора, обладавшего идеальным ночным зрением, куда более острым, чем у простых роотонцев, родилась неполноценная, можно сказать, слепая дочь. Позор королевской семьи.

Именно поэтому я хватаюсь за технику как за спасение. Хоть и чувствую, что ждать чего-то хорошего бессмысленно. Разве только получится сменить обстановку и окружение. Второе особенно актуально.

— Ну что там? — торопит меня тетя, у которой любопытство всегда стояло на первом месте в жизни. Вот только в ту же секунду ее наручный браслет-коммуникатор вибрирует. Прочитав сообщение, родственница спохватывается и очень-очень быстро перемещается к двери.

— Не надейся на глупостей, Дейлина. Если что — зови, я буду рядом! — Она сопровождает свой побег очередным напутствием и исчезает в темноте коридора. Еще и дверь за собой деликатно задвигает.

Я с облегчением вздыхаю. Закрыв глаза, откидываюсь на спинку дивана, позволяя себе передохнуть, хотя времени у меня немного. Предупреждение, то есть очередная строчка в расписании, многозначительно говорящая:

«Встреча с Атиусом Рэль ли'Тоном.

Место — ваши личные апартаменты.

Продолжительность заявителем не определена.

До начала остается: шесть минут».

Цифра в последней цепочке символов выделена ярче остальных, и, пока я расслабляюсь, она успевает трижды смениться. А я решаю встретить посетителя стоя. Раз уж его присутствия рядом не избежать, так хотя бы атмосферу создам официальную. Вдруг это поможет удержать принца на расстоянии?

Оправляю юбку, прохожусь ладонями по голове, убеждаясь, что прическа не растрепалась, бросаю быстрый взгляд в зеркало... Дихол! Да что ж у меня вид-то такой испуганный? Радужки совершенно черными стали, зрачки расширились, кожа мертвенно-бледная, даже губы свой яркий цвет потеряли. Довели меня родственники

своей «заботой».

Впрочем, что уж удивляться, как я выгляжу, если в душе у меня тоже полный кавардак. Волнение, негодование, удивление, нервное ожидание, сомнения. Вдруг затея моя окажется бессмысленной и ничего не получится?.. Нет, так нельзя! Надо другие установки себе ставить. Обязательно получится!

Однако же не одна я такая решительная, но и мой... мой кавалер. Дверь отодвигает без предупреждения, хотя такая возможность и предусмотрена. Впрочем, я быстро понимаю свою ошибку в выводах. Делает это не он, а дядя Джаграс. Потому что именно его физиономия на краткий миг заглядывает внутрь и исчезает, уступая путь принцу. А тот как раз, едва перешагнув порог, куда более деликатно спрашивает:

— Позволишь?

То, что он использует неофициальный стиль в разговоре, неудивительно, но... Но мне как к нему обращаться?

— Проходите, ли'Тон, — все же тыкать ему не рискую.

Красивые тонкие губы вздрагивают и одаряют меня понимающей улыбкой. И тем не менее несколько секунд цессянин стоит молча, дожидаясь, когда же за его спиной закроется дверь. И лишь затем доказывает мне, что считает официальность в наших отношениях неуместной.

— Для тебя просто Атиус, Дейлина. Поверь, мне бы очень хотелось, чтобы наша первая встреча прошла при иных обстоятельствах и у нас была бы возможность по-другому строить отношения, но, увы, судьба распорядилась иначе. Позволишь мне сесть?

А у меня есть выбор? Все равно ведь разговора не избежать, так какая разница, сейчас он состоится или в другой день?

Внимательно слежу, как принц, следуя пригласительному жесту моей руки, подходит к дивану, на котором совсем недавно сидела я сама. Разворачивается и неторопливо опускается на сиденье, подтягивая ткань светлых брюк, чтобы не натягивалась и не создавала неудобств.

— Здесь всегда так сумрачно? Тебе неприятен яркий свет?

Атиус с любопытством осматривает гостиную, которую действительно освещает лишь несколько напольных светильников, а я спохватываюсь. Ведь тетя, когда зашла в комнату, все верхние лампы погасила. А я даже не подумала изменить настройки к приходу гостя.

— Нет. Но ко мне часто заходят те, кто его не выносит. Сделать ярче?

— Не нужно. В этом свете все выглядит так необычно и интригующе. Даже загадочно. Я просто хотел узнать твои потребности. На Цессе поддерживать постоянно такие условия было бы проблематично. Разве что во дворце. Хотя, конечно, ничего невозможного...

— В этом нет необходимости. — Может, и не совсем вежливо, но все же я его перебиваю и останавливаю. Ясно же, что он просто пытается создать у меня благоприятное впечатление о своей персоне.

— Я понял. — Атиус тут же прекращает рассуждения и меняет направление разговора: — Может, ты тоже присядешь?

Сиреневые глаза смотрят прямо, открыто, без наигранности, без скрытого намека. Он действительно просто интересуется. А когда я все же отрицательно качаю головой, столь же спокойно и прямолинейно продолжает:

— Дейлина, я не хочу, чтобы у тебя обо мне складывалось ложное впечатление, основанное на том, что ты видела и слышала. Политика не всегда оставляет нам возможность показывать себя такими, какие мы есть. Прошу тебя, не делай поспешных выводов. Я не требую принимать случившееся как само собой разумеющееся. И уж тем более не жду, что ты, забыв о своих мечтах, бросишься в мои объятия. Это было бы

ненормально. Я прошу лишь немного подождать, не закрываться, не подозревать меня в том, что я даже не планирую делать, не пытаться видеть во мне того, кем я не являюсь. А когда у тебя будет достаточно информации, я уверен, ты сможешь принять то, что произошло. До этого никто не будет на тебя давить и требовать того, к чему ты не готова. Хотя, конечно, нам все же придется придерживаться некоторых норм и традиций. Ведь наши отношения на виду у всей империи.

О как! И это все сказано искренне? Или же тщательно продумано, от первого до последнего слова.

Дихол! Мне определенно было бы проще, если бы принц продолжал демонстрировать симпатию, изворачиваться и лукавить. И пытаться сблизиться столь же явно, сколь мой дядя всегда выражал свое ко мне отношение. Но цессянин действует иначе, и невозможно понять, что на самом деле творится в его голове.

Одно понятно — вставать в позу, обвинять альбиноса в том, что он меня использует в своих целях, и категорически отвергать сделанное предложение неразумно. Мне ведь конфликт с ним не нужен, иначе план точно не сработает. Наверное, будет даже проще, если цессянин будет считать меня послушной и милой девочкой. Тогда и свобода действий у меня появится. А уж терпения и выдержки мне не занимать. За два года я себя контролировать научилась.

Главное, не перестараться, чтобы не возникло подозрений. Впрочем, принц ведь со мной раньше не общался, так что...

— Я постараюсь, — лаконично произношу, надеясь, что ему этого будет достаточно.

И не ошибаюсь. Атиус удовлетворенно кивает, правда, ранее словно задумывается на секунду. А затем так неожиданно встает, что я даже слегка теряюсь. Неужели больше ничего не скажет? Уйдет?

Действительно, говорить он не торопится. Но и покидать комнату тоже. Ободряюще мне улыбается и подходит к окну. Опираясь ладонями о подоконник, заглядывает сквозь решетку, стараясь рассмотреть в темноте окружающий мир.

— Жаль, что так темно, — констатирует разочарованно. — Я первый раз на Рооотоне, надеялся хоть что-нибудь увидеть.

— Вам не повезло, — объясняю, понимая, что он ждет от меня ответной реакции. — Сейчас начало года, сезон темени. Скоро его сменит сумрак, но он не намного светлее, потому что из спутников на небе будет один Лагс. Только через полгода появятся Родс и Дарас. Тогда три месяца будет полумрак, который постепенно сменится полусветом. А когда над горизонтом на несколько часов поднимется Поорс, начнется день и год завершится. Но в это время Рооотон становится совсем другим. Все животные прячутся, даже растения сворачивают листья, потому что яркий свет их обжигает.

— Понятно... — Принц прекращает бесполезные попытки хоть что-то разглядеть и снова разворачивается ко мне. — Как же ты столько лет выдержала? И другие, не рооотонцы. Для меня жить в темноте было бы мучением.

— Есть приспособления специальные...

— Вот эти? — моментально соображает цессянин, отыскивая взглядом лежащий на столике визор и очки, которые наверняка еще раньше заметил, когда гостиную осматривал. — Можно попробовать?

В его глазах столько заинтересованности и предвкушения, что отказать я не в состоянии. Но все же предупреждаю:

— Много вы не увидите. Дальность ограничена.

Могла бы и не стараться. Ему сам прибор интересен. Принцип работы. Тот эффект, который получается. Мужчины вообще к технике очень своеобразно относятся. С увлечением. Вот и принц, едва получив разрешение, обо всем забывает и с явным нетерпением принимается изучать визор. Даже сам находит кнопку активации и обруч на голову надевает. Правда, задом наперед.

— Переверните.

Я провожу в воздухе рукой полукруг, подсказывая, как будет правильно. А потом и вовсе подхожу ближе, чтобы помочь закрепить дужки очков в пазы. Это самому, не имея навыков, очень сложно сделать. Разумеется, осторожничаю, стараюсь минимизировать контакт и отступаю поспешно. Однако опасения мои совершенно напрасны. Принца интересует иное. Он снова шагает к окну, даже на цыпочки привстает и пригибается к самой решетке, заглядывая как можно дальше.

— А можно ее убрать? Зачем вообще... Ох! — Не договорив, он отшатывается.

Свой невольный испуг принц не пытается от меня скрыть. Не прикрывается бравадой типа: «А я специально, чтобы тебя напугать». И даже сам над своей реакцией смеется. Причем весело так.

— Вот страшилки-то! Кто это?

Цессянин уже с большей осторожностью, но все же возвращается к окну, присматриваясь к телам, копошащимся на низком внешнем карнизе. Очки показывают ему обитателей Рооотона во всей красе, а вот мне они не видны, потому что сливаются с тьмой и черным камнем, из которого выстроен дворец. Но ведь я и без этого прекрасно знаю, кто караулит и ждет появления возможности пробраться внутрь.

— Шигузути, — коротко отвечаю.

— А! Так это от них решетка! — проявляет сообразительность альбинос. — А стекло почему нет? — продолжает любопытствовать, изучая непривычный ему дизайн.

— На Рооотоне всегда тепло и влажно, а застоявшийся воздух быстро становится опасным, — снова занимаюсь просветительской деятельностью, раз уж от меня другой не требуют.

— Озеро сильно парит... — задумчиво констатирует принц, глядя на белесые клубы, рождающиеся над водной гладью и хорошо заметные даже на расстоянии. — На Цессе тоже часто бывают туманы. Особенно по вечерам.

Наконец он снимает прибор. Возвращает обратно на столик и подходит к зеркалу, чтобы поправить волосы. Опускает взгляд вниз и улыбается, потому что там в стеклянной вазе стоит то самое растение, которое я от него получила.

— Тебе понравился янрис? Это традиционный цветок для церемонии объявления девушки фавориткой.

Принц не оборачивается, смотрит на меня в зеркальное отражение, и от этого я чувствую себя не слишком комфортно. Еще и неприятное напоминание о моем статусе. Оно моментально стирает позитивное впечатление, которое успело сложиться. Зря я расслабилась и повелась на легкость и непринужденность общения.

Наверное, как я ни стараюсь контролировать выражение лица, цессянин все же что-то такое замечает, потому что резко разворачивается и делает шаг ко мне. А я от неожиданности отступаю и лишь затем понимаю, что весьма недальновидно перестала себя контролировать.

— Я же просил не придумывать ничего лишнего, Дейлина, — укоряет меня принц. — Завтра нам отправляться на Цесс, лететь на одном корабле, жить рядом. Ты так и будешь в постоянном напряжении? — Он качает головой, задумывается и продолжает: — Наверное, ты просто устала. День был сложным, я понимаю. Прости, мне нужно было просто предупредить тебя и уйти, а я тут увлекся... Надеюсь, выспишься, успокоишься и завтра все будешь воспринимать иначе. Ты успеешь собрать багаж? Много не бери, только то, что считаешь необходимым. На Цессе у тебя будет все, что захочешь.

Атиус оправляет пиджак и шагает к двери, но замирает, так и не открыв проем, а сиреневый взор вновь находит белые соцветия янриса.

— И еще... Возьми его с собой. Не оставляй здесь.

Спросить о причинах я не успеваю. Принц исчезает, а мне остается лишь послушно выполнить его просьбу, так и не узнав, что за ней стоит.

Пять. Целых пять контейнеров! А ведь меня просили не брать много. С другой стороны, они же не с меня ростом. По пояс всего. Да и шириной вполне умеренные. И вообще! Я с Роотона надолго уезжаю, возможно, больше никогда сюда не вернусь, так неужели должна что-то личное оставлять? Правильно. Не должна.

Решительно вытаскиваю в центр комнаты еще одну плоскую тару из тех, что после пробуждения обнаружила складированными стопкой в гостиной. Слуги принесли, пока я спала. Мыском туфельки давя на датчик, активируя механизм подъема и разворота стенок. Одним контейнером больше, одним меньше... Кто заметит? А у меня вон сколько еще вещей не упаковано.

Спустя час придирчиво осматриваю сиротливо опустевшие ящики, стеллажи, полки... Ничего не забыла? Хорошо, что мои апартаменты не столь уж велики и я быстро управилась. Даже поесть и привести себя в порядок успела. О необходимости прислать ко мне Луриту или Тижину дядя Джаграс то ли забыл, то ли не счел нужным этого сделать, так что прической пришлось самой заниматься. Поэтому она и вышла совсем простенькой — высокий хвост, заплетенный в косу и сколотый в нескольких местах для укорочения. Да и платье пришлось выбрать не самое изысканное, повседневное.

Надеюсь, что я своим скромным видом принца не шокирую, а процедура отлета не будет транслироваться на всю империю. Хватит с меня того позора, который я вчера пережила. Хотя, конечно, это безобразие. За весь день ко мне вообще никто не заглянул! Нет, я не против, нервомотательное присутствие дяди Джаграса мне бы только мешало, про деловые указания тети и говорить нечего, но... Подозрительно!

Окончательно убедившись в том, что мне в комнатах больше делать нечего, а в планнере по-прежнему нет указаний, иду на разведку. То есть осторожно приоткрываю дверь. Несколько секунд прислушиваюсь к топоту, голосам, шорохам, пискам, а когда где-то вдали раздается оглушительное «брям-с!» и следом сложная речевая конструкция, в основе которой отнюдь не благозвучное «дихол», а кое-что более сложное, выскакиваю в коридор.

Все еще пребывая в недоумении, главным образом от того, что меня никто не останавливает и не заставляет вернуться обратно, медленно, постепенно привыкая к полумраку и скользя рукой по стене, чтобы не оступиться, я иду в сторону чуть более светлого пятна. Оказавшись на площадке, останавливаюсь у ограждения. Присматриваюсь к темным теням, которые шустро несутся по лестнице, мечутся в громадном холле, что-то таскают, и... Да ведь это именно они создают весь этот шум!

— Я же приказал выносить их последними! Первыми те, что в моем кабинете! — доносится до меня гневный и потому весьма громкий голос дяди Джаграса.

Его самого я не вижу, но парадные двери дворца распахнуты (их очерченный искрящимися точками контур хорошо заметен на фоне темных стен), а дядя руководит процессом. И это открытие заставляет меня почувствовать беспокойство. Он тоже улетает? Надеюсь, на Ипер?

Коммуникатор на моем запястье вибрирует, приняв сигнал от забытого в комнате вильюера. «Через десять минут быть в холле. До посадки на транспортный модуль — один час», — читаю скопированное с планнера и пересланное сообщение.

— Ох, ты уже тут! — раздается утомленный голос оказавшейся рядом со мной Тжины. — Хорошо. А то меня к тебе послали. Ты очки будешь надевать? — Подруга скользит быстрым взглядом по мне, отыскивая прибор, который я даже не подумала взять и уже упаковала. — Нет? Тогда подожди, я быстро. Только маркеры-идентификаторы на твои контейнеры поставлю и провожу тебя.

— Подожди! — Я успеваю схватить ее за руку и остановить, прежде чем она убежит. — Захвати мой вильюер, пожалуйста. Он на диване в гостиной. Кстати, а что там происходит? — Киваю, указывая в сторону холла.

— Твой дядя вещи собирает. Весь дворец на уши поднял. Мы почти не спали, отыскивая все, что он приказал найти и упаковать.

— Вижу. — Я улыбаюсь ее горячности. — А куда он улетает?

— Так это... — Подружка теряется, вероятно только сейчас поняв, что я не в курсе. — Он же тебя сопровождает на Цесс.

Рука Тижины выскальзывает из моих пальцев, и девушка исчезает в темноте. А я со вздохом возвращаюсь к созерцанию суматохи и хаоса. Вот так, Дейлина. Думала, станешь свободной от опеки? Как же! Теперь у тебя два надсмотрщика. Псевдолюбовничек и дядя. А во всем, уверена, статус фаворитки виноват! Виноват? Да, виноват. Но он же меня и спасает! Сказал бы цессянин, что хочет видеть меня женой, пришлось бы нам танцевать, и у меня вообще не осталось бы возможности что-то изменить. А к надзору я уже привыкла.

За руку с вернувшейся подругой спускаюсь вниз, где шумиха постепенно стихает. Носильщики и багаж растворяются во тьме, окутывающей дворец, а освещение зала чуть усиливается. Так, чтобы мы могли что-то видеть, но не настолько, чтобы ослепить рооотонцев.

— Ну наконец-то! — раздраженно восклицает дядя Джаграс, срывая с головы визор и очки. Бросает на меня внимательный взгляд, замечает мою спутницу и морщится, как от зубной боли. — Тижина, вон отсюда! Хватит с Дейлины Луриты. Кстати, где она шляется? — Разворачивается и одаряет гневным взглядом своего секретаря, который немедленно принимается торопливо набирать сообщение на пластине вильюреpa.

— И Лурита летит на Цесс? — спрашиваю шепотом, обнимая подружку.

— Угу... — всхлипывает та где-то у меня на плече. — А я остаюсь во дворце. Мама сказала, что договорилась и меня возьмут на должность компаньонки для Ари. Дей, мы же увидимся снова? Правда? Ты сможешь прилететь?

— Обязательно, — оптимистично говорю, хотя в том, что смогу свое обещание выполнить, у меня огромные сомнения. А когда она уходит, подстегиваемая недовольным рыком иперианина, украдкой вытираю слезы. Мы столько лет провели вместе, а нам даже попрощаться толком не позволяют.

Поселившееся в душе беспокойство теперь не отпускает. Дядя ведь категорически не хотел, чтобы я брала Луриту с собой. Что изменилось?

— Ах, как же изменился дворец с вашим отъездом! Стало так пусто! Мы будем скучать без вас, Джаграс. И тосковать без нашей милой Дейлины! — неприятным резонансом отражается от стен звонкий, полный трагических ноток голос. Это тетя Ари в сопровождении мужа и еще нескольких придворных соизволила нас проводить. Ее пухлые губы растягиваются в улыбке, а в глазах светится радость, которая никак не соответствует ни тону, которым сказаны эти слова, ни их смыслу. Наверное, именно поэтому дядя Ют старается побыстрее оттеснить жену и принять удар на себя.

Прощается он сухо. По-деловому. «Удачи» — единственное напутственное слово, которое я от него получаю. Он все еще держится гордо, в соответствии со своим статусом, но я вижу легкую неуверенность и скованность. Дядя Ют знает, что вскоре потеряет половину имеющейся в его руках власти. Наверняка для того дядя Джаграс и летит на Цесс — чтобы контролировать, как цессянин выполняет свои обещания. Или даже ускорить их выполнение. Последнее, кстати, крайне нежелательный для меня вариант. Мне время нужно. Сомнительно, что принц будет настолько беспечен, что вот так сразу позволит мне влиять на его личную жизнь и выбор. Завоевывать это право придется. Хоть пока и не совсем ясно, каким образом.

Занятая своими мыслями и планами, не замечаю даже, как с нами прощаются остальные. Как дядя отчитывает задержавшуюся Луриту. И как оказываемся на скользущке, тоже лишь мельком отмечаю. Зато в полной мере, широко раскрыв глаза, всматриваюсь в темное звездное небо, в контуры гротовых поднятий, в отражения далеких светил от водной глади. Глубоко вдыхаю теплый воздух, пропитанный влагой и привычными ароматами преющих на берегу водорослей. Мне хочется все это

прочувствовать, запомнить, зафиксировать в памяти. В последний раз. Я ведь могу никогда больше сюда не вернуться.

Роотон. Не столь щедрый по отношению ко мне, не давший всего того, что дал остальным, но... Но это моя родная планета. Я здесь появилась на свет. Я внешне такая же, как другие жители. У меня черные волосы и глаза, светлая кожа, небольшой рост... Ну да, я слепа в понимании роотонцев и не могу, как они, наслаждаться жизнью на планете в полной мере, но все равно я ее очень люблю! И я здесь была счастлива несмотря ни на что.

На краткий миг меня охватывает щемящее чувство тоски, страстное желание взять кусочек планеты с собой. Не ракушки, которых я немало собрала, и не камушки, в изобилии рассыпанные в гротах. Что-то другое. То, что жило бы вместе со мной, радовалось, огорчалось, дышало... Шигузути? Их всегда и везде много! Сойду со скользущи, когда остановится, отойду в сторону, пока все загружаются... Мне нужно будет совсем немного времени, обязательно какой-нибудь малыш примчится и на меня залезет.

От этих мыслей даже показалось, что светлее стало. Словно Лагс появился на небе раньше времени, чуть заметно, но все же осветив сумеречную поверхность и сделав видимым силуэт ожидающего нас впереди космического транспортного средства. Вот только корабль столь же быстро вновь сливается с окружающей тьмой, а вместе с ним исчезает и мое воодушевление. Нет. Нельзя. Не имею я права лишать живое существо привычной ему жизни и обрекать на мучения. Хватит того, что это делают со мной. Тем более я все же имею силы и возможность бороться и даже в некоторой степени улетаю добровольно, а бедный шигузути будет лишен выбора.

Приняв решение, по сторонам уже даже не смотрю. Спрыгиваю с подножки на камни, жду, пока выгрузятся остальные, раскроются створки корабля и нам навстречу выйдут те, кто ждал внутри: принц, сменивший парадный костюм на более удобный мундир, правда, тоже белый, и его спутники в серой военной форме.

— Что это значит?! — неожиданно вместо приветствия возмущенно заявляет Атиус, останавливаясь напротив и впиваясь гневным взглядом в лицо дяди. — Четырнадцать тонн груза! Вы в своем уме?

— По-вашему, наследница — бедная родственница и должна во всем зависеть только от вас? Или для вас проблема доставить все на Цесс? — В интонациях дяди появляется насмешка.

— Я в состоянии обеспечить свою семью! — категорично отрезает альбинос. — Ваш груз полетит вторым транспортником и на другом крейсере. Основной заберет только ипериан и минимум багажа. У вас пять минут, чтобы отобрать нужные контейнеры. Иначе останетесь без вещей на время полета!

Он резким жестом указывает на освещенные включившимися прожекторами, складированные чуть в стороне объемистые ящики. Увидев их, я в ошеломлении приоткрываю рот и, кажется, бледнею. Да среди этой горы то, что я собрала, капля в стакане воды!

— Дейлина?..

Потрясенно взирая на багаж, я не сразу соображаю, что ко мне обращается принц. А когда прихожу в себя, вздрагиваю — он совсем близко стоит и, чуть склонившись, пытается поймать мой взгляд.

— Тебе плохо? — спрашивает с беспокойством. Мягко, заботливо настолько, что я теряюсь и даже дышать чаще начинаю, потому что сердце колотится с бешеной скоростью. — Ты спала нормально? Встала не слишком рано? Поела? Погуляла в парке? — продолжает волноваться альбинос. Смотрит на мое платье, прическу, резко распрямляется, оборачиваясь к дяде, и вновь с едва сдерживаемым гневом интересуется: — Вы что с ней сделали? Почему у нее вид такой замученный?!

— Замученный? — с удивлением переспрашивает дядя, присматриваясь ко мне. Видимо, ничего криминального не обнаруживает и пожимает плечами. — Нормальный вид.

Обычный.

Как принц не вспылil после этого, уму непостижимо. Однако испепеляющего взгляда дядюшка не избежал. И негромкого, холодного предупреждения:

— Три минуты.

Мы с Атиусом остаемся наедине (его охрана не в счет), потому что все будущие пассажиры моментально исчезают. И я их понимаю: это ужасно — весь полет провести в одной одежде и без личных мелочей! Именно поэтому тоже торопливо шагаю следом в надежде, что мои контейнеры не оказались погребены под этими завалами.

— Дейлина! — останавливает меня недоумевающее восклицание. — Ты куда?

— Искать свои вещи. — Поднимаю голову, понимая, что принц меня догнал, на месте не остался.

— А Джаграс разве с этим не справится?

— Вряд ли.

Уж не знаю, что в моих интонациях слышится цессянину, но решение он принимает быстро:

— У тебя есть номера нужных контейнеров? Идентификаторы?

Я тоже не особо медлю. Отдаю ему брелок-активатор, который Тижина принесла мне вместе с вильерером. Атиус, включив прибор и увидев коротенький список, смотрит на него в сомнении.

— Это все? Так мало?

— Вы сказали много не брать, — напоминаю и лишь потом, когда он изумленно на меня смотрит, понимаю: принц на самом деле полагал, что почти все привезенное дядей Джаграсом «богатство» я для себя собрала.

— Керас! Займись, — коротко приказывает альбинос.

Отдав брелок моментально отреагировавшему цессянину из своего окружения, он тут же о нем забывает. А мне предлагает в качестве помощи руку, на которую я и опираюсь, потому что отказываться не имею права. Хорошо хоть контакт этот безопасный. Одежда защищает. Да и вообще влечение касанием рук очень редко стимулируется. А кожа на ладонях в этом смысле вообще малочувствительна. В отличие от лица, например.

— Идем. Не волнуйся, все принесут, всех разместят, никого не забудут. У меня хороший штат, — успокаивает Атиус, заметив, что я нерешительно оглядываюсь и слегка торможу. — Твоя компаньонка будет жить рядом. Лурита, правильно? В любой момент сможешь ее позвать.

— А дядя? — не удерживаюсь от вопроса.

— Ты хочешь, чтобы и он был поблизости?

— Нет.

— Вот и отлично, — улыбается принц.

Узкий, гладкий, как труба, коридор, в котором мы успеваем сделать не более десятка шагов, заканчивается туго натянутой полупрозрачной пленкой. За ней видны лишь искаженные силуэты, впрочем, при нашем приближении она моментально лопается. Растекается в стороны и открывает моему взгляду объемное и сложное по своей конструкции многоярусное помещение. Шесть расположенных по окружности очень толстых и закрученных спиралью механизмов в два моих роста. Между ними — непонятного назначения штыри и выступы, которые повторяются и на стенах. А над ними, то есть фактически над нами, — прозрачный потолок, по которому ходят цессяне в форме. Видимо, экипаж. Даже кресла управления видны и обзорный экран.

— Хочешь туда? — замечает мое любопытство принц. — Или проведем подъем и перелет до крейсера в старт-капсуле?

— Туда, — отвечаю быстро, пока он не передумал. Во-первых, наверху интереснее. Во-вторых, если капсула для нас двоих общая, то мы там окажемся в тесной близости друг к другу. А это риск.

Не знаю, как насчет второго, а вот насчет первого я оказываюсь совершенно права. В рубке управления не просто интереснее. Там захватывающе! Примечателен и способ туда попасть — один из спиральных механизмов оказывается изнутри полым и с легкостью поднимает нас наверх. Не менее увлекателен экран, на котором разместились объемные изображения транспортника на планете, крейсера в космосе, соединяющий их маршрут и цепочки меняющихся символов с параметрами и данными. Заняты даже кресла, стоящие по периметру зала, — мягкие, словно сделанные из прозрачного геля. В одно из них меня и помещают, фиксируя эластичными ремнями.

— Удобно? — опираясь на подлокотники, Атиус склоняется ко мне. И вроде как по делу, проверяя надежность креплений, но... Но дыхание такое близкое, волосы, которые достают ему до плеч, падают, почти касаясь моей щеки, а запах... Я только сейчас в полной мере почувствовала, насколько приятный аромат от альбиноса исходит. Сладковатый, терпкий, с легкой горчинкой. Притягательный до умопомрачения. Я едва не потянулась следом, когда принц отстранился.

Смешно, но именно фиксаторы меня спасают. На напряжение мышц они реагируют еще более сильным натяжением, удерживая тело в прежнем положении. Этого мне хватает, чтобы вернуть себе адекватность восприятия и сообразить, что цессянин очень умело использует весь арсенал имеющихся у него возможностей, чтобы я почувствовала к нему влечение, и не намерен ограничиваться лишь прикосновениями. Да, не торопится, но намерения налицо.

Удивляться тут нечему, а вот осторожнее быть придется. Расслабилась я совершенно напрасно.

Хорошо хоть Атиус отстраняется, решив, что на первый раз воздействия достаточно. А потом и вовсе отходит к группе цессян, что-то активно обсуждающих у дуговой светящейся конструкции. Негромкий разговор мне почти не слышен, да и тишина в помещении весьма условная — его заполняет мерный гул на низких частотах. Так что мне ничего не остается, кроме как вернуться к изучению обстановки.

Сквозь прозрачный пол вижу, как в спиральной тумбе под моими ногами пропадает изумленно озирающаяся Лурита. В соседнюю забирается мрачный дядя на пару со своим секретарем, а за ними следом еще двое ипериан из прислуги. Успели, видимо, справиться за отведенное время. И даже несколько контейнеров замечаю, правда, они с помощью другого механизма исчезают в недрах транспортника.

А затем пространство внизу темнеет, да и внутри рубки свет приглушают. Готовясь к старту, беловолосые цессяне не торопятся, действуют слаженно и четко. Быстрые точные приказы. Краткие внятные подтверждения. Уверенные лаконичные доклады. И иерархия управления налицо. Капитана — высокого худощавого мужчину со впалыми щеками, острым носом и пронзительным взглядом, ни с кем не перепутаешь. Да и головной убор только у него и принца отсутствует, все остальные либо в шлемах, либо с обручами, в некоторой степени похожими на мой визор.

Наконец и этот этап пройден. Легкая дрожь, сначала едва ощутимая и почти незаметная на фоне гула, становится явной, усиливается и превращается в равномерную вибрацию. Все, кто до этого времени стоял на ногах, теперь предпочитают занять такие же кресла, как то, в котором сижу я. Атиус опускается в соседнее.

— Ты ведь еще не поднималась в космос? — интересуется, устраиваясь удобнее. — Это не страшно, — зачем-то успокаивает, когда я отрицательно качаю головой.

А я и не боюсь. И вовсе не поэтому никогда не улетала с Роотона. Просто папа убедил маму, что у нее не проявились способности ипериан именно потому, что она слишком много в молодости путешествовала. Вот кого-кого, а ее было не удержать. Свою бабушку на Зогге она чуть ли не каждый год навещала, для этого даже специальную надводную

станцию-город построили. И на Рооотон до свадьбы прилетала дважды, когда тот присоединился к империи. То есть вывод отец сделал простой: чтобы я могла видеть как все рооотонцы и у меня развились способности к ночному видению, покидать планету до совершеннолетия мне нельзя. По факту вышло, что он ошибся, но ведь, как говорится, не проверишь — не узнаешь. А мама папу любила и с ним единственным никогда не спорила.

Вот только рассказывать все это Атиусу я не собираюсь. Не тот у нас уровень отношений, чтобы я могла альбиносу доверять. Поэтому просто мило ему улыбаюсь, надеясь, что он сочтет это благодарностью за заботу и морально успокоится.

А когда корабль вздрагивает и ускорением нас вжимает в кресла, я во все глаза смотрю на развернувшуюся на экране объемную картинку заполненного звездами космического пространства. Совсем черная планета, сопровождаемая тремя столь же темными спутниками, сдвигается в сторону, а вдали появляется крошечный, но более яркий Поорс. Рооотон сейчас от него в самой дальней точке орбиты и движется очень медленно. А когда приблизится к светилу, разгонится и стремительно пронесется мимо, чтобы не сгореть и как можно скорее оказаться в спасительной холодной тьме.

Вот и моя жизнь с появлением цессянина стремительно набирает скорость. Он не хуже звезды притягивает к себе!

И ведь, если не успею проскочить мимо, захватит тяготением, заставит вокруг себя вращаться, так же как и свою будущую жену, и уже не отпустит. А я хочу быть любимой и единственной, а не беспросветно влюбленной, на вторых ролях и зависимой от него! И все-все ради этого сделаю!

Где же ты, мое настоящее счастье? Я иду тебя искать!

ГЛАВА 2

Шесть, семь, восемь, девять, десять, мне б кого-нибудь приметить

— Шесть дней? Так быстро?

— Это не слишком быстро.

— Но ведь тридцать световых лет...

— Скоростной рейдер-одиночка преодолел бы их за шесть часов. Но он маленький, а я больше всего ценю комфорт. Поэтому мы летим на крейсере. К тому же нам некуда торопиться.

Лекцию я выслушиваю терпеливо и более не перебиваю. Во-первых, Атиус и так сказал то, что я хотела узнать, а во-вторых, идти рядом с ним сложно и сосредоточению этот процесс не способствует. Шаги у цессянина большие, мне приходится делать два, а иногда и три на его один.

Хорошо, что наша цель не так далека — из ангара, где пришвартовался транспортный корабль, до жилых отсеков нас доставило устройство, похожее на коротенькую скользяшку, а сектор, где мне предстояло поселиться, находился всего в паре минут ходьбы от входа.

Любопытный дизайн у цессянского корабля. Проем, закрытый все той же полупрозрачной, растекающейся в стороны пленкой. За ним помещение, заполненное голубовато-зеленым светом, растениями и мягкими диванами. От него начинаются несколько широких коридоров, расходящихся радиальными лучами.

В один из них Атиус меня и провожает. Предупредительно показывает, как открывать проем, заходит следом, ждет, пока я освоюсь в новом для меня интерьере. Необычно светлом, слепяще-белоснежном, изобилующем отражающими поверхностями, плавными линиями и упругими материалами.

— Нравится?

— Здесь очень... светло. — Стараюсь ответить деликатно, хотя приходится щуриться и отворачиваться от рождающихся со всех сторон ярких бликов. Оказывается, сложно выносить столько света сразу.

— Освещение можно делать мягче.

Одно быстрое скользящее движение его ладони по стене, и, к моему невероятному облегчению, смотреть становится легче.

— Да и каюту можешь выбрать в другой цветовой гамме, если такая не устраивает, — продолжает принц. — Просто это оформление мое любимое, а ты, когда мы обсуждали в твоей комнате яркость света, сказала, что нормально его воспринимаешь. Вот я и подумал... — Он разводит руками и заканчивает: — Извини, если ошибся.

— Да, я говорила, — соглашаюсь, осознав, насколько была беспечна в своих высказываниях. — Но не думала, что его будет так много. Мне нужно время, чтобы привыкнуть.

Осматриваю помещение снова, подсознательно ощущая какую-то неправильность. Только в чем она? В том, как нелепо я смотрюсь в своем черном платье на этом белом фоне? Или в тех словах, что он сказал?

Прислушиваюсь к ощущениям и соображаю — второе. Они ведь звучат как намек!

— Атиус, если эта каюта вам нравится, вы ее и занимайте, а меня поселите в другую, — делаю вид, что я его не поняла.

— Я надеялся, что ты согласишься со мной... — Принц на мгновение замолкает, словно задумывается. И у меня рождается нехорошее предчувствие, что он сейчас скажет «эту комнату». Но слышу иное: — Мои вкусы. Однако настаивать не буду. Может, со

временем твои предпочтения изменятся.

В итоге оказываюсь я в каюте иного дизайна, расположенной рядом с первой. Да, тоже светлой, оформленной в приятных оттенках желтого и зеленого. Бледных, но все же более привычных, нежели экстремально-белый. Хотя и не столь ярких, как те, что любят ипериане.

Заверив цессянина, что здесь мне будет вполне комфортно, я с нетерпением жду, когда он уйдет. День был насыщенный, долгий. Хочется уже привести себя в порядок. С вещами разобраться. Поест. И отдохнуть. Хотя я и успела подремать немного в кресле транспортника, но ведь это не полноценный сон.

Проявив понятливость, принц именно так и поступает. Уходит, предварительно коротко объяснив, где находится все, что мне необходимо.

Сначала я стою неподвижно, не в силах заставить себя хоть что-то начать делать. Мне не верится, что вот она — другая жизнь, другой мир, другие надежды. Все совсем иное! Медленно, словно не веря ощущениям и самой себе, скольжу ладонями по гладкой поверхности стен, бархатным на ощупь обивкам, прохладным поверхностям. Долго рассматриваю отражение в зеркале, привыкая видеть себя в ином окружении. Заглядываю в смежные помещения. Столовая. Ванная. Гардеробная...

О, наконец моя пассивность сменяется бурной деятельностью! Все мои контейнеры здесь стоят, и, уверена, даже если бы я взяла с собой больше, они бы тоже поместились. Я без проблем добираюсь до того, в котором моя одежда и личные вещи, и принимаюсь перебирать содержимое, отыскивая нужное. Разбирать его сейчас полностью не буду, хотя здесь удобные вешалки и полки много. Мне бы только взять то, во что переодеться после ванны. А с остальным Лурита поможет, когда...

Ой! Схватив что-то мягкое, гибкое и прохладное, которое принимается шипеть и извиваться, испуганно взвизгиваю и отдергиваю руку. А потом нервно смеюсь, опускаясь на колени рядом с контейнером.

— Ты-то как сюда попал? — Успокоившись, присматриваюсь к копошащемуся в белье черному тельцу. — Не помню, чтобы я тебя сюда укладывала.

Протягиваю руку, позволяя шигузути залезть на ладонь. Тот немедленно вцепляется в нее всеми коготками и замирает, тесно прижимаясь к коже и пытаясь согреться. Даже хвостик так плотно лежит, что, кажется, оторвать малыша от меня будет невозможно. Замерз, бедолага.

Мне в пользование остается только одна рука. Хорошо, что правая. Захватив с собой вещи, перемещаюсь в ванную комнату. Приноравливаюсь к панели настроек, соображая, какие именно датчики нужно активировать. Наконец с облегчением вижу, как в углубление пола устремляется водный поток. У цессян в этом смысле ничего принципиально нового не придумано.

А вот с раздеванием проблем больше. Снять платье со шнуровкой по бокам, будучи ограниченной в возможностях, сложно. Я даже всерьез начинаю задумываться, не позвать ли на помощь подругу, но в итоге все же справляюсь. Забираюсь в горячую воду — сначала сама сажусь, потом осторожно опускаю руку, стараясь, чтобы голова Шигузути осталась на поверхности. Если хочу нормально мыться, мне его нужно побыстрее согреть. Тогда сам отцепится.

Несколько минут, и малыш оживает. Сначала открывает глазки, потом поводит мордочкой, принюхиваясь и соображая, куда попал. В итоге издает негромкое «гуррррр» и радостно бьет хвостиком по поверхности воды.

— Ладно, ладно, хватит! — смеюсь, закрываясь другой рукой от брызг. — Я тоже тебя узнала! Только что ж ты именно ко мне прицепился-то?

Удивительно, но это ведь тот самый малыш, который на мне спал. А я еще недоумевала, куда он потом исчез! Решила, что в коридор убежал. И именно он на меня в гроте залез. Пятнышко на кончике мордочки очень уж примечательное. Да, я малыша на уступ посадила, но он, видимо, успел-таки спуститься и на платье зависнуть. Оттого и в

комнате оказался. Вот экстремал-путешественник!

— Глупый, — качаю головой и поднимаю руку, чтобы душ прекратился. — Что теперь делать? На Роотон я тебя вернуть не смогу.

Проблема волнует только меня. Шигузути лишь беспечно по очереди встряхивает задними лапками, избавляясь от капелек, которые скатываются по его чешуйчатому тельцу. Забирается выше и с любопытством смотрит вниз.

— Иди-ка пока погуляй. — Со вздохом пересаживаю его на бортик, плавно переходящий в пол комнаты. — Надеюсь, не сбежишь? Ищи тебя потом...

Опасения мои оказываются напрасными. Шигузути то неторопливо прохаживается, поглядывая по сторонам, то переминается, примериваясь, как бы половчее на меня прыгнуть, то сидит смирно, наблюдая, как я намыливаюсь. В общем, удалиться от облюбованной грелки даже не собирается.

Пока вытираюсь и надеваю белье, малыш, демонстрируя намерение оказаться на мне, бегаёт кругами, задирая мордочку и поднимая передние лапки. Успокаивается, только когда я усаживаю его на плечо. Сначала терпеливо сносит неудобства, ведь я продолжаю двигаться, занимаясь волосами, а затем, решив найти себе более удобный плацдарм, сползает на одну из чашечек корсета, поддерживающую грудь, и принимается там обустраиваться. Деловито утаптывает кружева, а когда я накидываю на плечи халатик и завязываю пояс, еще и высовывается через вырез, словно проверяя обстановку, чтобы потом спрятаться обратно.

Ну все. Я себя питомцем обеспечила. Он себе жилье нашел. Осталось поесть, а то мы ведь оба голодные. В природе шигузути насекомых ловят, но я как-то сомневаюсь, что они водятся на корабле. Надеюсь, малыш найдет для себя приемлемую замену из тех блюд, которые будут в наличии.

Предвкушая приятное времяпрепровождение, беспечно раскрываю проем, захожу в столовую и замираю в недоумении. За накрытым столом, неторопливо дегустируя ужин, сидит Атиус.

— Э-э... — теряюсь, соображая, может, я не в ту дверь зашла? Тогда в какую нужно? Мне ведь именно на эту указывали. — Простите... — пытаюсь прояснить ошибку.

— За что? — удивляется принц, не дослушав. — Проходи.

Поднимается с места, огибает стол и отодвигает стул, недвусмысленно предлагая мне сесть.

— Но... — Я теряюсь еще сильнее, отступая к выходу. — Это ваша столовая.

— Почему моя? — продолжает изображать недоумение альбинос. — Наша общая. Тебе за эти дни нужно привыкнуть к моему присутствию. Ты же моя фаворитка, и на Цессе никто не поймет, если мы будем питаться в разных помещениях. Спать можешь в собственной спальне, это традициями допускается. Тебе Джаграс разве об этом не говорил?

Отрицательно мотаю головой, лихорадочно соображая, что же можно ему противопоставить. Знала бы заранее, наверняка придумала, а так... Ну, дядюшка!

— Не страшно, я все тебе расскажу сам, — успокаивает меня цессянин. — Может, ты все же сядешь?

Именно это я и делаю, не найдя достойного повода для отказа, а также памятуя, что злить и стимулировать подозрительность принца мне невыгодно. Наоборот, узнать нужно как можно больше. Значит, пусть инструктирует — первоисточник всегда ценнее транслятора. Лишь бы сказал все как есть и больше ничего не утаил. Не хочется часто попадать в такие ситуации.

Вернувшись на свое место, принц спокойно и молча продолжает ужинать. На меня не смотрит, уделяя все внимание блюдам, а я старательно отвожу взгляд и никак не решаюсь начать. Прием пищи — очень личный процесс. Мама объясняла, что он тоже

сближает мужчину и женщину, несколько иначе, чем танец, в каком-то ином смысле. Не объясняла, в каком именно, но улыбалась загадочно и нежно, а в глазах появлялись лукавые искорки. Однозначно приятные воспоминания рождались у нее при мысли о совместных трапезах с мужем.

Я же пока ничего хорошего в этом не видела. Не чувствовала ничего, кроме неудобства и раздражения. И вообще не хотела никакого сближения. А вот есть — очень даже! Запахи в столовой умопомрачительные. Наверняка продукты на Цессе иные, нежели на Рооотоне, но, приготовленные, они пахнут и выглядят ничуть не менее аппетитно.

Зеленые шарики, обильно политые розовым соусом и украшенные фиолетовыми листиками какого-то растения. Очень тонкие белые палочки, обсыпанные мелкими красными крошками. Скрученные в спиральки пластинки вяленого белого мяса. Желтые ягодки в прозрачном сиропе. Оранжевый фрукт, нарезанный на дольки. Такого же цвета напиток в высоком графине и бокале передо мной.

У меня от всего этого кулинарного великолепия голова идет кругом, рот наполняется слюной, а желудок принимается недвусмысленно намекать, что в угоду его потребностям иногда можно и пожертвовать нравственностью. Однако же первой теряю голову и забываю о приличиях вовсе не я. Шигузути!

Почувствовав запахи, малыш быстро и ловко выбирается из своего «домика» на край халата, замирает на секунду, выбирая тактику и маршрут, а затем срывается с места, избегает мне на плечо, а с него уже мчится вниз по руке и прыгает на стол.

Именно в тот момент, когда черная глянцевая тушка оказывается на светлой скатерти, покрывающей столешницу, Атиус замечает еще одного сотрапезника. Его вилка со звоном падает на тарелку, стул с неприятным скрежетом прокатывается ножками по глянцевому полу, отъезжая назад, а сам цессянин оказывается на ногах. На лице и в глазах явственно читаются изумление и недоумение, впрочем, они очень быстро сменяются растерянностью. Альбинос вспомнил увиденное за окном и теперь пытается придумать, что же с неожиданным гостем делать. Решение находится быстро: принц хватает тяжелую вазу с фруктами, вываливая их на стол, и заносит над шигузути. То ли поймать хочет, то ли придавить.

— Нет! Не надо! — испуганно вскрикиваю, прикрывая неразумное существо руками. — Он не опасный.

— Ручной? — Атиус, помедлив, с облегчением ставит обратно вазу и возвращается на стул. Теперь и он с любопытством смотрит, как шигузути выбирается из-под моих ладоней и целенаправленно топает к мясным спиралькам.

— Да, — решаю, что не слишком-то и лгу.

— Почему меня не предупредила, что его взяла?

Расспросы принимают не самое приятное направление, но посвящать цессянина в нюансы моего знакомства с питомцем я не собираюсь. Вариантов, как действовать дальше, у меня два. Первый — обвинить альбиноса в том, что он меня тоже о многом не предупредил. Второй — кардинально изменить намерение мужчины докопаться до истины. Сделав выбор в пользу последнего, изображаю на лице виноватую растерянность.

— Простите, — тихо извиняюсь, стараясь, чтобы в интонациях принц услышал раскаяние. — Я не подумала...

Сработало? Бросаю кроткий взгляд из-под опущенных ресниц на своего визави и понимаю — сработало. На тонких губах блуждает покровительственная улыбка, в сиреневых глазах плещется снисходительность к маленьким женским прихотям и слабостям... Прелесть!

— Надеюсь, он у тебя один? — строго, но с нотками безграничного терпения вопрошает цессянин. — Хорошо, — продолжает, когда киваю. — А ты уверена, что еда...

Принц замолкает, и в наступившей тишине явственно слышится размеренное «хрум... хрум...». Шигузути не стал ждать, пока ему предложат присоединиться к ужину. Нагло

ставив с тарелки на стол кусочек мяса, прижал его одной лапкой и теперь, склонив голову набок, чавкая и жмурясь от удовольствия, грызет вкусняшку.

Покачивая головой, но так и не прокомментировав происходящее, Атиус вновь берется за приборы. Ест он с прежней неторопливостью, периодически поглядывая на шигузути. Я тоже не остаюсь в стороне, пользуясь тем, что малыш отвлекает внимание.

— Дейлина, а что ты знаешь о фаворитках? — неожиданно интересуется принц.

Вопрос застает меня врасплох. Во-первых, я думала, мне будут рассказывать, а не выпытывать у меня информацию. Во-вторых, я ведь в этот момент как раз с наслаждением жевала сочную кисло-сладкую зернистую массу, из которой слеплены зеленые шарики. А как отвечать, когда рот занят? Вот они — прелести совместных ужинов! Ну и в-третьих... Что знаю? Да ничего, по сути, не знаю. Только то, что они на Цессе есть. Мне ведь дядя другую судьбу обещал, когда рассказывал об отношениях цессян. Ну и еще я о том в курсе, что от фаворитки до свадьбы отказаться можно. Этот аспект очень уж недвусмысленно на церемонии обсуждался.

Вот только выдавать свою вопиющую безграмотность в столь важном вопросе чревато. Вдруг любовничек решит этим воспользоваться, чтобы привязать меня к себе? Потом претензии предъявлять будет поздно.

Поэтому вид принимаю самый невозмутимый. Откладываю в сторону вилку, дожевываю, проглатываю и деловито сообщаю:

— По всей видимости, меньше, чем должна, но все же больше, чем ничего.

Ответ мой заставляет Атиуса задуматься. Размышляет он так долго, что я не выдерживаю и принимаюсь хрустеть белыми палочками, запивая их соком. Очень уж заразителен пример шигузути, который с сытым отвращением посмотрел на мясную спиральку, со всех сторон им лично обкусанную, решил, что этого деликатеса с него достаточно, соответственно потерял к нему интерес и, доковыляв до фруктовой дольки, впился в нее зубками.

— Значит, знаешь, что у тебя может быть свой дом.

И снова цессянину удается застать меня врасплох в самый неподходящий момент. Однако же напиток я ухитряюсь допить, не расплескав, и вернуть стакан на стол.

Нет, не знаю. Но факт любопытный.

— Да, — скромно опускаю глаза, но тут же широко их распахиваю и поднимаю голову, уточняя: — А у вас уже есть второй дворец? Вы меня сразу туда поселите?

Интонацией выделяю два слова «уже» и «сразу». Наглость — второе счастье. Это я на примере дяди Джаграса поняла, когда тот, по сути, ни у кого не спрашивая, вселился в комнаты родителей, едва стало известно об их гибели. И вообще, нечего альбиносу расслабляться и считать меня легкой добычей. Пусть проявит изобретательность в завоевании доверия фаворитки! Раз уж в придачу ко мне империю получает. Конечно, не факт, что она ему достанется, но видимость-то нужно создать соответствующую.

А вот реакция Атиуса на мое заявление совсем не такая, какой я от него жду. Мне казалось, он должен либо стушеваться, если ничего подобного у него нет, не планировалось и вообще мои запросы нереально высоки, либо с апломбом заявить, что все в наличии имеется, то есть я в своих предположениях не ошиблась. Однако...

— Так и знал, что Джаграс все подаст в неправильном ракурсе! — сквозь зубы с негодованием цедит принц и возмущенно прикрывает глаза. Впрочем, раздражение исчезает, а взгляд смягчается, едва цессянин возвращается к разговору со мной. — Да, у меня несколько резиденций, но прошу тебя, Дейлина, не переживай на этот счет. Я тебя одну не оставляю. Ты всегда будешь со мной рядом. И я обязательно выберу жену, которая станет тебе настоящей подружкой, а не соперницей.

Ага. Похоже, Атиус решил, что дядя меня инструктировал и описал все исключительно с негативной стороны. Следовательно, я расстроилась и теперь веду себя настороженно именно по этой причине. Хм... А ведь это неплохая легенда. Пожалуй, стоит принца в

этом заблуждении поддерживать. К тому же его заявление подразумевает, что выбор жены он сделает с моего одобрения. А это как раз играет мне на руку.

— Спасибо, — помедлив, я его благодарю, сохраняя видимость имеющихся у меня опасений, и стеснительно отвожу взгляд, старательно придерживаясь выбранной линии поведения. А еще требую гарантий, чтобы он потом от своих слов не отказался: — Значит, вы будете танцевать брачный танец только с той, которая примет меня как равную. И не будет считать, что фаворитка ниже по статусу. Правильно?

— Дейлина, — укоризненно качает головой Атиус, — ни одна цессянка не позволит себе считать тебя, наследницу империи, ниже себя по статусу. И уж тем более это никак не отразится на наших семейных отношениях.

Дихол! Так да или нет? Мне конкретное подтверждение нужно, а не эфемерная возможность.

— Как я могу быть в этом уверена? — позволяю себе помрачнеть и спрятаться за маской холодного неприятия. — Женщины очень разные. А вы влюбитесь, и вам станет не до выяснения того, что на уме у вашей невесты.

— Глупенькая, — снисходительно-ласково успокаивает меня цессянин. — Жениться по любви для меня непозволительная роскошь. Брак, несомненно, будет династически выгодным. Да, я готов к тому, что чувства появятся лишь спустя несколько лет после танца как у тебя, так и у нее. Именно поэтому вы обе для меня станете равны. Так что можешь не сомневаться, девушка будет к тебе относиться более чем лояльно.

Вот гад. Он не только меня, но и жену собрался использовать! Причем даже не скрывая. Но хуже всего то, что подобная расчетливость разрушает весь мой план. Я думала, хоть ко второй избраннице у Атиуса возникнут настоящие чувства, от которых он потеряет голову и забудет, что должен со мной танцевать. И это будет означать, что принц от меня отказывается и дарит свободу. Ан нет. В перспективе лишь точный и холодный расчет, а при таком раскладе я останусь фавориткой на всю жизнь. Стану любовницей прагматичного императора-эгоиста!

Возмущение в моей душе кипит, клокочет и рвется наружу, но выпустить его я себе позволить не могу. Вооружаюсь вилкой и, повертев в пальцах убийственный инструмент, накалываю на него зеленый шарик, мысленно представляя, что он не зеленый вовсе, а белый. Наглый. Вездесущий. И ушлый. Вот тебе! Одним ударом три дырки! Любопытно, как быстро регенерация залечивает раны у альбиносов?

Мое молчание Атиус воспринимает как должное. Наверняка решил, что я приняла его позицию и продолжать дискуссию нет смысла. Невозмутимо допивает сок, промокает губы салфеткой, смотрит на запястье, где красуется изящный серебристый коммуникатор, и сообщает:

— На корабле время соответствует цессянскому. В сутках у нас на два стандартных часа больше, чем у вас на Рооотоне. Я отправил на твой вильювер программу синхронизации, чтобы тебе было проще ориентироваться, и примерное расписание. Джаграс сказал, что ты предпочитаешь иметь четкое представление о том, что запланировано на день. Это необычно, но правильно, — одобряет то, к чему я вообще никакого отношения не имею, потому что жесткий распорядок — это исключительно дядюшкино ноу-хау. — Хороших снов, Дейлина. Встретимся за завтраком.

Он уходит, а я с ожесточением вонзаю вилку в последний шарик. Ну, дядя! И тут ухитрился меня ограничить! Я долго и безуспешно боролась с ним за право оставаться свободной в своих действиях, а теперь Атиус принимает эстафету? Надо с этим что-то делать! Вот посмотрю, что он там запланировал, и тогда уже над способом подумаю.

В расстроенных чувствах даже не замечаю, что заканчиваю ужинать — последние ягодки из соуса вылавливаю, потому что вкусные очень. Не хочется оставлять.

Шигузути, слизнув очередную каплю, сочащуюся из покусанного им фрукта, тоже решает, что на сегодня съел достаточно. Разворачивается, отыскивает глазами вожделенный плацдарм, прицеливается, но соображает, что прыгают на полный желудок только идиоты, и вальяжно шествует к моей руке.

— Забирайся.

Улыбаюсь, подставляя ладонь, чтобы ему было удобнее. Устроив малыша на плече, отправляюсь в свою комнату. Плотно закрываю дверь, выключаю верхний свет, оставляя только напольный. Сдвинув в сторону легкую перегородку, ограничивающую спальню, пересаживаю шигузути на кровать и сбрасываю халатик. Отчаянно зевая, все же заставляю себя посетить ванную комнату, прежде чем без сил падаю на мягкий матрас и закрываю глаза.

Спать хочу до умопомрачения...

— Семь часов! Подъем!

Забираюсь под подушку, спасаясь от громкого сильного голоса и яркого света, резанувшего сквозь закрытые веки.

— Дейлина, соня несусветная, вставай давай! — не сдается мой живой будильник, ничуть не собираясь снижать громкость. Еще и лишает меня возможности спрятаться, оставляя без подушки и одеяла.

Со стоном сажусь, скользя ладонями по гладкой простыне. Убрав с лица выбившиеся из косы волосы, наконец с трудом открываю глаза и фокусируюсь на стройной зеленоволосой иперианке, стоящей в изножье.

— Иди сюда, Лурита, — обманчиво ласково зову подружку, протягивая к ней руки, — я тебя задушу.

— Ага, щас! Я похожа на самоубийцу, которая самолично доставит себя к столу... тьфу!.. кровати маньяка?

Она встряхивает одеяло и, взвизгнув, отпрыгивает, когда со смачным шлепком на бледно-желтый пол падает что-то черное.

— Дихол! — Лурита, рассмотрев то, что ее так напугало, хохочет, нащупывая за спиной кресло и опускаясь в него. — Дей, ты решила вместо себя подсунуть альбиносу этого монстрика? Думаешь, не заметит разницы?

Оскорбленный шигузути презрительно дергает хвостиком, шустро взбирается по скомканной ткани на кровать, добегают до меня, залезает на ладонь и принимается обиженно-переливчато курлыкать. Жалуетя.

— Дей, ты с ума сошла? — почти серьезно изумляется иперианка, наблюдая, как я глажу прильнувшего ко мне малыша. — Зачем тебе эта обуза? У них же патологическая прилипчивость! Подпустишь к себе, потом не отвяжешься. Их ведь даже роотонцы из-за этого стараются держать на расстоянии... Надеюсь, он у тебя тут один? Я не хочу такого счастья!

Она поджимает ноги, поднимая длинную юбку, и с наигранным ужасом в зеленых глазах осматривает комнату.

— Один, не волнуйся. И мне с ним замечательно. Приготовь одежду, пожалуйста. — Пресекая обсуждение, я пересаживаю шигузути на предплечье, сползаю с кровати и отправляюсь в ванную.

Лурита хорошая девушка, только несколько взбалмошная и импульсивная, чем иногда выводит меня из себя. Но таковы уж ипериане. Шутовство, беспечность и недалекость ума — для них лишь маска, на самом деле они каждое слово и действие тщательно просчитывают.

С Тижиной в этом смысле мне было проще общаться. Милая, скромная, доверчивая и деликатная, она всегда говорила только то, что думает. От нее не нужно было ждать подвохов и подколов.

— Вот! — Едва я выхожу обратно в комнату, как мне триумфально вручают черный комбинезон. — Надевай! В нем твой питомец полюбит тебя еще сильнее. Будешь такая больша-а-ая шигузути!

— Лурита, хватит паясничать! — Я отталкиваю подношение и шагаю к кровати, на которой лежит нижнее белье. — Принеси обычное платье.

— Обычное! — фыркает подружка и принимается расстегивать комбинезон, чтобы помочь мне его натянуть. — И ничего я не паясничая. Ты вчера расписание хоть посмотрела?

От неожиданности я замираю. Начинается. А я, наивная, полагала, что мне больше свободы предоставят. Ох, надо эту практику помыкательства пресекать, пока она у Атиуса в привычку не вошла! Это с дядей я спорить не могла, нечего было противопоставить, а на цессянина способов воздействия все же больше. Ему мое расположение нужно.

Надев корсет, все же решаю с радикальными мерами повременить. Влезаю в эластичную одежду и соединяю застёжки. Забрав из рук Луриты вильерер, усаживаюсь в кресло, предоставляя девушке возможность заняться моими волосами, и открываю программу-планнер. Полюбопытствуем...

Подъем. Полчаса на сборы. Десять минут на очень легкий перекус. Полтора часа физической нагрузки в спортивном комплексе. Ого! Тут и такой есть? Мощно.

Дальше. Час на отдых и туалет. Завтрак... Последний во временных рамках не ограничен и пройдет в присутствии Атиуса. Далее строчки пустые, видимо, не придумано мне еще занятий, но уверена, и они вскоре заполнятся. Между прочим, в графе «примечание» у всех имеющихся позиций стоит символ ежедневного повтора. То есть мне все дни полета предлагается просыпаться вот в такую рань? Шикарно!

Нет, я не против тренировок. Но с куда большим удовольствием я бы сама выбрала для них время. Хотя надо отдать составителю расписания должное, утренние часы для этого самые эффективные.

Ну и какое решение принять? А какие могут быть варианты, если я уже проснулась! Не пропадать же зря моим героическим усилиям не завалиться обратно в кровать и трудам Луриты по приведению меня в приличное состояние! Да и настрой после тренировки будет самый боевой. То, что нужно.

В общем, после рекомендованного перекуса ищу спортивный комплекс на плане, загруженным вместе с расписанием в мой вильерер. Обнаруживаю его в самом конце жилого сектора и вполне бодро, даже в некотором смысле заинтересованно, перемещаюсь в указанном... то есть приказанном направлении. Шигузути, наотрез отказавшийся оставаться в комнате, смиренно распластался на облюбованном еще вчера месте и даже не возмущается тесноте, которую создает плотно прилегающая к телу ткань. Вот уж реально липучка! Он даже поесть не вылез, так боялся, что я снова попытаюсь уйти без него. А может, просто не голоден оказался. Очень уж плотно поужинал.

Длинный коридор, изобилующий короткими ответвлениями, заканчивается очередным расширением, где меня встречает молоденькая альбиносочка. Торопливо выскакивает из-за стойки, над которой висит информационный экран, и предупредительно раскрывает проем.

— Вам помощь нужна? Сопровождение? Поддержка? Инструктаж по тренажерам? Консультация по нагрузке?

Забросав меня вопросами, девушка замолкает в ожидании. На всякий случай заглянув внутрь и не увидев ничего сверх необычного, от предложений я отказываюсь. Лучше уж в свое удовольствие позанимаюсь на том, что мне приглянется, и так, как хочется. По крайней мере, сегодня. А дальше будет видно.

Некоторое время брожу по залу, который кажется бесконечным. Тут столько всего! И несколько зон силового оборудования, и тренажеры на свободных весах, и кардиозоны, и место для растяжки, и беговые дорожки, и... И еще очень-очень много «и»!

Да уж... Я такого размаха не ожидала. Во дворце на Роотоне зал однозначно меньше и оснащен проще, хотя папа считал, что в нем идеальные условия для поддержания

хорошей формы. Неужели практика физической подготовки настолько культивируется на Цессе? Как-то не заметила я у альбиносов избыточно мощного телосложения. Скорее, наоборот, выглядят они весьма изящно и даже в некоторой степени хрупко. Сомнительно как-то, что под силу им тренироваться с догрузом. Ой...

Вцепившись в штангу очередного спортивного агрегата, я застываю с приоткрытым ртом и изумленно смотрю, как равномерно поднимается и опускается основательно нагруженный противовес тренажера. А на его сиденье спокойно и с полной выкладкой работает руками Атиус, тем самым невольно доказывая, насколько я ошибаюсь в своих выводах. Меня он не видит, полностью сконцентрирован на том, что делает, и лицо напряженное. То есть не так уж легко дается ему упражнение... Но сам факт!

Факт налицо. Вернее, на лице — бисеринки пота блестят на лбу. А еще на теле, которое, в отличие от моего, до пояса оголено. И движется оно весьма завораживающе. Под белой кожей, словно жгуты, напрягаются и смещаются мышцы. Совсем не объемные, но вполне рельефные. Глаз не отвести!

Стараясь остаться незамеченной, некоторое время за ним наблюдаю. Подходить ближе не спешу. Мало того что это неприлично (я в брюках, а не в юбке, он раздет почти догола), так еще и прямого разрешения на это у меня нет, иначе бы принц вчера сказал «встретимся на тренировке», а не «за завтраком». Но задумываюсь о том, что посещение спорткомплекса именно в это время поставлено в расписание не просто так, однозначно с расчетом, что его увижу и оценю то, что обычно скрыто под одеждой. А когда цессянин оставляет тренажер и встает на беговую дорожку, ухожу подальше и принимаюсь разминаться, старательно изгоняя из памяти неприличные картинки.

Когда именно Атиус исчезает из зала, я не замечаю. Просто в один прекрасный момент понимаю, что больше не различаю тихих, едва уловимых звуков, которые обозначали его присутствие.

Я тоже, не желая переутомляться, топаю на выход. Время уже на исходе, да и шигузути, наверняка намекая на перегрев, подбирается к вороту и выглядывает наружу.

— Либо терпи, либо в следующий раз оставайся в комнате.

Я глажу кончик любопытной мордочки, и малыш с привычным «гуррр» вылезает мне на плечо. Так и сидит до самой каюты, деловито посматривая по сторонам. Еще и попискивает, меняя тональность в зависимости от обстановки. То сердито, когда альбиносочка-цессянка, протянув мне оставленную пристежную юбку, испуганно отшатывается, узрев моего сопровождающего. То удивленно, едва оказываемся в бесконечно длинном пустом коридоре. То возмущенно, реагируя на язвительное замечание «все-таки не выдержал!» от встретившей нас Луриты. То нежно, ластясь к моим рукам, когда пересаживаю его на край ванны.

А я моюсь, одеваюсь, вполуха слушаю беспечную болтовню подружки и настраиваюсь на предстоящий разговор. Логическую цепочку выстраиваю. Слова подбираю. Линию поведения продумываю. В общении с цессянином нужно быть крайне осмотрительной и осторожной. Ведь я так и не разобралась, насколько он искренен в том, что делает и говорит.

Прежде чем войти в столовую, приоткрываю дверь и заглядываю в щелочку. На всякий случай. Убеждаясь, что освещение там хоть и яркое, но все же не ослепляющее. И лишь после этого раскрываю проем полностью.

— Доброе утро, Дейлина. — Атиус поднимается мне навстречу и лучезарно улыбается. — Ты замечательно выглядишь.

Сиреневые глаза смотрят с восхищением, на лице ни намек на усталость, на одежде ни одной лишней складочки, укладка идеальная... Любопытно, он сам себя в порядок приводит или у него помощник есть, как у меня Лурита?

Поскольку я молчу и от встречных комплиментов воздерживаюсь, принц отодвигает для меня стул, помогает сесть, возвращается на свое место и интересуется:

— Хорошо позанималась? Тебе все понравилось?

Отвечаю не сразу. Выдерживаю паузу, наблюдая, как шигузути неспешно сползает с рукава на стол, и лишь затем говорю. Спокойно, бесстрастно, не желая скандалить:

— Позанималась отлично. Понравилось не все.

— Что не так? — мгновенно реагирует Атиус.

Взятую было в руки вилку он откладывает, сосредотачивается, становится серьезным. В общем, всем своим видом показывает, что готов немедленно исправить негативное впечатление и принять соответствующие меры. Еще и предположения выдвигает, видимо, желая облегчить мне задачу:

— Отношение персонала? Обстановка? Было скучно? Ты не любишь заниматься одна? Тогда нужно было взять тренера или ко мне присоединиться. Или, наоборот, не любишь компании? Но вроде я тебя старался своим присутствием не смущать. И всем посещение зала в эти часы запретил, но... Может, кто-то другой помешал? — Принц хмурится, выказывая недовольство тем, что нашлись смельчаки, посмеявшие не выполнить его приказ. — Так что именно тебе не понравилось, Дейлина? — спрашивает в нетерпении, потому что я от предложенного ассортимента в легкий ступор впадаю.

— Время. — Мои претензии кардинально отличаются от всего, что он себе надумал.

— Время? — обескураженно повторяет Атиус.

В глазах — недоумение. И оно определенно не наигранное. Он действительно не понимает, что я имею в виду. Мне приходится объяснять:

— Время для тренировки оказалось не слишком удобным. Я не выпалась.

Его растерянность становится запредельной. Он озадаченно на меня смотрит, обдумывая сказанное, и в моей душе рождается беспокойство. Что-то я упустила. Но что?

— Слишком рано? Но почему тогда ты не изменила расписание? — наконец говорит Атиус, запинаясь, замолкает, снова обдумывает. — Тебе запрещено это делать? — спрашивает медленно, осторожно, словно сам не верит в свою догадку.

Ого! Не знал? Или...

«Я отправил... примерное расписание» — в памяти запоздало всплывают сказанные им за ужином слова. Дихол! Примерное! Он на самом деле думал, что я внесу коррективы, если меня что-то не устроит. Ему и в голову не пришло, что у меня нет такой возможности. А я на него злилась!

Теперь уже на себя сержусь и, не зная, как реагировать, хватаюсь за бокал с напитком. А когда ставлю его на место...

— Извини меня, Дейлина, — слышу спокойный голос, — я должен был это понять и быть к тебе внимательнее. Сразу во всем разобраться.

Лицо непроницаемое, а вот в глазах целая буря эмоций. Он так же злился, когда дядю за груз отчитывал. Ох, чувствую, сегодня дядюшке лучше не попадаться Атиусу на глаза!

Словно давая понять, что ответа не ждет, принц замолкает и приступает к завтраку. Я тоже берусь за приборы. Пусть есть в его присутствии для меня и непривычно, но выбора-то все равно нет.

Шигузути давным-давно расправляется с избранным на сегодня рационом. И я малышу завидую. Вот кто-кто, а он никакого стеснения не испытывает. Мне же стоит невероятных усилий сосредоточиться на том, что лежит в моей тарелке. Накалывать на вилку и отправлять в рот кусочки солоноватого мяса. Обмакивать в мягкую рыхлую массу и обкусывать сладкие короткие палочки. И не смотреть, как изящно обхватывают ножку бокала длинные тонкие пальцы. Как аккуратно ложатся на прозрачный край тонкие губы, касаясь растекающейся по стеклу розовой жидкости. Как движется кадык на шее, когда цессянин глотает...

Почувствовав жаркую волну, прошедшую по телу, вздрагиваю и отвожу глаза. Ну надо

же, как остро мой организм реагирует на присутствие альбиноса! Впрочем, чему удивляться? Я ведь по возрасту уже готова к близким отношениям и активному выбору партнера. Во дворце на Роотоне малейшую возможность подобных контактов жестко пресекали. Ко мне даже близко никто из потенциальных кавалеров не мог подойти. А тут рядом такой экземпляр, на физиологическом уровне безумно притягательный. Хорошо, что этого мало для того, чтобы потерять голову.

Да, влечение к нему налицо. Но ведь это всего лишь потребность организма, и одно то, что я это осознаю, уже говорит о многом. В первую очередь, о том, что психологической зависимости от цессянина у меня нет. А желание... Это же всего лишь симптом, а не диагноз. Сигнал тела, так сказать. Намек на возможность привязки, если мужчина продолжит ее формировать, а я позволю ему это делать.

Только я не позволю. У меня цель другая. Я не в постель к нему хочу, я желаю настоящих чувств, желаю быть единственной для любимого мужа!

Однако при всем этом надо учитывать, что Атиус — соперник опасный. Он настойчиво будет добиваться своего, а состояние у меня пограничное: малейшая неосторожность, и последствия не замедлят проявиться. Так что главное сейчас прикосновений не допускать, чтобы гормональный фон не зашкалил окончательно и не снес мне голову напрочь, лишив возможности сопротивляться. А заботу и хорошее, уважительное отношение к себе принимать как должное. И не ставить все это в заслугу цессянину. Помнить о том, что...

— Ты моя фаворитка, Дейлина, — холодным душем окатывают неожиданные слова.

Поднимаю глаза, недоумевая, зачем принц сейчас об этом говорит. Да еще и выделяя свою причастность. И лишь когда он продолжает, мотивы становятся понятны:

— А это значит, что все, что требовал от тебя твой дядя, теперь не имеет законной силы. Ты не обязана подчиняться его распоряжениям, можешь лишь принимать их как рекомендации. И вправе вести себя так, как от тебя этого жду я. А я вовсе не желаю тебя ни заставлять что-то делать, ни в чем-то ущемлять. Разумеется, всему есть разумные пределы, но я надеюсь, что ты не вынудишь меня вводить ограничения. Я буду тебя во всем поддерживать и защищать. Ведь ты моя *фаворитка*, — повторяет с нажимом теперь уже на последнее слово.

Правильно, Атиус. Вот об этом мне как раз и нельзя забывать! Как же вовремя ты решил меня «успокоить»!

— Напоминайте мне о моем статусе почаще.

Улыбкой поощряю его усилия, чувствуя, как в душе растет волна отторжения, а вся внешняя привлекательность принца осыпается, как старая позолота.

В ответ получаю взгляд, полный морального удовлетворения. Однозначно Атиус принял мои слова за окончательное признание мною своего социального статуса. И теперь будет этим руководствоваться в общении.

Замечательно. Именно то, что нужно, чтобы возвращать мне разумность мышления.

— Я рад, что мы с тобой нашли общий язык. Теперь нам будет намного проще. Я же говорил, что со временем все наладится, — напоминает мне о нашем первом разговоре цессянин. Откидывается на спинку стула, складывает руки на груди и смотрит, как я подставляю ладонь пытающемуся на меня залезть шигузути. — Похоже, он не выспался, — тихо смеется, когда малыш, обвив хвостиком пальцы, зевает, прижимается к ладони мордочкой и закрывает глаза. — Я как раз думал, чем ты хочешь заняться после завтрака... Может, и тебе поспать, раз с утра не получилось?

— Хорошая мысль. Я действительно хотела сегодня отдохнуть.

— Отлично, — улыбается принц. — Тогда не забудь поставить на планнере беззвучный режим, чтобы тебя никто не тревожил. А я сориентируюсь со временем ужина и тогда расписание дополню. Только, Дейлина, прошу тебя, не принимай мои распоряжения как приказы. Помни, что ты можешь их изменить. Единственное исключение, разумеется, если они обусловлены жизненно важной необходимостью. Но тогда и я буду на это

указывать сразу. Договорились?

— Да, это очень удобно, — покладисто соглашаюсь и решаю, что можно тему развить, раз уж об этом зашел разговор. — А я должна вам сообщать обо всех своих планах? Или только о тех, которые касаются вас? И нужно ли мне ждать вашего согласия, например, на перемещения по кораблю? Или я все же свободна?

— Конечно, свободна! — изумляется Атиус. — Ходи где хочешь! А информировать... — Он задумывается. — Если ты покидаешь свою каюту, я должен быть в курсе. И знать, кто тебя сопровождает, не хочется бегать по крейсеру и искать тебя в случае необходимости.

— И на Цессе будет так же? — миролюбиво осведомляюсь я.

— Разумеется. — Атиус пожимает плечами. — Не вижу разницы.

Понятно. И в общем-то логично. Я свободна в выборе, но не свободна от контроля. Однако у этого вопроса есть и обратная сторона.

— А я буду знать о ваших планах? Вдруг мне захочется вас увидеть? Встретиться? А вы заняты... — Я бросаю на него кроткий взгляд из-под ресниц.

— Ты права, — одаряет меня улыбкой альбинос. Похоже, мое внимание ему льстит. — Мой секретарь будет отправлять на твой планнер нужную информацию.

— Спасибо. Тогда... до вечера?

Атиус молча кивает. Сиреневые глаза пристально следят за тем, как я поднимаюсь. И лишь у самой двери я слышу:

— До вечера... Дейлина.

Сделанной им паузы я не поняла. Он хотел назвать меня как-то иначе? Может, как я и просила, фавориткой?

— Восемь.

— Сколько?!

— Не веришь?

— С трудом. И кто же эти несчастные?

— Три служанки из штата тети Ари, три девушки из придворных дяди Юта, еще одна гостья из города, ну и бедняжка Тижина за компанию.

— И Тижина? — ахаю, прикрывая рот рукой.

— А она что, не девушка? — фыркает Лурита.

— Но она же... — Вспоминаю, что говорила о своих кавалерах подружка. Увы, безуспешно. Имен та никогда не называла, лишь жаловалась, что никто из них в нее не влюбился. — Ладно. Допустим. Получается, все рооотонки? За два года ни одной иперианки?

— Ни одной.

— Не может быть! — Я в растерянности опускаюсь на край кровати.

— Может, — припечатывает Лурита.

— Да ну... Он же рооотонцев ни во что не ставил. Мне кажется, даже ненавидел. Тихо и незаметно для окружающих, но все же...

— Дейлина! — заливисто хохочет подруга, откидываясь на спинку дивана. Хорошо, что

она вертикальная и не дает ей упасть. — Ты как маленькая, честное слово! Потому он их и выбирал, чтобы не испытывать судьбу и ненароком не влюбиться! Ты только подумай, какой бы в противном случае вышел конфуз!.. Стой! Я поняла! Он таким способом пытался от своего негатива к ним избавиться. Бедный! Представляю, как он мучился, когда с ними... — Не договорив, она, сотрясаясь от смеха и вытирая слезы, сползает с дивана на пол.

— Да подожди ты! Прекрати! — пытаюсь унять ее веселость. — Чем же ему иперианки не угодили?

— А вот этого я не знаю, — доказывая, что воспринимает все более чем серьезно, тут же становится собранной подруга. Но все же не сдерживается и снова хихикает: — Но знаю того, кто обязан быть в курсе.

— Кто? — с нехорошим предчувствием подвоха, но все же послушно спрашиваю, на всякий случай нащупывая за спиной подушку.

— Ты! — триумфально заявляет Лурита и, увидев, как я нахмурилась, с трудом сдерживая смех, поясняет: — Кто же, как не племянница, должен лучше всех разбираться в предпочтениях любимого дядюшки?

За свою наглость и получает. С радостным визгом уворачивается от летящего в нее мягкого предмета. Однако и в долгу не остается. Перехватив подушку, возвращает ее мне. С той же скоростью и аналогичной траекторией.

Снаряд в цель не попадает — я, хотя и готова сложиться пополам от смеха, с легкостью отбиваю удар. А вот Лурита второй залп пропускает. Потому что, вместо того чтобы следить за мной, пытается встать. Третий презент настигает ее уже на диване. Однако же девушка ухитряется вскочить на ноги и, перехватив сразу две подушки, с наигранно грозным «ах, ты так?» бросается в бой. Теперь верещать и защищаться приходится мне. В ход идут уже не только подушки, но и одеяла...

Успокаиваемся мы не сразу. Даже когда без сил заваливаемся на кровать, все равно хихикаем, отталкивая друг дружку. А потом долго лежим в обнимку, выравнивая дыхание и рассматривая экзотически переливающийся многоуровневый потолок.

Шигузути, который все это время стоически терпел дискомфорт и, чтобы не свалиться, предпочел залезть под корсаж, тайм-аут тоже использует с пользой. Выбирается наружу, обзеревают масштабы бедствия, сердито урчит и принимается наводить порядок. Отталкивает задними лапками край одеяла, которое на мне лежит, роется в оборках, обрамляющих край платья, тяжело вздыхает и наконец забирается обратно под ткань.

Спокойствие длится недолго. Лурита быстро возвращается к теме, с которой, собственно, и начался наш разговор. Вернее, который подружка начала после того, как я выпалась, а она пришла меня развлечь. Сплетнями. И сумасбродными идеями.

— Мне кажется, столь необычный выбор партнерш как-то связан с тем, что Ли'Тон сказал Джаграсу на церемонии, — весело излагает свое мнение.

— Возможно. — Я пожимаю плечами, рискуя получить очередную порцию негодования от моего постояльца. — Только как это узнать? С Атиусом я не настолько близка, чтобы его расспрашивать.

— Это да... — соглашается подружка. Замолкает, что-то обдумывая, и заявляет: — А я, пожалуй, попробую выяснить.

Ясно. Дух авантюризма, свойственный всем иперианам, проявляется во всей красе. Вот только я — роотонка. И куда более осмотрительна. Поэтому ее энтузиазма не разделяю.

— И как ты собираешься это делать? Ли'Тон в твою сторону даже не посмотрит.

— Пф-ф! Очень мне нужен твой... этот... цессянин! У меня целый Джаграс в наличии. Ходячий кладезь информации! Первоисточник! Ну? — Она приподнимается на локте, чтобы заглянуть мне в глаза.

— Не будет он с тобой откровенничать, — обрубаю ее идею на корню.

— Ты плохо меня знаешь, Дейлина, — коварно улыбается девушка, игриво сдувая зеленый локон с лица. — И психологию мужчин.

— Лурита, не смей уподобляться любительницам необременительных связей! Даже ради великих целей! — Я тоже меняю положение тела и сажусь, потому что разговор принимает не самое приятное направление. — Да и глупо делать ставку на то, что в постели дядя потеряет осмотрительность и станет разговорчивым.

— Да кто тебе сказал, что я в него влюбляться собираюсь? — изумляется моим выводам подруга. — Я тебе о чем битый час твержу? О том, что Джаграс иперианок на дух не выносит! Ведь два года исключительно роотонок соблазнял, хотя возможности для иного выбора у него были. Значит, я ничем не рискую. Притворюсь, сделав вид, что заинтересована в его внимании. Он начнет нервничать, думая, что ему придется со мной спать, чтобы убрать возникшее у меня влечение. В итоге я устрою твоему дяде истерику и добьюсь откровенного признания, почему он меня, бедную-несчастную, избегает и мучает! То есть узнаю, чем ему иперианки не угодили. Вот и все, готово дело! Считай, что информация у нас в кармане.

— Гениально... — Скептицизма у меня меньше не становится. — А дальше?

— А дальше я со всем драматизмом заявлю Джаграсу, что не стану требовать доставить мне удовольствие и буду ждать, пока желание с ним переспать исчезнет само по себе. Пусть угрызениями совести помучается. Ведь только и делал на Роотоне, что приказывал и понукал!

— Так это ты ему мстить собралась? А я думала, мне помогать.

— Я все сразу! — негодуяще восклицает иперианка и подпрыгивает на матрасе. — Полагаешь, я только ради себя стараюсь?! Наши мамы во всем друг друга поддерживали! Доверяли! Они настоящими подругами были! А ты... Ты!..

Чуть раскосые зеленые глаза гневно сверкают, наполняясь слезами, грудь, в тесном плену плотно облегающего желтого платья, высоко вздымается, растрепавшиеся волосы нимбом окружают голову, подчеркивая тонкие черты лица... Красавица!

— Я просто за тебя переживаю, — успокаиваю подругу и пусть вынужденно, но признаю за ней право действовать. — Надеюсь, ты права и все получится. Только будь осторожна.

— Само собой. — Лурита, деловито покивав, слезает с кровати, одергивает задравшуюся юбку и принимается за наведение порядка, ухитряясь еще и подшучивать над тем, что мы натворили. Слезы пропали, возмущение исчезло, настроение стало другим. Впрочем, а было ли это искренним? Нет, не так! Все ли в действиях иперианки было настоящим? Или же большая их часть использовалась для пушшего эффекта?

Перемещаюсь на диван, чтобы ей не мешать, и заглядываю в планнер. Время ужина не изменилось, и до него осталось совсем немного. На завтрашний день по-прежнему нет никаких планов, кроме утренней тренировки и завтрака. Зато на сегодня появилась еще одна строчка с требованием немедленно явиться для разговора. А еще указание, куда именно топать. И подпись отправителя.

Дядюшка... Любопытно, почему он меня к себе вызвал, а не сам пришел? Может, беседа с принцем уже состоялась и цессянин ему порекомендовал не появляться у моих комнат?

С мстительным удовольствием, вспоминая наставления Атиуса, нажимаю «Отказ от приглашения» и стираю запись. Ну что ж, посмотрим, что бывает, если сталкиваются чужие интересы. Пусть дядя и принц займутся разборками между собой, а я попробую извлечь из этого выгоду. Когда хищники дерутся, добыче легче удрать.

— Ты чего такая довольная? — Лурита заглядывает мне через плечо и, успев увидеть, как исчезает приказ, изумляется: — О как! Рисуешь?

— У меня теперь защитник есть, — хмыкаю. — Ли'Тон считает, что дядя на меня плохо влияет. И освободил от обязанности ему подчиняться.

— А Джаграс об этом знает? — Подруга, увидев, как я пожимаю плечами, потому что

уверенности у меня нет, задумывается и прикусывает губу. А потом зеленые глаза загораются идеей, и девушка вскакивает, демонстрируя готовность действовать. — Слушай, а давай я к нему схожу? Сообщу, что тебе запретили с ним общаться. Ты ведь не пойдешь, он, само собой, рассердится, а тут еще и я добавлю! Глядишь, может, разозлившись, и скажет случайно то, о чем лучше было бы промолчать!

Ответа она не ждет. Крутнувшись вокруг собственной оси, подхватывает брошенную на спинку кресла шаль, накидывает ее на плечи и стремительно вылетает в коридор. А я, посмотрев ей вслед, лишь головой качаю. И зачем спрашивала разрешения, если все равно сделала, как сама задумала?

Расслабленное состояние проходит быстро — едва я непроизвольным жестом касаюсь растрепанных волос. Дихол! Лурита сбежала, а мне самой теперь прической заниматься? И одежду в порядок приводить? Разумеется, я в состоянии справиться, но намного проще, когда помощница есть. Надо будет спросить у Атиуса, полагается мне цессянскими традициями вторая наперсница или придется довольствоваться одной.

— Да сколько угодно! — услышав вопрос, принц привычно радуется перспективами. — Во дворце на Цессе у тебя будет целый штат служанок. Кого из них приблизить к себе и насколько, выберешь и решишь сама. А вот на крейсере, увы, я могу тебе предложить лишь временную прислугу, если в этом есть необходимость. Сближаться с ними не рекомендую.

— Почему? — любопытствую, забыв об осторожности. В самом деле, что не так с теми девушками, которые летят на корабле? С той, что встретила меня в спорткомплексе, например?

— Капитан заключает с ними долгосрочные контракты, которые не подразумевают ни смены места работы, ни досрочного увольнения по собственному желанию. То есть даже если кто-то очень тебе приглянется, покинуть крейсер девушка не сможет.

— Но почему такие жесткие условия? На Рооотоне у работающих женщин есть возможность в любой момент аннулировать договор, — лепечу потерянно, а потом ахаю: — Они здесь пленницы?! — Еще и глаза округляю, и ладошками всплескиваю. А в душе смеюсь над своей игрой. Ох и нахваталась же я замашек у Луриты! Хотя, возможно, это мамина иперианская кровь дает о себе знать.

— Дейлина?! — Атиус захлебывается соком, настолько сильно изумляют его мои предположения. Ставит на стол бокал, аккуратно вытирает испачканные пальцы и губы салфеткой и категорично заявляет: — Никакого насилия! С чего у тебя такие мысли? Опять твой дядя постарался?

Он возмущенно поджигает губы и принимается резать мясо на своей тарелке.

— Так что с девушками? — возвращаю принца к интересующей меня теме и тоже перехожу к основному блюду.

— Все намного прозаичнее, — не прекращая начатого процесса, объясняет Атиус. — У них есть либо муж, либо любовник в составе экипажа крейсера. Они сами не видят смысла в расторжении контракта. Ведь все равно не захотят расставаться, а семья потеряет часть дохода. Еще и в убытке будет, потому что мужчине придется оплачивать содержание своих женщин.

— А если он увольняется, то и его... э-э... спутницы также теряют работу? Автоматически? — Я начинаю вникать в трудовую политику Цесса на отдельно взятом крейсере, хоть и непривычно постоянно держать в голове новые и совершенно дикие для меня семейные нормы. — Удивительно...

— Что именно? — настораживается Атиус. Даже жевать прекращает на всякий случай. Наверное, чтобы снова не подавиться, услышав от меня очередное заявление.

— То, что жена и любовница...

— Фаворитка, Дейлина, фаворитка, а не любовница, — перебивает меня принц и мягко, но настойчиво поправляет: — Это совсем другой статус.

— Ладно, — предпочитаю с ним не спорить и исправляюсь: — Удивительно, что жена и фаворитка так лояльно и терпимо друг к другу относятся. Живут вместе, работают, за домом следят, детей совместно воспитывают, с одним мужчиной... — Вот тут мне приходится снова замяться. Слишком уж откровенным становится разговор.

— Разве это плохо? — никак не хочет меня понять альбинос. — Идеальная семья на Цессе именно такая. И, знаешь, я очень рад, что регент-император высоко оценил преимущества, которые дает подобная практика личных отношений.

— Оценил? — растерянно переспрашиваю, ощущая, как волосы начинают шевелиться от нехорошего предчувствия.

— Да, как раз перед ужином пришло постановление имперского совета. Он заседал вчера вечером. Теперь институт фавориток становится официально разрешенным для всех планет, входящих в состав империи.

Вот она в действии — тетушкина эйфория! Определенно тетя Ари восторженно расхваливала дяде Юту все то, о чем и понятия не имеет! И добила-таки своего! Хотя, конечно, наверняка не одна она расстаралась. При таком дефиците информации, какой имелся у советников регента-императора, многие из них могли переоценить преимущества и не увидеть недостатки.

Воздуха мне перестает хватать катастрофически. Непроизвольно касаюсь шеи и чуть оттягиваю ворот платья, стараясь дышать глубоко и ровно.

— Тебя это расстраивает? — Атиус внимательно присматривается к моим движениям и выражению лица. Даже приборы откладывает и чуть заметно подается ближе, несмотря на разделяющий нас стол.

— Нет. Я... — Замолкаю и, ругая себя за мгновения потери контроля, которые дорого могут мне обойтись, нахожу в себе силы вернуться к еде. И прежней теме. — Я о другом думала. Мне не верится, что между девушками в семье нет соперничества. Ревности. Ведь мужчина жену любит, а фаворитку...

— А к фаворитке он, по-твоему, ничего не испытывает? — Атиус поднимается так неожиданно и столь быстро огибает стол, что я адекватно среагировать не успеваю. Лишь ахаю и отшатываюсь, едва не сверзившись со стула.

— Дейлина...

Принц подхватывает меня под локоть, удержав рядом с собой, забирает из моих пальцев вилку и возвращает ее на тарелку. Опускает крышку стола, закрывая сегмент, который отведен в мое пользование. Решительным движением поднимает меня со стула и разворачивает лицом к себе. Еще и руками о столешницу опирается, не позволяя мне изменить дислокацию.

И пока я лихорадочно соображаю, что в такой ситуации можно предпринять, понеся минимальные потери, цессянин снова начинает говорить:

— Между любовницей и фавориткой различий намного больше, чем между фавориткой и женой. И раз ты этого не понимаешь, более того, наслушалась непонятно каких домыслов и бредней, которые тебя совершенно запутали, я тебе все объясню.

Объяснит? Замечательно! Вот только мне было бы намного спокойнее и комфортнее, если бы свою пафосную нравоучительную лекцию Атиус читал, сидя на стуле с другой стороны стола, а не нависая надо мной! Ведь он так увлекся, что еще ближе придвинулся. Вообще вжал меня в стол, фактически вынудив сесть на крышку и отклониться, чтобы физического контакта не допустить.

— Отличная идея! — торопливо одобряю его инициативу, пока он набирает в грудь воздух. — Только можно это делать не так... близко!

Атиус, который уже готов разразиться вдохновенной тирадой, резко выдыхает. Смотрит на меня в недоумении, белые брови изумленно поднимаются, словно он ждал другой реакции.

— Почему? — спрашивает и...

И неожиданно отшатывается, будто его кто-то отбросил. Я даже не сразу понимаю, что происходит, и основательно пугаюсь, с ужасом наблюдая, как принц, сопровождая свои действия негодующим «дихол!» и размахивая руками, делает несколько шагов назад, ударяется о стену, а затем, крутнувшись на одной ноге, валится на пол, стараясь что-то с себя стряхнуть.

Ой! Что-то? Нет — кого-то! Шигузути! Осознание приходит, едва я вижу, как в воздух взмывает черное тельце, которое цессянину все же удастся сбросить с себя.

Малыш со смачным шлепком приземляется на пузико, но тут же подпрыгивает и встает на лапки. Обитатели Роотона вообще хорошо амортизируют, и организмы у них к ударам и нагрузкам очень устойчивы, потому что они вечно падают — то в расщелины, то со стен. Вот и мой защитник без потерь перенес тяготы боевого сражения, а теперь еще и полученный эффект закрепляет. Гордо оглядывается на поверженного врага, вытягивается в струнку, презрительно дергая хвостиком, и уверенной трусцой бежит ко мне. Легко карабкается по юбке и корсажу, бесцеремонно забирается в оборки на лифе, а через мгновение из них выглядывает, отыскивает глазами альбиноса и предостерегающе грозно вякает. После чего, наверняка преисполненный чувства выполненного долга, прячется снова.

Атиус, не отводя взгляда от того места, где исчез его обидчик, медленно поднимается на ноги.

— Он кусается! — обвинительным тоном заявляет, растирая предплечье. И лишь после этого соизволяет посмотреть мне в глаза.

— Малыш не виноват! — немедленно встаю на защиту питомца. — У него инстинкты! Он свою территорию обитания охраняет. А я, между прочим, вас пыталась предупредить.

— Территорию? — Сиреневый взор вновь опускается, изучая владения шигузути, столь неожиданно ставшие для альбиноса недоступными. — Он на тебе живет? Я думал, ты его просто так с собой носишь. А как же тогда...

Принц растерянно замолкает, не договорив. Видимо, пришло к нему осознание проблем, которые создает присутствие на мне маленького собственника.

— На Роотоне? — прихожу на помощь, потому что меньше всего мне нужно, чтобы он у кого-то другого решил это выяснить. — Так там мы потому окна и закрываем, чтобы между малышами соперничества не было. Очень уж их много, — вдохновенно сочиняю. И ведь не лгу! По сути, так и есть, за исключением того, что именно в попытках избежать внимания шигузути никто их к себе и не подпускает. Эпизодические прорывы, которые бывает трудно пресечь, не в счет.

— Я не об их взаимодействии между собой. Я о том, как вы личные отношения выстраиваете, имея такую обузу? — Атиус недовольно морщится. Шагает к столу и, опираясь на него бедром, принимается закатывать рукав.

— Ну как... — Яжимаю плечами, опускаясь на стул. — Сначала мужчина завоевывает доверие питомца, а потом уже расположение девушки... Больно? — с сочувствием интересуюсь, присматриваясь к нескольким маленьким ранкам, вокруг которых на глазах расплывается покраснение. Может, укус шигузути ядовит? Никогда об этом не задумывалась. И не слышала, чтобы кто-то из роотонцев жаловался.

— Неприятно, — констатирует пострадавший и ободряюще мне улыбается. — Не переживай, у меня хорошая регенерация. Все, что повреждено, быстро восстанавливается.

Вот только краснота на руке становится сильнее, тонкие губы совсем белыми, а движения неуверенными.

— И все же вам лучше показаться врачу, — начинаю беспокоиться. Не хватало еще, чтобы он заболел, а меня в этом обвинили!

— Да, пожалуй... Прости, Дейлина, наш разговор... Отложим. В другой раз... — Речь

тоже становится менее внятной, и Атиус осторожно отстраняется от опоры, стараясь не потерять устойчивость.

Дверной проем за ним закрывается, а я по-прежнему сижу в задумчивой растерянности.

Неприятная ситуация. С одной стороны, вмешательство шигузути очень мне помогло, хотя я и без него придумала бы, как заставить принца от меня отойти. С другой, теперь цессянин точно хорошенько подумает, прежде чем попытается заставить мой организм отреагировать на его близость. Если жив останется.

Почувствовав шевеление шигузути, осторожно раздвигаю ткань.

— Ну вот как ты так, а? — спрашиваю любопытную мордочку, которая немедленно высунулась наружу.

В ответ слышу переливчатое журчание, и малыш вылезает полностью. Цепляется лапками за пальцы, шустро забирается на руку и принимается играть, отлавливая собственный хвост. В общем, всем своим видом показывает, что никакой вины за содеянное не испытывает.

В отличие от него, я чувствую себя не слишком комфортно. Моя тревога никуда не исчезает, и я с трудом заставляю себя остаться в своей комнате, а не броситься на поиски того, кто мог бы мне рассказать о состоянии принца.

В итоге ночью я сплю не слишком хорошо. Постоянно просыпаюсь, посматривая на вильюрер и торопя время. А утром в нетерпении отправляюсь в спорткомплекс. Однако Атиус там не появляется. И за завтраком в столовой отсутствует. Строчки расписания в планнере остаются пустыми, а примечания, где, по идее, мне были обещаны комментарии о том, чем занят цессянин, не заполнены.

Еще и Лурита исчезла. Ни сообщений, ни ее самой в наличии. Хотя она, конечно, и не обязана передо мной отчитываться. Так же как и прибегать, едва понадобится. Все же она моя подруга, компаньонка, а не служанка.

Следует ли удивляться, что ненадолго хватает моей выдержки и терпения? Для приличия подождав немного после окончания завтрака, я вбиваю в планнер: «Прогулка по кораблю. Без сопровождения». И открываю дверь в неизвестность.

— Девять часов комы — это, я тебе скажу, неслабо.

— А ведь у него расовые способности на порядок мощнее наших.

— Так и я об этом. Представляю, сколько времени мы бы в отключке провалялись.

— А ты эту тварь видел?

— Не-а. Только слышал. Йегас рассказывал. У него жена на ресепшене спорткомплекса. Она видела.

— И что говорит?

— Маленькая. Верткая. Черная... Я теперь постоянно оглядываюсь. Вдруг от хозяйки сбежит и набросится? Хорошо, что на светлом фоне хорошо видна... А фаворитка ли Тона тоже все время в черном. На ней зверюга совсем незаметна... Жаль, что Атиус не дал разрешения на зачистку, а то безопасники давно бы уже прибили эту мерзость.

— Для него личные отношения с фавориткой важнее нашей жизни. А она ему убийства любимой зверушки не простит.

— Ага... И как не боится эту гадость с собой таскать?

— Так роотонка же. Наверняка иммунитет имеет к тому, что на ее планетке водится.

— Верно... А девочка хорошенькая. Личиком симпатяшка, глазки такие выразительные. Коренастенькая, правда, но фигурка неплохая. Кожа, как у нас, совсем бледная. Вот

были бы волосы светлые, цены бы красотке не было. Я бы на месте принца такую тоже в фаворитки определил.

— Ты бы себя в покойники определил! Услышит кто, как ты фривольно о ней говоришь, и вылетишь с корабля в открытый космос. Скажи спасибо, что я твой брат. Доносить не стану. Работай давай, а не языком мели! Где утечка, видишь?

— Не слепой. Можно подумать, качество работы от того, что я болтаю, зависит... Все, перекрыл. Крепи обшивку. Здесь закончили.

Слушаю я, вернее, подслушиваю сей диалог и бледнею. Потом краснею — кровь приливает к щекам и в жар бросает. А когда мужчины уходят, осторожно выбираюсь на открытое пространство. То есть в гостевую часть комнаты Луриты из тесного гардеробного отсека. Меня потому и не заметили, что платья там висят плотно, их много и они длинные, а спрятаться я успела, едва голоса услышала.

Да-а... Вот так заходишь проводить подружку, а вместо этого выслушиваешь откровения ремонтников, которые, пользуясь ее отсутствием, чинят... А что они чинили?

Заглядываю в гигиеническую комнату, где трудились цессяне, и ничего криминального не вижу. Стены на вид литые, чистота и порядок идеальные... Ну и правильно, нечего гостям вникать в техническую сторону вопроса. А вот запах после починки остался специфический, потому и вентиляция шумит, вытягивая раздражающий аромат. Даже шигузути его почуял, высунул мордочку из оборок, прищурился, как обычно делал, когда свет казался ему слишком ярким, чихнул, презрительно фыркнул и зарылся обратно.

— Фырчи не фырчи, а дел ты натворил... — укоряю питомца. — Слышал? Кома у принца была. Ты чем его так попотчевал, страшный зверь шигузути? Гроза цессян! Они теперь тебя боятся, — хихикаю. Ответа, само собой, не получаю и вздыхаю: — Ну да ладно. Главное, он жив, и тебе тоже ничего не угрожает... Так где же Лурита?

Возвращаюсь в основное помещение, которое и осмотреть толком не успела, потому что неожиданные гости появились. Кровать аккуратно застелена, и поэтому понять, ложилась ли девушка спать или с утра все прибрала, невозможно. А вот платье, в котором подружка вчера от меня выскочила, в шкафу отсутствует. И отсек чистки белья тоже пустой. Кстати, ведь и ванна совсем сухая, даже намек на влажность, которая бы, несомненно, сохранилась, прими кто-то душ с утра. Опять-таки ремонтники пришли, наверняка зная, что хозяйки не только нет в своих комнатах, но и в ближайшее время не будет.

Ого... И вновь предчувствие грядущих неприятностей распускает свои щупальца, оплетая и заставляя задыхаться от жутких картинок, рождающихся в воображении. Лурита пошла к дяде. Тот, вне всяких сомнений, был на взводе. Она грозила его спровоцировать... Ох, не случилось бы беды!

Помедлив, все же выхожу из комнаты, пусть и без особого желания встречаться с дядей, но с твердым намерением именно это сделать. Мне жизнь и здоровье подруги важнее принципов и желания мстить за унижения, проявляя к нему неуважение. Вот только оказавшись в светлом пространстве главного коридора, основательно теряюсь. Нет, вовсе не из-за освещения, которое, кстати, действительно стало ярче, а из-за суеты и шума, которыми наполнился жилой сектор. Притом что еще десять минут назад он казался совершенно безжизненным.

Теперь же в какие-то двери кто-то суетливо вбегает, из других соответственно выбегает, а одна неумная личность вообще проносится мимо со скоростью хорошего спринтера, а затем останавливается, едва не упав, разворачивается, делает несколько неуверенных шагов назад, ошарашенно глядя на меня, и радостно сообщает:

— Нашел!

На всякий случай оглядываюсь. Может, он кого-то другого имел в виду? Однако коридор, из которого я вышла, пуст, значит, именно мое «погуляю» вызвало такой переполох. Или «без сопровождения»?

Второе. Понимаю это, едва оборачиваюсь. Увидев заинтересованных в моей поимке субъектов, слышу от одного из них:

— Вы одна?

Демонстративно осматриваюсь, намекая, что вопрос по меньшей мере бессмысленный.

— Вроде как да, — с растерянностью в голосе подтверждаю и тут же спохватываюсь: — Ой, нет! С ним! — выразительно указываю на оборки на груди, из которых расслабленно свисает длинный тонкий хвостик.

Сиреневые глаза визави скользят по вещественному доказательству моих слов и тут же возвращаются обратно к лицу. Рассматривать место обитания шигузути он не стал. Предпочел снова заговорить:

— Разумеется, ваш питомец — достойный спутник. Однако правилами этикета предписаны сопровождающие, имеющие иное общественное положение.

— Знаю. — Безразлично пожимаю плечами и поясняю: — У меня подруга пропала, а другой компаньонки я не имею.

— Пропала? — Светлые брови цессянина ползут вверх, он поворачивает голову, чтобы бросить взгляд на своих соотечественников, стоящих рядом. Один из них немедленно выхватывает из одежды пластину переносного вильюра и, набрав запрос, показывает начальству результат.

— По нашим сведениям, пассажирка Лурита Элеграз со вчерашнего вечера находится в каюте Джаграса Гун он'Ласта. Исходя из данных системы жизнеобеспечения, с ней все в порядке: завтрак заказан на две персоны, расход кислорода и воды тоже увеличен в два раза, система очистки работает с двойной нагрузкой, — ровным голосом сообщает альбинос, прочитав информацию. И смотрит с легким удивлением, не понимая, почему у меня от волнения сбивается дыхание, а из глаз не исчезает тревога.

А все потому, что, зная характер дяди, я не могу предположить ничего иного, кроме того, что она у него не по собственной воле ночь провела, а он ее просто-напросто не выпустил! Только вот связано ли это пленение с планом, который пыталась реализовать сама Лурита, или же оно является частью замысла дяди, о котором мы так ничего и не знаем?

— Думаю, вам будет спокойнее, если вы ее увидите и поговорите. Я вас провожу. — Интонации мужчины становятся мягче. Он, несомненно, успел за эти мгновения сделать вывод относительно возможных причин моих страхов. Сообразительный!

А я и не собираюсь отказываться. Искать вторую жилую зону, в которой разместили остальных сопровождающих, намного проще, если есть провожатый, нежели ориентироваться по плану из вильюра. К тому же можно воспользоваться ситуацией. Во-первых, попробовать разговорить цессянина, раз уж он такой услужливый. Во-вторых, расположить к себе. Вдруг пригодится?

Так что... мило улыбаться. Максимум благодарности во взгляде. Томно вздыхать, вспомнив, что именно этому офицеру Атиус поручил заниматься моим багажом.

— Спасибо за помощь, Керас. Я так растерялась, когда поняла, что осталась совсем одна... А вы не знаете, что с Атиусом? Он сегодня со мной не встретился. Ему плохо?

— С принцем все в порядке. — Шагающий рядом беловолосый мужчина не ступал и даже не моргнул. — Но вы должны понимать, что ли'Тон не только ваш любовник, но и важное политическое лицо. И очень часто дела Цесса, а впоследствии империи, будут требовать его личного участия. Вам незачем беспокоиться о его отсутствии. Оно временное.

Ясно. Правды от него я не услышу. Мне будут лгать. Причем качественно и с полной самоотдачей. Вон с какой искренностью смотрит! И ведь не подслушай я разговора ремонтников, однозначно бы поверила! Кстати, слово «любовник» из его уст прозвучало совсем не так, как из тетиных. Обыденно. Как само собой разумеющееся. Без скрытой издевки. Вот и наглядное доказательство того, что цессяне на самом деле подобные

отношения считают нормой.

А еще они совершенно равнодушно воспринимают, когда за дверью отсека, которая раскрылась отнюдь не сразу после того, как мы подошли и Керас коснулся датчика оповещения, оказывается весьма своеобразно одетый тип. Вернее, практически не одетый, потому что полотенце, обернутое вокруг бедер, вряд ли вообще можно назвать одеждой.

Подобный облик альбиноса нисколько не смущает. И он, доказывая это, лишь коротко сообщает:

— Наследнице нужно поговорить с вашей гостьей.

— Вот как? Ей нужно! Значит, мои просьбы она игнорирует, а я ее желания должен исполнять? — язвительно хмыкает дядя, даже не взглянув на меня. Кривится и категорично отрезает: — Никаких разговоров.

Это он сказал зря. Потому как цессянин меняется моментально и кардинально: поза становится напряженной, взгляд пронзительным, а в голосе появляются непререкаемо жесткие нотки:

— Статус наследницы выше вашего, а функции опекуна, которые давали вам право для принятия подобных решений, вы потеряли, когда Дейлина Мео Мун согласилась стать фавориткой Атиуса ли'Тона. Соответственно ее приказы и пожелания вы обязаны выполнять без обсуждений. Это напоминание. Первое и последнее. Если вы еще раз позволите себе проявить подобное неуважение и нарушите субординацию, предупреждений не будет. Вы покинете корабль либо территорию Цесса незамедлительно, без права на возвращение.

Я впечатлилась, наверное, ничуть не меньше, чем иперианин. Сильно сказано. Но ведь верно. Возразить нечего. Нечего... но как хочется! Не мне. Дяде. Гримаса на его лице весьма выразительная. Однако нотацию он выслушивает и даже соглашается:

— Вы правы. Прошу прощения, мне трудно вот так сразу изменить свое восприятие, ведь оно основано на том, что моя племянница должна была стать женой, а не фавориткой. Статус непривычный, и те права, которые за ним закреплены, для империи новы.

Обвинение в ответ на обвинение. Умно. Расчетливо. И в точку, потому что Керас тут же прекращает дискутировать, лишь коротко кивает, принимая объяснение. И именно это заставляет меня перейти в наступление. Хватит плыть по течению и ждать, что все решится само собой!

— Где Лурита? — коротко интересуюсь.

Прежде чем ответить, дядя оглядывается, его губы кривит нехорошая усмешка:

— В постели.

С трудом сдерживаю негодование. Доигралась подружка! «Не собираюсь влюбляться! Ничем не рискую!» Иперианок он не переносит? Ха! Три раза! Вот оно передо мной, раздетое и наглядное подтверждение обратного!

Стоп! Но ведь влечение так быстро не развивается. Значит, либо Лурита мне не всю правду рассказала, либо... И от этого «либо» холодеет в душе, потому что его последствия будут ужасны. Однако в голове не укладывается, что дядя способен на насилие. Да, морально, словами он мог унижить, но в действиях никогда себе ничего подобного не позволял!

— Мне нужно ее видеть. Я могу зайти? — Старательно подавляю нехорошие подозрения.

— Какие вопросы? Все что угодно для фаворитки цессянского принца, — пафосно восклицает дядя, прижимая руки к голой груди. И спохватывается, бросая на себя взгляд: — Простите, вид у меня неподобающий! Не успел подготовиться к визиту. Нижайше прошу в следующий раз предупреждать меня заранее. Впрочем, о чем я? Сам виноват! Плохо воспитал наследницу, не привил всех правил хорошего тона. Моя вина!

Он горестно возводит глаза к потолку. Я ответить не успеваю, цессянин реагирует быстрее:

— Ли'Тон исправит ваши упущения, если сочтет, что в этом есть необходимость. В настоящее время наследница не обязана извещать вас о своих действиях и намерениях. На вашем месте я бы просто привел себя в надлежащий вид, а не признавался в собственной некомпетентности.

И снова возражений я не слышу. Лишь покорный поклон и шаг назад. Секундная заминка, и взгляд хитрых зеленых глаз, одаривающий альбиноса демонстративным беспокойством.

— Надеюсь, Дейлина зайдет одна, а вы проявите тактичность, не станете смущать мою гостью и останетесь за дверью? Девушка, как и я, не ждала визитеров.

Ответа он не ждет. Снова склоняет голову в поклоне и исчезает в полутьме комнаты. Керас же, ободряюще мне кивнув, указывает внутрь и отступает.

Понятно. Дальше я сама.

Торопливо вхожу, пока дядя не вернулся, и осматриваюсь. Каюта небольшая, но, как и все остальные, разделенная на зоны. Одна из них, изолированная задернутой легкой занавесью, вне всяких сомнений — спальня. И именно туда я заглядываю в первую очередь.

Лурита, к моему удивлению, спит и на происходящее никак не реагирует. Даже когда я сажусь рядом и трясую ее за плечо, в себя не приходит. Но чисто внешне с ней все в порядке. Дыхание ровное, лицо спокойное, синяков не вижу, губы не искусанные, улыбаются даже. Правда, из одежды на ней лишь рубашка, причем мужская, а ниже пояса девушка одеялом укрыта.

— Что с ней? — спрашиваю, почувствовав движение сзади.

— Устала, — слышу в ответ горестный вздох.

Дядя обходит кровать, садится с другой стороны, заботливо поправляет одеяло, убирает прядку волос, которая закрывает шею иперианки, и говорит все с теми же сочувствующими интонациями:

— Думаешь, ночь со мной — это легкая физическая нагрузка? Впрочем, откуда тебе знать, ты же с Атиусом подобных упражнений еще не практиковала... — Замолкает, смотрит на меня с оттенком трагизма, а затем резко меняет выражение лица и смеется: — Дейлина, неужели поверила? Я же не идиот! А ты вообще в курсе, что у Луриты ко мне влечение есть? Она мне вчера настолько недвусмысленно его продемонстрировала, что пришлось дать ей снотворное. Иначе от перевозбуждения твоя подружка набросилась бы на меня и... — Он усмехается, смотрит на спящую красавицу и качает головой: — Какие же вы, девочки, глупые...

Мы не просто глупые, мы самонадеянные идиотки! Одна в моем лице, потому что позволила подруге пойти на риск. Вторая в лице зеленоволосой актрисы, которая заигралась, потеряла бдительность, и теперь, даже если до этого истинного влечения к дяде у нее не было, оно обязательно появится. Ночь рядом друг с другом на одной кровати просто так бесследно не проходит. Да и раздевалась ведь Лурита не сама, значит, тактильный контакт был.

— Интригам вам еще учиться и учиться, — тем временем продолжается нравоучение. — Впрочем, для Луриты это уже не актуально, я не позволю ей в этой грязи извлекаться, будет под моим присмотром, раз уж ухитрилась влюбиться. А вот тебе, если не хочешь оказаться в итоге всеми забытой и задвинутой на второй план, если хочешь выжить на Цессе и на самом деле занять то место, которое положено по статусу, а не влачить жалкое существование, нужно научиться видеть не внешние проявления, а то, что лежит в их основе. Полагаешь, Атиус такая душка, каким кажется? Он игрок. Жесткий, расчетливый и прагматичный. Использует тебя, получит то, к чему стремится, и выбросит, даже не поморщится. Я всеми силами стараюсь тебе помочь, а ты делаешь все, чтобы мне в этом помешать!

Голос, который до этого звучал рассудительно, постепенно становится раздраженным:

— Неужели не понимаешь, что в одиночку ты не справишься с тем, во что вляпалась? Быть женой и быть фавориткой — это отнюдь не одно и то же! И если в первом случае я бы с легкостью тебя отпустил в свободное плавание и вернулся на Ипер, то во втором это для меня невозможно. Огина бы мне этого не простила. Она даже подумать не могла, что ты станешь фавориткой. Атиус своим предложением спутал все планы! — сердито бросает дядя, хлопнув ладонью по колену. — Назвал бы тебя женой, и проблем бы не было! Так нет же, этот альбинос все вывернул наизнанку. А мне теперь возись с тобой... В общем, так, слушай внимательно и запоминай, повторять не буду. Не сделаешь правильных выводов — пеняй на себя, я умываю руки.

Он на короткое время замолкает, прищуривается, словно что-то вспоминая. И наконец говорит, бесстрастно чеканя каждое слово:

— Как фаворитка, ты уязвима хоть до церемонии, хоть после нее. До, конечно, сильнее, потому что любовник от фаворитки может отказаться в любой момент до свадьбы. Но тут все же позиции за нами — Атиус этого не сделает, иначе не видать ему императорства. А вот после церемонии ты станешь для него обузой, от которой он не в состоянии избавиться, но может убрать с глаз долой, чтобы не мешалась под ногами. Поэтому ты должна сделать все, чтобы он в тебя влюбился сейчас. До того, как найдет себе жену. В этом случае свадебный обряд, несмотря на то, что ты будешь танцевать с принцем во вторую очередь, привяжет Атиуса к тебе сильнее, чем к жене, с которой он будет танцевать первой. Кстати, как я понял, к ней он тоже испытывать каких-либо чувств не планирует. И это хорошо, потому что это лишь усилит влюбленность в тебя. Тогда ты будешь для альбиноса всегда на первом месте. Это понятно?

— Более чем, — лаконично подтверждаю и замолкаю, опасаясь выдать свои истинные чувства.

Наверняка я бы воспользовалась советами дяди как руководством к действию, если бы не одно «но». Результат, который я получу, если буду им следовать, будет противоречить тем целям, которые я себе поставила. Это во-первых. А во-вторых, не верю я в искренность родственника. Он не лжет, но кажется мне, что движет им вовсе не забота о моем будущем и отнюдь не дань памяти моей маме. Что-то иное. Более глубоко и тщательно спрятанное. Дяде нужно, чтобы Атиус был в меня влюблен и держал рядом с собой именно после того, как станет императором.

Ох, как же это нехорошо!

— Надеюсь... — Дядюшка смотрит на меня с изрядным сомнением, а когда я нервным движением стискиваю пальцы, он с нажимом проходит ладонями по лицу и устало выдыхает: — Дейлина! Я знаю, что тебе хотелось бы иной судьбы. Но ты свой выбор сделала... Хотя нет, не ты. За тебя его сделали те, кто изначально допустил смешанные династические браки и спровоцировал потерю у наследниц расовых способностей. Теперь исправить это уже невозможно, надо лишь найти способ использовать создавшееся положение с максимальной выгодой для себя.

Говорит он искренне, что бывает совсем не часто. Впрочем, чтобы как следует расчувствоваться и проникнуться, у меня времени не хватает — Лурита коротко зевает, потягивается и, открыв глаза, с недоумением хлопает ресничками.

— Все! — немедленно реагирует дядя. — Свободна!

Н-да... Замашки у него остались прежними. И нотация Кераса не помогла. То есть наверняка в присутствии цессян дядюшка будет вести себя осмотрительно и предупредительно, а наедине проявлять привычную ему хамоватость.

Он снова играет. А я? Меня чему все учат, показывая на личном примере, как именно нужно себя вести? Пожалуй, можно продемонстрировать, чему научилась.

— Сначала поговорю с Луритой, — непререкаемо заявляю. — А если есть возражения, я их с удовольствием выслушаю в присутствии Кераса.

Секунду дядя смотрит на меня изумленно, а затем хохочет, едва не падая на кровать.

— Ну, Дейлина! — выдавливая сквозь смех. — Не ожидал. Молодец! Все-таки есть у тебя зубы, а я думал, ты совсем бесперспективная. Ох... — натужно выдыхает он, вытирая слезы, и встает. — Ладно, болтайте, только недолго. А то цессяне решат, что я вас тут обеих насильно удерживаю.

Снова хохочет, на этот раз практически беззвучно, и исчезает за дверью, ведущей в столовую.

— Что происходит? — Лурита по-прежнему ничего не понимает. Приподнимается, усаживаясь на кровати, встряхивает головой и сжимает ее руками, пропуская волосы сквозь пальцы. — Голова кружится, — жалуется.

— Еще бы она не кружилась! — шиплю максимально тихо, оглядываясь и проверяя, плотно ли закрылся проем. — Это ты мне скажи, что происходит! Ты что тут вчера натворила?

— Я? — Девушка хмурится, осматривает помещение, наконец замечает, где находится и в каком виде. Ахает, прикрывая ладонью рот, и округляет глаза. — Дей, я что, с ним спала?!

— Он тебе снотворное дал, — успокаиваю подругу. — Похоже, ты тут настоящий спектакль разыграла. И малость перестаралась. Так?

Лурита краснеет, бормочет что-то невразумительное, потом молчит, покусывая губы.

— Я думала, он меня оттолкнет, — наконец шепчет едва слышно. — Когда пришла, Джаграс в такой ярости был, ты не представляешь даже! Ругался, грозился собственными руками задушить тебя, неблагодарную. Сначала приказал мне убираться вон, едва за дверь не выставил. А когда я намекнула, что расскажу о его словах Атиусу, затащил обратно. Ну и... да, я увлеклась. А он, решив, что я ему симпатизирую, сказал, что я похожа на маму — такая же настырная и непредсказуемая. А еще в запальчивости не заметил, как назвал меня ее именем. Дей... — Лурита говорит настолько тихо, что мне приходится склониться к ее лицу. — Мне кажется, Джаграс был в нее влюблен, а она его не любила, раз замуж за моего отца вышла. Вот твой дядя и обозлился на всех иперианок. Потому и не женился. Представляешь, как ему было нелегко!

— А теперь ты компенсируешь ему то, что он не получил от твоей мамы! — не удерживаюсь я от укора. — Он же тебя не выпустит, пока не добьется полноценной симпатии! Ну и того, что из нее вытекает, — недвусмысленно кручу рукой в воздухе, зная, что она и так все прекрасно понимает.

— Пусть так, — шепчет иперианка. — Дей, мне его жаль. Это очень больно — не иметь возможности быть с тем, кого любишь!

Ну вот. Классический пример того, как проявляет себя спровоцированное мужчиной влечение, если девушка позволяет ему развиваться. Теперь у Луриты только один-единственный способ обрести свободу и избавиться от болезненной тяги к дяде — с ним переспать. Надеюсь, что он не будет с этим тянуть. Знает ведь, что чем раньше это произойдет, тем быстрее исчезнет влюбленность.

— Может, тебе вернуться в свою каюту? — Хотя и понимаю, что вопрос бессмысленный, но все же его задаю.

— Нет... — Лурита весьма активно мотает головой. — Я останусь.

Останется. Понятно, что для нее сейчас объект, к которому организм чувствует физическое влечение, на первом месте. То есть я на пару дней лишаюсь подруги. Мне придется довольствоваться компанией Кераса или же, как предлагал Атиус, взять себе временную компаньонку из цессянок.

На второе я так и не решилась. Предпочла гулять по кораблю в сопровождении альбиноса и еще двух телохранителей. Те, правда, старались держаться на расстоянии и в процесс моего знакомства с бытом цессян не вмешивались. А вот Керас, наоборот, весьма активно и охотно обо всем рассказывал и все показывал.

Жилые секторы, которых здесь, оказывается, не два, а целых шесть! Просто в плане

вильюрера остальные не высвечивались, потому что там сейчас нет гостей.

Оружейные склады, где в боевой готовности ждет своего часа устрашающая на вид военная техника.

Технические зоны, снабжающие весь корабль энергией, пищей, материалами.

Места для активного отдыха персонала и гостей. К ним, кстати, относится не только спортивный комплекс, но и некое подобие оранжереи — уголок настоящей природы среди безжизненных механических конструкций...

Одного дня на то, чтобы все осмотреть, мне не хватило. Впрочем, мой экскурсовод против того, чтобы я его использовала в этом качестве и на следующие корабельные сутки, не возражал. Видимо, было у него на это разрешение Атиуса. Жаль только, что разговорчивость Кераса ограничивалась исключительно сведениями, необычайно интересными с позиции жизненного опыта, но которые ничем не могли помочь мне в реализации моего плана. На личности альбинос не переходил, о своей семье ничего не рассказывал, я даже не смогла выяснить, женат ли он и имеется ли у него фаворитка.

Мое разочарование достигло максимума к концу второго дня, когда я окончательно убедилась, что сглупила, выбрав мужчину в качестве источника информации. А потому спать я легла с твердым намерением на следующий день затребовать другое сопровождающее лицо. Женского пола.

Десять кораблей на фоне глубокой черноты космоса... Летят параллельным курсом, так близко, что можно детали конструкций рассмотреть. И не просто рассмотреть, но еще и выводы сделать.

О чем? Ну хотя бы о том, что три корабля цессянских. Обтекаемые формы, гладкие элементы, да и белый цвет корпусов об этом недвусмысленно свидетельствует. Культивируют альбиносы свое пристрастие к этому колеру. А вот принадлежность остальных кораблей остается для меня загадкой. Два синих, плоских, словно блинчики. Два фиолетовых, больше похожих на вертикально поставленные столбы с нанизанными на них кольцами. Один серый, почти круглый, ощерившийся иглами и снабженный двумя длинными хвостовыми лопастями. Еще один — красный, напоминающий иглу, расширенную в передней части и сильно сужающуюся в задней. Последний корабль самый необычный — зеркальный. И поэтому точно описать его форму необычайно сложно. Я его даже не сразу заметила. И вообще поначалу приняла за дефект на экране, который показывал мне ближайшее к крейсеру космическое пространство.

— Красота какая... — с придыханием констатирую, налюбовавшись впечатляющим зрелищем. — А чьи это корабли?

Вопрос заставляет мою новоявленную компаньонку, которую Керас соизволил ко мне приставить, замереть. Несколько секунд она соображает, что ответить, и наконец испуганно лепечет, пряча глаза:

— Простите, но я не знаю...

И сразу понятно становится, что все она знает, просто сведения относятся к категории не подлежащих разглашению. Потому я и не настаиваю. Для меня информация не самая важная — просто любопытно, а у девушки будут проблемы. Она и так в постоянном напряжении. Ее основательно нервирует новая, свалившаяся на голову работа. И понять цессяночку можно: из сотрудницы службы поддержки внутренней связи на корабле превратиться в няньку для фаворитки принца. Совершенно иная специализация.

Вот только у Кераса на этот счет оказалось свое мнение. Несомненно, основанное на том, что альбиносочка ему родственница. Жена или фаворитка, мне не соизволили сообщить, но при любом варианте контролировать и управлять ее действиями ему проще.

— Не важно. — Я с легкостью снимаю поставленный вопрос, стараясь хоть этим расположить девушку к себе. Следом за ней иду на выход, потому что время уже позднее. Мы и так в обзорке два часа провели. — Спасибо, что показала мне зал. Я ведь

сюда даже не додумалась бы зайти. Сколько раз с Керасом мимо проходила! И почему на корабле все стены одинаковые? Ни указателей, ни рекламы. Представляешь, как было бы замечательно... — Я оглядываюсь на закрывшийся за нашими спинами проем, широким жестом развожу руки, показывая, где именно должна располагаться сия надпись, и возглашаю: — Не проходите мимо! Только для вас — грандиозные и завораживающие дали открытого космического пространства!

Моя спутница наконец-то улыбается, видимо, все же открытость и непринужденность общения срабатывают. Однако на этом все и заканчивается. Комментариев я от нее не слышу, как и объяснений. Уверена, Керас и тот больше бы рассказал. Я взвыть готова! У меня ощущение, что я бьюсь в дверь, которая накрепко замурована и открываться не желает.

Именно поэтому, после того как оказываюсь на пороге своей каюты, от дальнейшего общества альбиносочки тактично отказываюсь и отпускаю ее на все четыре стороны. Второго раунда игры «уйди от прямого ответа» я не вынесу, первого, утреннего, мне более чем хватило. Ведь на любой вопрос меня посылали... во дворец. «Какие платья носят на Цессе?» — «Вас это не должно беспокоить. Во дворце прекрасные портные, они подберут идеальный гардероб». «Ты так замечательно уложила волосы! Где-то училась?» — «Это умеет делать любая цессянка. Но парикмахеры во дворце, разумеется, учатся специально». «На корабле есть дети?» — «Нет, но во дворце они будут. Вы все сами увидите». Как я не взбесилась — уму непостижимо.

Отставку она принимает с облегчением, которое явно читается не только в выражении сиреневых глаз, но и в том, с какой скоростью девица исчезает за поворотом коридора. А я после ужина и оставшихся вечерних часов в одиночестве решаю, что пора вытаскивать из дядиной каюты Луриту. Мне подружка нужнее, чем дяде, а двух суток, чтобы разобраться с возникшим у нее влечением, им должно было хватить.

Вот только мысль эта приходит мне в голову лишь тогда, когда я уже переоделась, в кровать залезла и все постельные принадлежности скомкала в бесполезных попытках уснуть. В моем воображении Лурита, о которой я беспечно забыла, оставив на растерзание дядюшке, меня звала, плакала. В моей голове рождались резкие, жесткие слова обвинений, которыми он ее награждал и унижал вместо того, чтобы пожалеть. И использовал... в свое удовольствие. Два дня! Бедная, как она это выдержала! А я? Как я могла о ней не побеспокоиться? Не проведать и не проверить, как у нее обстоят дела?

Вертелась я и мучилась угрызениями совести до тех пор, пока простыня не сорвалась с одного из фиксаторов. Попробовала привести ее в порядок — окончательно выдрала из других; попыталась натянуть самостоятельно — поняла, что одной сделать это можно, только имея минимум три руки. Выругалась. Схватила было за вильерер, чтобы вписать в него свое намерение покинуть каюту, место назначения и соответственно сообщить о своей готовности дожидаться сопровождающего, а потом передумала.

Во-первых, Атиусу до меня нет дела, раз за все это время он ничем и никак не дал о себе знать. Следовательно, на запросотреагирует Керас, который меня курирует. А он, вне всяких сомнений, уже спит. Как я могу прервать его крепкий и столь необходимый сон? Во-вторых, Керас, возможно, спит не один, а с женой. Или фавориткой. То есть с некоторой долей вероятности не совсем спит. А я не хочу лишать идеальную цессянскую семью маленьких радостей жизни! В-третьих, предупреждать дядю себе дороже. Он подготовиться успеет и наверняка какую-нибудь пакость придумает. Например, предупредит того же Кераса. То есть опять же бедный альбинос лишится законного отдыха. В-четвертых... Так. Стоп. Трех оправданий вопиющего несоблюдения данных мне указаний более чем достаточно.

Решив не тратить время на долгий процесс переодевания, просто заворачиваюсь в светло-зеленую простыню, которая, в силу своих размеров, легко превращается в плащ. Даже с капюшоном. Потому что привлекать к себе внимание ни черным одеянием (ведь нет у меня светлых платьев), ни такими же волосами я не желаю. Предпочту остаться неузнанной. А если все же кто-то настырный попадется на пути и пожелает выяснить мою личность...

— Ты же мне поможешь? — нежно глажу шигузути, прильнувшего к груди. Плотно запахиваю импровизированную накидку, скрепляя для надежности маленькими магнитными фиксаторами, надвигаю на лицо капюшон и выскользываю в коридор.

Просто счастье, что цессянская служба безопасности не выставила перед моей каютой охрану! Впрочем, этим я прежде всего сама себе обязана. Потому что убедила Атиуса в своей лояльности и послушании. Ведь все это время регулярно извещала его о своих планах.

«Ночь» на крейсере ощутимо отличается от «дня». Да, они, как и на Рооотоне, весьма условные, но все же цессяне стараются имитировать световой режим, который имеется на их планете.

Вот и оказываюсь я в совершенной тишине и полумраке. Приятное сочетание. Настолько, что я, не желая нарушать гармонию, с непередаваемым удовольствием снимаю туфли и закидываю их в каюту. А потом босиком, бесшумно и легко, едва ли не подпрыгивая от радостного воодушевления, которое наполняет душу, скольжу в неверном голубоватом свете напольных светильников.

Как же это замечательно, когда тебя никто не контролирует! Когда ты точно знаешь, что никого нет рядом! Когда нет необходимости следить за тем, что делают другие, и искать в этом скрытые мотивы. Когда не нужно продумывать каждое слово, движение, жест, взгляд, шаг...

Шаг. Еще один. Останавливаюсь, сообразив, что, пребывая в радужной эйфории, перестала следить за маршрутом и теперь не понимаю, куда идти дальше. Из своего жилого сектора я вышла, а во второй, где каюта дяди, не попала. Наверное, повернула не туда.

Возвращаюсь обратно... То есть мне кажется, что возвращаюсь, а на самом деле снова попадаю не в ту точку пространства, в которую хотела. В общем, теряюсь окончательно. План корабля, который услужливо высвечивается на моем коммуникаторе, не шибко помогает. Указателей нет, и мне никак не удастся сориентироваться и определиться с местом нахождения. Я как в воду глядела, когда цессянке на однообразие коридоров и стен жаловалась.

И даже помощи попросить не у кого — я ведь не в технической части корабля, а в жилой. Тут покой пассажиров никто не тревожит. Тем более ночью.

Постояв в раздумьях и прикинув, как именно шла до этого, я все же корректирую маршрут и ухитряюсь выйти на развилку шести коридоров, которую мне удастся соотнести с аналогичной на карте. Некоторое время колеблюсь, определяя правильное направление. Выбираю коридор, в глубине которого виднеется расширение с голубыми диванчиками и растениями. Я точно такое видела в прошлый раз, когда шла с Керасом к дяде, — убеждаюсь в этом, едва подхожу ближе. А дальше все просто: второй поворот от него, ведущий вглубь сектора, третья по счету дверь...

Прикладываю ладонь к датчику оповещения, ожидая, пока дядя мне откроет. Морально готовлюсь к очередной порции колкостей, насмешек и нравоучений, однако приятно удивляюсь, когда дверь просто приглашающе раскрывается, а за ней не оказывается никого.

— Заходи! — Приглушенный шумом воды и от этого трудноразличимый голос доносится из ванной.

Ну а чего еще я ожидала, явившись без приглашения? Он и в прошлый раз из нее вынужденно вылез, когда мы с безопасником явились. Наверняка сегодня решил, что можно обойтись и без повторения этого подвига. Кстати, а ведь это шанс быстренько утащить Луриту, пока он занят! А потом пусть Атиус или Керас дядюшкины претензии выслушивают! Главное, подружка уже будет у меня.

Бегло осматриваюсь, радуясь, что не закрыла дверь и сквозь проем в каюту попадает хоть немного света, ведь в ней самой освещения нет совсем. Однако, как и в прошлый раз, девушки не обнаруживаю. Уже спит? Или опять спит? Может, дядя ее постоянно на лекарствах держал?

Мне становится не по себе. Чувство вины и страха за подругу охватывает гораздо сильнее, чем та радость, с которой я сюда шла. Неужели я снова совершила ошибку, когда позволила Лурите остаться?!

Бросаюсь к занавеси, за которой стоит кровать.

— Лурита, — зову тихо. Ответа не получаю и забираюсь на спальный плацдарм, добираясь до темного возвышения в центре. — Лу-ри-та! — принимаюсь его трясти и...

Ой! Вместо того чтобы почувствовать плотное тело, мои руки неожиданно проваливаются в мягкую массу одеяла, под которым... Под которым никого нет!

А где же подружка? В ванной вместе с дядей?

— Почему так рано? Я думал, у меня еще есть время, — как гром с ясного неба обрушивается на меня сильный и совершенно незнакомый мужской голос.

Замираю, ощутив, как от испуга и понимания того, что оказалась в чужой, а не дядиной каюте, меня словно холодным душем окатывает. В этот самый миг исчезает наваждение, которое толкало меня на совершенно безумное ночное путешествие, и я с пугающей ясностью понимаю, какие творю глупости.

Вот я идиотка! Что вообще на меня нашло? Такое чувство, будто кто-то за меня решил, что именно нужно делать и, отключив рациональное мышление, заставил исполнить задуманное. Наваждение!

— Если ты не против, я свет не буду включать, — говорит мужчина. В комнате становится совсем темно, потому что он закрывает дверной проем, а затем я слышу мягкие шаги, приближающиеся к кровати.

То, что занавесь отдергивается, я тоже больше на слух воспринимаю, да еще движение воздуха ощущаю, а потом и волнообразное, укачивающее колебание матраса, когда незнакомец на него опускается.

Несколько секунд он сидит в молчаливом напряжении, словно прислушивается к моему сбившемуся, частому дыханию и бешеному стуку сердца.

— Прости, я не хотел, чтобы так получилось, — наконец вздыхает, словно понимает, насколько я напугана, и не хочет пугать еще сильнее. И я слышу беспокойство в его голосе, когда в темноте раздается вопрос: — А ты уверена в своих желаниях? Не ошиблась?

Если до этого я еще сомневалась в том, кого именно он ждал и зачем, то теперь мне все становится ясно: девушку, чтобы возникшее к нему влечение убрать. Дихол! Да это не военный крейсер, а рай для озабоченных мужчин! Впрочем, не похоже, чтобы он намеренно провоцировал.

— Ошиблась, — быстро бормочу. — То есть... извините... Я каюты перепутала. Не к вам шла.

Ошарашенное молчание в ответ, и я, осторожно нащупывая путь, принимаюсь отползать к противоположному краю, намереваясь слезть и сбежать.

— Не ко мне? — растерянность и любопытство словно соревнуются в голосе незнакомца. — Подожди, пожалуйста, не уходи, — просит он настолько искренне, что я невольно останавливаюсь, так и не покинув уютных просторов кровати.

— Зачем? — интересуюсь и напоминаю: — Вы ведь другую девушку ждали. Она скоро придет.

— Не скоро. Через полчаса. Я потому и удивился, что ты так рано появилась. Скажи, только не обижайся, пожалуйста... ты ведь... — Он запинается, но все же заканчивает: — Ты ведь к кому-то шла? Я хочу разобраться. Возможно, у вас это принято?

Постановкой вопроса я заинтересовываюсь:

— У кого — «у нас» и что именно?

— У цессян. А что — в смысле... — Незнакомец заметно теряется, подбирая корректные слова. — Осознанно получать физическое влечение, чтобы услужить гостям и

отблагодарить за оказанную услугу. Понимаешь, — торопливо продолжает, — единичный факт еще может быть случайностью, но когда их больше, да еще и происходят они одновременно... Знаешь, у меня изначально было подозрение, что девушка, которую я жду, намеренно оказалась со мной в контакте.

— А как это произошло? — Вместо того чтобы ответить на его вопрос, я начинаю задавать свои.

— Смотрел, как рабочие демонтируют стазисную капсулу, в которой проходил лечение принц Атиус. Устройство не самое компактное, а в медотсеке вообще ограниченное пространство для маневров и много персонала. Вот мы и столкнулись. Да еще именно в тот момент, когда фрагменты конструкции в нашу сторону двигаться начали. Мне пришлось девушку отдернуть в единственный остающийся безопасным угол и практически в стену собой вжать, чтобы не получить повреждений.

— Полагаете, она это подстроила, имея определенную цель?

— Поначалу у меня все же были сомнения, но теперь их уже почти нет. В медотсек меня пригласили, хотя в этом в общем-то не было такой уж необходимости. Девушка была готова к тому, что у нее возникнет влечение, ведь не возмутилась и не попыталась оттолкнуть. Скорее, наоборот, сама еще тесней прижалась. А через сутки я получил приглашение провести с ней ночь на крейсере ли'Тона. И, похоже, не я один такой счастливчик. Ты вот тоже гуляешь ночью по гостевому сектору... А цель... Цели я не понимаю. Потому и прошу тебя помочь мне разобраться.

— При всем желании, — вздыхаю, — увы, я вам ничего не могу рассказать.

— Тебя используют вслепую? Или, если начнешь говорить, тебя накажут? — делает закономерный вывод незнакомец и тактично отступает: — Понимаю. Не буду настаивать.

— Да нет, я в общем-то не это имела в виду, — успокаиваю его шепетильность. — Просто я не к мужчине шла, а к подруге. И чуток заплутала. Так уж вышло. — Развожу руками, хотя понимаю, что он моего жеста не увидит. — А предположений могу высказать сколько угодно, только они вам вряд ли помогут.

— И все же я с удовольствием их выслушаю. — Мне кажется, что он улыбается.

— Хорошо. Первое. Кому-то понадобилось, чтобы вы в нужное время находились в нужном месте. То есть именно в эту ночь и именно на этом крейсере. Или же, с равной вероятностью, просто отсутствовали на своем корабле.

Говорю об этом уверенно, ведь в том, что незнакомец не альбинос, у меня нет никаких сомнений. Стопроцентно он с одного из тех транспортников, на которые я в обзорке любовалась.

— Второе. Обеспечить вас фавориткой-цессянкой. Вдруг вам девушка очень-очень понравится и вы не захотите с ней расставаться. Могло же так получиться? Если, конечно, вы империанин и законы империи на вас распространяются.

О последнем упоминаю с умыслом, надеясь, что он свою расовую принадлежность назовет.

— Империанин, — неожиданно подтверждает мужчина, чем вводит меня в основательный ступор.

Как это империанин? Роотонец? Но ведь в темноте ничего не видит. Иперианин? Точно нет. В его речи никакой наигранности! Зоггианин? Полный абсурд. Те никогда своей планеты не покидают. Кто же тогда?

— Уже три дня как империанин, — спокойно уточняет невидимый собеседник. — На последнем заседании имперского совета наконец-то был одобрен запрос моей планеты на включение в состав империи.

Изумляет меня не срок, а произнесенное с долей разочарования «наконец-то». Что это значит? Ведь дядя Ют постоянно жаловался, что никто больше присоединяться не желает! А дядя Джаграс именно поэтому так ухватился за предложение Цесса и на меня

давил.

— Долго вы ждали? — пытаюсь разобраться. Вот только от его ответа у меня холодеет в груди, а волосы начинают шевелиться от ужаса, когда услышала, какие все это время велись бесчестные политические махинации.

— Два года назад Ит Мун ро'Лон лично вел с нами переговоры по расширению империи. Это была его инициатива. Он и его жена несколько дней провели с дипмиссией не только на моей планете. Насколько я знаю, о своей готовности присоединиться в то время заявляли еще шесть звездных систем. Были подписаны предварительные соглашения, оставалось лишь дождаться официального решения совета, но... Имперский флот не вернулся на Рооотон. Император погиб вместе с женой. Мы послали второй запрос регенту-императору, но рассмотрение затянулось. О причинах я могу только догадываться.

Невероятно! Выходит, мама именно на это намекала, обещая по возвращении сюрприз к моему совершеннолетию? Мне сказала, что они с отцом летят погостить на Ипер, а на самом деле столько планет посетили в поисках жениха? Возможно, даже не одного. То есть... То есть у меня мог быть выбор, а меня его лишили после смерти родителей! Намеренно!

В последнем я ни на миг не усомнилась. Не может это быть случайностью! Вот только который из дядей имеет к этому прямое отношение? Или оба? Или они сами лишь марионетки в руках тех, кто подставил под удар моих родителей?

— Прости, я, наверное, напрасно об этом так подробно рассказал. Тебе это неинтересно. — Собеседник принимает мое молчание за нежелание говорить.

— Очень интересно! — спохватываюсь. — Вы даже не представляете, в каком мы находимся информационном вакууме. Я, например, о том, что империя стала больше, даже не слышала.

— Вот как? — В голосе слышится сомнение. — А ты... Ты кем работаешь на крейсере? Как тебя зовут?

— Дей, — сокращаю имя, надеясь, что он не догадается. И, чтобы не вспомнил о профессии, перехожу в наступление: — А вас?

— Атис, — легко произносит визави.

— Как?! — Я едва не задыхаюсь от изумления. — У вас имя почти как у принца Атиуса!

— И что? — Сравнение моему собеседнику не нравится. — У тебя оно тоже очень созвучно с именем наследницы. Но я же этому не поражаюсь до глубины души.

— А вы с ней знакомы? Может, были на церемонии, когда ли'Тон просил ее стать его фавориткой? — не удерживаюсь от вопроса. Вдруг еще что новое узнаю.

— В церемонии мы не могли участвовать, потому что на тот момент еще не были в составе империи, — отвечает Атис не слишком доброжелательно. Видимо, не по душе ему этот факт.

— Да, точно... — Я мысленно ругаю себя за то, что не удосужилась сопоставить время и события. — А вы тоже принц?

— Сначала я хотел бы получить ответ. — В его интонации все больше подозрения и беспокойства. — Кто ты, Дей?

Понятно. Милая задушевная беседа превращается в допрос. А все почему? Потому что у кое-кого не хватает ума вовремя придержать язык! И зачем я о его статусе спросила? Мне это так нужно знать? Теперь придется выкручиваться. А ведь как не хочется врать! Хотя, казалось бы, чего легче сказать, например, что я горничная. Или еще что-нибудь придумать. Так нет же, не получается.

— Атис, — тихо вздыхаю, так и не сумев заставить себя солгать. — Простите, вам этого все же лучше не знать. Но я вам не враг. И никому о нашей встрече не расскажу.

Честно. И вообще мне не важно, кто вы. Это я не подумав спросила. Кстати, у меня же есть и третье предположение... — Воспользовавшись его молчанием, возвращаюсь к тому, о чем мы беседовали изначально: — Девушка могла только сделать вид, что увлеклась вами. И ее визит имеет иную основу.

— Почему ты так думаешь?

— Все женщины в составе экипажа с кем-то связаны, — беспечно выдаю ему то, что говорил мне Атиус. — Они либо фаворитки, либо жены. Новое физиологическое влечение для них невозможно. Разве что согласие на близость.

— Но в этом случае основной партнер, муж или любовник, при девушке должен дать мне свое разрешение. Иначе это все равно будет насилием, — едва слышно парирует империанин.

— Значит, она придет не одна, а с сопровождением, — говорю, не в силах найти иного объяснения. — Хотя нет. Это глупо. У нее ведь разрушится вся легенда о возникшем влечении, и вы просто выставите ее вон. Видимо, я ошибаюсь, и свободные девушки на крейсере все же есть.

Ха, ошибаюсь! Не я ошибаюсь, а кто-то нагло мне врет! Атиус, похоже, намеренно ввел меня в заблуждение относительно статуса женской части экипажа. Но зачем? Чтобы я не спрашивала о том, что они не хотят мне говорить?

— А ты свободна? — неожиданно интересуется Атиус. А когда продолжает, у меня возникает непреодолимое желание побыстрее исчезнуть из каюты. — Видимо, так. Ночью гуляешь, а не проводишь ее с партнером. Ищешь подругу в гостевом секторе. Заблудилась — значит, плохо ориентируешься на крейсере. И о цессиях говоришь свободно, а они друг друга никогда не обсуждают с чужаками. С какого же ты корабля, Дей?

Замираю, понимая, что еще немного, и он сам сделает нужный вывод.

Не сделал.

— Ладно, прости, я тоже не подумал, прежде чем задать вопрос, — разочарованно вздыхает Атиус после минутного молчания и вдруг спохватывается: — Может, тебе помощь нужна? Раз ты здесь, а не на своем корабле, то тоже могла попасть в неприятности. Или у меня уже развивается паранойя?

Последнее звучит с легким оттенком иронии. Горькой иронии.

— Это я виновата, — торопливо его успокаиваю. — Напридумывала глупостей и вас с толку сбила! А помощь... Очень неожиданное предложение. У меня не то чтобы неприятности... И не проблемы, а... временные трудности, наверное. Спасибо, но...

Путаюсь, подыскиваю слова, чтобы отказаться и его не обидеть, а потом замолкаю, почувствовав, как напрягся Атиус, и понимаю — не могу отказать. Вот не могу, и все. Точно так же, как не смогла солгать. Он ведь с такой искренностью помощь предложил! Не зная, кто я и какие сложности ему этот шаг может создать. И взамен ничего не попросил.

— Я могу с вами связаться, если возникнет необходимость?

— Конечно. Ты всегда можешь на меня рассчитывать.

Сдержанная радость в его голосе кажется мне отражением того, что творится и в моей душе. У меня есть друг! На поддержку которого я могу рассчитывать! И он не обманет, потому что... Потому что не обманет! Я и в этом отчего-то уверена.

— Наверное, не стоит прошивать мой код в вильерер, иначе сообщения можно легко отследить. Я дам тебе накопитель, который просто крепится к коммуникатору. Он совсем незаметный, и включить его легко в случае необходимости. Согласна?

— Отличная идея!

Я едва не подпрыгиваю от нетерпения.

— Тогда...

Шорох сползающего с кровати тела, колебания матраса, глухой звук удара обо что-то мягкое, сдавленное «дихол!», а потом:

— Глаза прикрой, я свет включу.

— Только сла...

Спохватываюсь, но договорить не успеваю и тоже тихо ругаюсь, когда меня ослепляет яркая вспышка. Даже то, что я зажмурилась и закрыла ладонями лицо, не очень помогло.

— Прости, сейчас сделаю меньше, — сердится сам на себя Атис. — Да что ж у них тут датчики расположены шиворот-навыворот!.. Все.

Осторожно открываю глаза, чуть-чуть раздвигая пальцы. Теплый белый свет поднимается прямо от пола, заполняя каюту приятным свечением. И в нем фигура Атиса. Такая...

Впрочем, о чем я? Вовсе не фигуре я поразились, хотя, конечно, в раздетом состоянии есть на что полюбоваться — рельефности и изящности форм, упакованных лишь в полотенце на бедрах, мужчине не занимать. Но дело не в этом, а в том, что... Что похож он на Атиуса! До умопомрачения близкий типаж! Такие же белые волосы, разве что к кончикам в серо-голубой цвет уходят, удлиненная стрижка, даже брови белые. Оказывается, не только имена у них сходные!

К счастью, когда проходит первый шок, начинаю видеть, что отличий все же больше. Губы чуть более полные. Прямой нос, пожалуй, немного короче. Кожа не мертвенно-бледная, а вполне нормального телесного оттенка. Глаза светло-серые, без намека на сиреневый оттенок. И телосложение не хрупкое, а более плотное, крепкое. Хотя и нет в нем громоздкой массивности.

Фух! Значит, не цессянин. И не родственник Атиуса. А то я уж, было, перепугалась.

Привыкнув к свету, опускаю руки, радуясь, что Атис проявил тактичность и не стал меня рассматривать. Отвернулся и теперь сосредоточенно отыскивает в своей одежде, переброшенной через спинку кресла, обещанный накопитель. А я сижу, боясь пошевелиться и привлечь к себе внимание. Любопытно, он знает, как я выгляжу? То есть узнает меня или нет?

— Нашел! — наконец радостно восклицает он, а обернуться не успевает. Замирает, потому что в тишине каюты раздается стандартный вибрирующий сигнал, извещающий о госте, который ждет за дверью.

Посетительница! Мы ведь о времени совсем забыли!

Ахаю, сильнее надвигая капюшон на лицо, и спрыгиваю с кровати. Может, когда девушка войдет, мне удастся сделать вид, что я тоже зашла ради приятных минут физического контакта? Ну мало ли кто еще решил Доставить удовольствие себе и гостю!

Атис реагирует иначе, но столь же быстро. Я еще только на полу оказываюсь, а он уже стоит рядом, торопливо берет меня за запястье, крепит маленькую прозрачную капельку на браслет и инструктирует:

— Для активации просто сильно потри поверхность пальцем... — Едва заканчивает, без промедления отпускает руку и приказывает: — Прячься за мою спину. Я выключу свет и тебя прикрою. Она зайдет, а ты незаметно выйдешь.

Отличный план. И мне нравится, — он избавляет меня от лишнего внимания и подозрений. А ну как девушка доложит кому-нибудь, что Атис был не один?

— Спасибо!

Моя благодарность растворяется в тишине окутавшего нас мрака, и больше я уже ничего не говорю, опасаясь выдать посетительнице свое присутствие. А вот мой спаситель не молчит.

— Ты одна? — интересуется, когда раскрывается проем.

— Да, — слышится нежный женский голос. — Вы позволите мне войти?

Атис не двигается, лишь приглашающе отводит руку в сторону. Когда гостя переступает порог, он разворачивается и шагает к ней, вынуждая девушку пройти дальше, а мне открывая возможность для маневра.

— Я так счастлива, что вы приняли приглашение! Так боялась, что откажете!.. — лепечет за моей спиной цессяночка.

В этот момент мне больше всего на свете хочется не уйти незамеченной, а вернуться в каюту и выставить нахалку вон!

Ей везет. Дверной проем смыкается быстрее, чем я к нему поворачиваюсь лицом.

— Ладно, ладно... — многозначительно обещаю, испепелив взглядом белую матовую поверхность. — Посмотрим, как долго продлится твое счастье!

Шагаю по коридору, старательно выбрасывая из головы картинки того, что с высокой долей вероятности может происходить в каюте. Это не мое дело! Атис не глуп и найдет способ с наименьшими потерями от неожиданного подарочка избавиться, пусть даже и не слишком приятным для себя способом. А вот как мне спастись от Атиуса? Я ведь до сих пор не нашла для него удобную мне невесту. Увы, но пока не вижу толп желающих занять это место.

Останавливаюсь на развилке, которая так коварно изменила мои ночные планы, и тихо вздыхаю:

— Мне б кого-нибудь приметить...

ГЛАВА 3

На одиннадцать, двенадцать — постараться не зевать и с тринадцатью в пути до четырнадцати дойти

— На одиннадцать лет ты опоздал со своими нравоучениями! Я уже давным-давно совершеннолетняя!

Уверенный в себе, громкий женский голос выдает мне возраст его обладательницы раньше, чем она сама появляется из раскрывшегося проема, около которого я остановилась, но медлила, не решаясь коснуться датчика оповещения. А недовольный мужской баритон еще и имя называет:

— Фай, ты меня достала. Накажу и на возраст не посмотрю! Возвращайся в свою каюту. Немедленно! И не смей шляться по этому кораблю без сопровождения!

— Я его достала! Ха! Тебе, значит, можно творить безумства, а мне нет? — нисколько не устрашается угрозы миниатюрная изящная девушка в элегантном платье весьма эффектного и необычного покроя: белый облегающий верх и плотный фиолетовый корсаж, плавно переходящий в струящуюся юбку. Такие наряды никто из известных мне рас не носит. Да и внешность незнакомки тоже непривычная: маленький, чуть вздернутый носик, полненькие губки бантиком, высокий излом фиолетовых бровей и при этом белейшая кожа, необычайно гармонирующая с бледно-сиреневыми волосами, которые, переходя в более темный оттенок на кончиках, пышными волнами лежат на точеных плечах.

Мужчина, шагнувший в коридор следом за ней, изумляет меня ничуть не меньше. Невысокий, крепко сложенный, с гладко зачесанными назад волосами. Одежда, больше похожая на военную форму, под стать платью спутницы — однотонные фиолетовые брюки и сложного покроя светлый с темными вставками мундир. И тип лица почти идентичный. Настолько, что я бы этих двоих приняла за очень близких родственников.

— О, наконец-то! — узрев мою застывшую у входа фигуру, восклицает девушка и оборачивается, чтобы посмотреть на мужчину. — Вот твоя цессянская игрушка, ею и занимайся! А меня прекрати контролировать!

— Фай! — рычит мужчина, но та его не слушает. Презрительно вздернув носик, стремительно убегает вглубь коридора.

Зло сверкнув ей вслед насыщенно-фиолетовыми глазами, незнакомец сжимает кулаки. Никаких сомнений — если бы не мое присутствие, он бы бросился вздорную девицу догонять. Однако вместо этого переводит взгляд на меня и приказывает:

— Заходи.

Ой! Я опять ошиблась, выбрав неправильный коридор! К счастью, на сей раз выяснилось это раньше, чем я оказалась в чужих апартаментах.

— Я не к вам, — уверенно заявляю и едва ли не смеюсь, настолько обалдевшим становится выражение лица мужчины.

— Как не ко мне? — изумляется он.

Мое напряжение, как и бдительность, улетучивается совершенно напрасно. В следующую секунду рассерженный тип, пользуясь тем, что стоим мы довольно близко, хватает меня за плечо, не позволяя ускользнуть, и сдергивает с головы капюшон. Похоже, решает радикальным способом выяснить правду. Вот только, увидев черные волосы, а отнюдь не белые, моментально ослабляет хватку и отступает.

— Извини, — просит прощения таким тоном, словно сделал что-то само собой разумеющееся. Раскаяния в его голосе не слышится никакого. — Почему тогда ты здесь?

— Заблудилась, — сердито бросаю и торопливо возвращаю импровизированный капюшон на место. Хватит с меня одной пары любопытных глаз!

— Карта есть? — равнодушно спрашивает незнакомец и фыркает, когда я демонстрирую ему голографическое изображение. — Ну и в чем проблема? На вайли читать не умеешь, что ли? А если не умеешь, неужели даже сопоставить значки не в состоянии? Вот же нумерация коридоров! А вот номера кают! — Он тычет сначала в символы на плане корабля, затем его палец упирается в стену прямо перед нами и, наконец, в закрывшуюся дверь.

— Где?! — Я возмущенно на него смотрю, потому что все места, на которые он показал, белей и чище некуда. На них никаких символов нет. На карте — да, есть. Я еще недоумевала, зачем они, если их все равно не с чем соотносить. Ведь на декоративном покрытии ничего нет.

— Да вот же! — Мой визави снова тычет в стену.

— А какого они цвета? — В голове у меня вдруг зарождается нехорошее подозрение, и я уточняю: — Символы.

— Молочные, — как само собой разумеющееся выдает мужчина.

— А покрытие?

— Снежное. Это же самое гармоничное сочетание. И из концепции дизайна не выбивается... Ты разницы не видишь? — наконец до него доходит, и он с оттенком пренебрежения констатирует: — Поня-а-атно...

Ему понятно! И это все? То есть ни посочувствовать, ни помочь девушке не желаем, ни объяснить, что у белого, который для меня просто белый, есть уйма оттенков?

Первое и последнее в точку. Со вторым я, кажется, поторопилась. Незнакомец, покачавшись на мысках в раздумьях, а затем, посмотрев по сторонам и убедившись, что коридор пуст, а ожидаемая гостья пока отсутствует, предлагает:

— Ладно. Пока есть время, пойдем, провожу. Куда тебе надо?

Решаю не испытывать судьбу. Указываю в плане на коридор, в котором находится моя каюта. Придется Лурите и эту ночь в компании с дядюшкой провести. А мне экстремальных путешествий и неожиданных встреч на сегодня более чем достаточно.

Идти со мной до места назначения мой провожатый не соизволил, остановился на развилке, милостиво махнул в нужном направлении, буркнул снисходительно «третья дверь» и, не дожидаясь, когда я последую его рекомендации, ушел. Очень быстро. Я бы даже сказала, предвкушающе-торопливо. Видимо, в отличие от Атиса, для этого субъекта нежданное влечение к нему цессянки, вне всяких сомнений, желаемое. Может, самолюбию льстит, а может, еще какая причина есть.

Впрочем, для меня его сосредоточенность на другой цели только в плюс. Потому что разглядывать меня мужчине было неинтересно, и необычному внешнему виду он не удивился. А то, что за плечо схватил...

Расстегнув магнитные булавки, стягивающие края простыни, роняю ее на пол и растираю кожу. Присматриваюсь к розовым пятнам, которые обещают через пару часов превратиться в куда более заметные. Да уж, силы кое-кто явно не рассчитал.

Совсем расстроенная, не глядя сажусь на кровать. И только потом вспоминаю о своем сопровождающем, который, между прочим, даже не шевельнулся ни разу за все это время.

— Ты куда смотрел? — возмущаюсь, отодвигая ткань корсажа, чтобы отыскать спрятавшегося шигузути. — Атиус меня даже не коснулся, ты уже на него набросился, а тут... Почему не отреагировал?

Посмотрев на меня одним глазом, малыш тут же его закрывает. Напрягшееся было тельце снова расслабляется. Он даже ротик приоткрывает и кончик языка высовывает. Типа сплю я. В отпуске. Претензий не принимаю.

А я их больше и не предъявляю. Это же глупо — требовать объяснимого поведения от

неразумного существа. Он живет так, как ему инстинкты подсказывают, и вряд ли анализирует происходящее. К тому же, если хорошенько подумать, даже к лучшему, что он не стал меня защищать. Второго покуса ему могли бы и не простить. Тем более высокопоставленного гостя. А в том, что бесцеремонный знакомец относится именно к этой категории, я даже не сомневаюсь.

Ох, что-то неправильное происходит на этом крейсере! Со всей ответственностью гостей обеспечили полным комплектом развлечений, хотя желали его получить отнюдь не все. Любопытно, а в спорткомплекс мужчины утром тоже пойдут? Или ограничатся другими видами физических упражнений?

Видимо, я права во втором предположении, потому что, оказавшись там, никого из них не обнаруживаю. И вообще зал, как и в предыдущие дни, пуст... Почти пуст.

Заметив движение среди статичных тренажеров, я не раздумывая подбираюсь к тому, кто решился составить мне компанию. Очень уж любопытно! Может, это Атис? Из всех, с кем я теперь знакома, именно его мне хочется видеть больше всего.

Вот только подойдя ближе, большую часть воодушевления теряю. На движущейся ступенчатой конструкции, имитирующей лестницу, занимается стройная девушка в темно-фиолетовом спортивном комбинезоне. Та самая, которая ночью убежала от своего спутника.

— Привет! — Заметив меня, она ничуть не смущается, размеренно шагая по ступеням. Впрочем, приветствием ее общительность не ограничивается, и девушка улыбается, продолжая говорить: — Ну наконец-то тут хоть кто-то появился! Я думала, со скуки свихнусь. Файола, — неожиданно быстро представляется она. Останавливает программу и, спрыгнув с тренажера, интересуется: — А ты?

— Дей... лина, — все же называю полное имя. Я ведь без маскировки.

— Э-э-э... — Фай замирает, приоткрыв рот и рассматривая мое лицо и волосы. — Наследница Роотона? — неуверенно спрашивает и тут же, сообразив, что не ошиблась, восклицает: — Ух, здорово! Ой! — И спохватывается: — Прости, я правила этикета совсем забыла!

— Не страшно. Думаю, что здесь мы можем свободно общаться, — успокаиваю ее и интересуюсь: — А ты с какой планеты?

— Рогранс. — Файола приглаживает ладонями гладко зачесанные волосы, наматывает на ладонь объемный хвост, а затем отпускает, позволяя волнистым прядям упасть на плечо. — Звездная система Ду-Пле. Это в которой два розовых светила. Мы в пятнадцати световых годах от Поорса.

— Да, я знаю, где это, — подтверждаю. Мне звездная карта нашего сектора Галактики хорошо знакома. Забираюсь на разминающий тренажер, чтобы разогреть мышцы, и любопытствую: — Вас ведь только-только в состав империи приняли?

— Это было очень неожиданно! — легко идет на контакт и делится информацией рогранка. — Сначала пришло решение имперского совета, а потом приглашение от будущего императора присоединиться к его эскадре. Мы с братом в этот полет собирались как на пожар. И до места встречи летели так быстро, словно у нас на хвосте боевые крейсера.

— Последнее время все происходит в аварийном режиме, — соглашается с ней женский голос. Низкий, с легкой хрипотцой, неторопливый.

Мы с Файолой синхронно оборачиваемся и видим еще одну гостью, неожиданно присоединившуюся к нашей компании. Весьма необычную.

Кожа с явным серым отливом, словно покрытая тонким слоем пыли, волосы светло-серые, собранные в узел на затылке, а вот губы, глаза и брови очень темного оттенка. И костюм на девушке серый, но не однотонный, а с переходами от темного, практически черного цвета внизу до совсем светлого к плечам.

— Тона Же Горон. Планета Видийх, звездная система Тикос, — представляется

видийянка тоном весьма официальным. В глазах, рассматривающих меня, — нескрываемое почтение. Она даже короткий поклон ухитряется мне подарить, несмотря на то что обстановка и одежда у нас несоответствующие. — Мне было очень приятно получить приглашение. Отец, к сожалению, не смог его принять — он уже в возрасте и очень болен. Брат из-за этого остался на планете, ему скоро статус правителя принимать. Но со мной мой муж, у него полномочия посла видийян... Позвольте, я вам помогу? — Она услужливо подает руку, чтобы мне легче было слезть с тренажера.

— Спасибо. — Отказывать ей не стала, хотя и смутило меня такое проявление внимания.

Мою благодарность Тона принимает с еще одним коротким поклоном. Следует за мной как тень и, едва я определяюсь с выбором нового места, помогает устроиться и занять правильную позицию для выполнения упражнения.

Фай, полюбовавшись на ее действия, тихонько хмыкает, забирается на соседний агрегат и принимается менять настройки, подгоняя их под себя.

— Тона, тебе ведь тоже нужно размяться. Не стоит уделять мне так много внимания. И можешь общаться со мной неофициально.

Я тактично пытаюсь избавиться от того официоза, которым она меня окружила, а в ответ получаю изумленно расширившиеся глаза и быстрое, испуганно-отрицательное движение головой.

— Ну что вы? Как можно? — Тона настолько ошарашена моей просьбой, что от волнения у нее даже румянец появляется. — Наверное, другие, — девушка бросает быстрый взгляд на Фай, — могут себе это позволить, но мы, видийяне, не нарушаем субординацию ни при каких обстоятельствах. Я найду время позаниматься, не беспокойтесь.

Любопытная позиция. И какие, однако, разные девушки! Кстати, я ведь так и не поняла, что они тут делают. Ни на корабле — все же мне компанию составляют или своим спутникам? Ни в спортзале — в такую-то рань кто по собственной воле встанет? Не верится, что им обеим ни свет ни заря приспичило размяться.

— А мне кажется, можно и Дейлине в этом помогать, и себя не ущемлять, — смешливый, почти детский голосок реагирует на заявление Тоны раньше, чем я успеваю задать нужные вопросы.

И действительно, совсем молоденькая девушка, возможно даже еще не вступившая в совершеннолетие, огибает тренажер, чтобы оказаться в зоне видимости. Красноволосая, сероглазая, с яркими губами, очень живая и подвижная. И ведь она не одна! Одновременно с ней к нашей компании присоединяется совсем взрослая женщина, я бы даже сказала пожилая. Чуть полноватая, спокойная, синеволосая, с пронзительным внимательным взглядом изумительных сапфировых глаз.

— Диора Дис Арис, — весело представляется девчушка.

Она подпрыгивает, повисая на горизонтальной планке стоящего поблизости тренажера, поднимает ноги, цепляется ими за перекладину и опускает руки. Теперь она свисает вниз головой. Упавшие вниз распущенные волосы кажутся набегающей на берег багровой волной, потому что девушка покачивается, отталкиваясь ладонями от воздуха, словно от какой-то вещественной преграды. Еще и болтать ухитряется:

— Дейлина, я, конечно, понимаю, сегодня день будет насыщенный, вам наверняка хотелось начать его пораньше, но на будущее можно ставить тренировки на более позднее время, а? Не знаю, как другие, а я совсем не выспалась.

По ней этого не скажешь, но я все же начинаю чувствовать угрызения совести. Я ведь действительно так торопилась хоть с кем-то встретиться, что не стала менять время, которое изначально поставил Атиус. А еще принимаюсь ругать себя за то, что с утра не соизволила в планнер заглянуть. Привыкла, что в последние два дня там пусто, вот и проигнорировала на свою голову!

— Нужно было просто лечь пораньше, — наставительно поучает акробатку синеволосая дама, единственная, кто пришел не в костюме, а в изящном бархатном темно-синем платье, украшенном белыми кружевами. Определенно она не в том возрасте, чтобы

активно заниматься спортом: морщины у глаз, пронизательный взгляд, тяжелая поступь...

Мне достается от нее уважительное приветствие — глубокий поклон. И говорит женщина спокойно, с достоинством, совершенно без апломба:

— Я — Лала Эвон Дор, королева Виона. Вернее, бывшая королева. Мой сын уже женился и правит планетой. Муж умер десять лет назад, дочери все замужем, я не у дел оказалась, вот и решила развлечься путешествуя, раз уж появилась возможность совместить приятное с полезным. Надеюсь, мое присутствие не будет вам в тягость?

— Ну что вы! Это замечательно, что вы приняли приглашение.

Я сползаю на покрытие, чтобы коснуться протянутой ладони, проявив к новой знакомой уважение, которое соответствует ее статусу. И совершенно не важно, что лично я никаких приглашений не рассылала. Несомненно, сделал это Атиус. Жаль только, что меня не предупредил. Он явно не считает нужным со мной советоваться.

— Похоже, что вчера на этот крейсер перебрались почти все из вновь присоединившихся. Кого нет? — Фай подходит ближе. Поклоном она приветствует королеву и осматривает остальных девушек.

— С леянского корабля никого, — немедленно откликается Тона, столь же учтиво поклонившись Лале.

— Из *девушек* никого, — уточняет красноволосая Диора. Спрыгивает, видимо, надоело ей болтаться вниз головой, и добавляет: — А мужчина был. Я видела. Симпатичный.

— Ты поменьше на мужчин смотри, — выговаривает ей вионская экс-королева. — Я твоей маме обещала следить, чтобы ты не наделала глупостей. Не подведи меня, девочка.

— Вы же с разных планет. Мне говорили, что не воюют только те звездные системы, что в составе империи, а остальные продолжают враждовать, — не удерживаюсь я от замечания, слезая с очередного тренажера.

— Тому, кто это сказал, видимо, выгодно, чтобы вы так думали. Вион и Ланс уже больше пятидесяти лет в хороших отношениях. Мой покойный муж так много для этого сделал! — недовольно поджимает губы и хмурится Лала.

Ланс?! Я теперь совсем иначе смотрю на согласно кивающую растрепанную девчущку. В душе нарастает отторжение. Это ведь флот лансиан атаковал рооотонскую эскадру и погубил моих родителей. Глупо, конечно, переносить чьи-то преступления на их совершенно невиновного ребенка, но ничего не могу с собой поделать.

— Время, девочки! Не успеете привести себя в порядок! — неожиданно спохватывается вионка. — Дейлина, вы закончили? Вас проводить в каюту?

Я уже открываю рот, чтобы деликатно отказаться, но вовремя спохватываюсь. Судя по всему, намечается какое-то важное событие, и вряд ли будет уместна простенькая коса, а с другой прической мне не справиться.

— Я была бы вам признательна не только за сопровождение, но и за помощь с туалетом. Если это возможно, конечно, — осторожно говорю. Вдруг пусть и бывшая, но все же королева сочтет мою просьбу за неприличное предложение? Она же мне не подруга.

К счастью, реагирует Лала совершенно спокойно. Кивает, властным взмахом руки приказывает девушкам выметаться из зала, ждет, пока я оправлю костюм, и чуть впереди меня идет на выход. Оказавшись в каюте, немедленно направляется к гардеробной, посоветовав мне побыстрее принять ванну. Я даже найти глазами вильерер не успеваю. А когда выхожу, тщательно спрятав шигузути за пышными оборками корсета, оказывается, что вионка уже определилась с приличествующим неведомому мне меропрятию нарядом.

— У вас все платья черные, — со вздохом констатирует, помогая мне его надеть. — На Рооотоне вообще не носят другой цветовой гаммы?

— Да, предпочитают именно эту. Редко добавляют серый или коричневый. В крайнем случае желтый или немного темно-красного. Но вы не совсем правы, платья у меня разные. Вот это искристо-черное, и я рада, что вы его выбрали, оно мне больше всех нравится, а другие иных оттенков: угольного, иссиня-черного, графитового, свинцового, антрацитового, черного золота... — перечисляю и замолкаю, увидев в зеркале изумленно расширившиеся глаза моей собеседницы.

В этот момент до меня доходит вся нелепость того, что я говорю. Дихол! Да я же сама не далее как сегодня ночью негодовала по аналогичному поводу относительно покрытия стен корабля и надписей! И нет разницы в том, какой цвет лежит в основе палитры! Вот ведь парадокс.

— Я вас понимаю, — почувствовав смущение, деликатно поддерживает меня Лала. — У нас всех есть свои цветовые предпочтения, которые так трудно изменить. На Вионе все без ума от синего. И чем он темней, тем лучше воспринимается. Поднимает настроение, улучшает состояние организма. Он даже в некотором смысле способности усиливает. По крайней мере, некоторые наши ученые сходятся в этом мнении.

— А какие у вас способности? — любопытно спрашиваю, наблюдая за ловкими пальцами, которые неспешно, но уверенно и легко создают изумительную прическу.

— Наши организмы невосприимчивы к ядам. На Вионе необычайно много опасных растений и животных. Остается только удивляться, как первопоселенцам, изначально лишенным столь важной адаптации, удалось там выжить и развить цивилизацию. Впрочем, ведь мы, в отличие от других планет, практически не участвовали в военных действиях. Само собой, когда были активными межпланетные порталы, нашим предкам приходилось защищаться, отбивать атаки, совершать ответные вылазки. Исторические хроники свидетельствуют об этом весьма недвусмысленно. Но на Вионе всегда было слишком мало воинов. А космических кораблей и того меньше. Так что, когда порталы разрушились, прапрапрадед моего мужа смог провести только одну военную операцию через космос. Потом мы лишь наблюдали за войной и защищали границы своей звездной системы.

— А Ланс? Как там дело обстояло, вы знаете? — Историей новых членов империи я заинтересовываюсь необычайно. Тем более она так тесно перекликается с моей судьбой.

— Ланс... — Королева задумывается, даже на несколько секунд концентрацию теряет, путаясь в прядках волос. И все же быстро возвращается в реальность, видимо, памятуя, что времени у нас немного. — Там военные структуры были на высоте. Они и сейчас в боевой готовности — все же тех, кто устал воевать, намного меньше тех, кто продолжает это делать. Но активных наступательных операций лансиане не проводят.

— А пассивных? Я имею в виду... — Начинаю волноваться, потому что и выдать лишнюю информацию боюсь, но и не спросить тоже не имею права. — Могли бы они кого-то уничтожить случайно? Просто потому, что так сложились обстоятельства?

— Хм... — Лала смотрит на меня с недоумением. — Поясните!

Секундное раздумье, и я все же решаюсь на откровенность. Да мне и рассказывать-то, по сути, нечего. Много ли дядя сообщил подробностей относительно того, как именно погибла эскадра? Вот именно. Почти никаких. А когда я начала его расспрашивать, мне, как обычно, указали на то, что я лезу в дела, которые женщин не касаются.

Выслушав меня, вионка сокрушенно качает головой, с сочувствием в глазах гладит мое плечо, а подумав, говорит кратко, но уверенно:

— Я выясню.

На этом наше общение заканчивается. Закрепив последнюю прядку и получив мою искреннюю благодарность, Лала уходит, а я в нетерпении хватаюсь за вильерер. Что же там такого запланировано?

Семь часов — подъем... Тренировка в спортзале... Наличие других посетителей, кстати, действительно указано в примечании. Десять часов — завтрак... О! Смотрю на символы и глазам не верю — в присутствии Атиуса! Он выздоровел?! И решил провести

профилактическую беседу до того, как... Как что?

С некоторым опасением покосившись на дверь в столовую, я возвращаюсь к записям. Что же ждет меня далее?

Двенадцать часов: торжественный прием в зале для дипломатических встреч. Ух... Тут даже такой есть?

Впрочем, размер цессянского крейсера реально не маленький. Это только транспортники-челноки, которые на планеты садятся, масштабностью не отличаются, а на корабле площади весьма внушительные.

Закрыв планнер, несколько минут стою, собираясь с мыслями. Прием Атиус наверняка устроил для того, чтобы продемонстрировать гостям, какие у нас с ним хорошие отношения. Значит, обвинять и сердиться на шигузуту не станет. Можно спокойно идти в столовую.

— Дейлина...

Атиус в полной мере оправдывает мои ожидания. Голос мягкий, интонации завораживающие, взгляд ласкающий... Он даже из-за стола поднимается и навстречу идет с таким выражением лица, словно собирает меня обнять.

Но нет. Останавливается, так и не коснувшись. Просто руку протягивает, намекая, что я сама должна проявить по отношению к нему хоть какой-то знак уважения и внимания, раз другие между нами пока невозможны.

И ведь отказать ему я действительно не могу. Вернее, могу, конечно, но это будет прямое оскорбление, которое однозначно мне аукнется. А я хочу иного. Мне доверие и расположение цессянина нужно.

Потому и улыбаюсь мило, и ресничками хлопаю, стеснительно опуская глаза в пол, и скольжу пальцами по его ладони, стараясь сделать прикосновение максимально легким. Оно ведь всего лишь знак доверия и расположения. И его, кстати, именно ипериане в имперский этикет ввели. Они на своей планете вообще друг другу слова не скажут, если перед этим нет тактильного контакта. Вслух, разумеется. На ультри при этом прекрасно болтают, не получая и не требуя никаких подтверждений в позитивном настрое к собеседнику. Когда же власть от Ипера перешла к Роотону, папа решил традицию сохранить. С ограничениями, само собой. То есть не с каждым встречным нужно столь тесно взаимодействовать, а только с тем, кто такое подтверждение хочет увидеть. Ну и статусом обладает соответствующим. Цессяне, вступив в состав империи, теперь тоже получили это право. Чем Атиус и пользуется.

— О чем задумалась? — интересуется он, усадив меня. Отходить не спешит, так и стоит рядом, опираясь одной рукой о спинку моего стула. Другой открывает крышку стола, чтобы мне не пришлось этого делать.

— Вас так долго не было. И сообщений тоже, — тихо отвечаю, изображая необычайно высокую степень сформировавшейся у меня за это время стеснительности. Типа отвыкла я. И вообще, мне кто-то обещал рассказать о себе!

— Прости, — на удивление искренне принимает упрек Атиус. Убрав с блюд закрывающие их колпаки, пододвигает ближе маленькую тарелочку с необычным набором мелко нарезанных не то овощей, не то мясных кусочков. Наконец уходит на свое место и продолжает: — Все же реакция на укус оказалась более сильной, чем я думал. А мое окружение не рискнуло проявлять самостоятельность и побоялось что-то сообщать тебе, чтобы не волновать раньше времени. Им было проще сказать, что у меня дела, нежели правду. Фактически я только вчера к вечеру нормально сообщать начал, и ведь сразу исправился и заполнил планнер. Не обижайся.

— Вам было очень плохо? — Покусываю губы, демонстрируя волнение. — Вы очень на него сердитесь? — перевожу взгляд на шигузуту, который привычно быстро взобрался мне на плечо и столь же стремительно рванул к еде.

— Я не помню почти ничего. Боли точно не было. И на твоего зверька совсем не сержусь. — Атиус пожимает плечами. — Хотя, конечно, не ожидал, что он меня на столько дней в нокаут отправит. Но тут уж я сам виноват. Нужно было к твоим словам прислушиваться, а не о своих желаниях думать.

Какие именно это были желания, он не уточнил. Показал, обласкав меня таким взглядом, что была бы у меня к нему симпатия, она наверняка переросла бы во что-то большее.

— Что это? — сделав вид, что отвлеклась на шигузути и не успела заметить столь откровенной демонстрации, осторожно касаюсь пальцем края тарелочки. Интерес мой отнюдь не праздный и объяснимый — малыш вот уже несколько секунд нервно бьет хвостиком и принюхивается к угощению.

— Боюсь, что твой питомец этот деликатес не оценит. — Атиус улыбается, наблюдая, как шигузути медленно приближает нос к краю тарелки, фыркает, отпрыгивает, забегает с другой стороны и пробует снова. — Вяленный лиглиорас. Он растет на Вионе. Ты ведь сегодня встречалась с гостями и с бывшей королевой теперь знакома. Это она привезла в качестве презента. Попробуй, очень вкусно.

Лиглиорас... Внимательнее присматриваюсь к странному продукту. Может, малыш что-то опасное почувствовал? Лала говорила, что на Вионе очень много ядовитых растений, к которым у самих вионцев есть устойчивость. Но, с другой стороны, не будет же она дарить то, что может принести вред?

Наверное, я бы рискнула и все же попробовала, но в этот момент... В этот момент шигузути принял-таки решение относительно дальнейшей судьбы угощения. Широко распахнув глаза и приоткрыв рот, я в немом изумлении смотрю, как он деловито поворачивается к нему задом. Сначала роет лапками стол, высоко задирая хвост, а затем... Затем я давлюсь хохотом и зажимаю рот руками. Остаться невозмутимой при виде этого действия мне при всем желании не удастся.

А вот Атиусу, похоже, совсем не смешно. На его лице столько обиды и негодования, что мне сразу становится куда менее весело.

— Про... простите... — выдавливаю, вытирая выступившие слезы и старательно подавляя истерические всхлипы. Осматриваю стол и аккуратно накрываю салфеткой тарелку с пострадавшим и более несъедобным продуктом.

Почти минуту мы сидим молча. Принц бросает гневные взгляды на шигузути, который невозмутимо грызет добытую с соседней тарелки мясную рульку и об уровне гигиены не думает. Я, положив ладони на колени, с замиранием сердца жду. Это ведь уже второй раз, когда малыш разрушает планы цессянина. Не знаю, что на самом деле было в этом продукте, но, судя по реакции Атиуса, он однозначно рассчитывал на какой-то эффект. И теперь сложно предсказать, как именно альбинос себя поведет.

Наконец в тишине столовой раздается горестный вздох и следует вопрос:

— Он всегда такой пакостник?

— Нет, но...

Договорить мне Атиус не позволяет. Спихватывается и потому перебивает:

— Ты осталась без завтрака!

— Ничего страшного...

Он снова не дает мне договорить:

— Пересаживайся, будешь есть на моем месте.

— Я не... — ошалеваю от подобного напора.

— Никаких «не»! — непререкаемо заявляет принц, поднимаясь и указывая на свой стул. — Тебе нельзя оставаться голодной. Прием будет не самый короткий и

утомительный. Так что давай не стесняйся, — торопит, видя, что я замешкалась.

Вот дилемма! И пересаживаться не хочется, и отказываться нельзя. Он ведь обо мне заботится, значит, обидится.

Скрепя сердце все же поднимаюсь и огибаю стол. Он овальный, и расположен так, что сидим мы друг против друга довольно близко, при этом слева и справа остается место для блюд. А еще наши пространства разделены бортиком, в который убирается крышка.

Оказавшись на противоположной стороне, протягиваю руку, чтобы забрать шигузути к себе.

— Не нужно! — останавливает меня Атиус. — Он прекрасно позавтракает и на твоей половине, раз уж заявил на нее права. А ты будешь есть на моей. Кстати, как фаворитке, тебе уже давно положено сидеть рядом, а не напротив.

Каких сил мне стоит не вспылить и сохранить невозмутимость, словами не передать. В душе поднимается волна негодования, дыхание перехватывает, мышцы на лице сводит от усилий удержать улыбку. А с учетом того, что зубы я стиснула, чтобы не сказать в ответ что-нибудь оскорбительное, наверняка на моем лице отнюдь не милое выражение, а пугающая гримаса получается.

Хорошо, что принц в этот момент на меня не смотрит — он стульями занят. Сначала пододвигает тот, на который я опускаюсь, затем отходит к стене, приносит другой и сам садится.

Теперь между нами нет преграды, и, несмотря на то, что меня альбинос не касается, желание у меня только одно — оказаться от него как можно дальше.

Чтобы скрыть истинное к нему отношение, пододвигаю ближе одно из нетронутых блюд и начинаю отправлять в рот темно-синюю пузыристую массу, посыпанную белым порошком. Вкуса почти не чувствую, настолько сильно нервирует тесное соседство с цессянином. И это замечательно! Ведь чем больше негатива я к нему испытываю, тем меньше вероятность, что мой организм захочет близкого контакта.

— Мы много времени потеряли, Дейлина. — Атиус разворачивается ко мне вполборота, облакачивается локтем на столешницу и подпирает рукой голову. — Я ведь хотел, чтобы ты за время полета узнала меня получше. Планировал показать тебе корабль. Рассказать о себе и наших традициях. Узнать о том, что нравится тебе. Думал, что к моменту, когда к нам присоединятся гости, мы с тобой станем ближе. Но кое-кто не позволил нам этого сделать.

Цессянин сокрушенно вздыхает и морщится, бросая взгляд на насторожившегося малыша, который никак не может решить: есть ли необходимость срочно бежать ко мне или можно пировать дальше? В итоге, успокоенный тем, что меня видит, он продолжает завтракать. Альбинос говорит:

— Твой питомец и сейчас делает все, чтобы усложнить формирование нормальных семейных отношений. Как же ты почувствуешь ко мне влечение, если мы лишены возможности касаться друг друга?

Вопрос риторический, отвечать на него я не собираюсь, просто меняю блюдо. А в голосе Атиуса появляется все больше волнения:

— Разумеется, я готов ждать, пока ты привыкнешь ко мне, пока он соизволит принять меня как равного, но... Дейлина! Я ведь мужчина! И у меня есть физиологические потребности, которые мне необычайно сложно сдерживать. Особенно в твоем присутствии. Я хочу, чтобы ты была ко мне ближе. Хочу тебя оберегать, обнимать, ласкать... Ты моя фаворитка, и я имею на это право, а вынужден держаться на расстоянии! Это же ненормально!

Как во время этой пафосной речи я не подавилась — уму непостижимо. У меня в голове не укладывается, как мужчина может пойти на физическую близость с девушкой, в которую влюблен, если они ни разу не танцевали?! Да он в первую очередь должен танца от избранницы требовать, чтобы обрести уверенность, что она будет ему верна и больше никому не ответит взаимностью! А уже потом ее соблазнять и тащить в постель.

Видимо, я все же недостаточно хорошо себя контролирую, потому что цессянин понял, что именно меня удивляет. И теперь вкрадчиво объясняет:

— Отношения фаворитки и ее любовника немного иные, нежели жены и мужа. Я пытался тебе это сказать в прошлый раз и не успел, Дейлина. У супругов связь в большей степени психологическая и основывается на сознательном желании быть вместе. У фаворитки и любовника связь физиологическая, и ее устойчивость и крепость зависит в первую очередь от постоянных сексуальных контактов. Именно они позволяют девушке не терять возникшего у нее влечения, а вовсе не танец, который в этом случае всего лишь формальность. Твой дядя совершенно напрасно требует этого обряда как подтверждения. Он ничего нам с тобой не даст. А вот близкие отношения... — Атиус многозначительно замолкает.

— Но вы же понимаете, что для меня сейчас они невозможны? — выдавливаю с трудом. — Я не чувствую к вам достаточно сильного влечения...

— Понимаю, — уверенно кивает альбинос. — А еще я понимаю, что, пока я вынужден держаться от тебя на расстоянии, оно у тебя и не разовьется в должной степени. И причина тебе тоже известна. Может, ты на какое-то время расстанешься со своим питомцем? Обещаю, у него будет самый замечательный уход и все, что только возможно для комфорта. А когда мы наладим отношения, он к тебе вернется. Днем будет с тобой, а на время нашей близости вы будете расставаться. Если, конечно, он меня не примет.

— Значит, искать с ним общий язык и завоевывать его доверие вы не хотите, — мрачнею, демонстрируя разочарование.

— Дейлина! — страдальчески восклицает Атиус. — Ну какой язык? Какое доверие? О чем ты? Мы с ним конкуренты! Он видит во мне соперника! А я не рооотонец, чтобы знать, с какой стороны к нему подступиться. Разве что отправить регенту-императору запрос с просьбой проинструктировать меня на этот счет.

Замираю, чувствуя, как холодеют пальцы. Если Атиус это сделает, то узнает, что шигузути — дикие животные и никто не общается с ними так, как это делаю я. Значит, церемониться и задавать вопросов больше не будет. Просто заберет малыша.

К счастью, гордость у Атиуса сильнее желания затащить меня в постель.

— Но это же смешно, решать столь личные вопросы на столь высоком уровне, — восклицает он, доказывая, что не желает признаваться посторонним в своей несостоятельности.

Я тут же этим пользуюсь, меняя направление разговора и перехватывая инициативу.

— Когда вы делали мне предложение стать фавориткой, то обещали, что между нами возникнут чувства, — обиженно заявляю, откладывая приборы и отодвигая еду. — А теперь говорите только о физиологии. Вы всех обманули? — всхлипываю, убирая кончиками пальцев из уголков глаз несуществующие слезинки.

— Нет, Дейлина, нет! — Атиус начинает нервничать. Прекрасно знает, что при отрицательных эмоциях привязка не появится ни при каких прикосновениях. — Твое воспитание и мировоззрение мешают тебе видеть элементарные вещи! Тебе всю жизнь внушали, что любовь между мужчиной и женщиной не может возникнуть, если до танца они были близки. Это действительно так, но только в том случае, если связь разовая. А если отношения длятся долго и устраивают обоих партнеров, страсть тоже перерастает в любовь. На этом и основываются тройственные семейные союзы. Фаворитки, как и жены, любят и любимы по-настоящему.

— Я вас поняла, — решаю с ним не спорить, а пойти по пути классического женского упрямства. — Но и вы поймите, мне сложно отказаться от привитых с детства правил и вот так сразу принять ваши. Мне было бы спокойнее, если бы мы перешли к близким отношениям после танца. Даже если, как вы говорите, он всего лишь формальность.

Атиус задумывается, произвольным движением поправляя манжеты светло-зеленой рубашки. Пробегает пальцами по застегкам более темного по цвету жилета, касается подбородка к наконечнику соглашается:

— Хорошо. Пусть так. Но ведь ты приняла цветок. Значит, дала мне разрешение на активные действия. То есть согласилась на наличие между нами тактильных контактов, если не в плане полноценной близости, то хотя бы ради формирования у тебя влечения ко мне. А как оно появится, если у меня нет возможности к тебе прикасаться? Мы вернулись к тому, с чего начали. — Он спокойно улыбается, показывая, что не сердится. Просто ситуация ему неприятна. — Так как нам быть, Дейлина?

Дихол! Если отбросить эмоции и рассуждать беспристрастно, он прав. Другой вопрос, что у меня цель иная. И она никоим образом не вписывается в нарисованную цессянином картину.

— Я не знаю, — грустно вздыхаю, выводя пальцем невидимые узоры на краю стола. — Мне сложно потому, наверное, что я первая фаворитка, воспитанная в иных традициях.

— Да, наверняка, если бы у тебя перед глазами был пример, тебе было бы проще, — соглашается Атиус, не рискуя больше давить, чтобы не переборщить. И про шигузути больше ничего не говорит, только отыскивает его взглядом.

Наблюдая за тем, как малыш ловко взбирается на преграду, а потом столь же легко сползает вниз и гордо шествует к моей руке, цессянин терпеливо ждет окончания его путешествия. Когда же черное тельце оказывается на мне, принц поднимается со стула и помогает отодвинуть тот, на котором я сижу.

Вот только прежде чем он это делает, в сиреневых глазах я успеваю заметить лукавый огонек. Что-то альбинос задумал! Но что?

Вопрос этот не дает мне покоя все время, оставшееся до начала приема. Хотя думать-то особенно и некогда. Сначала мы перемещаемся из столовой в комнату Атиуса, где он надевает белый со светло-зеленой отделкой пиджак, а я вновь чувствую себя крайне неуютно среди сверкающего белизной великолепия. Затем оказываемся в коридоре, где нас ждут Керас и еще два неизвестных мне цессянина. Еще через десять минут после путешествия на скользящей машине по недрам цессянского крейсера попадаем в невероятный по своему оформлению зал. Я даже вообразить ничего подобного не могла!

Плавные изгибы стен, меняющих окраску в зависимости от угла обзора. Черный потолок — то ли экран, имитирующий звездное небо, то ли прозрачная обшивка, позволяющая видеть окружающий нас космос. Парящие над нами и освещающие помещение шары — легкие, напоминающие плазменные сгустки. Сложный многоуровневый глянцевый бежевый пол. Изогнутые дугообразные конструкции разной высоты, похожие на сиденья. А между ними неторопливо прохаживаются империане в цветных одеждах. Белых, синих, красных, фиолетовых... Цессяне и гости с других планет. Все те, для кого устроен этот прием.

Под руку с Атиусом я поднимаюсь на одно из возвышений, где мы и останавливаемся. Гул голосов смолкает, остается лишь тихая, едва слышная мелодия. Империанская. Только обитатели планеты, вращающейся вокруг желтой звезды Эфус, способны создавать столь необычные, завораживающие композиции, на которые каждый откликается по-своему и воспринимает их по-разному, в зависимости от настроения и ситуации.

Для меня сейчас в этой музыке смешивается так много! С тихими стонами, напоминающими вой ветра, пробуждается тоска по Рооотону. Отрывистые стихающие и нарастающие модуляции, столь похожие на интонации голоса Луриты, порождают тревогу за подругу. Низкие частоты, почему-то ассоциирующиеся у меня с Атиусом, держат в напряжении и не дают расслабиться. А вместе с яркими звучными аккордами растет желание скрыться от множества глаз, которые меня рассматривают.

— Благодарю всех за оказанную честь, — неожиданно громко звучит рядом четкий, хорошо поставленный голос. — Мне необычайно приятно принимать на этом корабле тех, кого еще совсем недавно я даже не надеялся здесь увидеть. Надеюсь, вы не будете против недолгого неформального общения, после которого мы перейдем к официальной, а затем торжественной части.

Музыка становится громче. Атиус тянет меня за локоть в сторону и вниз, усаживая на изгиб странной мебели, которая оказывается неожиданно удобной. Склоняется к моему

уху, шепчет «я ненадолго» и тут же отстраняется. Он спускается с возвышения, чтобы поговорить с присутствующими, я же так и сижу в растерянности.

Какое событие собрался праздновать альбинос? Невесты у него нет. Значит, не свадьбу затеял. Может, меня как фаворитку будет чествовать? Даром что статус пока фиктивный.

Я вспоминаю о нашем разговоре и о том, что к обоюдному согласию мы так и не пришли. Еще и взгляд этот подозрительный... Атиус однозначно не пустит ситуацию на самотек и будет действовать. А что делать, чтобы не попасть в его ловушку? Правильно. Внимательно следить за принцем и гостями. Анализировать происходящее. Не расслабляться и постараться не зевать!

С тринадцатью из присутствующих в зале я знакома. С кем-то лично, с кем-то заочно. Кто-то из них успел породить в моей душе неприязнь, а кто-то вызвал исключительно положительные эмоции.

Слева, у причудливо изогнутого возвышения, бывшая королева Виона удерживает за плечо вертящуюся красноволосую лансианочку в облегающем бордовом наряде, которая то и дело порывается к кому-то подойти. Первой я доверяю, вторую пока опасаясь. И вряд ли откроюсь, если возникнет сложная ситуация.

Справа в скромном дымчатом платье в пол замерла Тона, талию которой обнимает рука высокого серокожего мужчины. Сомнений у меня никаких — это ее муж, посол видийян. Она о нем говорила. Красивая пара. Спокойная. Думаю, на них тоже можно будет положиться.

Чуть дальше, на более ровном и свободном пространстве, покачивает руками и корпусом в такт музыке Файола. У нее невероятно сложного покроя костюм с юбкой из светлой, едва тронутый сиреневым, непрозрачной, но необычайно воздушной ткани. Волосы как облако окутывают голову, и от этого девушка смотрится еще более невесомой. Уверенная в себе, открытая, прямолинейная и в то же время необычайно милая. Было бы замечательно с ней по-настоящему сдружиться.

Рядом с рогранкой, опираясь рукой на возвышение, стоит и весьма откровенно меня разглядывает тот самый бесцеремонный мужчина, с которым я пересеклась в коридоре. Вроде Фай говорила, что прилетела с братом? Вероятно, это он и есть. У них даже одежда подобрана в тон. И ведь однозначно этот тип запомнил меня вчера, а сегодня узнал, потому как улыбочка на его лице специфическая. Не наглая, а как бы это правильно сказать... намекающая. Игривая. Мол, знаю я одну тайну, но пока говорить не буду, авось на будущее пригодится. Мутный субъект. Чувствую, будут у меня проблемы из-за столь экстремального знакомства с ним.

За его спиной, в полутени, замечаю и своего второго ночного знакомца, в каюту которого столь неосторожно попала. И вновь поражаюсь тому, как же близок он по типуажу к Атиусу. У него даже костюм тоже белый, разве что отделка светло-синяя и почему-то кажется объемной, словно она пушистая, а не гладкая. На меня Атис не смотрит, его глаза бегают по залу, изучая гостей, словно отыскивают кого-то. А когда он замечает что-то одному ему ведомое, на мгновение замирает в напряжении. Впрочем, на лице быстро появляется разочарование. Не то. А может, не та? Не свою ли ночную гостью он ищет? Меня? Или же ту, вторую, которая пришла после?

При мысли о том, что цессяночка могла ему понравиться, в душе появляется беспокойство. Такой хороший империанин! Будет жаль, если он тоже попадет в сети, расставленные альбиносом.

Заставляю себя больше на него не смотреть и продолжаю изучать гостей.

Атиус далеко не ушел, разговаривает с капитаном, который командовал транспортником, забравшим меня с Рооотона. За их спинами внимательно следит за присутствующими Керас. И, между прочим, он не один. Слева от него та самая девушка-цессянка, которая была моей сопровождающей, а справа... Ой! И справа она же! Близнецы!

Мое любопытство теперь зашкаливает. Кем же они ему приходится? Жена и фаворитка? Или жена и ее сестра. Или фаворитка и ее сестра? О! Как же хочется это выяснить!

Впрочем, намного больше мне хочется узнать, куда делась моя подруга. Дядю Джаграса я вижу — стоит спиной к возвышению, отведя локти назад и опираясь ими на горизонтальную плоскость. Костюм у родственника темно-зеленый с желтой отделкой, из плотной тяжелой ткани. Его любимый. Смотрит дядя не на меня, а на Атиуса. Причем с весьма непонятным выражением. Кривая усмешка на губах, а глаза серьезные, внимательные. Но он один.

Хмурюсь, вновь пробегая взглядом по залу. Среди тех, с кем я знакома, замечаю и других, неизвестных мне личностей. Двое красноволосых мужчин в возрасте, один совсем молоденький парнишка, такой же синеволоосый, как королева, несколько альбиносов-мужчин и три беловолосые девушки...

Так где же Лурита?

— Дей! — тихий всхлип за спиной, и я быстро оборачиваюсь.

С нехорошим предчувствием, между прочим. Потому что опасаясь худшего. Того, что дядя ее запер, голодом морил, со мной переписываться не разрешил и на праздник не пустил. И ей пришлось сбежать невесть как, а потом пробираться тайком в зал. Соответственно я увижу ее растрепанную, жалкую, тощую, оборванную...

Хм! Смотрю на подругу и успокаиваюсь. Платье красивое, из ярко-зеленой блестящей тафты, по-моему, даже излишне нарядное. Прическа аккуратная и опять-таки праздничная. На руках синяков нет, а вот браслет, наоборот, имеется. Лицо... да, лицо расстроенное, но отнюдь не истощенное.

И в чем же проблема?

Тяну ее за руку, чтобы села рядом и не привлекала к нам лишнего внимания.

— Ты как? — на всякий случай спрашиваю. Вдруг я чего не заметила?

— Плохо, — судорожно втягивает воздух и снова всхлипывает Лурита. Находит глазами дядюшку, вливается в него влюбленным страдальческим взглядом и шепчет: — Он меня измучил совсем! Обнимает так, что дыхание перехватывает и сердце останавливается. Кормит из своих рук. И одевает сам, и причесывает, и спит рядом на кровати... Но при этом ничего мне не позволяет! А еще ругается, когда я пытаюсь спровоцировать его на физическую близость... Дей, — она стонет, прикусывая ладонь, — это так сложно выносить! Поговори с ним, пожалуйста!

Каких сил ей стоило оторвать взгляд от вожделенного объекта, уму непостижимо. Но все же подруга нашла в себе силы сделать это и теперь с надеждой смотрит на меня. А я...

А что я? Я и сочувствую ей и в то же время понимаю, что ничем не могу помочь. Организм Луриты привязался к дядиному на своем физиологическом уровне, и теперь мало того что эта привязка главенствует над ее разумом, так и избавиться от нее крайне сложно. Но самое гадкое, что дядя не просто дал влечению развиваться, а еще и стимулировал его постоянно! То есть все эти дни, вместо того чтобы позволить организму девушки получить желаемое и успокоиться, он разжигал в ней страсть все сильнее. Зачем? Я его планов не понимаю. Хотя...

А ведь много может быть объяснений.

Первое. На ее примере дядя решил наглядно показать, что меня ждет, если буду вести себя необдуманно и неосторожно, вместо того чтобы влюбиться в себя Атиуса. Типа смотри, Дей, и запоминай: дашь слабину, и с тобой смогут сделать все что пожелают. В этом случае он помучает еще чуток Луриту, переспит с ней и отпустит с миром.

Второе. Дядюшка решил использовать девушку как объект шантажа. То есть будет давить на меня, вынуждая сделать что-то нужное ему, в обмен на свободу моей подружки. Малопривлекательный вариант.

Третье. Дядюшка специально не дает ей желаемое, чтобы, когда потребуется, управлять

девушкой в своих интересах. Она, ослепленная страстью, для него сейчас отличная марионетка. Получается, что с Луритой мне теперь тоже надо вести себя осмотрительно, чтобы она меня ненароком не подставила.

— Может, он хочет, чтобы ты стала его женой? — все же для подруги называю последнюю, самую приятную в ее состоянии версию.

А что? Ведь в этом тоже нет ничего невозможного. Мужчина, зная, что у девушки влечение, отказывается от секса с ней, но от себя не отпускает и все делает, чтобы привязка стала сильнее. Значит, сам влюбился. Логично же!

Лурита замирает на полувсхлипе и перестает реагировать на происходящее. Оно и понятно — в ее состоянии адекватно воспринимать информацию сложно.

— Думаешь? — наконец выдыхает и расслабляется.

Облегчение и надежда в ее глазах настолько явные, что мне становится не по себе. Ох, зря я ей это сказала! Если у дяди иные планы, то после моих слов для подруги это станет страшным разочарованием. И на ее отношении ко мне отразится в первую очередь. Причем крайне негативно.

Ласково поглаживаю ее переплетенные в замок пальцы, но больше ничего не говорю. Время покажет. Лишь бы ожидание не затянулось.

— Ну что? Насплетничались? — раздается насмешливый голос за нашими спинами. На плечи ложатся тяжелые мужские руки. Левая на мое, правая на плечо Луриты. А потом между нами появляется зеленоволосая голова наклонившегося дяди. И предупреждающе хмыкает: — Вас обеих сегодня сюрприз ждет. Лурита, идем.

Он отстраняется, а подружка с готовностью вскакивает и огибает сиденье, чтобы оказаться в его объятиях. Дядя ее не разочаровывает. Обнимает за талию, притягивая ближе. Аккуратно, вовсе не грубо. Может, и вправду влюбился?

И все бы хорошо, но на меня темные зеленые глаза смотрят с презрительной усмешкой. Словно дядя намекает на то, что выводы относительно мотивов его поступков я делаю неверные.

— Я вас просил держаться от моей фаворитки на расстоянии. — У меня над головой раздается негромкое предупреждение, произнесенное со сдержанной злостью.

Уверена, никто из присутствующих, кроме нас троих, его не услышал, настолько оно было тихое. Впрочем, нет, двоих. Лурита, кажется, вообще не обратила внимания на нового собеседника. С восторженным выражением на лице приникла к объекту своей страсти и ничего вокруг больше видеть не хочет.

— Так я бы с удовольствием! — патетично восклицает дядя, округляя глаза и впечатывая себе в грудь кулак той руки, что не занята обниманием девушки. — Но вот тут, видите ли... — Наигранно-деликатно мнется, прищелкивает языком и гладит обнаженное девичье плечико, а потом обреченно вздыхает, объясняя: — Подруги.

Атиус поджимает губы и молча кивает, принимая его оправдание. А потом недвусмысленно смотрит в сторону других гостей, заинтересовавшихся происходящим. Этого оказывается достаточно, чтобы дядя тут же спохватился и повел Луриту вниз.

Принц же, ободрительно мне улыбнувшись, разворачивается к присутствующим, а музыка снова стихает. Получается, что мне встать с ним рядом необязательно? С одной стороны, это удобно — на меня меньше глазают, а с другой... С другой, у меня статус выше, чем у цессянина, который все еще не император! Однако, с третьей, он хозяин на корабле.

В общем, решаю поспешных выводов не делать. Этикет — штука коварная. С ним надо быть осторожной.

— Думаю, мы можем перейти к главному, — начинает свою речь Атиус. — Я искренне благодарен всем вам. Вам, кто не остался бесстрастным наблюдателем и принял мое приглашение присоединиться к эскадре и совершить путешествие на Цесс. Наши

планеты в составе империи дадут ей новую жизнь. Новые надежды. Новые традиции. Мы не имеем права оставаться в стороне, игнорируя возможности, которые дает территориальное объединение наших миров! Мне бесконечно приятно видеть всех вас здесь, на этом корабле, сейчас. Ваше присутствие — реальное подтверждение того, что мы готовы к тесному, продуктивному, дружескому общению.

Едва слышная, звучащая фоном музыка незаметно меняется, в ней появляется еще больше плавных, тягучих звуков. Не знаю, как другим, а мне становится необычайно комфортно и спокойно. И даже весь скепсис, который породили сказанные альбиносом слова, куда-то улетучивается, оставляя вместо себя лишь некоторую снисходительность. Ну амбициозен. Ну уверен, что императорство у него в кармане. Ну льстит себе, принимая уважительное отношение за восхищение его личностью. Что с того? Империяне разные. Цессяне, видимо, такие.

— И я вдвойне благодарен тому, кто без промедления и не требуя никакой платы предложил помощь, когда случилось несчастье, — трагически понижая голос, продолжает Атиус. Протягивает руку к зрителям, словно приглашая кого-то к себе, и триумфально провозглашает: — Атис Алиин ат'Шон, король Ле, мой спаситель!

Атис? Король? Спаситель Атиуса? Я замираю, забывая, как дышать. Вот тебе, Дей, и начинают аукаться ночные прогулки. Я же с ним так фривольно общалась! Какое счастье, что леянин не видел моего лица!

— Прошу, не преувеличивайте моих заслуг, Атиус Рэль ли'Тон, — спокойно реагирует король, даже не делая попыток подойти ближе. Подниматься к нам он явно не желает. — Нет никакой чести в том, чтобы предложить то, в чем не испытываешь недостатка, и тем самым кому-то помочь. Намного более ценно, если ради другого отдаешь что-то дорогое и единственное, зная, что обратно его уже не получишь. Последнее, как вы прекрасно понимаете, к нашему случаю отношения не имеет.

— Не скромничайте! — ничуть не стусевался цессянин. — Технология стазисных капсул — это уникальное изобретение ученых вашей планеты. И если бы не предоставленное вами оборудование, которое остановило распространение яда, вряд ли я стоял бы сейчас перед вами.

Ой... Все было так плохо? Или альбинос столь трепетно к собственной шкурке относится, что ему в укусе почудилась смертельная опасность?

Ох, шигузути! Я непроизвольным жестом прижимаю руку к груди, защищая малыша, и слышу спокойный голос Атиса:

— Не стоит драматизировать, принц ли'Тон. Вы пугаете свою спутницу.

Спутницу? Это он обо мне так деликатно выразился?

Встречаюсь взглядом с серыми глазами и теряюсь. Смотрит король куда менее равнодушно, чем говорит. Вот только разобрать не могу, что именно лежит в основе его отношения. Презрение? Разочарование? Сожаление? Впрочем, что угодно, только не восхищение.

— Вы, верно, забыли, король ат'Шон, что Дейлина Мео Мун не просто спутница. Смею напомнить — она наследница империи и моя фаворитка!

В голосе Атиуса нескрываемая гордость, смешанная с почтением, а затем еще и заботливые интонации слышатся, когда он подходит ближе и обращается ко мне:

— Скажи, я напугал тебя?

Сейчас он стоит к гостям вполоборота, и поэтому его лицо вижу только я. Вижу снисходительный взгляд, направленный на мою грудь, то есть место обитания шигузути. Всепрощающую полуулыбку, которой цессянин дает мне понять, что никто из гостей не знает, как попал яд в его организм. Да и то, как именно он строит диалог, однозначно свидетельствует о том, что раскрывать присутствующим всю правду и обвинять меня или шигузути он не намерен. Разумеется, если я буду вести себя умно и сама не выдам этого тем или иным образом.

А я выдам? Ну нет! Мне меньше всего нужно, чтобы дядя Джаграс начал интересоваться тем, кто прячется в моей одежде, а потом намекнул Атиусу на истинное положение дел. Так что настоящую причину волнения придется скрыть. Жаль только, что мой ответ Атиус расценит как аванс, да и гости однозначно сочтут, что альбинос мне небезразличен.

— Да, я испугалась, — отвечаю, понимая, что молчание затягивается. — Ведь ваше отсутствие в последние дни оказалось обосновано столь серьезными причинами.

— Как видишь, твои страхи совершенно напрасны. — Атиус останавливается совсем рядом и улыбается, разводя руки в стороны. — Мне вовремя оказали помощь, даже большую, чем я мог рассчитывать. Все удачно сложилось, и знаешь почему? — Вопрос явно риторический, потому как цессянин от меня отворачивается и вновь сосредотачивает внимание на публике. — Потому что сейчас в нашем секторе Галактики многое меняется! Карты, отношения, традиции! Наши цивилизации открываются друг для друга и готовы сотрудничать с теми, кого раньше считали врагами. И это замечательно! Ведь мы не стоим на месте. Мы расширили границы нашей толерантности. Мы в пути!

— До четырнадцати планет в ближайшие несколько лет увеличится состав нашей империи, я уверен. Да, пока нас меньше, но нашему примеру обязательно последуют другие! — Атиус продолжает свою речь, которая, на мой взгляд, в большей степени подошла бы действующему императору, а не эфемерному, который, чтобы получить право стать таковым, даже не желает ничем жертвовать.

Теперь мне еще сильнее хочется оставить альбиноса ни с чем. Жаль только, вопрос *как это сделать* остается открытым. Слишком мало у меня информации о том, какие нюансы есть у статуса фаворитки.

В этот момент, основательно меня удивляя, Атиус затрагивает именно эту тему:

— Кстати, о традициях. Все жители Цесса горды тем фактом, что общественное явление социального института фавориток, издревле процветающее на нашей планете, теперь может помочь и жителям других звездных систем в удовлетворении столь важных потребностей империи и выстраивании продуктивных личных отношений. Признаюсь, я был немало удивлен тем, что тройственные семейные союзы встречаются лишь на Цессе. Ведь и для многих других планет, на которых перевес женского населения высок, это было бы оптимальным выходом. Фьеруз Дор ит'Генон, разве для вашей расы это не актуально? — неожиданно обращается он к одному из гостей.

В темных глазах серокожего империанина, мужа Тоны, появляется изумление. От неожиданности он даже выпускает из объятий жену, и та отступает, чтобы ему не мешать. А альбинос продолжает гнуть свою линию:

— Разве не на Видийх тридцать процентов женщин так и остаются в одиночестве, без мужей?

— Но у них есть возможность родить ребенка, — объясняет видийянин. — Ни один мужчина не откажет в этой просьбе женщине, если у нее есть к нему физиологическое влечение.

— Но ведь это все равно не полноценная семья, — не сдается Атиус. — Разве отец ребенка потом заботится о нем? О ней?

— Нет, разумеется. — Фьеруз хмурится. — Если любовница просит ребенка, значит, уверена, что сможет его воспитать и содержать одна. Мужчина и без того многим жертвует, выполняя ее просьбу. В особенности если уже женат.

— Но ведь он в состоянии обеспечить двух партнерш. Сделать счастливыми и их самих, и детей от них. При этом общество окажется в выигрыше, потому что чем меньше станет свободных женщин, тем ниже будет социальное напряжение.

— Может, на Видийх это и приживется, — вдруг подает голос брат Файолы. Тоже выдвигается вперед, чтобы оказаться в первых рядах, для удобства диалога. — А у нас

ситуация стабильная. Один мужчина — одна женщина. Боюсь, что с вашим *институтом*, — он скептически хмыкает, — мы, наоборот, спровоцируем конфликты между мужчинами.

— Так я же и не утверждаю, что на всех планетах все мужчины поголовно обязаны иметь в составе семьи и жен и фавориток, — уверенно парирует Атиус. — Имперский совет издал не закон, а всего лишь разрешение. Даже на Цессе немало исключений. И вообще, я сомневаюсь, что, например, на Зогге хоть кто-то воспользуется подобной возможностью — там женщин до сих пор немного. Но ведь и на эту ситуацию можно посмотреть с иного ракурса...

Он оглядывается, словно кого-то отыскивая, и протягивает руку, приглашая выйти к нему. Мы все с нескрываемым любопытством наблюдаем, как нерешительно выходит на всеобщее обозрение молоденькая цессяночка. Красивая, изящная, беловолосая, большеглазая, такая хрупкая, что кажется — тронь ее, и она рассыплется.

— Виария, — представляет незнакомку Атиус и ласково к ней обращается: — Ты просила разрешения говорить. Прошу.

— Я хотела выразить благодарность нашему гостю за подаренную мне ночь. Она была замечательной, — скромно, но уверенно говорит девушка.

Голос у нее оказывается столь же приятным, как и внешность. Располагающим, я бы сказала. Вот только в моей душе он пробуждает волнение и тревогу. Ночь с кем? О ком она?

— И еще... — Альбиносочка запинается, с подкупающей трепетностью поднимая глаза на брата Файолы, и я облегченно вздыхаю. Не у Атиса она ночевала. Впрочем, тут же об этом забываю, потому что слышу шокирующее:

— Я была бы счастлива, если бы могла стать вашей фавориткой.

Она замолкает, и в зале воцаряется молчание. Звучит лишь музыка, совсем тихая, на грани восприятия. А затем раздается голос цессянина:

— Что вы ответите, Эстон Азир гив'Ор? — Атиус торжествующе смотрит на изумленного рогранина. — Она просит позволения стать вашей фавориткой. Вы не видите в этом качестве девушку своей расы. А другой? Разве Виария не достойна вашей заботы? Она с искренней благодарностью займет место рядом с вами, не требуя многого. У вас нет жены, значит, вы вольны в выборе и возможностях. К тому же, напоминая, до танца у вас будет возможность отказаться от принятых на себя обязательств по отношению к ней, если вас все же что-то не устроит.

— А дети? — Эстон в сомнении приподнимает фиолетовую бровь. — Они же родятся без способностей...

Он еще договорить не успевает, а Атиус уже вопросительно смотрит на девушку.

— Виария?

— Я прекрасно могу обойтись и без ребенка, если рядом будет тот, кому я нужна, — с милой улыбкой отвечает та.

— Ну вот, — удовлетворенно констатирует принц и вновь возвращается к рогранину: — Идеальный вариант. Вы не находите?

Эстон задумывается, впрочем, долго размышлять ему не позволяет... Файола. Девушка вцепляется в руку брата и тянет ее вниз, чтобы он нагнулся. А затем принимается яростно что-то шептать ему на ухо. Мужчина сначала прислушивается, потом хмурится, явно начиная выходить из себя, в итоге свирепеет и решительно, впрочем, не слишком агрессивно, стряхивает со своей руки повисшую на ней сестричку.

— Твое мнение меня не интересует! — тихо шипит. — И не лезь в мужские дела! Совсем распустилась!..

Фай тоже вспыхивает, оправдывая свое имя, которое на вайли созвучно со словом

«огненная».

— Идиот! — несдержанно восклицает, упирая руки в боки. — Разнообразие захотелось? Рогранки приелись?

В гневе она прекрасна. Кожа бледная, лишь щеки яркие, разомкнутые губы влажные, глаза сверкают... И все это в великолепном обрамлении светлых волос и воздушных одеяний.

Эффектное зрелище, как и суть скандала, привлекает не только меня. Все гости наблюдают за ссорой. Цессяне со спокойной невозмутимостью. Дядя Джаграс с веселой улыбкой. Лансиане с нескрываемым любопытством. Экс-королева Виона с явным неодобрением. Видийяне с немим изумлением. Атис с тревогой. Атиус...

Ого! А с чего это глазки-то горят у альбиноса? Радует, что провокация удалась?

— Язык придержи! Я сам в состоянии понять, что и почему мне хочется! А если будешь лезть не в свое дело, тогда я за тебя решу, что нужно тебе, — осаживает сестричку Эстон и разворачивается к принцу: — Обряд сложный?

— Совершенно простой и необременительный, — тут же откликается тот. — У нас, кстати, как раз была запланирована на сегодня торжественная часть, потому что поступило две просьбы о проведении церемонии. Вы можете к ней присоединиться, если желаете...

— Желаю! — предупреждающе зыркнув на тяжело дышащую Файолу, подтверждает Эстон.

— Хорошо. — Цессянин понимающе улыбается, переводит взгляд на Виарию, которая тут же исчезает за выступом стены, и вновь смотрит на гостей. Вернее, на одного конкретного гостя, который сложил руки на груди белого пиджака и плотно сжал губы. Однозначно Атиус намекает Атису, что ждет и от него подобного шага. Причем еще и словами к этому подталкивает: — Возможно, кто-нибудь еще принял решение? Нет? Ну что ж...

Он хлопает в ладоши, и музыка вновь набирает силу. Кружит плавными переливами, ласкает мелодичными тонами, подбадривает оптимистичным перестуком. И органично в нее вплетается голос альбиноса:

— Нам следует поблагодарить нашего иперианского гостя, который подарил предстоящему торжеству столь приятное атмосферное сопровождение.

Вот как? Дядюшкин подарок? А с чего это он так расщедрился? Что за праздник у него? Зато теперь мне понятно, почему дядя тоже в числе приглашенных, несмотря на натянутые отношения с цессянином, — как же дарителю можно отказать? А никак. Особенно если... если он — один из тех, кто эту церемонию, по сути, и заказал.

Понимаю это сразу, едва вижу, как уверенно дядя выходит вперед вместе с Керасом. Эстон медлит, но подчиняясь приглашающему жесту Атиуса, присоединяется к ним. Еще один цессянин, в руках которого большая коробка, немедленно оказывается рядом и ждет, когда мужчины достанут из нее цветы. Точно такие же, как те, что я приняла от принца.

— Керас! — Атиус покровительственно смотрит на своего телохранителя-безопасника. — Я рад, что ты наконец определился.

— Да, я долго сомневался, — звучит уверенный ответ. — Это было сложно, но все же... — Керас подходит к близняшкам-цессяночкам и протягивает одной из них цветок: — Марида, я прошу тебя стать моей фавориткой. А тебе, Лирида, — теперь обращается ко второй, — придется немного подождать. Свадебной церемонии. Согласны?

Видимо, так. Потому что Марида, кивнув, радостно принимает его подарок и с какой-то триумфальной гордостью переводит взгляд на сестру. Та тоже кивает, хотя и смотрит на цветок... Дихол! С завистью смотрит! Либо они дорады, либо я ничего не понимаю!

— Эстон Азир гив'Ор, — вновь подает голос Атиус.

Несомненно, он решил, что одной демонстрации достаточно, а тянуть время не стоит. Ведь рогранин и передумать может.

Впрочем, тот и не думает отказываться. Прихватывает руку оказавшейся рядом с ним Виарии, разворачивает ее лицом к себе и, улыбаясь, вручает цветок.

— Ты была бесподобна этой ночью в роли любовницы, надеюсь, как фаворитка ты меня тоже не разочаруешь.

— Я буду очень... стараться, — едва ли не задыхается от волнения альбиносочка, а я — от той откровенности, с которой Эстон при всех открывает столь личные подробности. Неужели у них на планете в норме такая прямолинейность?

Смущаюсь, похоже, только я. Ну еще лансианочка нервно хихикает, закрывая лицо рукой. Молоденькая, несовершеннолетняя, ясно, что отношений с мужчинами у нее еще не было. Как и у меня, хоть я и старше. Все остальные реагируют спокойно.

— Джаграс Гун он'Ласт, — продолжает руководить процессом Атиус.

Дядя, словно только этого и ждал, деловито ему кивает и шагает к замершей у стеночки Лурите. Останавливается рядом с ней, несколько секунд покачивается на носках, всматриваясь в лицо, на котором радость сменяется ужасом от мысли о том, что ей сейчас предложат.

— Прости, девочка, женой тебя сделать не могу, не тот у тебя социальный статус. Но как фаворитка ты меня вполне устроишь. Цветочек возьмешь?

Подруга судорожно вздыхает и нерешительно касается белых лепестков.

Ее состояние я понимаю. Она бы и рада отказаться, да только привязка не дает этого сделать. Быть с ним ей сейчас хочется, невзирая ни на какие условия.

Как же это страшно! Может, цессянки и привыкли к подобным манипуляциям со стороны мужчин, но для нас это дико. И то, как дядя поступил с Луритой, фактически вынудив согласиться, это подло по отношению к ней! А ведь в том, что он сделал, виноват именно этот жуткий институт фавориток, предложенный цессянами. Не получи дядя возможность назвать Луриту постоянной любовницей, а не на один раз, вряд ли он стал бы девушку мучить. А так просто воспользовался ситуацией и сделал все, чтобы не получить отказа. Теперь Лурита будет его постельной игрушкой, пока не надоест.

Злость на дядю в моей душе клокочет бурным потоком, отвращение к Атиусу зашкаливает, становится трудно дышать. Мне даже в музыке — обычной мелодии, ранее не украшенной ничем, кроме переливов звуков, — чудятся певучие голоса, которые в нее вливаются.

— Зачем? Зачем ты так со мной?

— Не мог иначе, извини.

— И что теперь? Меня ведь ты не любишь. Возьми и брось...

— Один раз? Не глупи. Тебе самой ведь хочется иного.

— Любимой быть, а не сгорать от страсти.

— Вы все так говорите. А потом? Лишь млеете в объятиях.

— Желая получить в ответ взаимность чувств...

— Которых нет.

— Дейлина, что с тобой?

Я даже не сразу понимаю, что последняя фраза звучит громче, явственней и вообще иначе. Не в моей голове, а рядом. Хоть и похожи интонации голоса.

С трудом прихожу в себя, фокусируясь на обеспокоенном личике Луриты. Ого... Это что

сейчас было?

— Тебе стало плохо, — объясняет подруга, поправляя одеяло, которым я укрыта. — Удобно? Ничего больше не нужно? Скоро доктор придет.

— Настолько плохо? — Я никак не могу взять в толк, каким образом из зала переместилась в свою каюту.

— Ты сознание потеряла. И в чувство не приходила. Тебя Атиус сюда перенес.

Ну вот! Впрочем, чего я ожидала? Чтобы цессянин — и не воспользовался ситуацией? Любопытно, как же у него это получилось? Ведь...

— А где шигузути? — Осматриваю комнату, чувствуя, что малыша на мне нет.

— Я его забрала. Он принцу к тебе подойти не давал.

— Верни немедленно! — сердито приказываю, поднимаясь с подушек.

— Ну что ты злишься-то? — вспыхивает Лурита. — Между прочим, он у тебя кусается. Все руки мне погрыз, пока я его несла! — Она демонстрирует мне кисти, покрытые мелкими царапинами, а потом спрыгивает с кровати и приоткрывает дверь в ванную комнату.

Сквозь образовавшуюся щель стремглав пролетает черная молния, замирает посреди каюты и заходится гневной трелью. Излив свое возмущение, осматривается и немедленно бросается ко мне. Через пару секунд я тихо смеюсь, потому что сердито пыхтающее и негодующе попискивающее тельце пытается как можно глубже зарыться в оборки лифа.

— Дей, я пойду, ладно? А то меня Джаграс ждет. Ты одна справишься? — перемещаясь к двери, спрашивает Лурита.

— Подожди! Минуту! — останавливаю я ее. — Скажи, ты себя нормально чувствуешь? Не тошнит? Голова не кружится? — вспоминаю симптомы, которые были после укуса у Атиуса.

Подружка удивляется, но послушно замирает, не открыв проема, и задумывается, анализируя ощущения.

— Нет, ничего такого, а что?

— Да так, — ухожу от ответа. Наверное, яд шигузути не на все расы одинаково действует. — А ты сильно расстроена тем, что дядя сделал тебя фавориткой? — спохватываясь, вспомнив произошедшее.

— Расстроена? — Лурита, сверкнув белозубой улыбкой, качает головой. — Нет, Дейлина, тебе точно нужно влюбиться, чтобы это понять. Ну да, я теперь вроде как с ним связана, но зато-о-о... — тянет она мечтательно. — Зато он весь мой! От кончиков пальцев ног до последнего волоска на голове! Не отвертится, потому что любовник не имеет права отказывать фаворитке, я узнавала! Ох и замучаю я его сегодня! И не только сегодня!

Ее грудь высоко вздымается, щеки розовеют, язык скользит по губам, оставляя влажный след... Ой-ой! Боюсь, если вскоре и появится на этом корабле пострадавший, то это будет точно не Лурита!

— И вообще не факт, кто и кого в этом альянсе использует — он меня или я его, — продолжает девушка. — По мне, такая роль даже удобнее — я же всегда с ним буду, представляешь, сколько узнаю? А если все же Джаграс мне надоеет, поверь, я найду способ с ним расстаться, раз уж такая возможность имеется. Но сначала использую на все сто процентов!

Зеленые глаза вспыхивают предвкушением, и подруга, махнув мне рукой, исчезает в коридоре. А я откидываюсь на подушку и потрясенно выдыхаю.

Да-а-а... Это же как влюбиться надо, чтобы до такой жизненной позиции дойти?

ГЛАВА 4

На пятнадцать — испугаться, на шестнадцать — убежать, на семнадцать-восемнадцать я вернусь в игру опять

На пятнадцать часов, по окончании приема, была запланирована прогулка по маленькому корабельному парку, но, взяв в руки вильерер, я понимаю, что ее отменили. Может, другие гости туда и направились, а вот мне теперь был рекомендован постельный режим. Видимо, Атиус пошел на поводу у доктора, который, осмотрев меня и не обнаружив причин обморока, озаботился сим фактом еще сильнее, чем если бы нашел.

Впрочем, долго скучать мне не приходится. Не успеваю отложить планнер, а в нем вспыхивает новая запись — запрос визитера, который я немедленно подтверждаю и с нетерпением жду посетителя. Вернее, посетительницу.

— А я думала, откажешь, — заглядывает в проем светловолосая рогранка. — Ты как себя чувствуешь? Я, если честно, не поняла, что с тобой произошло. Вроде до последнего хорошо держалась. Ты не беременная случайно?

— Нет, — улыбаюсь ее предположению. — Просто там душно было, наверное, поэтому мне плохо стало. Сейчас нормально. А ты в оранжерею гулять не пошла?

— Что я там не видела? — фыркает Фай и, следуя приглашающему движению моей руки, усаживается в кресло. — Как Эстон со своей новой игрушкой обжимается? Лучше я тебе компанию составлю.

— Я рада, — поддерживаю ее инициативу. — Моя компаньонка сейчас не в том состоянии, чтобы меня развлекать. Сама понимаешь.

— А она действительно не хотела становиться фавориткой, мне не показалось? — любопытствует собеседница и продолжает, когда я киваю: — Знаешь, я думала, что это исключительно добровольный выбор. А оказывается, принудительный тоже бывает.

— Добровольно-принудительный, — корректирую я. — Отношений-то с ним она хочет, а подобного статуса — нет.

— Ну да, — рассудительно замечает Фай. — Насильно в фаворитки вряд ли кто потащит. Какой от девушки толк, если с ней нельзя иметь физического контакта? Разве что изнасиловать и тем самым лишить возможности иметь детей? Так ведь мужчину за такое самого к смерти приговорят, едва это станет известно. Намного приятнее и проще, если девушка сама готова к сексу...

Она осматривает каюту, переводит взгляд на меня и, что-то вспомнив, спохватывается:

— Ой! А кто на тебе такой маленький был? Черный такой? Покажешь?

Спустя минуту я наконец добираюсь до прилипшего к коже тельца, с трудом отцепляю коготки и вытаскиваю его на обозрение. Глажу, успокаиваю, не позволяя сбежать обратно. Поняв, что никто его не собирается лишать моего общества, малыш перестает нервничать. Вытягивает лапки, прогибается в спинке, зевает и под ахи-охи Файолы принимается привычно играть на руке. По-моему, шигузути нравится внимание, которое ему уделяют. Он ей даже погладить себя позволяет, послушно замерев под моими пальцами.

— Такой лапочка... — восхищается рогранка. — А почему он на Атиуса набрасывался?

— Сложно сказать. — Я пожимаю плечами. — Как-то не сложились у них отношения. Возможно, на Цессе нет маленьких питомцев, вот принцу и непривычно.

— А у нас есть, — быстро переключается на приятную для нее тему Файола. — Правда, не настолько маленькие, чуть крупнее, и не гладенькие, а пушистые, но тоже милые. С собой их не потаскаешь, потому что тяжелые очень, но дома держать — самое то. Знаешь, как смешно карабкаются по веточкам и грызут зелененькие молодые листочки? У нас во всех домах деревья растут именно для этого. А цвет шерстки у макуни вот как

мои волосы. — Она пропускает локоны через пальцы. — И вообще на Рогрансе так красиво!..

Фай принимается за описание, и я, вслушиваясь в ее голос, прикрываю глаза, представляя себе покрытую древесной растительностью гористую местность, наполненное фиолетовыми кучевыми облаками небо, две небольшие розовые звезды и повисшую над горизонтом огромную планету-спутник, на которой совсем нет жизни.

— Послушай, а ведь ты прекрасно можешь все это увидеть своими глазами! — неожиданно предлагает рассказчица. — Скажи Атиусу, что хочешь полететь. Сомнительно, что он тебе откажет. Одно дело — запрещать женщинам вмешиваться в политические и военные игры или не давать возможности работать по некоторым специальностям, и совсем другое — лишать нас удовольствий! К тому же Атиус вообще не имеет права ограничивать тебя в развлечениях. Ты наследница, а он всего лишь принц Цесса. Таких, как он, много, а ты одна.

— Это ничего не значит, — вздыхаю, поглаживая затихшего малыша по голове. — Мой статус наследницы мне лично ничего не дает. Я, по сути, лишь символ и доказательство той власти, которую получает новый император. У меня даже нет способностей. Никаких. Разве ты об этом не знаешь?

— Я слышала, — задумчиво кивает девушка. — Эстон много об этом рассуждал. Когда твои родители прилетели на Рогранс с предложением по объединению, они и про тебя, видимо, говорили. Меня на прием не пустили, но брат потом со мной мыслями делился. Мы же с ним двойняшки, редко что скрываем друг от друга. Так вот, он тогда пришел к выводу, что отсутствие способностей вовсе не страшно, даже собирался воспользоваться приглашением твоего отца и на Роотон лететь, чтобы с тобой познакомиться... Видишь, как получается — если бы не несчастье с твоими родителями, после которого с нами прервали все контакты, ты могла бы его женой стать.

Фай грустно улыбается, а я старательно гашу поднимающуюся в душе волну возмущения и негодования. Ведь все, сказанное рогранкой, как и слова леянина, наталкивает на подозрения, что происходящее со мной — махинации цессян и моих дядюшек. Но зачем они это делали? Ну ладно с Атиусом, тут все предельно ясно — любой ценой получить власть над планетами империи. Но дяди?! Они-то почему со мной так бесцеремненно поступили? Я же для них не чужая. Обидно до слез...

— А мне казалось, что никто не хочет иметь детей без способностей, — все же нахожу в себе силы продолжить диалог. — Дяди жаловались, что другие планеты именно поэтому в империю и не вступают.

— Так и было, — неожиданно раздается от двери уверенный мужской голос.

Я вздрагиваю от неожиданности, потому что прихода Атиуса не ждала, а он по-хозяйски проходит в каюту и останавливается перед рогранкой.

— Не ожидал вас здесь увидеть, Файола Олир Шас. И уж тем более не ожидал, что вы станете обсуждать с моей фавориткой планы вашего брата... — Принц замолкает, протягивая ей руку.

Фай приоткрывает рот, чтобы что-то сказать в ответ, но все же медлит, вспомнив, что она теперь подданная империи, а он, как ни крути, лицо, обладающее властью. В итоге, прежде чем заговорить, скользит пальцами по ладони цессянина.

— Ваше удивление вызывает у меня ничуть не меньшее. С чего вы решили, что я должна избегать общения с наследницей? Я беспокоюсь о ее здоровье. И развлекаю.

— Одновременно подталкивая мою фаворитку к Эстону, — недовольно добавляет Атиус. — Неужели думаете, что мне сложно догадаться о ваших планах? Дейлине простительно, она молода, доверчива и неопытна, но для меня все предельно ясно.

— И что же вам ясно? — сердито, но все же сдержанно спрашивает Фай.

— Как минимум то, что планы корыстные и бесчестные. Он хотел жениться? Так почему раньше этого не сделал? Где он был эти два года, после того как Дейлина осталась без родителей?

— Он не мог прилететь на Рооотон, не имея официального приглашения, — парирует девушка.

— Чушь! — категорично отрезает Атиус. — При большом желании это можно было сделать. И никто бы не осудил его за настойчивость, если бы оно объяснялось пользой для империи и счастьем наследницы. Значит, не так уж и велико было это желание. Не потому ли, что брат ваш все же не слишком радовался перспективе потери детьми расовых способностей? А теперь, вступив в состав империи и узнав, что наши с Дейлиной отношения не закреплены танцем, вы решили этим воспользоваться. В первую очередь, настроить наследницу против меня и добиться разрыва наших отношений. Вы, несомненно, полагали, что Эстон сможет взять Дейлину себе в фаворитки, раз уж теперь есть такая возможность. Кстати, я склонен полагать, что это и не его план, а исключительно ваш, Файола. Потому что ит'Генон все же не отказался от моего подарка.

— Вы его проверяли? — сквозь зубы возмущенно цедит рогранка.

— Просто воспользовался подвернувшейся возможностью, — уклончиво отвечает цессянин. — Значит, теперь ему, если ваш план осуществится, останется только жениться. Ведь, отказавшись от одной фаворитки, взять вторую он уже не сможет. Вы этого не знали, да? Ну и как ощущения от разоблачения и от осознания того, что задумка не сработает?

— Ваши фантазии и самомнение, Атиус Рэль ли'Тон, зашкаливают, — холодеет голос Файолы, и она медленно поднимается с кресла. — Надеюсь, Дейлина оценит их по достоинству. Я же считаю, что они выходят за рамки приличий, поэтому от меня признания ваших заслуг вы не получите.

Рогранка направляется к выходу, задев плечом альбиноса. Впрочем, тот не возмущается, лишь, порицая ее поведение, качает головой. А едва закрывается дверь, он поворачивается ко мне. Не торопясь, подходит ближе и усаживается на край кровати.

— Видишь, что получается, когда женщина пытается манипулировать мужчинами и лезет в политику? Эстон слишком многое позволял своей сестре, она выросла амбициозной и самоуверенной. Хорошо, что ты у меня не такая. Верно, Дейлина? Я ведь в тебе не ошибаюсь?

Голос цессянина звучит тихо, устало, словно он все силы отдал, чтобы вывести Фай на чистую воду, и на большее их уже не осталось. Он даже на шигузути посмотрел с таким обреченным смирением, что мне стало не по себе.

Кто лжет? Он или она? Или Атиус на самом деле верит в то, что говорит, но при этом и Фай была со мной искренна, а манипулирует кто-то третий?

— Вы просили не делать поспешных выводов, — напоминаю ему о нашем разговоре на Рооотоне. — Я очень стараюсь именно так и поступать. И сейчас мне кажется, что вы сами поспешили с выводами в отношении Файолы... Атиус! — Я даже приподнимаюсь и сама касаюсь его руки, хотя и чувствую, как малыш напрягся в готовности действовать. — Я прошу вас, извинитесь перед ней. Вы же так ее обидели! А она очень хорошая девушка, к тому же ваша гостя, и я уверена, имела в виду вовсе не то, что вы подумали.

— Ты совсем не знаешь жизни, Дейлина... — Выражение сиреневых глаз становится грустным. — Твоя открытость и вера в других достойны восхищения, но они могут дорого тебе обойтись.

— Пусть так. Но я все равно не позволю себе никого обвинять, не имея неопровержимых доказательств.

Руку я от него не отнимаю, хотя и чувствую, как неизбежно она оказывается в его ладонях. Как скользят пальцы по голой коже. Как поднимаются к запястью, локтю...

Да, я рискую, но этот риск оправдан той целью, к которой стремлюсь. Надеюсь, что мое неприятие цессянина достаточно велико, чтобы эти прикосновения остались без последствий.

— Я ведь вас не укоряю в том, что вы тоже ждали два года, прежде чем решиться на

предложение, которое сделали, — коварно намекая, что и в его поступках есть нечто, внушающее подозрения.

— Тебе интересно, да? Понимаю. Сомнительно, чтобы твои дяди хоть что-то об этом рассказывали. Они, похоже, вообще скрывали от тебя многое...

Атиус замолкает, задумываясь. Так глубоко уходит в себя, что даже гладить меня перестает. А может, причина и в другом. В маленьком таком черном тельце, которое с подозрительной медлительностью подкрадывается все ближе к оккупанту. В итоге альбинос отпускает мою руку и начинает говорить:

— Мой отец всегда был против присоединения к молодой империи. Причины для этого были в первую очередь экономические и политические. Цесс провел несколько не слишком удачных военных операций в попытках завоевать Зогг, чтобы добывать на нем ултриз. Были причины и личные, правда, о них отец не любил распространяться, я знаю только, что они как-то связаны с первым императором и его женой. Но в любом случае позиция короля Цесса была четкой: система Бокуса останется независимой территорией. Он и сейчас не слишком рад потере полной самостоятельности, но королевский совет все же убедил его, что перемены неизбежны и предложение регента-императора нужно принять. Старые обиды в настоящее время уже никого не интересуют, военные действия вели не только мы, но и многие другие планеты. Все это осталось в прошлом.

— А предложение пришло... — смотрю вопросительно, намекая на продолжение интересующей меня темы.

— Три недели назад от имперского совета. Наши министры заседали несколько суток, пересмотрели все возможные варианты развития событий и признали, что аргументов за вступление неизмеримо больше. В итоге отец все же уступил их настойчивости.

— Наверное, потому, что одним из аргументов была возможность для Цесса получить статус планеты-столицы? — говорю почти утвердительно.

— Разумеется. Уверен, если бы не это, отец и слушать никого не стал, — легко подтверждает Атиус и добавляет: — Отсутствие у меня и супруги и фаворитки тоже сыграло свою роль. Будь мой семейный статус иным, и решение было бы другое.

— Согласна, — поддерживая его разговорчивость, понимающе киваю. — Такой шанс действительно было бы глупо упускать. А про другие планеты, которые почти одновременно с Цессом вошли в империю, вы не знали?

— Нет, Дейлина, не знал. Сообщение о них пришло спустя сутки после старта с Рооотона. И я, как этого требуют элементарные правила приличия, сразу отправил всем приглашение присоединиться к нам, а тебе сказать не успел, потому что... — Атиус замолкает, выразительно посмотрев на важно прогуливающегося по моим рукам шигузути, который уже раз пятый совершает обход территории.

Ну что ж, логично. Очень логично. Дихол! Так и хочется выругаться, потому как степень вины альбиноса в моих глазах начинает резко падать, и этот факт вызывает тревогу. Нет, Дейлина, нет! Нельзя расслабляться! Пусть это и не его интрига, но ведь Атиус не захотел ради тебя ничем жертвовать. Не предложил стать женой, хотя и мог это сделать. Предпочел видеть тебя фавориткой. Официальной любовницей. Девочкой, с которой можно приятно проводить время, но которую вовсе не обязательно любить по настоящему!

Все? Успокоилась?

Прислушиваюсь к себе и понимаю: успокоилась. Его откровенность — не повод менять к нему отношение, а моя лояльность — всего лишь способ получения информации. Хорошо бы Лурите удалось так же разговорить дядю, как и мне цессянина.

— О чем задумалась? — слышу негромкий вопрос. Пользуясь тем, то шигузути исследует кружева на левой руке, Атиус едва ощутимым касанием пальцев проводит по предплечью правой.

Малыш, заметив движение, тут же спохватывается и стремглав бежит к месту прорыва

противником обороны. Принц меняет тактику. Теперь он осторожно заправляет мне за ухо выбившуюся из прически прядь. Его конкурент реагирует, немедленно взбираясь по ткани, чтобы добраться до нарушителя. А тот уже касается моей ладони. И снова малыш несется вниз.

Игра длится до тех пор, пока шигузути, которому беготня надоела, забирается мне на плечо, приподнимается на задних лапках и тихо раздраженно шипит. Загоняли, видите ли.

— Аккуратнее, он прыгучий, — говорю с улыбкой, чтобы предупреждение не выглядело как угроза, когда Атиус снова пытается взять меня за руку. — Дайте ему передохнуть.

— Хорошо, — явно довольный тем, что прогресс в наших отношениях налицо, уступает Атиус и напоминает: — Ты на вопрос не ответила.

— Вы сказали, что мои дяди многое от меня скрыли, — немедленно пользуюсь его разговорчивостью. — Что именно?

— Я лишь предположил, опираясь на тот факт, что ты спрашиваешь о вещах, которые Джаграс, как твой воспитатель, обязан был тебе разъяснить. — Вместо конкретного ответа я получаю вот такой обтекаемый. — Так что мне сложно сказать, что именно ты не знаешь из того, что известно мне.

Атиус некоторое время наблюдает, как я глажу нервно бьющего хвостиком шигузути, и наконец делает правильный вывод из моего молчания.

— Не обижайся, — просит примирительно. — Все, что тебе нужно знать, постепенно выяснится. Ну а то, что не нужно... — Он снова позволяет себе многозначительную паузу, прежде чем продолжить: — Зачем тебе забивать себе голову проблемами, Дейлина? Оставь их мне. В конце концов, это моя обязанность их решать и о тебе заботиться, потому что я — твой любовник. То есть... — Принц зажмуривается и встряхивает головой, сообразив, как нелепо это звучит применительно к нам. — Будущий, разумеется.

— Понимаю. — Я с трудом сдерживаю себя, чтобы не рассмеяться. Маскируя это, мне приходится капризно надуть губки и отвернуться.

— Ты устала, — проявляет безграничное терпение Атиус. — Отдыхай. Прости, но ужинать тебе придется одной. У меня есть дела.

Он поднимается, продолжая говорить:

— Завтра мы прибываем на Цесс. Думаю, что на разминку в спортзале тебе стоит идти, только если ты точно хорошо себя чувствуешь. А лучше как следует выспись и приведи себя в порядок. Встреча на планете будет торжественной, и мне бы хотелось быть уверенным, что ты перенесешь ее без проблем. Придется снова побыть в центре внимания. Сомнительно, что танцевать мы будем завтра, но вот дня через два-три — определенно.

— А как же невеста? — О своей мнимой обиде я моментально забываю.

— Будет и невеста, — улыбается альбинос. — Вне всяких сомнений, отец уже подобрал подходящие кандидатуры. Мне останется только сделать окончательный выбор, и мы скрепим наш семейный союз. Отдыхай.

Дверь за цессянином закрывается, а я так и сижу с бешено колотящимся сердцем.

У меня есть лишь пара дней? И все? Я окажусь к нему привязана навсегда?

От этой мысли в глазах темнеет, во рту пересыхает, я начинаю задыхаться, а в ушах шумит и звенит так, словно кто-то включил в каюте пародию на музыку ипериан.

Никогда бы не подумала, что могу до такой степени испугаться.

На шестнадцать часов мы задержались в пути именно из-за того, что кораблям пришлось выходить в обычное пространство, чтобы перегрузить с леянского корабля на

цессянский капсулу, в которой восстанавливался Атиус, а потом вновь уходить в погружение, чтобы все же добраться до Цесса. В итоге вместо прилета ранним утром, как изначально было запланировано, вошли мы в систему Бокуса только поздно вечером.

Естественно, что с утра рекомендации Атиуса относительно тренажерного зала я проигнорировала. У меня мало не только времени, но и возможностей для налаживания новых контактов. То есть мест, где я могу общаться с теми, кто может, вольно или невольно, дать мне шанс на спасение. В общем, едва проснувшись, первым делом помчалась в спортзал. И ничуть о своем решении не пожалела. Потому что...

Потому что, во-первых, узнала наконец, что такое «лиглиорас».

— Вам не понравился вкус? — удивилась королева, когда я осторожно поинтересовалась происхождением продукта. — Это единственный совершенно съедобный плод на Вионе. Если бы не он, первопоселенцы вряд ли бы выжили. Вещества, которые в нем содержатся, улучшают состояние организма, повышают выносливость, вообще все физиологические процессы стимулируют. Ох, Дейлина, вы, наверное, его так и не попробовали? Иначе бы на церемонии с вами точно все было в порядке.

Она сокрушенно покачала головой, а я только руками развела, покраснев и пробормотав что-то про психологическую несовместимость с красными продуктами питания. Вот только что же не понравилось в столь замечательном блюде шигузути, я так и не поняла. Может, он на самом деле как-то неприятно пахнет? Не зря же малыш отпрыгивал.

Во-вторых, я успокоилась относительно Файолы. Думала, она так сильно обиделась на Атиуса, что даже не захочет со мной общаться, а оказалось...

— Представляешь, — округляя глаза, ахая и всяческим образом демонстрируя изумление, делилась со мной впечатлениями рогранка, — я уже спать собралась, когда меня брат позвал. Я думала, Эстон один в каюте будет, а он там... — Она задохнулась, не в силах продолжать.

— С фавориткой? — предположила я.

— Если бы! — Фай так активно встряхнула головой, что пара заколок выскочила из прически на пол. Однако она, похоже, этого даже не заметила, как и того, что ее тренажер простаивает. Потому что спешила поделиться со мной впечатлениями. — То есть она там тоже была, но не в этом дело, а в том, что брат с Атиусом что-то обсуждал! Я решила, что цессянин опять гадостей в мой адрес наговорит. Но нет. Он принес извинения сначала мне, а затем и Эстону за то, что воспользовался его влечением. И сказал, что готов на любую компенсацию в обмен на прощение. Что на него нашло? Не понимаю.

Зато я прекрасно понимала. И радовалась, что мою просьбу альбинос все-таки услышал и выполнил. Значит, рогране тоже будут гостями на Цессе, и в своем плане мне можно на них рассчитывать.

В-третьих, я убедилась, что все приглашенные на цессянский крейсер остались на нем, а не вернулись на свои корабли. Причем весьма своеобразно убедилась — своими глазами увидела, как деликатно нам поклонившись и одарив хитрой улыбкой, мимо прошел брат Файолы. Потом увидела мужа Тоны, правда, издали, к нам он не приближался. А затем и Атиуса узрела в компании с Атисом. Первый, в уже знакомом мне костюме с открытым верхом, выполнял упражнения для ног, ухитряясь при этом что-то говорить. Второй... Второй слушал, поставив ногу на упорную планку тренажера и подпирая рукой голову. Серьезно слушал, хмурился даже. В итоге сказал что-то краткое, отрицательно качнул головой и отошел.

Принц посмотрел ему вслед вполне спокойно и своего занятия не прекратил. Видимо, о чем-то малозначительном говорили и настроения ему это не испортило. В любом случае, увидев меня, цессянин озабочился куда сильнее. Даже подошел, чего ранее не делал. Приветствовал мое окружение, поинтересовался самочувствием, еще раз напомнил о том, чтобы я не переутомлялась.

Я немедленно этим воспользовалась. Тут же намекнула, что по-прежнему не имею возможности для полноценного существования. В смысле, что подруги, которая могла

бы в нужный момент поддержать и помочь, у меня так и нет. А ведь он обещал. И вообще, говорил, что свободных девушек на корабле не было, а на самом деле были. И гости. И цессянки...

Я так вжилась в роль, что даже сама удивилась слезам, навернувшимся на глаза. Атиус тоже не остался равнодушным — терпеливо выслушал и последовательно ответил на мои претензии:

— Гости появились здесь только позавчера. Цессянки, о которых ты говоришь, могли лишь номинально считаться свободными. — Говоря об этом, он даже голос приглушил, словно намекая на некую тайну, в которую он меня посвящает. — А подруга... Дейлина, потерпи еще немного, на Цессе у тебя будет огромный выбор.

— На Цессе?! — возмутилась я и капризно надула губки. — А сейчас мне как быть? Да и подругу я себе уже выбрала. Вот! — непререкаемо заявила я. И указала на Файолу.

— Почему я? — шепотом спросила меня не менее изумленная рогранка, когда Атиус хоть нехотя, но все же согласился. И сбежал. Под предлогом сверхзанятости и наличия у меня компании.

Все объяснила за меня экс-королева, которая заинтересованно наблюдала за происходящим. Возраст близкий. Общаемся без проблем. Кстати, контрасты хорошо ладят, а при желании могут друг у друга многому научиться... Сказав последнее, она многозначительно улыбнулась. Наверняка имела в виду не только то, что у меня с Файолой совершенно разные типажи, но и на темперамент намекнула. Ведь рогранка демонстрирует вспыльчивое и независимое поведение, в то время как я предпочитаю действовать мягко и ненавязчиво.

Все это так, но для меня главное — Фай не боится Атиуса и не одобряет институт фавориток. Значит, я смогу ей все рассказать, а она поможет мне найти выход.

Был еще и четвертый плюс от моей утренней прогулки. Мне удалось столкнуться с Атисом. Да, я сделала это с умыслом, дождалась, когда он направится к выходу, и сама пошла туда же. Но уж очень мне было любопытно, узнал он меня или нет. В итоге сделала вывод, что не узнал. Коротко поклонился, пожелал доброго утра и пропустил вперед, потому что оказались мы в дверях одновременно. На лице — вежливая полуулыбка, в глазах — спокойное равнодушие, в голосе — предупредительность. И ни намек на то, что моя персона ему интересна.

Я расстроилась. Понимала, что не может он признать во мне свою ночную гостью, но подсознательно ждала... Чего? Наверное, того, что интуиция ему подскажет. Или логика. Увы. Он оказался не столь наблюдательным.

Вот и получается, что рассчитывать на его помощь можно, но только с оглядкой на то, что король Ле не знает, кому будет помогать. И вряд ли откажется, даже узнав, — он порядочный империанин. Именно поэтому подставлять его под удар мне нельзя. А это означает — вести себя с ним столь же отстранение, чтобы не вызвать подозрений у других.

Моя задумчивость не укрылась от новой подруги. С присущей ей прямолинейностью Фай заявила, что раз уж я втянула ее в свою авантюру, то обязана ввести в курс происходящего. И как только догадалась?

Зато оставшееся до прилета время я провела с не меньшей пользой, чем утренние часы. Завтракала, мылась, одевалась. И одновременно рассказывала Файоле, которая всеми силами мне помогала, о себе, родителях, жизни на Рооотоне, сделанном Атиусом предложении и моих планах от него избавиться.

— То есть ты для Атиуса фаворитка только на словах? В него не влюблена? И с ним еще ни разу... Ну, дела-а-а... — От изумления рогранка потеряла дар речи. Ненадолго, конечно. — Теперь я понимаю, почему его так возмутили мои слова о возможном замужестве с Эстоном. Атиус боится тебя потерять. Но твой план... Ведь нет никаких доказательств, что именно цессяне препятствовали вступлению других планет в империю, чтобы получить власть. У тебя нет способов воздействия на принца. Ох, Дейлина, ты так рискуешь!

— А что остается? Не бездействовать же! Идеи получше мне в голову не пришло. Либо сработает, либо... — Я выразительно развела руками.

— Ты права, — решительно заявила Фай. — С таким потребительским отношением к себе мириться нельзя. Честности в поступке Атиуса — ноль! Воспользовался удачным для себя стечением обстоятельств и решил получить то, на что имели право и другие. Тебя лишил свободного выбора. Можешь на меня рассчитывать, я все сделаю, чтобы ты снова стала свободной! — Возмущение в ее голосе было запредельным.

Да, вероятно, первое, о чем подумала Файола, — что, появившись у меня возможность выбирать, я предпочту ее брата. Но могла ли я упрекать ее в этой заинтересованности? Нет. Каждый ищет в том, что делает, выгоду для себя. Главным же для меня оставалось иметь рядом тех, кто готов помочь.

Лурита, Файола, Атис, экс-королева... Не так много, но и не мало. Правда, и соперники у меня сильные. Дядюшка Джаграс, Атиус, наверняка его отец на пару с дядей Ютом, — сомнительно, что без последнего тут обошлось. И если я выиграю, это будет для меня не просто удачей — настоящей победой. Если же проиграю... Нет, Дей! Не смей даже думать об этом. Ты не проиграешь! Поймешь, что выхода не осталось, воспользуешься оставленным на крайний случай способом спастись — убежать!

— А в семнадцать я первый раз влюбилась. Магиррас был помощником моего отца, советником по экономическим вопросам, взрослым мужчиной, к которому я не осталась равнодушной, едва он появился во дворце. О, Дей! Это было изумительное чувство. Я не ходила, я летала, как детеныши макуни! Старалась делать все, чтобы как можно дольше оставаться с ним наедине, надеялась, что он тоже влюбится, мечтала, что он предложит стать его женой...

Замолкнув, Фай некоторое время, прикрыв глаза, выводит пальцем невидимые узоры на белом сиденье дивана. Вздыхает, улыбается и продолжает:

— Не предложил. Когда мне исполнилось двадцать, он женился на дочери своего друга, а в двадцать пять, после наступления совершеннолетия, мне пришлось с ним переспать, чтобы избавиться от влечения.

— Хорошо, что Магиррас не отказался, — поддерживаю я свою подругу. — Женатые мужчины неохотно на это идут.

— А у него выбора не оставалось, — усмехается Фай. — Отец пригрозил, что лишит его всех привилегий, если он этого не сделает. Я не возражала. Мне не хотелось пару десятков лет жить с мыслями о том, кто никогда не станет мне парой. И знаешь, после ночи с ним мне действительно стало легче. То есть первую неделю я все еще рвалась к нему, организм требовал повторения, а потом поняла, что хочу этого все меньше и меньше, пока наконец, увидев Магирраса, не поняла, что мне на него даже смотреть противно. До сих пор помню свое недоумение, как вообще могла его любить.

Услышав шум, она приподнимается и, опираясь на мягкую боковину дивана, заглядывает за стоящее рядом с ней узколиственное растение. Я тоже меняю положение тела, потому что в ожидании приглашения на высадку мы уже второй час сидим в одном из расширений коридора гостевого сектора. Убедившись, что это всего лишь цессяне, занятые уборкой освободившихся кают, мы ждем, когда они исчезнут за поворотом, и продолжаем развлекаться единственным доступным нам сейчас способом — разговором.

— Ты сказала — в первый раз, — любопыствую я. — Был и второй?

— Был, — с готовностью кивает Фай. — Я после первого долго от мужчин держалась на расстоянии. Как-то ни к кому душа не тянулась, а телу я больше вольностей не позволяла. Шесть лет назад, мне как раз тридцать исполнилось, папа отправил Анрона, это мой второй старший брат, возглавить поддинастию, управляющую Огом. Это один из континентов на Рогрансе, а всего их двенадцать, и во главе каждого вице-король, подчиняющийся моему отцу. Мы с Эстоном напросились ехать с братом. Жить во дворце, конечно, приятно, но от однообразия быстро устаешь, а на нашей планете так много прекрасных мест!

Она мечтательно возводит глаза к белому потолку, вспоминает, где находится, и вновь возвращается к рассказу:

— Ог в этом смысле самый красивый. Изумительные пейзажи, мягкий климат, разнообразная растительность. Даже Из — это континент, где находится главный королевский дворец, — не обладает такими преимуществами.

— Почему же вы не смените местоположение дворца? — заинтересовалась я. — Это же несложно.

— Сложно! — отрезает Файола и многозначительно, с гордостью и торжественностью объясняет: — Дворец построен на том самом месте, где приземлились первопоселенцы. Сохранившиеся останки корабля замурованы в саркофаге под дворцом. Как можно менять такое место? Оно само — символ верховной власти!

— Вот это да-а-а... И ты их видела?

Мое удивление вовсе не наигранное. На Рооотоне не осталось ничего, что позволило бы с полной достоверностью доказать, что его жители тоже прилетели из другой звездной системы, а не возникли на самой планете в процессе естественной эволюции.

— Да, я спускалась в саркофаг с Эстоном. Обычно женщин туда не пускают, но мы же с братом двойняшки: куда он, туда и я... Ой, Дейлина! Это потрясающее чувство! Прикасаюсь к тому, чему почти пять тысяч лет! Знать, что именно в нем были все те, чья кровь сейчас течет во мне!

Подруга на некоторое время замирает, приопустив веки и наслаждаясь воспоминаниями, прежде чем продолжить:

— Риолаз был вторым сыном бывшего вице-короля, которого заменил Анрон. Старший сын погиб, насколько я знаю, а младшему не позволили занять место умершего отца, потому что способности у него оказались очень слабые.

— А какие у вас способности? — Я снова ее перебиваю, не в силах сдержаться. Ведь до сих пор так ничего и не знаю о тех расовых особенностях, которыми рогран одарила природа.

Вместо ответа Файола откидывается на спинку дивана и протягивает к растению руку, разворачивая ладонью от себя.

— Не уверена, что на цессянских сработает, но можно попробовать, — бормочет про себя.

Я замороженно жду, что же произойдет. Проходит пара минут, и никаких изменений. Фай уже разочарованно кривится, но тут... Прямо на глазах одна из почек на веточке начинает набухать. Растет так быстро, что я даже невольно вздрагиваю, когда она лопается, а из нее с той же стремительностью выбрасывается стреловидный листик, вытягивается и дрожит, стараясь коснуться девичьей ладони.

— Ну вот так как-то, — убирает и потирает руки Файола. — На Рогрансе растения отзывчивее, честное слово, они к нам сами так и тянутся. А тут приходится больше усилий прикладывать, чтобы найти контакт.

— Но у тебя получилось! Здорово!

Наверняка я радуюсь успехам рогранки куда сильнее, чем она сама, потому что девушка лишь отмахивается и садится удобнее.

— Ерунда. Так вот. Риолазу я сочувствовала. Это ведь очень тяжело, когда ты заведомо слабее других. А этот рограин, несмотря на минимальные способности к стимуляции роста, тем не менее пытался доказать Анрону, что достоин управлять континентом. Проиграл, конечно. Но в тот момент меня восхитили его сила духа и умение держать себя в руках. И мы начали встречаться. Поначалу я даже не думала о личных отношениях с ним, видела в нем друга, которого нужно поддержать и которому я могу помочь найти свое место в жизни. Братьям ничего не говорила, они оба были против подобных встреч. А Риолаз находил моменты для свиданий наедине, убеждал меня в том,

что способности у него низкие, потому что он никогда ранее активно ими не пользовался, с радостью выслушивал мои советы... Я его учила усиливать стимулирующий поток, сама не заметила, как позволила стать ближе, и в итоге влюбилась.

Теперь в голосе Файолы не слышится восторженной эйфории, и мне становится ясно, что и второй возлюбленный не принес девушке счастья.

— Он мной воспользовался, — подтверждает она мою догадку. — Когда понял, что я от него уже никуда не денусь, заявил моему отцу, что не собирается освобождать меня от влечения, а женится, только если получит в качестве компенсации трон Ога и титул вице-короля.

— Что сделал твой отец?

— Он его убил, — бесцветным голосом отвечает Фай.

— А как же ты?.. — Я невольно ахаю, настолько жестоким кажется мне наказание. Видимо, только мне, потому что в фиолетовых глазах вижу лишь холодное безразличие.

— Как избавилась от влечения? — правильно понимает мою мысль девушка и пожимает плечами. — Никак. За эти годы оно стало меньше, но полностью еще не угасло. Отец так разозлился, что даже не попытался Риолаза переубедить или уговорить со мной переспать. Сказал, что мне это будет уроком и страховкой от необдуманных привязок. Что хоть десяток-другой лет он не будет переживать за непутевую дочь.

— Ты так спокойно об этом говоришь...

— Сейчас — да, — грустно улыбается Файола. — А тогда мне казалось, что весь мир вокруг меня рушится. Эстон ни на минуту от меня не отходил, успокаивал, уговаривал потерпеть, объяснял, как подло поступил Риолаз... Да я и сама понимала, что он прав. И отец прав. А все равно хотелось мне только одного — быть вместе с тем, в кого я влюбилась. И то, что он уже мертв, не очень помогало. Постепенно чувства притупились, и даже воспоминания уже не приносят сильных переживаний, однако неприятие других мужчин осталось.

— Как же тебе сложно, — сочувствую я.

— Зато отец отпустил меня в этот полет с Эстоном, — тут же находит положительные стороны рогранка. — Если бы не гарантия моей незаинтересованности в мужчинах, сидела бы я на Рогрансе. А так и с тобой познакомилась, и на Цессе побываю, и за братом присмотрю. То есть за его новым развлечением. — В голосе Файолы появляется раздражение.

— А как твой отец отнесется к тому, что у твоего брата теперь есть фаворитка? — На всякий случай я приглушаю голос и придвигаюсь еще ближе, хотя, кроме нас, здесь по-прежнему никого нет.

— Понятия не имею, — разводит руками девушка. — Может, примет, а может, разнос устроит. Скорее, все же первое. В отношении нас родители никогда не строили грандиозных планов, которые брат мог бы нарушить своим поступком. Мы ведь с Эстоном очень поздние дети, моему отцу уже двести сорок лет. У нас есть два старших брата, один из которых давным-давно правит вместе с отцом и сменит его на троне, а про второго я тебе уже рассказала. И еще две сестры, но они первыми родились, когда родителям еще и сотни лет не было. Так что мы почти не общаемся, у них свои семьи.

— Получается, на вашей планете такой же срок жизни, как на Рооотоне? — удивляюсь я. — В пределах трехсот лет?

— Неужели и у вас так? — радуется совпадению Фай. — Надо же, насколько мы похожи!

— Не только мы, — отмечаю я. — Ипериане столько же живут. А вот зоггиане на треть меньше... Ты не в курсе, как на Цессе? Вионе? Лансе? Ле?

Спрашиваю, но моя собеседница лишь отрицательно качает головой, а потом еще и поясняет:

— Мы с ними всеми здесь впервые пересеклись. Хорошо мы знакомы разве что с исгреанами — система Ичос от нас совсем близко. Знаешь, — она тоже переходит на шепот, — мне кажется, отец послал запрос на вступление в империю именно для того, чтобы получить от них защиту. Слишком уж подозрительным стало их поведение. Исгреане с такой интенсивностью наращивали вооружение, что довели свою планету до полного истощения биоресурсов. По данным разведчиков, у них там даже растений практически не осталось, лишь машины, оружие, техника, дома, дороги, корабельные верфи, заводы... И наши способности стали для них желанным трофеем, за счет которого можно восстановить утраченное. Если они на нас нападут, мы защититься не сможем. Наш флот не в состоянии отразить атаку столь мощного противника. Исгреане превосходят нас и в вооружении, и в скорости реакции, они прирожденные воины и убийцы. Так что последний десяток лет мы живем в тревожном ожидании неизбежного поражения.

— А порталы, связывающие планеты, на Рогрансе сейчас тоже закрыты? Они вообще работали? Вы тоже воевали? С кем?

Я снова не удерживаюсь от лавины вопросов, потому что знаю, что из известных мне планет лишь на Зогге военные действия велись исключительно из космоса, а на остальных как средство перемещения использовались в первую очередь порталы.

— Воевали, — подтверждает Файола. — Только мы до сих пор не знаем, с кем. Это же около трех тысяч лет назад началось и закончилось довольно быстро, а исторические хроники того времени скупы на описание нападавших. Мне учителя рассказывали, что наши предки, защищаясь от врага, вырастили вокруг порталов непроходимые леса из хищных растений. Сейчас в этих местах не то что жить невозможно, даже просто приближаться к ним опасно. Так что мы не имеем сведений о том, находятся ли порталы в рабочем состоянии или сквозь них уже давно никто к нам не перемещается. А у вас как было?

— На Рооотоне военные действия тоже быстро закончились. Захватчикам было сложно атаковать в полной темноте, и у рооотонцев с их ночным зрением имелось куда больше преимуществ. И, кстати, мы также не в курсе цивилизационной принадлежности тех, кто на нас нападал. С другой стороны, в нашем звездном скоплении и ближайшем его окружении сто тридцать звездных систем. Наверняка никто еще не исследовал и не изучил их все. И проявлять агрессию мог кто угодно...

— Агрессию? — За нашими спинами раздается жизнерадостный женский голос, а спустя секунду его обладательница падает на мягкое сиденье рядом со мной и интересуется: — Кто посмел обидеть мою Дей?

— Никто не обижал, не волнуйся, это мы о другом... Лурита, Файола, — представляю девушек друг другу и заинтересованно присматриваюсь к зеленоволосой красавице.

А ведь реально похорошела подружка! Глаза искрятся, на щеках здоровый румянец, на губах улыбка, платье одно из ее любимых, настроение лучше некуда...

— Где дядя Джаграс? — интересуюсь.

— Сбежал от меня и помчался выяснять, отчего такая задержка с высадкой.

— Сбежал? — удивляюсь я. — А как он вообще?..

— Потрепан, но жить будет, — привычно иронизирует иперианка и наигранно возмущенно восклицает, хотя я лишь молча улыбаюсь: — Не надо на меня так смотреть, Дей! Ему физические упражнения полезны. Ты его фигуру без одежды видела? Вот то-то же! Чтобы получить полноценное удовольствие от столетнего любовника, надо, я тебе скажу, очень постараться. Животик, мышцы не самые крепкие, и вообще его лишь на пару раз в день хватает... Ой! Простите! — Посмотрев на рогранку, она округляет глаза и торопливо прижимает ладонь ко рту, хотя, я уверена, никакого реального раскаяния и смущения не испытывает.

— Ты его любишь? — Фай заинтересованно приподнимает бровь.

— Разумеется, люблю! — не задумываясь, восклицает Лурита. — Я же с ним сплю!

— Это не любовь, а влюбленность. Привязка, — парирует рогранка.

— А какая разница? — фыркает иперианка. — Это только у мужчин разделение четкое: психологическое влечение — любовь, физиологическая потребность — сброс сексуального напряжения. А у женщин вообще сложно разделить одно от другого.

— Ты не права! — Файола энергично отрицательно качает головой, рискуя испортить прическу. — У женщин тоже есть разделение, только оно обратное: физиологическое влечение — привязка, психологическая потребность — любовь.

— Второе обычно только после танца развивается, — моя сведущая лишь в теории персона вмешивается в разговор двух опытных в практике подружек.

— Именно, — кивает рогранка.

— А я все равно разницы не чувствую. — Лурита пожимает плечами. — Наверное, потому, что мне не с чем сравнивать. Да и меня все устраивает.

— Все? — удивляюсь я. — Даже жуткий неопределенный статус фаворитки?

— Ну ты скажешь тоже... — Иперианка морщится. — Хотя не уверена, что замужество с Джаграсом было бы лучшим вариантом.

— Вот видишь, — многозначительно произносит Файола. — Значит, ты его не любишь, раз сомневаешься.

Если Лурита и желает что-то возразить, то не успевает. Рогранка ее уже не слушает, потому как поднимается навстречу своему брату, который именно в этот момент появился из-за поворота и, вежливо нам поклонившись, поманил сестру к себе.

— Ты что-нибудь узнала? — шепчу я на ухо подруге, пользуясь тем, что мы остались наедине.

— Не так много, как хотелось бы. Один раз он во время... ну понятно, да?.. В общем, в порыве страсти и от этого в легком неадеквате Джаграс назвал меня именем...

— Твоей мамы, — легко догадываюсь я.

— Нет. Твоей.

От такого заявления я теряю дар речи. Как это? Почему? Или его привязанность к сестре была настолько сильна, что перекрыла любовь к ее подруге?

— Он сам-то это заметил? Как-то объяснил? — Мысль о том, что времени на обсуждение у нас немного, быстро возвращает мне способность говорить.

— Он-то, может, и не заметил, да только я потом спросила. Знаешь, как Джаграс расвирепел... Меня загнал в столовую, и пока я завтракала, в каюте что-то так страшно грохнуло! Когда я решилась выглянуть, служащие уже осколки убрали, а твоего дяди не было. Вернулся только через два часа и сделал вид, что ничего не произошло.

— Что он разбил?

— Голографию, которая на Роотоне в его кабинете на столе стояла.

Ого! Ту самую, послесвадебную? Где наши мамы со своими мужьями? Удивительно. Дядя всегда крайне трепетно к ней относился, даже мне запрещал прикасаться. Не понимаю... И Лурита не сможет это выяснить. Она хороший провокатор, но просчитывающий ходы разведчик из нее никудышный. Ой!.. Провокация! Ну конечно! Я все жду, когда представится случай все выяснить, а нужно создать для этого условия. Вот тогда все и станет понятно.

Идея, как именно это сделать, возникла так явственно, что захотелось реализовать ее немедленно. Эх, был бы здесь дядя! И не было бы свидетелей... А еще жаль, что Луриту придется использовать втемную, раскрывать ей мой замысел опасно, она может невольно проговориться. Конечно, сейчас она себя уже способна контролировать в большей степени, ведь ее организм получил желаемое, но все равно рисковать не стоит.

И о нависшей надо мной угрозе танца с Атиусом тоже не следует забывать. Как и о том, что он точно в курсе прошлого моего дядюшки. В общем, опять придется действовать по обстоятельствам. Если только...

— Файола, — зову подругу, которая по-прежнему занята разговором, и поднимаюсь с дивана. — Может, ты меня все же познакомишь со своим братом?

— Восемнадцать километров до поверхности.

— Атмосфера стабильна. Штормовой фронт ушел на северо-запад.

— Корабли сопровождения рядом. Помехи на траектории отсутствуют.

— Тормозные двигатели на полной тяге.

— Защитное поле включено.

Команда маленького челнока, спускающего нас с орбиты на поверхность Цесса, обменивается привычными для них рабочими фразами, а мы, с комфортом расположившиеся в уютных объятиях мягких противоударных кресел, ждем приземления. Мы — это я и Атиус. У принца свой личный шаттл, который забрал нас с крейсера, остальные гости летят на пассажирском транспортнике. Оба корабля задержались с вылетом именно потому, что над центральным космопортом Цесса, где готовилась торжественная встреча, разразилась гроза. Теперь же опасность миновала, и посадку разрешили.

Прозрачный в передней части корпус шаттла позволяет видеть, как впереди нас, рассекая остаточную облачность, летят два стреловидных корабля. На горизонте, который по мере нашего движения поднимается все выше, плавится белая звезда — Бокус. И все ближе поверхность планеты — бескрайняя равнина, окрашенная салатной зеленью и желтыми мазками растительности, голубоватой гладью озер и белесыми пятнами поселений.

Светлая, яркая, броская... Я хоть и привыкла за это время к насыщенным цветам, а все равно шурюсь, рассматривая красочные просторы, залитые белым светом. Шигузути, чувствуя мое волнение, тоже никак не может найти для себя удобное место. То и дело высовывается из драпировок лифа платья и снова прячется. Копошится, растягивая лапками эластичный материал, на несколько минут замирает и вновь вылезает, чтобы нервно пискнуть и нырнуть обратно. Хотя вполне вероятно, что причина его беспокойства вовсе и не во мне, а в том, кто сидит рядом. Малыш Атиусу по-прежнему не доверяет и наверняка опасается оставлять без присмотра принадлежащую ему территорию. Ведь спрячась он надолго, и не увидит, как цессянин себя ведет. А вдруг тот опять попытается лишить его облюбленных владений?

Контроль маленького собственника напрягает принца ничуть не меньше. Альбинос тоже волнуется, и я это чувствую, несмотря на то, что внешне он старается этого не показать. Хотя это странно. Атиус ведь домой летит, где его ждут. Причем возвращается, получив то, за чем улетал. Радоваться должен, а не переживать. Однако в сиреневых глазах, посматривающих на моего охранника, нет-нет да и промелькнет беспокойство. Погаснет, подавленное волевым усилием, и вновь возродится в судорожном переплетении длинных пальцев. Исчезнет, взятое под контроль, и проявится теперь уже в нервном восклицании «дихол!», когда шаттл проваливается в воздушную яму.

С одной стороны, понять Атиуса можно. Он ведь надеялся, что за время полета успеет меня в себя влюбить. И теперь, несомненно, расстроен тем, что у него не получилось. С другой стороны, ну что страшного в том, что нет у меня к принцу настоящего влечения? Все равно ведь после танца начнет формироваться. Чуть раньше, чуть позже... Какой смысл торопить события и переживать?

— Внимания к тебе будет много, так что постарайся не смущаться... Если к тебе обращаются, а ты не знаешь, что ответить, промолчи, тогда говорить буду я. Хорошо?

Третий раз за время посадки Атиус вспоминает, что мне нужен инструктаж. Я же послушно киваю, потому что ждет он от меня именно этого. Что, впрочем, вовсе не

означает, что я буду действовать именно так. Мой план подразумевает отсутствие у него подозрений, а не мою безропотную покорность.

Между прочим, первый шаг к реализации задуманного я все же сделала, когда нас пригласили на погрузку. Столкнувшись с дядей в коридоре, поинтересовалась, кого же он себе в жены присмотрел, раз Лурита лишь статуса фаворитки достойна. А еще презрительно бросила — не слишком ли он высокого о себе мнения. Большого сказать «не успела», потому что «торопилась». И ведь вот что любопытно — дядюшка занервничал. Даже остановить меня попытался. Так что теперь, как только мы обустроимся во дворце, он определенно захочет со мной побеседовать.

Итак, начало положено. Надеюсь, что и дальше все будет идти столь же гладко. А пока... Пока нужно сосредоточиться на том, что происходит сейчас. Улыбнуться Атиусу, который заботливо помогает мне освободиться от ремней безопасности. Опереться на предложенную руку, прижав другую к груди, чтобы успокоить шигузути и не позволить ему вылезти. Осторожно ступить на наклонный пандус, ведущий на посадочную площадку...

Сильный порыв ветра бьет в лицо, подхватывает юбку, хлестнув ею по ногам моего спутника, треплет волосы, вырывая их из прически. Вдыхаю свежий, сырой и наполненный необычными запахами воздух. Чуждый. Приятный, но нервующий. Будоражающий. Заставляющий ноги слабеть, а меня крепче сжимать пальцы, ища опору в том, кого я меньше всего хотела бы видеть рядом. Впрочем, как и тех, кто нас встречает.

Первым навстречу шагает худошавый высокий мужчина в белом парадном мундире. Его я узнаю сразу — Дэйль Монт ли'Тон, король Цесса, тот самый, голографию которого мне показывал дядя. И протянутой мне руки послушно касаюсь, отвечая кратко «спасибо», на его учтивое приветствие: «Добро пожаловать на Цесс, наследника».

Вот только если мне король дарит располагающую улыбку, то сына достаивает лишь холодным кивком и разворачивается к гостям, которые сошли с опустившегося чуть раньше нас транспортного средства.

Его обращение к ним мало чем отличается от той пафосной речи, которую я уже слышала от Атиуса на церемонии. Поэтому быстро теряю к ней интерес и принимаюсь рассматривать спутниц короля. Я ведь их на голографии тоже видела, и, надо признать, изменились они не сильно. Жена все так же представительна и эффектна, фаворитка по-прежнему свежа и сногшибательно красива. Стоят рядом, улыбаются. И ни малейшего намека на то, что одной из них живется хуже другой. Неужели действительно нет разницы, кто из них кто?

Почувствовав мой взгляд, а может, просто устав, королева перестает изучать гостей и поворачивает голову к нам. Теперь в ее глазах светится нежность к сыну, но видна и забота, смешанная с волнением. А еще настороженность, когда Орлея смотрит на меня.

И ощущение ее тревоги не пропадает, даже когда мы оказываемся на движущейся платформе с поручнями, которая неспешно, но неотвратно приближает нас к стенам города.

Выстроенные из белого камня, они кажутся очень старыми. Отнюдь не монолитные, покрытые трещинами, кое-где разрушенные до основания, эти строения доказывают, что их функция — защищать тех, кто за ними живет, — уже давным-давно неактуальна.

— Это самое древнее поселение на Цессе, — склонившись к моему уху, поясняет Атиус и таинственно приглушает голос: — Его основали почти восемь тысяч лет назад.

Ого... Похоже, этот город самый старый не только на Цессе, но и во всей империи. Хотя, конечно, есть вероятность, что на других, еще не присоединившихся планетах найдутся сооружения и древнее.

А вот дома здесь целые и невредимые. Несомненно, их не раз перестраивали и меняли, модернизируя и совершенствуя. Дворец, который сияющей белой громадой возвышается над всеми постройками, тоже не кажется мне развалинами. Да, внешний эффект старины сохранен. Привлекательный, ошеломляющий, заставляющий восхищаться. Однако стоит нам оказаться внутри, как впечатление меняется. Металлизированные

поверхности, искусственные материалы, сложный дизайн. Современный стиль в самом изысканном его проявлении.

Встречающая гостей прислуга так быстро уводит всех прибывших, что мы с Атиусом и его семьей, не успев и глазом моргнуть, остаемся единственными в огромном холле.

— Ко мне в кабинет, сын. Мне нужно с тобой поговорить, — не терпящим возражения тоном приказывает Дэйль Монт. И все же принц решается возразить:

— Я провожу Дейлину в отведенные ей покои и...

— Нет, — припечатывает король. — Немедленно. А Дейлина... — Он внимательно на меня смотрит и решает: — Пусть присутствует при разговоре. Ее это тоже касается.

Больше Атиус не спорит. Может, ему это и не нравится, но он послушно идет следом за отцом, увлекая меня за собой. Лестница, короткий переход, еще одна... Изумительная уютная комната в бежевых тонах, заполненная массивными светлыми стеллажами, за закрытыми полупрозрачными створками которых видны контуры накопителей и древних свитков. Столь же громоздкий, неправильной формы стол, за которым можно не только сидеть. Огромное во всю стену окно...

Не удержавшись, я отпускаю руку альбиноса и шагаю к проему, беззвучно ахая от открывшейся мне захватывающей панорамы. И даже на мгновение забываю о том, где оказалась и с кем.

— Идиот! — возвращает меня в реальность гневный возглас, и я в изумлении оборачиваюсь.

Успеваю заметить, как нелестный эпитет, сорвавшийся с губ короля, сопровождается пощечиной, которую он отвешивает своему сыну. И это настолько меня поражает, что я, не задумываясь о том, что делаю, бросаюсь к застывшему Атиусу и вцепляюсь в его руку. И наверняка именно этим спасаю принца от второй порции оскорблений.

— Вот как? — изумленно взирает на меня Дэйль Монт. — Ну что ж... — Голос его смягчается, и он отступает, чтобы опуститься на массивный стул во главе стола. — Приди в себя, сын! — Он требовательно смотрит на своего отпрыска. — Не заставляй нашу гостью стоять. Она устала.

— Прошу прощения, Дейлина, что вам пришлось быть свидетельницей этой некрасивой сцены, — говорит король после того, как Атиус все же отодвигает стул и помогает мне сесть. — И мне приятно ваше желание защитить моего сына, но, думаю, вы все же поймете мое негодование и не станете осуждать, когда узнаете реальное положение дел.

— Какое именно? — Я, радуясь тому, что мое поведение оказывается столь выгодным в плане получения информации, тем не менее изображаю на лице тревогу и легкое смущение, приличествующие ситуации.

— Какое? — повторяет Монт. В сиреневых блеклых глазах вновь вспыхивает гнев, но тут же гаснет. И отвечает король относительно спокойно: — Вы должны были стать его женой, а не фавориткой.

Ой... Значит, принц поступил по-своему и не выполнил приказа отца? Проявил самостоятельность, потому и опасался последствий? Пошел на риск, оттого и торопился с привязкой?

Ох, Атиус, да я же тебя за это расцеловать готова! Мысленно, разумеется. Ведь если бы не твое нежелание видеть меня женой, я бы даже микроскопической возможности не имела освободиться из загребущих рук твоей ушлой цессянской семейки!

Похоже, восторженности в моем взгляде, направленном на принца, оказывается более чем достаточно, чтобы король решил, что я девушка влюбленная и в любовном дурмане разницы между статусами не вижу. Одобрения в его глазах становится все больше, да и снисходительных ноток в голосе прибавляется:

— Сын у меня тот еще подарочек! Своевольный и независимый. Хочется верить, что семейная жизнь это исправит. Я думал, вам одной придется искать способ с ним

совладать, но, похоже, судьба все же распорядилась иначе, раз от предложенного статуса фаворитки вы не отказались и тем самым подтвердили, что в вашей семье с вами рядом будет еще одна девушка.

— Не буду вас обманывать, быть фавориткой — это не совсем то, о чем я мечтала, ведь меня воспитывали в других традициях. — Решаю, что отмалчиваться и изображать совершенную глупышку тоже неправильно. Мне нужно, чтобы меня воспринимали как личность, желаниям и безобидным капризам которой можно идти навстречу. — А согласие я дала в большей степени потому, что была в отчаянии. Я ведь знаю, что никто не хочет иметь детей без способностей, и понимаю мотивы Атиуса, которые заставили его поступить иначе, нежели вы от него требовали. Конечно, мне трудно быстро изменить свое видение мира, но я стараюсь. И благодарна вашему сыну за то, что он меня не торопит и дает мне возможность это делать.

Ну вот. Вроде и не солгала, и правды не выдала, и на то, что спешить со свадьбой не следует, намекнула.

Последнее не сработало.

— Иногда Атиусу все же удастся действовать правильно и умно. Жаль только, что не часто. — Король отвечает сыночку сомнительный комплимент. — Но теперь я все возьму под личный контроль, не волнуйтесь. К сожалению, сделанного назад не вернешь. Его слова, как и ваше согласие, данное на церемонии, которая транслировалась на все планеты империи, не позволят принцу изменить решение и объявить вас женой... Атиус, надеюсь, ты готов к тому, что тебе придется танцевать первый танец с той, которую не любишь?

— Я о чувствах даже не думал, — хмуро подтверждает принц.

— Лучше бы ты вообще поменьше думал! Делал то, что приказано, и не ставил свои собственные интересы выше общественных! — рывкает на него отец. Вздыхает и, смягчая интонации, обращается ко мне: — Как видите, Дейлина, ничто не мешает нам провести свадебную церемонию в традициях Цесса. Претенденток в наличии достаточно. Так что завтра у вас есть день на знакомство с ними и выбор, а послезавтра проведем церемонию.

— Один день? — Свою тревогу я маскирую под волнение в ожидании важного события. — Но это так мало! Можно ведь и ошибиться, а правильный выбор очень важен. Он на всю жизнь!

— Не волнуйтесь. Атиусу все девушки знакомы, они не раз бывали при дворе. Это хорошо и правильно воспитанные дочери моих министров и родственницы вдовы покойного брата моей жены.

— Возможно, — не оставляю надежды их переубедить. — Но мне хотелось бы немного ко всему привыкнуть и на Цесс посмотреть...

— Атиус обязательно вам все покажет после свадьбы, ведь она в вашем случае всего лишь формальность, — снисходительно улыбается король.

— Молодая жена требовать к себе внимания не станет, — напористо принимается убеждать меня принц. — Она будет для тебя компаньонкой, особенно на первых порах.

— Вы можете жить в этом дворце, а можете путешествовать, — снова перехватывает инициативу Дэйль Монт. — Все королевские резиденции Цесса в вашем распоряжении. В принципе ваши фантазии в том, как именно развлекаться и получать удовольствие, ничто не ограничивает.

Уступая напору и понимая, что дальнейшими пререканиями лишь усугубляю ситуацию, я замолкаю. Голоса мужчин, продолжающих обсуждать детали предстоящего торжества, сливаются в мерный гул. С каждой секундой он становится все больше похожим на тревожный музыкальный фон, в который вплетаются мои мысли:

Поражение. Жребий брошен.

Не веротишь время вспять.

Бой проигран? Нет, отложен!

Я вернусь в игру опять.

ГЛАВА 5

Девятнадцать, двадцать, тридцать, сорок, даже пятьдесят, поиски мои напрасны, завершаться не хотят

Девятнадцать девушек и один принц. Ах да! И вдобавок еще одна наследница, которая с любопытством наблюдает за тем, как эти бледные беловолосые эфемерные создания в светлых легких одеяниях невесомо порхают по парку и щебечут. То есть общаются.

Изящные, хрупкие цессяночки неторопливо прохаживаются по открытой местности в пределах видимости дворца. Стараются не покидать пространства, ограниченного невысокой изгородью из густой поросли кустиков. Грациозно огибают декоративные клумбы, засаженные низенькими растениями, усыпанными мелкими яркими цветочками. Легко перепрыгивают через узенькие ручейки, обложенные небольшими камушками. Смеются, оправляя воздушные юбки, которыми играет вездесущий ветер, гуляющий по равнине. Стайками кружат около Атиуса, пытаясь обратить внимание на себя.

В отличие от них, я не гуляю. Сажу на мягких подушках, устилающих массивную каменную скамью. Расслабляюсь, положив ноги на удобную подставочку. Наслаждаюсь полутенью, потому что надо мной натянут навес, защищающий от прямых лучей медленно ползущего к горизонту Бокуса. И жду.

Кого? Очередную соискательницу на роль жены, которую Атиус соизволит отправить ко мне на собеседование. У нас двухэтапный отбор получается. Сначала принц определяет, насколько девушка ему приятна, а потом я с ней беседую и решаю, оставить потенциальную избранницу в претендентках или же ей отказать.

Кстати, последним не злоупотребляю. Чем больше девушек будет в наличии, тем дольше будет длиться процедура выбора. То есть принятие окончательного решения затянется не на один день, и свадьба состоится не так скоро, как планировалось.

Улыбаюсь, откидываясь на мягкую спинку скамьи и подставляя лицо теплomu порывистому ветру. С наслаждением вдыхаю непривычные, но приятные травяные ароматы. Прислушиваюсь к низкому гулу, который рождается высоко в небе, когда сталкиваются воздушные потоки... Можно сказать, я счастлива.

Почему? Да потому что Атиус больше не настаивает на немедленном исполнении танца и даже не возражает против моего участия в выборе невесты. А его отец, едва настало утро и я вышла к нему для разговора, заявил, что вчера проявил бестактность, не прислушавшись к моим словам. Долго вещал о том, что, расстроенный поступком сына, не задумался о моих желаниях и потребностях. В итоге великодушно объявил, что свадьба состоится тогда, когда я буду к этому готова.

Подозрительная уступчивость? Да. Но только на первый взгляд. Счастливая случайность? Нет. Закономерный итог, который в очередной раз меня убедил: все происходящее есть результат тщательно спланированных и продуманных действий. И я до сих пор ощущаю огромное моральное удовлетворение от того, что у меня получилось, и я добилась нужного мне результата.

Как же умно я поступила, не начав спорить с Атиусом и его отцом! Я даже претензий не стала предъявлять относительно расположения апартаментов, особенностей интерьера, отсутствия прислуги и моих компаньенок в комнатах. Просто молча закрыла дверь, сказав, что хочу отдохнуть и побыть одна. Дала ему возможность два часа до ужина наслаждаться победой, а потом...

— Я буду есть на своей половине, — категорично заявила, когда оказалась в светлом, лаконично оформленном помещении, где стол накрыт с расчетом, что сидеть мы будем рядом.

— Дейлина? — удивился Атиус, поднимаясь мне навстречу. — Что случилось?

— Отсутствие элементарной благодарности случилось, — сердито заявила я, опуская сидящего на моей ладони шигузути на столешницу и принимаясь переставлять блюда и посуду.

— Объясни, — потребовал принц.

Мешать он мне не стал, лишь нахмурился, наблюдая за моими действиями. Когда я взялась за спинку стула и потащила к себе, цессянин дернулся, не то желая помочь, не то пытаясь остановить. Но все же отступил, когда поймал мой гневный взгляд и услышал предупреждающее шипение малыша, приподнявшегося на лапки.

— Я считаю ваше поведение демонстрацией крайней степени неуважения ко мне, — холодно отчеканила, когда наконец закончила перестановку и села. — Я спасла вас от родительского наказания, несомненно ожидающего вас за своевольно сделанное мне на церемонии предложение. Пусть и спонтанно, но действительно испытывая к вам некоторую симпатию, я показала вашему отцу, что ваш поступок не кажется мне ужасным. Хотя на самом деле считаю совершенно иначе. Поверьте, я безумно возмущена тем, что получила предложение быть всего лишь фавориткой, хотя могла стать именно женой! Но ради вашего благополучия я отодвинула свои чувства на второй план и скрыла их. А что получила в итоге? Нежелание пойти навстречу даже в самом элементарном!

Задохнувшись от возмущения, которое на самом деле было не наигранным, я принялась кромсать вилкой розовый паштет. Атиус же, сраженный моей тирадой, по-прежнему сидел молча и неподвижно, даже за приборы не взялся. Однако долго молчать я не собиралась.

— Если вы сейчас так со мной поступаете, что будет, когда мы окажемся связанными навсегда? Вы так и будете мной помыкать? Неужели так трудно понять, что я не бездумная послушная кукла, которой можно распоряжаться и управлять так, как вам заблагорассудится? Принимая решения единолично, интересуясь ее мнением лишь для того, чтобы переубедить и навязать свое!

Последовала новая порция молчания. Тишину в столовой нарушал лишь малыш шигузути, которому не было никакого дела до наших пререканий, и потому он с завидным аппетитом уминал уже второй крошечный рулетик с неведомой мне начинкой.

Принц оправдываться не спешил, видимо, понимая, что я права. А может, просто обдумывал, что именно ему теперь делать и как исправлять ситуацию. Он ведь однозначно почувствовал, что возможность спровоцировать у меня влечение стремительно приближается к нулю. Я же отступать и облегчать ему решение задачи не собиралась.

— На Рооотоне мне казалось, что вы готовы сделать все, чтобы, несмотря на жуткий для меня статус, я не чувствовала себя ущемленной. На крейсере моя вера в это пошатнулась, когда вы начали проявлять излишнюю настойчивость и эгоистичность. Теперь же я окончательно убедилась, что обо мне вы думаете в последнюю очередь. Поэтому заявляю прямо и прошу на меня не обижаться: танцевать с вами я не буду. Возможно, я не имею права вам отказывать, раз приняла статус фаворитки. Но ведь я сделала это не добровольно, а вынужденно. Мне не оставили выбора, и это может служить основанием для расторжения принятых обязательств. Скрывать этот факт от гостей на свадьбе я не стану и потребую признать недействительным данное вам согласие. Уверена, правящие династии большинства планет империи, особенно из вновь присоединившихся, поддержат мою просьбу, даже если она не укладывается в рамки закона, и встанут на мою защиту. Все узнают, что у меня нет к вам чувств, а это означает, что моим мужем и императором может быть кто-то другой. Последствия скандала, который разразится, вам вряд ли понравятся. И вашему отцу тоже.

Последнего могла и не говорить. И без того бледный Атиус совершенно потерял лицо. Даже его губы стали белыми и глаза выцвели, хоть они и ранее имели не самую яркую окраску. Реакция понятная — принц определенно опасается гнева отца, и, по всей видимости, есть для этого основания. Значит, наш с ним разговор он афишировать не станет, постарается действовать, не привлекая короля. Тем не менее я продолжала, ограждая себя от возможных проблем:

— Наверное, это глупо, говорить вам о своем решении в открытую, проще было бы дождаться церемонии и сделать так, как задумала. Но у меня есть две веские причины поступить иначе. Первая — я не имею права допускать подобного скандала. Вы, как будущий правитель, должны это понимать даже лучше меня. Он не пойдет на пользу

империи. Может привести к войне и разрушить все связи, которые с таким трудом удалось создать. Вторая — родители меня воспитывали, прививая не только чувство долга и ответственности перед империей, но и понятия благородства и порядочности. Я не хочу публично оскорблять вас отказом, да еще и раскрывать его причины, тем самым вас унижая. Очень надеюсь, что вы найдете иное решение, которое устроит нас обоих.

Я замолкла и приступила к ужину. Понимала, прежде чем делать следующий ход, нужно дожидаться хоть какой-то ответной реакции, чтобы определиться с направлением и не ошибиться.

— Ты категорически настаиваешь на аннулировании статуса фаворитки? — наконец заговорил Атиус. Медленно, мрачно, тщательно взвешивая и продумывая каждое слово. — Или все же готова к диалогу, и твои слова я могу рассматривать как предупреждение, а не ультиматум?

В его голосе мне почудилась угроза. Пока еще едва заметная, еле-еле уловимая, на грани восприятия. Но которая определенно станет реальной, если я буду на альбиноса давить. Загнанный в угол, он может забыть не только об учтивости, но и о своем страхе перед отцом. А если эта парочка объединится, что будет? Вдруг им власть над империей нужна до такой степени, что мое упрямство заставит их действовать жестко, нарушая этические нормы? Могут ведь, например, запереть меня во дворце, объявить, что свадьба откладывается, и избавиться от гостей. А потом ждать, давить на меня и искать способ вынудить станцевать с Атиусом без свидетелей. После этого мне уже ничего не останется, кроме как повторить свадебный танец при всех на официальной церемонии. Брр... Жуткая перспектива.

— Я просто хочу, чтобы вы меня услышали и поняли. — Отвечать мне пришлось тихо и грустно, чтобы дать цессянину возможность утвердиться во мнении, что я всего лишь обижена на него за некрасивый поступок. — Ведь нет никакой гарантии, что другие претенденты на пост императора не будут преследовать корыстных целей... Атиус! Я хочу видеть в вас защитника и друга, к которому буду испытывать симпатию и уважение, а не самодура и тирана, готового на все, лишь бы получить желаемое. Вы ведь не такой, верно?

И то, что я пошла ему навстречу, и мольба в моих словах и во взгляде — все это обезоружило противника. Цессянин снова растерялся. Моргнул, кивнул, выдал тихо «не такой» и схватился за столовые приборы. Сразу в ход их не пустил — несколько секунд сидел неподвижно, уставившись в тарелку, на которой лежали давно уже остывшие мягкие сине-зеленые пластинки, покрытые слоем фиолетового соуса. Наконец принялся за трапезу.

Я и на этот раз предпочла взять тайм-аут. К тому же рулетики оказались невероятно вкусными, не зря они так понравились шигузути. Правда, вторую порцию он доедал медленно, делая перерывы и с усилием глотая, но останавливаться и бросать вкусняшку не желал. Следуя его примеру, я съела те, что достались мне, запила соком и налила несколько капель в маленькое блюдце. Малыш, с сожалением посмотрев на совсем крошечный кусочек, который никак не хотел в него влезать, все же с ним расстался, подполз к тарелочке и принялся лениво слизывать оранжевую жидкость маленьким язычком.

— Обещаешь, что отец не узнает о том, что у тебя нет ко мне влечения? — неожиданно прорезался голос у моего сотрапезника.

— Если бы я хотела вас подставить, он бы уже был в курсе. — Я пожала плечами и сменила блюдо.

— Спасибо, — вздохнул Атиус. — Я не буду больше на тебя давить. Прости, сам не понимаю, что на меня нашло. Заигрался, видимо.

Я лишь брови удивленно подняла. Игра? Чужие судьбы, будущее империи, моя жизнь, его собственная семья — все это для цессянина всего лишь игра? Впрочем, пусть так. Поиграем.

— Атиус, — мило ему улыбнулась, создавая атмосферу доверия, — а почему, раз ваш отец

отправил вас жениться, вы предложили мне стать фавориткой? Вот только не нужно меня убеждать, что проблема в вашем страстном желании иметь детей с расовыми способностями! Я не настолько глупа, чтобы поверить, что приказ отца вы нарушили исключительно из личного эгоизма.

Альбинос даже жевать перестал, настолько вопрос оказался провокационным. Впрочем, вкупе с остальным сработал.

— Я скажу, только... Только если ты обещаешь это ни с кем не обсуждать. Особенно с моим отцом. — Атиус с тревогой ждал моего ответа и, лишь когда я кивнула, признался: — Это была идея моей мамы. Она убедила меня, что я могу, в первую очередь, предложить тебе статус фаворитки, а если ты откажешься, тогда уже сделать второе предложение — стать женой.

Улыбка с моих губ исчезла. Подобного заявления я никак не ожидала.

— За что же она меня так не любит? — потрясенно выдохнула, не в силах понять ее логики. Или же это банальная ревность к сыну? То есть к тому, что какая-то женщина будет для него важнее матери? Но ведь если не я, так другая невеста... В чем разница? Все равно когда-нибудь принц женится.

— Почему сразу — не любит? — Атиус поморщился. — Просто она считает, что сохранить за нашей династической линией власть над Цессом важнее, чем несколько лет управлять империей. Отец к этому относится иначе и видит первостепенное значение в получении права на императорство, соответственно готов пожертвовать способностями наследников.

— Вы на стороне матери?

— Разумеется, — с заметным раздражением, которое было определенно направлено на короля, подтвердил принц. — Мой отец родился в семье промышленника. Торговца, который не имел никаких родственных связей с правящей династией. Да, у них обоих способности к регенерации весьма высоки, но при этом напрочь отсутствует аристократичность, а амбиции зашкаливают. Власть над Цессом отец получил только благодаря браку с мамой. А еще тому, что ее брат, который должен был наследовать трон после моего деда, погиб. Если мои дети не получают способностей, то королевскую династию возглавит его сын — мой двоюродный брат.

Откровенно. Малопрятно, ведь моя роль в их семейных разборках весьма незавидна, но хотя бы честно. Понятно, что Атиус пытается угодить и матери и отцу, а откровенничает со мной исключительно потому, что понимает — для него это единственная возможность расположить меня к себе и продолжить формирование привязки. Да, может, империя ему и не нужна, если дети пострадают. Но если я буду фавориткой, а жена цессянкой, то этого не произойдет. Значит, и отказываться от попыток меня удержать принц не будет. Тут ведь еще и амбиции короля Цесса учитывать нужно.

Вывод? То есть программа действий? Атиуса держать в заблуждении относительно моей лояльности. Пусть считает, что я снова ему уступила. С его мамой наладить контакт. Пригодится. Хорошо бы фаворитку короля разговорить, наверняка она тоже многое знает. Король... Вот тут проблема. Потому что Атиус напрягся, когда я напредила, что свадьба будет не так скоро, как запланировано, и об этом родителю нужно сказать.

— За ночь я подберу аргументы, которые не вызовут подозрений, — все же пообещал он в итоге. — Завтра с ним поговорю.

Ладно. Завтра так завтра. Спорить я не собиралась. Но и сидеть сложа руки тоже. Именно поэтому, едва вернулась в свои комнаты, первым делом схватилась за вильерер, чтобы проверить планнер. Открыла запросы и радостно ахнула — дядя все же не выдержал и до его прихода осталось...

...двадцать минут! Разумеется, если я соглашусь и визит одобрю. Что я немедленно и сделала, а все оставшееся время устраивала в лифе шигузути. Он от обжорства стал таким ленивым, что никак не желал цепляться коготками и то и дело норовил выпасть.

— Вот уж не думал, что ты эту гадость с Роотона прихватишь. Да еще и на себе таскать будешь.

Дядюшка, опустившийся в кресло, закинул ногу на ногу и презрительно скривился, рассматривая висящий черный хвостик. Малышу почему-то нравилось, когда тот оставался снаружи, и он нервничал, если я его убирала.

— Надеешься с его помощью удержать на расстоянии Атиуса?

Предположение дядя сделал правильное, вот только ошибся в причине и следствии. Впрочем, это не помешало ему произнести в привычной презрительной манере:

— Надо будет цессянину плетку подарить. Мне она уже не понадобится. А ему пригодится, раз мои советы ты игнорируешь.

— Не думаю, что он оценит подобную щедрость. — Я все же нашла в себе силы ответить спокойно и не дерзить. — У него иные подходы.

— Ну-ну... — скептически хмыкнул дядюшка. — Видел я его «подходы» на церемонии, когда тебе плохо стало! Если бы не Лурита, он бы до тебя даже дотронуться не смог.

— Это ничего не значит. — Я безразлично пожала плечами и, вспомнив о том, что дядя невольно может проговориться об отсутствии между мной и принцем личных отношений, поспешила убедить родственника в обратном: — Мы с ним прекрасно ладим, когда остаемся наедине.

— Ладите? — с непередаваемо заинтересованной интонацией протянул дядя. Зеленые глаза испытующе впились в мое лицо, а на губах появилась неприятная ухмылка. — До постели еще не дошло?

— Это только вы такой скорый, что, объявив девушку фавориткой, сразу к этому перешли.

— Можно подумать, Лурита была против... — Мой собеседник обреченно поднял взгляд к потолку. — С другой стороны, а что еще с вами делать? Разве от женщин какой-то иной толк есть? Для чего вас природа создала? Удовлетворять физиологические потребности. Доставлять эстетическое удовольствие. Рожать детей. В твоем случае — служить гарантом получения императорского титула. Все.

— И нет никакой разницы в том, становится она при этом женой или остается любовницей. То есть фавориткой, — язвительно добавила я.

— Как это нет разницы? — опешил дядя. — Очень даже есть. Статусность много значит. Опять же в твоем случае было верхом идиотизма соглашаться на предложение цессянина. Мне кажется, он блефовал. Женился бы без разговоров, кабы ты отказалась становиться фавориткой. Впрочем, — он снова скривился, наглядно демонстрируя, что думает о моих умственных способностях, — это твой выбор. Сама решила. У тебя была возможность предложение отклонить.

Решив не нарываться на скандал, я не стала напоминать дяде о том, что он сам давил на меня, упрекая в моей никчемности и в том, что при отсутствии способностей рассчитывать мне не на что и никому я не нужна. Тем самым вынудил на этот шаг. Конечно, с поправкой на то, что планировалось именно замужество. Впрочем, насколько я помню, на церемонии его в большей степени возмущал не сам факт фаворитства, а возможный отказ от меня принца после того, как тот станет императором и появится новая наследница.

— Лурита тоже решила сама? — осторожно подвела к тому, что меня интересовало несколько больше.

— Разумеется! — фыркнул дядюшка. — Церемония этого... цветкодарения подразумевает получение согласия от девушки.

— Но вы могли сделать ей другое предложение! — Я сжала кулаки, впиваясь ногтями в ладони.

— Стать женой? — Зеленые брови изумленно поползли вверх. — Зачем мне это? Лурита хороша как партнерша. Пожалуй, даже чересчур хороша... — Дядя поморщился, запустив пятерню в волосы. — Но я к ней ничего не испытываю, кроме обычного желания. А ее социальное положение не настолько меня привлекает, чтобы я пожертвовал ради этого возможностью более выгодного брака.

Я ловила каждое слово. Вот оно! Ведь так близко признание! И даже не удержалась, подтолкнула:

— И кто же та счастливица, которой предназначено стать вашей женой?

Наверное, все же напрасно поторопила. Потому что дядя, открывший было рот, вдруг замолчал, посмотрел на меня изучающе и захохотал:

— С чего ты решила, что я начну посвящать тебя в свои планы? Впрочем... — Его веселость пропала столь же быстро, как и возникла. Во взгляде вновь появилась внимательная настороженность, хотя он и произнес беспечно: — Это не секрет. Твоя родственница. Лаария.

Поначалу я даже не поняла, о ком дядя говорит. И лишь потом сообразила: внучка двоюродного дедушки по маминой линии. Дядя, видимо, решил укрепить свое положение политическим союзом.

У моего иперианского прадеда, Фориата, было шестеро сыновей. Мой дедушка, Зиан, был четвертым. Он и получил статус императора, когда женился на бабушке Цафи. Его старший брат, первый в роду, так и не успел стать правителем Ипера — погиб вместе со вторым братом и самым младшим во время очередной военной операции. Ни у кого из них не осталось потомков. У третьего дедушкиного брата есть сын, который и является сейчас правителем Ипера, получив трон после смерти Фориата. Впрочем, у нынешнего короля из детей одна только Лаария. Так что если сыновей не появится, право правления перейдет к дяде Джаграсу — как сыну четвертого брата и соответственно следующему наследнику по мужской линии в королевской родословной. Есть еще один мальчик — сын пятого дедушкиного брата, но, пока живы другие мужчины в семье, он находится в статусе ненаследного принца.

Вспомнив еще одну подробность, я ахнула:

— Но Лаария еще совсем ребенок! Ей едва десять лет исполнилось!

— Вот и замечательно, что девочка ни к кому не привязана, — прищурился потенциальный король. — А мне некуда торопиться. Ближайшие год-два придется провести на Цессе. Должен же я контролировать, как принц выполняет обязательства по отношению к своей фаворитке.

— Вряд ли у вас будет такая возможность, — посетовала я и, скрывая возмущение, опустила глаза в пол, мысленно мстительно потирая руки. — Свадьба и танец назначены королем Цесса на послезавтра. Вы, как я полагаю, сразу после церемонии отправитесь на Ипер.

— Почему он мне ничего не сказал?

Возмущение в голосе дяди зашкалило, но я даже не попыталась его снизить. Лишь развела руками:

— А я откуда знаю? Спросите у него сами.

Дядя вскочил и даже пару шагов к двери сделал, но замер, словно что-то вспомнил. Помедлил и повернулся ко мне, чтобы поинтересоваться:

— Так возраст моей будущей невесты — это единственное, что тебя смущает?

Вопрос был задан не просто так. Поза у дядюшки напряженная, взгляд внимательный... У меня сразу возникло подозрение, что это как-то связано с моей провокацией перед высадкой, когда я сказала, что он много о себе мнит. И вообще! Не просто же так дядя к этой теме вернулся, хотя и разговор наш уже о другом шел, и сам он уходить собрался.

— Смушает, — уверенно ответила. — Она не только моя родственница, но и ваша.

Облегчение, которое мой собеседник не сумел скрыть, доказало — не в этом дело. У дяди даже настроение поднялось, словно он убедился в беспочвенности своих опасений: я не знаю того, что он не желал афишировать. Дядюшка качнулся на мысках сапог и снизошел до объяснения:

— Достаточно далекая родственница для того, чтобы влечение ко мне у нее все же возникло.

— А если не к вам возникнет, а к другому? — спросила я, ощущая беспокойство от того, что никак не могу догадаться, что же скрывает дядя.

— Свое пятнадцатилетие она проведет со мной. Думаю, этого будет достаточно. Да и в дальнейшем рядом с ней буду только я.

— И вы уверены, что ее отец даст на это согласие? Лишит дочку выбора?

— А вот это уже мои проблемы, — предупреждающе понизились интонации. — Не лезь не в свое дело.

— Но хотя бы Луриту вы отпустите? — не сдавалась я. — Она же вам не нужна! И вообще, узнав о ее влечении к вам, вы говорили, что не позволите ей испортить себе жизнь. А сами сделали ее... фавориткой! Разве это правильно?

— Много ты понимаешь в том, что правильно, а что нет! — встал в позу несносный субъект. — Лурита останется со мной! Я совершил ошибку, отпустив ее мать. И не собираюсь повторяться.

— Вы ее любили? — тихо ахнула я. Ведь подружка высказывала такое предположение, когда у нее влечение начало проявляться.

— Я? — изумился дядя. — Нет. Она — да. Висла на мне не хуже своей дочки. Оставить ее при себе как постоянную любовницу я не мог, ведь в то время институт фавориток в империи не был законным. Брать в жены компаньонку сестры тоже не собирался. Ничего не оставалось, кроме как дать ей желаемое, чтобы успокоилась и смогла найти себе другого жениха. А ты решила... О-о-о! Ох уж эти женщины! — страдальчески закатив глаза к потолку и всплеснув руками, он посетовал: — Мнят себя умнее мужчин, а по факту даже выводов правильных сделать не могут! А еще творят глупости и ломают жизнь себе и другим. Что ты с матерью, что ваши подружки — без разницы.

— И чем это мама сломала себе жизнь? — окончательно теряя контроль, бросила я с вызовом. — Она была счастлива с папой! И он тоже ее любил!

При упоминании моего отца в зеленых глазах сверкнула такая ненависть, что я невольно вспомнила признание Луриты о сорвавшемся с уст дядюшки имени. И первая мысль, которая пришла в голову, — что чувства дяди к маме вовсе не похожи на братские. Да, это противоречит не только здравому смыслу, но и нашей физиологии, однако... Как еще я могу это объяснить?

Расспросить рассвирепевшего родственника у меня не осталось возможности — он выскочил из моих покоев, словно за ним кто-то гнался. Вот только я вспомнила о тех намеках, которые Атиус делал на Роотоне, и поэтому не слишком расстроилась неудаче. Не все еще потеряно, возможность докопаться до правды все равно остается. Главное, я знаю, в каком направлении вести раскопки!

В том, что это нужно сделать, не возникло ни малейших сомнений. Наверное, интуиция сработала, которая подсказывала — моя свобода в будущем во многом зависит от того, что происходило в прошлом.

Несмотря на неприятный осадок в душе, положительные стороны от разговора все же были налицо — не просто же так наутро король Цесса столь кардинально изменил свое мнение относительно срока свадьбы! И ощущение, что это заслуга вовсе не Атиуса, а именно дяди Джаграса, меня не покидало. Очень уж явно он проявил недовольство тем, что его персону проигнорировали. И политику империи относительно новых планет оба дяди вели в пользу Цесса...

Так что именно связывает цессянского короля и моего родственника? Может, они давние друзья? И именно эту дружбу дядя раньше не желал афишировать, потому что она могла быть расценена как предательство? Ведь Цесс находился в противостоянии и с Зоггом и с Ипером.

Атиус поморщился, когда я за завтраком намеренно воодушевленно изложила ему свои догадки. Разумеется, сделала я это максимально позитивно, показывая, что с пониманием отношусь к подобному сценарию.

— Я бы не стал называть другом того, кто действует исключительно с позиции личной выгоды. — Принц неохотно, но все же опроверг мое предположение. — Да, ты права, мой отец и твой дядя знакомы давно, но...

Цессянин замаялся и замолчал, определенно не желая посвящать меня в нюансы взаимоотношений. Только если раньше я могла позволить себе отступить и выждать, то теперь терять время не желала. К тому же каким образом можно спровоцировать альбиноса на откровенность, я уже догадалась.

— Можете не стараться. — Я добавила в голос презрительных интонаций и передернула плечиком. — То, что дядя ничего не делает просто так, я и без вас знаю, а его заинтересованность в контактах с Цессом только слепой не заметит. Как и обратное, впрочем. Кстати... — перескочила с одной темы на другую, словно не считаю нужным развивать первую, — сейчас дядя настроен не слишком позитивно. Сказал, что был о вас лучшего мнения. Кажется, собирался побеседовать об этом с королем...

— Да, я в курсе их разговора. — Атиусу даже в голову не пришло отпираться или лукавить. — Он практически скандал отцу устроил насчет того, что планы меняются в одностороннем порядке. Ему хочется принимать во всем самое активное участие.

— Такой уж у него характер, — вздохнула я. — Он и меня последние два года воспитывал и контролировал в несколько более жесткой форме, нежели было необходимо. Вам именно это не понравилось, помните?

— Помню. И до сих пор понять не могу, почему ты ему позволяла с собой так обращаться.

— Потому что мама перед отлетом просила меня его слушаться. Он ведь ее...

Я замолкла, ведь эти воспоминания для меня слишком тяжелые, чтобы продолжать.

— Брат, — с легким оттенком пренебрежения хмыкнул принц.

— Да, брат, — со вздохом подтвердила я, а потом, задумавшись, тихо добавила: — Несмотря ни на что.

Я-то сложный характер дяди имела в виду. И странную тягу к маме. А вот Атиус, похоже, понял меня несколько иначе.

— Так ты в курсе! Я думал, это тайна, — воскликнул он с облегчением. Даже напряженность, заставляющая его осторожно подбирать слова, чтобы не проговориться, исчезла.

— Семейная тайна, — приглушая голос, подтвердила я, маскируя свое изумление. — А вы как о ней узнали?

Все еще не понимая, о чем он, я сделала вид необычайно осведомленный.

— Отец рассказал, когда я на Рооотон за тобой собирался. Он вообще очень тщательно собирал информацию обо всем, происходящем в империи, вот и это тоже выяснил... Дейлина, скажи, неужели ни у кого ни разу не возникло подозрений, что Джаграс не родной сын Цафи и Зиана? Ведь в межрасовых браках не рождаются дети с расовыми способностями. Никогда. У твоей мамы их нет, ни у одного ребенка в других смешанных семьях нет, а у него, единственного, есть.

Не родной? Приемный?! Ох... У меня в голове все встало на свои места. Ведь это действительно многое объясняет. Многое? Да оно все объясняет! И ненормальную на

первый взгляд тягу к сестре, которую дядя тщательно маскировал под заботу. И ненависть к моему отцу, который женился на его любимой женщине. И ужасное обращение со мной, ведь я — наглядное напоминание о сопернике. В моем облике нет ничего иперианского, лишь черты рооотонцев...

— Мама говорила, что это счастливая случайность. — Я все же ответила на вопрос, потому что не хотела вызывать подозрений у Атиуса. — Все полагали, что это связано с тем, что он потомок имперской династии и к тому же мужчина, то есть его способности более высокие, чем у остальных, вот они и не исчезли.

На самом деле спорное объяснение, с учетом всех имеющихся фактов. Теперь я это понимала, а вот раньше... Раньше у меня ни тени сомнения не возникло. Маме я верила безоговорочно. Она, похоже, тоже не знала правды, иначе бы вела себя с Джаграсом иначе. По какой причине бабушка Цафи и дедушка Зиан от нее это скрыли? Сложный вопрос. Возможно, когда-нибудь я попаду на Зогг и это выясню. Почему не на Ипер? Да потому, что дедушки уже нет в живых, а бабушка после его смерти вернулась туда, где родилась и провела детство. Она наверняка тосковала по океану, и ей было незачем оставаться без своего любимого в лесах и горах Ипера.

Передо мной же сейчас стояла куда более сложная дилемма: при следующей встрече с «дядей» высказать ему все, что думаю о его отношении ко мне и о том, как он выполняет просьбу мамы обо мне заботиться, раскрыв свою осведомленность, или же промолчать, сделав вид, что мне по-прежнему ничего не известно.

Выбрала второе. Мне подобное разоблачение ничего не даст, а проблем может наделать. Не зря же Джаграс боится и планирует жениться на Лаарии! Значит, опасается, что открывшаяся правда лишит его права стать королем. Как бы не спровоцировала моя осведомленность еще одну «страховку», которая будет стоить жизни единственному ненаследному принцу королевской династии Ипера. Зная беспринципный и амбициозный характер дядюшки, можно и этого опасаться.

Зато теперь мне стало понятно, на каком поводе он оказался у цессян, когда король Дэйль Монт узнал столь тщательно скрываемую тайну. Похоже, Джаграса шантажировали, поэтому он и вел вместе с дядей Ютом политику, удобную для Цесса и исключаящую расширение империи. Получается, Атиус мне врал, когда говорил о неожиданности приглашения вступить в состав Объединенных территорий и жениться на мне? Не думаю. Его вряд ли посвящали во все детали.

А сейчас он необычайно доволен, что ему не пришлось прикладывать усилий для изменения срока свадьбы. И к отбору невест принц подошел со всей ответственностью, которая в первую очередь направлена на мое одобрение.

Наблюдая за тем, как торопливо отделилась от других и приближается ко мне одна из цессяночек, я снимаю ноги с подставки и опускаю на гравий дорожки. Сажусь ровнее и с улыбкой встречаю потенциальную спасительницу. Вдруг Атиус влюбится именно в нее до такой степени, что все же откажется от меня?

— Тридцать разных платьев — это обязательный минимум, который положен любой девушке, принадлежащей к королевской династии. Их количество не зависит от того, кем она является: женой, фавориткой или дочерью короля или принца. Число нарядов может быть большим в том случае, когда дополнительные шьются как специальные, для какого-либо торжества или официальной встречи. Платья неприлично надевать повторно, если на церемонии присутствует хотя бы один гость, который их уже видел однажды. При этом всегда подбирается цветовая гамма, гармонирующая с костюмом мужчины, особенно для платьев парных, то есть жены и фаворитки. В этом случае фасоны будут разные, но с перекликающимися элементами.

Чинно сложив руки на коленях, альбиносочка вдумчиво и прилежно излагает мне основные моменты, связанные со спецификой женского гардероба. Я же внимательно слушаю и киваю, словно подтверждаю известную мне информацию. На самом деле именно это я слышу впервые, ведь каждой из претенденток задаю разные вопросы. Зато теперь не хуже самих цессян разбираюсь в особенностях их дворцового этикета, негласных правилах и даже в последних сплетнях.

— Отлично, — хвалю девушку, — об этом вы прекрасно осведомлены. Теперь мне хотелось бы услышать вашу позицию относительно внутрисемейных отношений жены и фаворитки.

Об этом я спрашиваю всех. Мне ведь нужно узнать истинное положение дел, а в этом вопросе девушки могут лукавить. Значит, верить можно только тому, что большинство опишет одинаково. Хотя и в этом случае есть вероятность ошибки, если принять во внимание желание претенденток мне понравиться.

— Разумеется, как жена, я всегда готова буду уступить фаворитке. И очень надеюсь на дружеское, спокойное взаимодействие: совместное решение вопросов, обсуждение проблем, достижение компромиссов... — вдохновенно принимается убеждать меня цессяночка.

Ясно. Она не первая, которая пытается льстить и заискивать. Хотя были и другие ответы. Те, которые куда более ловко маскировали истинное мнение. Лишь одна девушка, как мне показалось, сказала то, что думала на самом деле:

— Желания жены на первом месте для ее мужа. Мнение фаворитки учитывается, вне всяких сомнений, тем не менее с большей вероятностью мужчина примет окончательное решение в ее пользу, только если оно совпадет или будет одобрено супругой. Однако я готова признать, что в вашем случае приоритеты можно и нужно изменить. Правда, с ограничениями по времени действия. То есть до тех пор, пока у императора не родится дочь, которая получит статус новой наследницы.

Взрослая позиция. Умная. Хотя и неприятная.

Впрочем, я ведь не ради собственного удовольствия отбор устраиваю. Кстати, эта девушка, по имени Угрana, показалась мне старше всех не только по поведению, но и по внешности. И именно ее я одобрила и отметила как подходящую кандидатку в списке, который мне перебрали на вильерс.

В компанию к ней пришлось взять и других. Недалекую в суждениях, но при этом безумно красивую, стройную альбиносочку. Жизнерадостную милашку, которая нервно хихикала, была необычайно разговорчива и готова выболтать мне всю подноготную королевской семьи. Скромную, спокойную, рассудительную молоденькую девчушку обычной для цессянок внешности. Еще одну, тоже не самую примечательную, которая отвечала очень коротко и не сказала ничего лишнего, зато я видела, каким долгим взглядом Атиус ее провожал, когда она шла ко мне...

— Покажешь результат? — отвлекает меня от столь важного занятия мужской голос.

Рука принца, присевшего рядом, застывает чуть приподнятой в ожидании. Я же, вручив ему технику, внимательно наблюдаю за реакцией.

Пробежав глазами по именам, Атиус задумывается.

— Мало? Или вас кто-то из них все же не устраивает? — решаю наконец спросить. Не нравятся мне столь долгие размышления.

— Я не понимаю, почему ты взяла ее?

Увидев имя, на которое указывает длинный палец, я удивляюсь:

— А что с ней не так? Хорошая девушка. Умная. Или вы предпочтете глупышку, которая будет беспрекословно вам подчиняться?

— Я думал, такая жена *для меня* в большей степени тебя устроит. Ты же сама опасалась, что окажешься на вторых ролях и без прав. Угрana, насколько мне известно, в этом вопросе категорична и не примет равноправия.

— Тогда зачем вы отправили ее ко мне? — испытующе смотрю на своего собеседника.

— Для сравнения. — Он даже не думает смущаться. — Не хотел, чтобы у тебя складывалось ложное впечатление, что все и всегда бывает идеально. И я дал тебе возможность предпочесть других, которые желают и могут быть более уступчивыми...

Может, ты ее вычеркнешь?

— Давайте оставим, — подумав, я все же ему отказываю. — Если будет конкуренция, они все лучше себя проявят. А Уграна хотя бы честно и открыто высказывает свое мнение... Кстати, у меня большие сомнения в том, что уступки, о которых сейчас с такой готовностью говорят другие девушки, это не просто слова, которые ничего не будут значить после того, как свадебная церемония завершится и уже ничего нельзя будет изменить.

— Не веришь, — вздыхает Атиус.

Он смотрит на наручный коммуникатор, показывающий время, задумывается, словно что-то высчитывает, и неожиданно поднимается на ноги. Одергивает бледно-сиреневый пиджак, украшенный контрастной темной вышивкой, и приказывает:

— Идем!

— Куда? — предусмотрительно интересуюсь.

Принц лишь улыбается многозначительно и молча протягивает мне руку, предлагая на нее опереться. Он пользуется тем, что малыш глубоко зарылся в одежду, прячась от света, — даже яркий искусственный ему все же легче переносить, чем естественный.

Помощь Атиуса приходится принять, чтобы не вызывать лишних подозрений. Оправить юбку, надеть затемняющие очки, накинуть на плечи газовую шаль, опять же из соображений защиты от ультрафиолета, которым щедро заливает планету Бокус. Цессянам-то без разницы, для них регенерация — самая лучшая защита, а для моей беленькой кожи это опасно.

Вот в таком виде, под руку с цессянином, я и иду, прислушиваясь к непривычному хрусту гравия на дорожке. На Рооотоне подобный тоже имеется, в гротах, но он лежит плотно, и звук от него совсем иной.

За несколько минут мы доходим до парадного входа во дворец, где в нетерпении мнутя претендентки. Те, которые беседовали со мной, ждут решения своего будущего с возбуждением в глазах и перешептываются. Остальные, которых забраковал сам Атиус, понимая, что для них перспектив нет, стоят молча и угрюмо.

Тем не менее мой спутник весьма учтиво и деликатно благодарит всех за потраченное время, за доставленное удовольствие приятного общения и даже обещает, что они немедленно по возвращении в отведенные им покои узнают о результатах, которые появятся в их вильюрерах.

Запомнил он, кого я выбрала, что ли... Или скопировал данные? Второе, вернее всего. Наверняка успел сенсора передачи данных коснуться.

Поднявшись по ступеням широкой каменной лестницы, я с облегчением прохожу через услужливо раскрытые охраной двери в холл дворца и снимаю очки. Здесь светло, конечно, но это совсем иной свет, спокойный, не слепящий, а к бликующим поверхностям я уже привыкла. В некоторой степени они мне даже начали нравиться.

А вот мое отражение в зеркалах мне совсем не нравится. На фоне бледно-зеленого платья, которое меня фактически обязали надеть утром, темные волосы становятся броскими — их теперь нечему оттенять. Из-за этого я кажусь себе лишней в этом царстве света, и у меня создается ощущение, что сам дворец старается сделать минимальными последствия моего пребывания. По крайней мере, светильники при моем приближении вспыхивают ярче, чтобы хоть как-то компенсировать тот мрак, который я с собой несу. В общем, есть в моем присутствии здесь какая-то неправильность...

— Все правильно, — диссонансом моим мыслям звучит голос Атиуса, правда, имеет в виду он совсем иное. — На что я рассчитывал, когда пытался убедить тебя словами? Нужно было сразу показать.

— Что показать? — настораживаюсь я, когда он собственноручно открывает совсем маленькую, неприметную дверь в стене одного из коридоров, за которой отнюдь не так светло. Скажем прямо, совсем не светло. Мрак полнейший. Но какой приятный! Вот уж

не думала, что буду по нему так скучать.

Жаль, долго наслаждаться знакомыми ощущениями «слепоты» не удастся. Атиус быстро включает подсветку, совсем слабую, напольную, которой тем не менее хватает, чтобы увидеть, куда именно мы пришли.

Небольшое помещение, заставленное старой мебелью, пустыми рамами, какими-то коробками, тюками...

— Что это? — Я изумленно рассматриваю вещи, которые кто-то когда-то забыл вынести из дворца. А может, просто поленился.

— Обычный хламовник. Кладовка. — Атиус пожимает плечами, пробирается к одной стене и отодвигает в сторону полотно, свисающее откуда-то сверху. — Иди сюда, — зовет, приглушая голос, после того как заглядывает в маленькое светлое отверстие.

Похоже, мы за кем-то подсматривать будем.

Несколько секунд я все же медлю, не решаясь к нему присоединиться. Во-первых, оказываться в опасной близости от альбиноса мне не хочется. Да, я по-прежнему не чувствую к нему симпатии, но риск все равно остается. Одно дело касания рук или то, что он меня нес, когда я без сознания была, — это практически безопасно, и совсем иное, если ему сейчас придет в голову воспользоваться ситуацией и меня приобнять. А я прекрасно помню, что имеются у мужчины физиологические потребности...

Во-вторых, меня учили, что у каждого империанина есть право на тайну личной жизни, и вот такие «наблюдения» — это крайне неэтичный поступок. За который можно и наказание схлопотать, если тот, за кем следишь, не давал тебе права на это.

— Нам не нужно разрешение, не волнуйся, — словно прочитав мои мысли, торопит принц. — Это не частные покои, а главная гостиная. Она считается общественным местом. Мы с моей старшей сестрой, будучи детьми, здесь часто прятались и наблюдали, как нас ищут.

Мое любопытство вкупе с притихшей щепетильностью все же побеждают. Заглянув в маленькое смотровое окошечко (а здесь их действительно несколько), я вижу сидящую на толстом ворсистом ковре светловолосую женщину в бежевом платье, которая занимается с маленькой беленькой малышкой полугода от роду. Улыбается, протягивая ей игрушки, помогает сесть, когда та заваливается на пол, берет на руки и успокаивает, если девчушка хнычет. Рядом с ними расположилась еще одна альбиносочка в платье бирюзового цвета. Опираясь на высокий удобный подспинник, она просматривает информацию на вильюрере.

Первая — жена короля. Вторая — его фаворитка. А девочка...

— Моя младшая сестра, дочка Родизы, — шепотом объясняет Атиус. — Как видишь, жена и фаворитка прекрасно ладят.

Видю. Это трудно не заметить. Орлея возится с девочкой так, словно это ее собственная дочь, а фаворитка, отыскав нечто занимательное среди иллюстраций, которые рассматривает, показывает изображение королеве. Обе женщины смеются, перебрасываются краткими фразами и возвращаются к прежним занятиям.

— До свадьбы отец не имел привязки к Родизе. Да и мама, насколько я знаю, не была для него смыслом всей жизни. Все это пришло позже. И семейное счастье тоже, — продолжает убеждать меня цессянин. — У нас с тобой ситуация мало чем отличается. Все зависит от того, как именно намерены себя вести те, кто будет взаимодействовать. Если изначально они готовы идти на компромисс и принимать друг друга на равных, так и будет. Это невозможно регулировать законами или запретами.

Ответить ему я не успеваю.

— А где Атиус? — раздается приглушенный, но вполне различимый женский голос. — Все еще выгуливает девочек?

— Видимо, так, — отвечает ей чуть более высокий, звонкий.

Вновь прикинув к окошку, я вижу, как Родиза заглядывает в планнер и откладывает его в сторону. Опускается с сиденья на пол, оказываясь рядом с Орлеей, спускает с плеча платье, освобождая грудь, и забирает дочку из рук королевы.

— Полагаешь, наследница со всей ответственностью подошла к вопросу выбора или все же пытается выиграть время, затягивая процесс? — продолжает разговор та, наблюдая за кормлением и поглаживая светлые волосы вцепившейся в маму девчушки.

— Затягивает, — веско, со знанием дела отвечает Родиза. — Дэйль сказал, что у нее к Атиусу уже есть влечение, значит, девчонка, скорее всего, мечтает о танце с ним без жены. Наверняка жалеет, что согласилась на статус фаворитки, она же не в наших традициях воспитана.

— Будет давить на мальчика, — расстроено вздыхает Орлея. — Неужели она такая же, как ее прабабка?! Сначала та до такой степени влюбила в себя моего тогда еще будущего мужа, что он ради нее готов был на что угодно! На Зогг за ней полетел, хотя мой отец и просил его этого не делать. Даже жениться на этой вертихвостке собирался, несмотря на то, что это лишило бы его возможности стать королем Цесса. А Лила его отвергла! Мало того, отказалась помочь ему избавиться от навязчивой тяги к ней, обрекла на долгие годы мучений и обвинила в домогательстве! Неслыханно! Нашего Дэйля, такого искреннего, деликатного!.. — Королева даже задыхается от возмущения и смахивает слезы, выступившие на глазах. — Еще и ипериане насмехались и унижали, пока он был в плену. А теперь ее правнучка будет изводить моего сына! Говорила я, не нужно связываться с этой семейкой! Но у мужчин свои планы. Родиза, за что мне такое наказание?!

— Это политика... — в тон ей сетует королевская фаворитка.

Атиус не дает мне дослушать разговор. Схватив за локоть, тянет в сторону, торопливо задергивая штору. Он уже на словах родительницы начал проявлять беспокойство, а теперь совсем разнервничался.

— Это ложь! — возмущаюсь я вовсе не бесцеремонному обращению, а тому, что услышала от его матери. — Такого не может быть! Лила не могла...

— Тише, Дейлина, тише!

Принц успокаивает меня, оттаскивая подальше от стены, голоса за которой теперь слышны лишь как невнятный гул. Наконец, когда мы оказываемся у двери, отпускает и, уперев ладони в покрытие, замирает напротив. В тесном пространстве меж его рук мне не слишком комфортно. Но как изменить положение, если любая попытка вырваться приведет к тому, что он меня банально обнимет?

К счастью, цессянин переходить к активным действиям не намерен. А может, просто видит доблестного пограничника, который, деловито высунув наружу мордочку и одну лапку, внимательно следит за происходящим. Потому Атиус не позволяет мне сбежать, по всей видимости намереваясь нивелировать впечатление от услышанного. Ведь он определенно не на этот эффект рассчитывал, когда привел меня сюда.

— Дейлина, мне жаль, что ты это услышала, — торопливо шепчет. — Понимаю, насколько для тебя шокирующе...

— Это неправда! — шиплю тихо в ответ, не желая прислушиваться к его доводам. — Да, мама не рассказывала мне подробности о жизни прабабушки, но я знаю точно — Лила была порядочной и честной девушкой. Она рисковала жизнью и ради своей любви осталась жить на чужой планете. Которую, кстати, именно цессяне пытались сначала захватить, а потом и завоевать. Разве не так?

— Так, — миролюбиво соглашается Атиус и тут же вновь переходит к давлению: — Но при чем тут война между Зоггом и Цессом? Мы же о личных отношениях моего отца и твоей прабабушки говорим. Ты сама посуди, раз тебе не рассказали всего — значит было что скрывать...

Я задыхаюсь от очередной волны возмущения, а принц немедленно извиняется:

— Прости. Не важно это. Для меня все, что было между нашими родственниками, не

имеет значения. И если уж мой отец простил Лилу, забыв о нанесенном оскорблении, то уж я тем более не собираюсь переносить на тебя эту обиду. Прошлое пусть останется в прошлом. Наше будущее зависит только от нас.

И от мстительности твоей мамы! Которая, определенно в отместку своей сопернице, убедила тебя сделать меня, наследницу, всего лишь фавориткой. Девочкой для удовольствий, на вторых ролях! Как бы красиво ни смотрелась ваша тройственная семья, какими бы идеальными ни выглядели отношения — для меня они неприемлемы. И согласилась я только потому, что на тот момент это был мой единственный шанс избавиться от опеки дяди и вырваться на свободу. А это значит...

Это значит, что ни одну из тех мыслей, что рождались в моей голове, я Атиусу не открыла. Закрыла глаза, прижалась затылком к прохладной стене и ровно дышала, утихомиривая бушующие в душе эмоции.

Негромкий голос цессянина раздался не сразу. Наверняка он понял, что мне нужно время прийти в себя. И даже на шаг отступил, убрав руки.

— Дейлина?..

— Вы правы. — Я нахожу в себе силы улыбнуться и сделать вид, что приняла его позицию. А потом и вовсе меняю тему, чтобы больше к ней не возвращаться: — Сколько времени осталось до представления?

Сорок минут. Казалось бы, всего ничего. Однако за это время я успеваю так много!

Успокоиться окончательно. Отослать из комнат прислугу, которой тут даже больше чем нужно, просто в первый день в расстроенных чувствах я не успела этого заметить. Обменяться новостями и впечатлениями о претендентках с ожидающей меня Файолой. Переодеться с ее помощью в свежее белоснежное платье. Принять решение завтра ультимативно заявить Атиусу, что не собираюсь ходить в этих бледных одеждах, и потребовать, чтобы портные все же учитывали мой вкус и делали наряды хоть немного ярче, раз уж меня вежливо, но настоятельно попросили не носить черные платья, чтобы не пугать ими местных обитателей. Пожурить припоздавшую, чуть встрепанную и покрасневшую, но чрезвычайно довольную Луриту. Полюбоваться новой прической, которую она соорудила за считанные мгновения. Примерить и выбрать украшения, отдав предпочтение ожерелью с черными капельками ротонита. Пусть хоть они гармонируют с моими темными волосами, глазами и хвостиком шигузути, который по-прежнему выразительно висит на фоне светлого атласного корсажа. Впрочем, наверное, правильнее сказать не выразительно, а провокационно. Потому что все, кто меня встречает — в коридоре, на лестнице, в церемониальном зале, — в первую очередь обращают внимание и находят глазами именно этот необычный аксессуар.

Не знаю, рассказал ли Атиус о моем грозном охраннике, но цессяне ведут себя со мной предупредительно вежливо и держат дистанцию. А может, причина в ином — в том, кем именно я являюсь. Ведь гости с других планет демонстрируют не меньшее почтение и деликатность. Притом что к моему беловолосому спутнику той же степени уважения с их стороны я не замечаю. И это тоже объяснимо — сейчас он всего лишь принц, который лишь в будущем имеет возможность стать императором. Правда, практически стопроцентную возможность.

Увы, но надежды на наличие у фаворитки права освободиться от своего любовника не оправдались. Мои компаньонки, пока я занималась отбором невест, времени даром не теряли. Лурита в очередной раз вымотала Джаграса и фыркнула, что он не способен ее нормально удовлетворить. На что тот в сердцах язвительно бросил: «Какое счастье, что ты не можешь от меня отказаться», подтвердив прерогативу мужчины решать вопрос, быть или не быть девушке фавориткой после свадьбы. Файола весьма продуктивно вела допрос местного населения и выяснила, что моя угроза Атиусу — отказаться танцевать — для Цесса настоящий нонсенс и скандал. Лишь сам любовник имеет право отказаться от той, которая приняла подаренный им цветок. Сделать он это может официально задолго до свадебного танца с невестой (даже если ее еще и в помине нет), и перед танцем, и после него. Возможен также неофициальный отказ, когда мужчина танцует с избранницей в отсутствие фаворитки, не предупредив ту, что собирается жениться. Для

него в этом нет ограничений.

В общем, я в очередной раз убедилась в справедливости слов моей мамы, которая, когда папа настаивал на своем, мотивируя тем, что он лучше знает, как правильно поступать, потрясенно закатывала глаза и стенала: «Этот мир создавался мужчинами и для мужчин!»

У папы на этот счет было совсем иное мнение, и с мамой он не соглашался: «Мужчина живет для того, чтобы оберегать свою женщину, заботиться о ней и об ее удовольствии. И если он стремится именно к этой цели, разве важен путь, который был выбран?»

«Важно! Потому что мужчина заботится о женщине так, как хочет он, а не как этого желает она!» — восклицала мама.

«Мужчина всегда пойдет навстречу и учтет мнение женщины, если оно не навредит ей самой», — мягко парировал папа.

Спорить с ним было бесполезно. К тому же стоило папе маму обнять, как вся ее решимость завоевать право единолично принимать решения и действовать, не получая его одобрения, стремительно угасала. Она его любила. И с радостью принимала все, что он готов был для нее сделать. А делал он ох как немало...

— Уверен, тебе понравится развлечение. Оно уникально. Нигде, кроме Цесса, ты такого не увидишь. — Голос Атиуса нарушает пусть и грустное, но все же обретенное мной душевное равновесие.

Вздрагиваю от неожиданности, сообразив: я настолько углубилась в воспоминания, что не заметила, как начался обещанный праздник. По главному церемониальному залу, который больше похож на огромную городскую площадь и даже располагается под открытым небом, перекатываются разноцветные живые волны. Девушки-цессянки, с головой закутанные в наряды из легких тканей, сидя на корточках, медитативно раскачиваются в ритме едва слышных гулких ударов.

Там... Тум... Там-тум... Тум-там... Тум-да-да-там...

Темп медленно ускоряется. Звук становится громче, отчетливей. Стремительно темнеющее небо покрывается мерцающими точками-звездами, а фигуры зрителей, расположившихся на ступенчатой конструкции, растворяются в темноте. Центральная часть площади остается расцвеченной и светлой — светится ткань, из которой сшиты наряды танцовщиц. Она флюоресцирует, тускнеет и вспыхивает снова, подчиняясь ритмичным звукам.

Дам... Та-дам... Та-ду-ду-дам... Ду-рум-дум-дам...

Это не музыка иперииан — переливчатая, глубокая, струящаяся, словно водный поток. Здесь звук совсем иной. Первобытный, грубый, рваный. Пробуждающий что-то древнее, дремлющее глубоко в душе, начинающее ворочаться и сердито ворчать, будто сетующее на то, что его разбудили.

Девушки по-прежнему раскачиваются, однако теперь двигаются не только их тела, но и руки. Они порхают, взмывая ввысь. Медленно опускаются, оставляя за собой причудливые световые дорожки. Переплетаются, вспыхивая в местах соприкосновений радужными переливами.

Рум-дум... Ту-дам-дум... Ту-да-дум-рум-рум-рум...

Темп быстрый, острый, похожий на стук камней, осыпающихся с уступа. Он заставляет танцовщиц вновь изменить рисунок танца. Сначала одна изящная фигурка вскакивает на ноги, продолжая изгибаться, подобно траве на ветру. Потом их оказывается две. Три... Еще немного, и все девушки приходят в движение.

Они не стоят на месте. Скользят между друг дружкой, увлекаемые безумным ритмом. Устремляются к центру площади, останавливаются, замирая в неподвижности, а оказавшись во власти очередного перестука, разбегаются разноцветными кольцевыми волнами. Теперь они медленно кружат на периферии, стараясь не привлекать к себе внимания, и служат лишь фоном для солистки-танцовщицы, которая осталась на

открытом пространстве.

Ду-гамм-м... Ду-гамм-м... Ди-ди-ди-дамм-м...

Звук дробится, наполняется отголосками, эхом разносящимися над зрителями, замороженным зрелищем. Девушка, сбросив накидку с головы и удерживая ее в руках, перемещается по свободному участку. Ее босые ноги, по щиколотку скрытые длинной развевающейся юбкой, делают мелкие шаги, а я с изумлением не могу оторвать от цессянки взгляда, понимая, что она вовсе не альбиночка. Невысокая и не столь хрупкая, как другие белоснежные красавицы. С темными волосами, смуглой кожей и глазами, возможно, и светлее моих, но все равно...

— Лучшие танцовщицы — меланистки. — В голосе Атиуса, склонившегося к моему уху, слышны нотки пренебрежения. — Они отдаются танцу без раздумий и двигаются необычайно красиво. У других так не получается. Да и редко у кого встретишь столь непреодолимое желание танцевать. Разве только свадебный танец... Но он ведь завязан на физиологии. Это же совсем иное, верно?

Я, растерянно посмотрев на него, неуверенно киваю и вновь возвращаюсь взглядом к танцовщице. Для меня дико, о чем он говорит. Как это — нет желания? Да я уже давно готова последовать примеру девушки и соединиться с этим безудержным ритмом.

— Это обрядовый танец, — продолжает принц. — Полагают, что ему не меньше семи тысяч лет. Наши предки верили, что в этих движениях обретают связь с древними богами, которые сотворили первых цессян, а потом ушли. Они надеялись, что танец привлечет внимание создателей и те вернутся.

— Не вернулись? — заинтересовываюсь я.

— Нет, конечно. — Атиус снисходительно улыбается. — Их ведь и не было. Это же миф. В каждом новом поколении цессян тех, кто верит в создателей и готов разучивать сложные ритуальные движения, посвятив этому свою жизнь, становится все меньше.

Ну не знаю... Я бы с удовольствием это делала, хотя и не знаю ничего о богах. Просто ритм и танец так увлекают...

Ди-рам... Тум-дам... Ди-рам-рам-рам...

Звук то стихает, то нарастает, и девушка, покорная его модуляциям, плавно скользит, подпрыгивает, падает, поднимается...

Мне безумно хочется быть сейчас на ее месте. Я ловлю себя на том, что мое тело реагирует, отзываясь не только эмоционально. Оно покачивается в унисон с движениями других танцовщиц, которые по-прежнему остаются на периферии, словно не решаясь встать и обрести свободу.

И я не выдерживаю. Забыв обо всем, ничего не замечая вокруг, послушная лишь манящим ударам, отталкиваюсь от сиденья, чтобы спуститься по ступенькам. Радужный строй вскочивших на ноги девушек расступается и исчезает за спиной. Впереди лишь вибрирующий воздух, ночное небо, световые всполохи и прохлада рельефного покрытия под босыми ступнями.

Шаг танцовщицы мне навстречу. Протянутые руки, по ладоням которых я скольжу легким касанием пальцев. Задорная улыбка и приглашающий взгляд. «Верь только тому, что чувствуешь. Слушай лишь то, что внутри тебя», — шепчут ее губы.

Взмах рук. Круговорот движений. Легкость тела, обретающего невесомость. И звезды, ставшие такими близкими...

Ритмичный перестук смолкает, а в наступившей тишине я отчетливо слышу:

— Смелая малышка.

Замираю, пытаюсь понять, что происходит. Взгляд ищет танцовщицу, а находит ступившего на освещенное пространство темноволосого мужчину, который останавливается напротив и с любопытством меня рассматривает. Обнаженный торс,

свободного покроя светлые брюки на широком поясе, украшенном вышивкой. Короткая стрижка, заинтересованный взгляд карих глаз...

Я беззвучно ахаю, узнав в мужчине зоггианина. Неужели кто-то из них тоже прилетел на Цесс? Но ведь они никогда не покидают своей планеты! Не могут жить без океана. Невероятно...

Не успеваю прийти в себя, как ему отвечает еще один мужской голос:

— Забавная.

Оборачиваюсь и, готовая к неожиданностям, даже не слишком удивляюсь появлению мужчины знакомой внешности. Иперианин. Высокий, худощавый, в темно-синем военном комбинезоне. Изумрудные волосы заплетены в толстую длинную косу, перекинутую через плечо, и насмешливый, беспечный взгляд зеленых глаз, в глубине которых скрывается совсем иное — пристальное внимание и настороженность... адресованные не мне. Тому, кто явился первым.

— Ты тоже здесь? Однако! — изумляется зоггианин, обходя меня кругом и не выпуская из виду собеседника.

— Я думал, что не доведется нам больше общаться, ан нет. Не понимаю... — качает головой тот. Находит меня глазами и констатирует: — Она другая. Не твоя. Не моя. Но мы с ней. Вместе. Как так?

— Генетический дефект? — повисает в воздухе первое предположение.

— Или сбой информационно-полевой матрицы, — ему на смену приходит второе.

— Больше похоже на побочный эффект, которого мы не учли, — звучит третье, сказанное кем-то другим.

Мы синхронно разворачиваемся, и я задыхаюсь, не веря своим глазам. Папа?!

Невысокий, крепкого телосложения рооотонец, с такой милой ямочкой на подбородке, одетый в его любимый черный парадный мундир, до боли мне знакомый.

— Папа... — шепчу одними губами, не в силах пошевелиться.

Видимо, он меня слышит. Одаряет понимающей грустной улыбкой, но почему-то отрицательно качает головой.

— Я не он. Прости, — говорит так тихо, что наверняка только я его слышу. Смотрит на мужчин и обвиняюще громко восклицает: — А я все не могу понять, кто же мне мешает!

— По всему выходит, что ответ на вопрос, кто и кому мешает, тут спорный, — не соглашается с ним зоггианин.

— И неуместный, — добавляет иперианин. — Права равные, раз мы все здесь.

— Все здесь, а девочка, получается, ничья. И потому без способностей, — недовольно констатирует мой «отец».

— Ну и что с этим делать? — задумывается зоггианин. — Оставить как есть?

— Жалко малышку, — высказывается зеленоволосый. — Умная. Сильная. Не сдастся, хотя оказалась в безвыходном положении. Такие, как она, достойны большего.

Мужчины замолкают, впиваясь в меня испытующими взглядами. Видимо, ждут от «достойной» подтверждения того, что она хочет этого самого большего.

— Простите, что стала для вас проблемой. Без способностей я жить привыкла, но все равно спасибо за заботу, — вежливо благодарю.

Не знаю, почему именно мне явились эти древние боги, которым поклонялись меланисты и в которых не верят альбиносы, но злоупотреблять их щедростью определенно не стоит. Однако можно воспользоваться тем, что они наверняка в курсе

происходящего.

— Честно говоря, я бы с большим удовольствием узнала, кто виноват в смерти моих родителей. Вы знаете? Можете мне сказать?

— Это ты и без нас выяснишь. А вот способностями я бы на твоём месте не разбрасывался и от нашей благосклонности не отказывался, — нравоучительно выговаривает мне роотонец и вновь обращается к своим спутникам: — Так что решим?

— Потенциал есть. Резерв фиксации высокий. Матрица... Матрица не измененная. Как у изначальных. Потому и удерживает нас всех, — перечисляет зоггианин. Приспустив веки, он водит руками в воздухе, словно что-то прощупывает. В итоге заявляет: — Можно попробовать.

— Предлагаешь интегрировать? — Изумрудные брови недоверчиво ползут вверх.

— А разве мы не к этому стремились? Да, в плане был иной способ, но... — Зоггианин выразительно замолкает.

— Согласен! — Иперианин хлопает рукой по его плечу. В зеленых глазах появляется лихорадочный блеск, а в интонациях возбуждение. — Не подведи меня, девочка!

Его тело теряет плотность и исчезает, словно некачественная голограмма.

— Любопытно будет посмотреть, что из этого выйдет, — удовлетворенно потирает руки зоггианин. — Надеюсь, ты справишься, малышка!

Он подпрыгивает, зависает в воздухе и осыпается тлеющими разноцветными искрами.

— Что мне нужно делать? — торопливо спрашиваю я у того единственного, кто остался рядом. А то ведь тоже исчезнет, и думай потом, как наказ выполнить.

— Ничего не нужно, — улыбается «папа». — Живи. Выбирай. Влюбляйся. Детишек расти. Тогда и мы получим, что хотим.

Легко ему говорить. Выбирай! Кого? Альбиноса, который делает все, чтобы я навсегда осталась его фавориткой? Брата Файолы, недвусмысленно мне намекнувшего, когда она нас знакомила, что он готов помочь разорвать отношения с Атиусом, если я обещаю, что выйду за него замуж? Леянина, по-прежнему не делающего никаких, даже минимальных попыток со мной сблизиться?

Вот только помогать мне определяться никто не собирается. Фигура собеседника превращается в плотную черную дымку, порывом ветра уносимую прочь и растворяющуюся в темноте. А на меня обрушивается:

Тум-дам! Дум-дам-дам-дам! Там-м-м...

Звук тает в завершающем аккорде. Световые всполохи, рожденные платьями танцовщиц, разлетаются в стороны. И только теперь я понимаю, что танец вовсе и не прекращался.

Тогда что это было? Транс? Галлюцинация? Фантазия, порожденная словами Атиуса? Или с какими богами-создателями я не общалась?

Под гром аплодисментов я разворачиваюсь, чтобы вернуться на свое место, и с замиранием сердца вижу ожидающего меня цессянина. Атиус хмурится и ждет, когда же я соизволю к нему подойти. Осторожно берет под локоть, помогая подняться по ступенькам. А когда усаживает в кресло и опускается в соседнее, наклоняется ко мне.

— Я прошу тебя, Дейлина, больше так не делать.

— Вам не понравилось, как я двигалась?

— Мне не понравилось, что ты вышла танцевать одна. Да еще и этот обрядовый танец, тем самым поддержав идеи меланистов, полные предрассудков и домислов. Это неприлично! Ни для моей фаворитки, ни для наследницы империи.

Вот как. Он недоволен! Ставит ограничения. А как же свобода выбора и лояльность к

моим желаниям? И вообще...

— Меня учили, что наследница ко всем жителям империи должна относиться с уважением, как и император. Меланисты ведь теперь тоже империане, раз являются жителями Цесса. К тому же я сама прямой потомок меланистки. И волосы у меня темные. Вас это не смущает?

— При чем тут твоя внешность, Дейлина? Мне совершенно безразлично, блондинка ты или брюнетка. — Атиус морщится, невольно доказывая обратное. — Я же говорю об этикете. Допускаю, что как наследница ты можешь вести себя подобным образом, но фаворитке неприлично выставлять себя на всеобщее обозрение.

Не желая с ним спорить, я осматриваюсь, чтобы понять, кто еще принял сторону Атиуса. Вижу столь же явное неодобрение в глазах Орлей и Родизы. Замечаю вертикальную морщину, прорезавшую лоб короля, хоть он и не на меня смотрит, а на сцену, где продолжается шоу. Лансианочка замороженно следит за красивым зрелищем — ей до последствий произошедшего нет никакого дела. На лице экс-королевы Виона спокойное доброжелательное выражение. Такое же, разве что более задумчивое, — у леянина. Обеспокоенное — у семейной пары видийян. Дядя Джаграс занят Луритой. Или это она им занята. Кто же разберет, если они обнимаются? В глазах фаворитки брата Файолы недоумение, она, склонившись к уху любовника, что-то ему шепчет. Наверняка комментирует мой поступок. А вот сам Эстон, похоже, пребывает в веселом восхищении. Он мне подмигивает и отвечает короткий поклон, спровоцировав негодование своей спутницы.

Атиус тоже замечает оказанный мне знак внимания. Тихо шипит сквозь зубы что-то не слишком приятное в адрес рогранина, бросает гневный взгляд на сидящую слева от меня Фай. А когда представление заканчивается, провожает нас к моим покоям и, едва мы оказываемся без свидетелей, не выдерживает.

— Файола Олир Шас! Я думал, мы с вами все прояснили и договорились! Вы не имели права раскрывать моему брату всех нюансов наших отношений с Дейлиной. Мое согласие видеть вас здесь в качестве компаньонки подразумевало наличие ограничений в распространении личной информации. Я могу понять и простить Дейлину, как женщину, которой хочется поделиться своими секретами хоть с кем-то. Но вы?! Как вы могли поступить столь неэтично?

— Я ничего не раскрывала, — холодно парирует рогранка.

— Тогда на каком основании Эстон Азир гив'Ор ведет себя столь вызывающе и провокационно?!

— Да на том, что будь вы настоящим любовником наследницы, разрыв отношений с вами освободит ее от развившегося влечения, ведь танца еще не было. Если же ваши отношения фиктивны и симпатии нет, то Дейлина по-прежнему остается свободной и у нее может возникнуть влечение к другому. А брат даже не спрашивал меня, какой из этих вариантов верный. Он в любом случае готов жениться на той, которую вы оскорбили! — не выдерживает и взрывается Файола, шагая к нему и фактически закрывая меня собой. — Это же уму непостижимо — сделать наследницу фавориткой!

— Для меня и моего мира это нормально. А теперь и для всей империи, — злится Атиус. — Ваш брат с готовностью принял эту форму отношений, взяв себе фаворитку. Так что ваш упрек и его намерения относительно наследницы возмутительны!

— Возмутительны ваши обвинения и домыслы! — Указательный палец девушки упирается в грудь цессянина, словно удерживая того на расстоянии. — Впрочем, чего еще ожидать от эгоиста, для которого на первом месте всегда были и будут лишь меркантильные интересы и который не думает ни о ком, кроме себя.

Ее слова порождают у альбиноса столько ярости, что он, забыв обо всем, перехватывает руку Файолы, отводит в сторону, стискивает зубы, пытаясь сдержаться... Но в итоге спохватывается, отпускает рогранку и стремительно вылетает из комнаты. Он даже о моем присутствии не вспомнил. И не попрощался.

— Ну ты даешь... — Я опускаюсь на диван и с трудом перевожу дыхание, не в силах

найти объяснение тому, что сейчас видела.

— Ему полезно, — сердится Фай, принимаясь расхаживать по комнате, чтобы успокоиться. — Раз уж тебе нельзя настраивать его против себя, так хоть я нервы потреплю. Пусть не расслабляется и не думает, что все получит легко и просто. А то ведь взрослый мужик, а ума и самостоятельности решений — как у подростка.

— Ты узнала, сколько ему лет? — заинтересовываюсь я.

— Пятьдесят.

Рогранка садится напротив, расправляя сиреневую юбку. Одергивает корсаж, упирает локоть в подлокотник кресла и подпирает кулаком голову.

— Даже пятьдесят два, если уж быть точной.

— А его отцу? — продолжаю любопытствовать, ведь сама-то этого не выяснила.

— Двести сорок, — с готовностью сообщает подруга, доказывая, насколько удачно проводила разведку. — Говорят, кое-кто из первых альбиносов, появившихся на Цессе, чуть-чуть не дожил до пятисот лет. У них из-за быстрой регенерации организм обновляется, вот и удлиняется срок жизни. Поэтому король и не выглядит старым. Его жене двести три года, а фаворитке сто девяносто восемь. Можно считать, они почти ровесницы. Орлея вышла замуж за Монта, когда ей тридцать исполнилось. Это произошло за пятнадцать лет до основания империи.

— Фай, ты просто кладезь информации! — удивляюсь я. И сетую: — Несправедливо! Заносчивая, амбициозная раса, а имеет такие преимущества.

— Точно, — кивает Фай. — Меланисты куда более адекватные, а всего сто пятьдесят лет живут. В два раза меньше, чем мы, например. И на Цессе их уже почти не осталось, альбиносы постарались, размножились за их счет.

— Ты с кем-то из них познакомилась?

Файола отрицательно качает головой.

— Это Эстон мне рассказал. Во дворце меланистов нет. Разве что танцовщица, с которой ты... — Подруга, вспомнив мою выходку, спохватывается и аж подпрыгивает на месте. — Дейлина, что на тебя нашло? У меня чуть инфаркт не случился от шока.

— Понятия не имею. — Я улыбаюсь, не желая обсуждать то, в чем так и не разобралась. — Просто захотелось, и все. А что, было необычно?

— Было сногсшибательно! — вдохновляется рогранка. — Видела бы ты лица мужчин! Неудивительно, что Атиус так отреагировал. Долго ты собираешься терпеть это издевательство над собой? Может, пора уже действовать? — Она вновь неожиданно меняет тему и напоминает: — Эстон тебя поддержит.

— Знаю, спасибо.

Я нахожу повод для отказа, потому что не хочется мне, избавившись от одного озабоченного будущим императорством субъекта, попасть в зависимость от другого.

— Нельзя допускать скандала. Да и не критичная пока ситуация. Подождем.

— Не понимаю, чего ты собираешься ждать. А скандал... Подумаешь, скандал. Если правильно его разрулить, то и последствий значительных для империи не будет. — Файола пожимает плечами, но все же принимает мою позицию. — Ладно. Тебе видней... Ну и какое развлечение на завтра нам приготовили?

Она поднимается, чтобы забрать со стола планнер. Заглядывает в него и, изумленно подняв брови, сообщает:

— Катание на хинари... Это что за транспорт такой?

Я лишь развожу руками, потому как даже не представляю, что это может быть. А по

факту... По факту оказывается, что хинари вовсе и не транспорт.

Изящное, грациозное животное, с идеально гладкой, словно покрытой воском коричневой шкурой, осторожно переступает тонкими длинными ножками, поводя тремя короткими остренькими ушками и косясь черными блестящими глазами на свою наездницу. А та, вцепившись в поводья, думает вовсе не о приятных минутах стремительного бега, которые ей так живописно расписывали перед поездкой, а о том, как бы не свалиться с этого живого средства передвижения. И совсем не обращает внимания ни на красоты цессянской степи, ни на других «счастливых», согласившихся на экстремальную прогулку, ни на своего спутника, который едет рядом и ласково выговаривает:

— Шаса — самая послушная и чуткая хинари. Она отлично объезжена и не позволит тебе упасть.

Возможно, так и есть, но мне, непривычной к тому, что сиденье подо мной раскачивается, а земля где-то очень далеко внизу, спокойствия это не приносит.

Осваиваюсь я только тогда, когда стены города, за пределы которого мы выехали, превращаются в белесое пятно на далеком туманном горизонте. Бокус сегодня так и не появился, скрытый плотной облачной завесой — серой, давящей, превратившей яркий цессянский день в весьма умеренный по световому режиму и вполне приятный глазу. Я даже не стала очки надевать, хоть и прихватила с собой на всякий случай.

Шаса за время нашего с ней взаимодействия дважды пыталась ускорить шаг — очень уж ей хотелось доставить мне удовольствие. Или себе. Кто этих животных поймет? Однако я предусмотрительно натягивала повод, притормаживая ее порывы до тех пор, пока наконец не обрела уверенность. Даже по сторонам посматривать начала, заинтересовавшись своим окружением.

А оно и вправду достойно внимания. Шесть девушек-альбиносок — пять одобренных мной потенциальных невест и фаворитка Эстона с самым что ни на есть гордым видом восседают на своих хинари и с хорошо заметным превосходством посматривают на инопланетных гостей. Цессяне-охранники делают это менее явно, но ясно, что поездки на живом транспорте для них привычны. Атиус по-прежнему держится со мной рядом, бок о бок, можно сказать, старательно закрывая меня от взглядов роганина. Файола едет с другой стороны и особого комфорта тоже не испытывает — сердится даже, когда теряет равновесие, забывая наклонять корпус, чтобы держаться в седле ровно. А вот Лала сидит уверенно, хоть и старается этого не демонстрировать. В отличие от нее, Диора уже вовсю резвится, гарцуя на своей почти черной хинари.

Неужели на их планетах им приходится перемещаться, используя что-то аналогичное? Видимо, так. И похоже, такой экзотикой обладают не только Ланс и Вион, но и Ле. Непринужденности и свободе движений Атиса, который едет рядом с лансианочкой, можно только позавидовать.

Проходит еще немного времени, и спокойная прогулка превращается в гонки на хинари — Диора спровоцировала амбициозных цессян, посетовав на медленный темп, который они выбрали. И слов Атиуса, пытающегося оправдаться заботой обо мне, слушать не стала. Фыркнула, подстегнула свою хинари и рванула в степную даль. Следом за ней умчались невесты, половина охранников и леянин.

— Я — пас! — посмотрев им вслед, заявляет Файола. — Знаете, какая самая удобная скорость передвижения? Вот такая! — Она туго натягивает повод, ее животное послушно останавливается и замирает.

Я, поскольку успела подругу обогнать, разворачиваюсь, чтобы к ней вернуться, не сообразив, что Атиус совсем рядом, а габариты хинари не позволят им разминуться. В итоге едва удерживаюсь в седле, когда Шаса, в попытке избежать столкновения, встает на задние ноги, высоко задирая передние. От неожиданности шигузути, который тоже решил насладиться красотами Цесса и вылез на мое плечо, там не удерживается. Я ахнуть не успеваю, а он уже где-то внизу, в желто-зеленой граве, которую топчут маленькие острые копытца.

Дальше... Дальше все происходит настолько стремительно, что я не в состоянии на это

повлиять. Ум фиксирует происходящее, а вот тело за восприятием не поспевает.

Черная молния пронзает стебли растений в направлении единственного безопасного места — неподвижных ног хинари Файолы. С той же скоростью взбирается вверх, оказываясь на крупе животного, а оно, не ожидающее, что по нему кто-то будет бегать и впиваться в шкуру крошечными коготками, встает на дыбы. А потом и вовсе принимается прыгать, высоко вскидывая круп. От падения рогранку спасают страховочные фиксаторы и то, что она успевает прикинуться к шее животного и обхватить его руками. Малыш же долго не раздумывает. Сообразив, что удержаться будет сложно, оперативно взмывает в воздух, выбрав в качестве посадочной площадки ближайшую животину. Ею оказывается хинари Атиуса, которая, и без того ошарашенная поведением своей товарки, пугается появлению нового наездника ничуть не меньше. И прыгает едва ли не выше, да еще и забрасывая назад ноги. Шаса в испуге отшатывается, чтобы не попасть под удар. Ей это удастся, а вот хинари Эстона отойти не успевает, острые копытца с силой впечатываются в ее бок, и она валится на землю, придавливая собой наездника. Шигузути в это время ухитряется оказаться на мне. Оперативно забирается по корсажу и ныряет в горловину выреза, не обращая внимания на бедлам, который творится вокруг.

Охранники, успевшие спрыгнуть со своих хинари, суетятся. Двое пытаются помочь упавшему рогранину, один ловит болтающийся повод хинари Файолы. Рогранка, зажмурившись, замерла, мертвой хваткой вцепившись в сбрую. Атиус старается вернуть себе контроль над животным, никак не желающим успокаиваться. Лала, за эти минуты присоединившаяся к нам, смотрит с тревогой, остановив свою хинари на безопасном расстоянии. Я же, в шоке от происходящего, глажу по шее Шасу, успокаивая и поощряя, — она, по сравнению с остальными, действительно оказалась самой послушной и смиренной. А я — виноватой. Ведь причина всего — моя невнимательность.

— Вы здесь вовсе ни при чем. Виноват тот, кто устроил эту прогулку, не предусмотрев возможных экстремальных ситуаций и не проведя с вами ни нормального инструктажа, ни самой простой тренировочной поездки, — успокаивает меня Лала, когда я жалуюсь ей, за неимением никого другого. Файолу сняли с хинари, и она занята братом. Атиус сам спешил, теперь один охранник держит животных за уздечки, а все остальные хлопочут над Эстоном. Он, похоже, даже сознание потерял на несколько минут и только-только приходит в себя.

— Но ведь напугал животных мой питомец, а я несу за него ответственность, — вздыхаю я, наблюдая, как рогранина усаживают, ощупывают на предмет повреждений, расспрашивают, пытаюсь выяснить, как он себя чувствует и нужна ли ему более серьезная помощь. Его хинари уже поставили на ноги и тоже осматривают, решая, сможет ли она сама вернуться в замок или нужно вызывать транспортник.

— Верно. И это замечательно, что вы ее с себя не снимаете, — соглашается вионка. — Ответственность — понятие очень важное для любого, кто должен в первую очередь думать о других и лишь затем о себе. И наличие этого чувства наглядно свидетельствует о порядочности... Помните, вы просили узнать о нападении на императорскую эскадру?

Она неожиданно меняет тему, и я впиваюсь в нее взглядом, боясь упустить хоть слово.

— Так вот, — продолжает Лала, — корабли лансиан действительно находились в той точке пространства и в то время, которые стали роковыми для ваших родителей. Именно поэтому их изначально и сочли теми, кто совершил нападение. Однако лансиане, получив сигнал бедствия, подошли к месту сражения уже после того, как все закончилось. А те, кто атаковал на самом деле, к этому моменту уже ушли в подпространство.

— Ясно, — киваю я, когда она замолкает. — Жаль, что осталось неизвестным, кто же совершил нападение.

— Вы невнимательно меня слушаете, наследница, — улыбаясь, поучительно выговаривает Лала. — Я говорила об ответственности. О том, что иногда для пользы дела приходится действовать в ущерб самому себе. Лансиане не стали доказывать свою непричастность, однако сделали все, чтобы выйти на след виновных.

Хотя я молчу, но мой умоляющий взгляд наверняка красноречивее слов.

— Милбарцы, — практически беззвучно открывает мне секрет экс-королева.

Секрет, который так много раскрывает и одновременно не раскрывает ничего.

Милбарцы — наемники, они выполняют любой заказ вне зависимости от его этичности. Лишь бы им за это заплатили. Так что заказчиком нападения мог быть кто угодно. И раз Лала не сказала мне, кто именно, значит, этого лансиане не узнали.

— Не пытались узнавать, потому что это должны выяснять другие, — наставительно корректирует мой вывод вионка. — Те, кому на самом деле нужно знать истину. Вам так не кажется?

Еще как кажется! Тем более что именно я и являюсь самым заинтересованным лицом. Следовательно, дальнейшее расследование предстоит организовать мне, раз уж моим дядям не пришло в голову этого сделать. А почему не пришло? Вариантов тут два. Первый — они сами причастны, потому и пытались сначала переложить вину на других, а потом прекратить расследование. Второй — заказчик, не желая разоблачения, вводил всех в заблуждение.

Что из всего этого является верным? Понятия не имею. Логические выводы тут не помогут. Нужны информаторы, союзники, единомышленники, причем более влиятельные и свободные в своих поступках, нежели мои компаньонки. А где их взять?

Идея приходит в голову быстро. Атис. Он же обещал помочь. Правда, я планировала использовать его предложение несколько иначе, но мне кажется, он и от такой формы взаимодействия не откажется.

Приняв решение, скользну пальцем по гладкой поверхности датчика, прикрепленного к моему браслету. Однако экран коммуникатора остается пустым — никаких сообщений. В ответ я чувствую лишь легкую вибрацию, коснувшуюся кожи.

И все? Как я должна это понимать? Как подтверждение получения запроса или как вежливый намек, что обо мне помнят, но помогать не собираются?

Расстроенная, я вновь возвращаюсь к своему окружению. Лала, увидев, что я задумалась, тактично отъехала, оставляя меня наедине с моими мыслями. Атиус, хотя поглядывает в мою сторону, все же сосредоточен на пострадавших — хинари Эстона долго стоять не смогла и снова опустилась на траву. Роотонец если не сломал ногу, то ушиб получил сильный — ходить он тоже не может и морщится от боли, когда пытается встать. Файола на него сердится, не позволяя двигаться.

Не проходит и пяти минут, как ситуация меняется. Во-первых, становится понятно, что со стороны города к нам приближаются транспортники. Все же принц вызвал подмогу. Во-вторых, из степи возвращаются наши спутники.

Рядом с нами все они оказываются одновременно, и теперь меня окружает суета и неразбериха. Атиус объясняет положение дел Атису, одновременно отдавая приказы прибывшим, невесты возбужденно и испуганно ахают, громко обсуждая происшествие. Диора расспрашивает Лалу, цессяне суетятся, заводя на платформу хинари и устраивая на такой же, но чуть меньшей, Эстона... Голова кругом.

Я думала, что нас всех пересадят на транспортники и вернут в замок, однако же ошиблась. Привычные и надежные средства передвижения увезли только принца, Файолу и Эстона. Остальным предоставили возможность продолжать прогулку. Меня Атиус тоже предложил забрать, но не стал спорить, когда я отказалась. И даже улыбнулся с явным облегчением. О причинах я догадалась легко — чем дальше моя персона от Эстона, тем принцу спокойнее. А вот к Атису, похоже, никакой ревности он не испытывал, потому что именно ему доверил надзор за мной, гостями, невестами и руководство оставшейся в наличии охраной.

И теперь мы едем в обратном направлении, неторопливо из-за того, что я хоть и освоилась, но все же не рискую разгоняться. Первой снова не выдерживает Диора. Застонав, что с ума сойдет от скорости, с которой разве что туки передвигаются, красноволосая девушка в розовом эластичном костюме для скачек стремительно вырывается вперед. Ускоряет темп движения и Лала, которая понимает, что

ответственность за меня теперь лежит на леянине, а присмотр за лансианочкой — ее забота. Следом за ними ускакали четверо охранников-цессян, которым Атис непререкаемым жестом приказал сопровождать женщин. Невесты и остальные безопасники остались рядом. Если, конечно, можно так назвать расстояние, при котором я лишь слышу их голоса, но сути разговора не воспринимаю. Ветер сильный, он все звуки подхватывает и уносит в бескрайнюю степь. А вот смысл вопроса леянина, с которым мы сейчас практически наедине, прекрасно понимаю.

— Тебе нужна моя помощь, Дей?

Интонации ровные, взгляд спокойный и внимательный, выражение лица невозмутимое... Его слова можно было бы расценить как заботу о настоящем моменте — окончательно освоиться на хинари, получить совет, с какой силой натягивать уздечку, еще какие-то мелочи, если бы не одно «но». Он обратился ко мне в неофициальной форме и назвал не полным именем, а кратким. Именно таким, каким я ему представилась на цессянском крейсере.

— Как вы меня узнали? — спрашиваю в легком замешательстве.

— Ты датчик активировала, и он начал передавать мне направление и расстояние до объекта, на котором закреплен.

Атис бросает короткий взгляд на свой коммуникатор, где высвечиваются цифры, близкие к нулю. Понятно. С таким «опознавательным знаком» трудно ошибиться. А я уж было подумала...

— Но я и без него знал, что это ты, — продолжает леянин, словно почувствовав мое разочарование.

— Вот как? — Растерянность сменяется любопытством, и я с нетерпением жду его объяснений.

— Поначалу сомневался, хотя твой голос на церемонии показался очень знакомым, да и имя наводило на определенные подозрения. А потом увидел твоего защитника, когда тебе плохо стало, и сомнения исчезли. Я ведь потом, когда остался один, долго недоумевал, что за черные крохотные шарики разбросаны по кровати. Анализ сделал на всякий случай. Сама понимаешь, трактовать результат в неправильном контексте было сложно, — объясняет Атис, доказывая, что детектив он превосходный. То есть для меня, с учетом моей цели, самый что ни на есть идеальный кандидат.

И все же я краснею, потому что следы жизнедеятельности шигузути — не самый приличный предмет обсуждения. А оставляет их малыш в самых непредсказуемых местах и совершенно нерегулярно. Сомневаюсь, что можно приучить его делать это как-то... упорядоченно.

А еще вспоминаю, что в каюте леянина я была не одна. И волна недовольства по отношению к цессянке, возникшая и угасшая в ту ночь, накатывает вновь, удивляя меня саму. Ведь нет у меня никаких моральных прав требовать единоличного внимания к моей персоне. Тогда почему при мысли о другой девушке в его кровати в душе что-то так гневно бурлит? Может, я просто возмущена тем, что его, как и меня, пытаются использовать?

— Так какая же помощь тебе нужна, Дей? — мягко спрашивает Атис.

Он определенно торопит меня с откровениями. И понять его легко — пусть и медленно мы двинемся, но ведь путь не бесконечный, а общаться во дворце, не вызывая подозрений, мы уже не сможем.

Потому я и не раздумываю больше. Коротко, насколько возможно, излагаю факты, касающиеся гибели родителей, избегая своих личных выводов и предположений. Пусть он сам их сделает. А еще лучше — найдет доказательства, чтобы обвинения были не абстрактными домыслами, а неоспоримыми аргументами.

— Как я понимаю, ты не рассказала об этом принцу ли'Тону? — выслушав меня, спрашивает леянин. — Почему?

Логичный вопрос. Для всех, и для него в том числе, альбинос — мой любовник. В истинном смысле этого слова. Значит, я в первую очередь должна стремиться привлечь его к решению своих проблем, а не просить разобраться того, кто мне в общем-то ничем не обязан.

Но раскрывать Атису реалии наших отношений с цессянином я не хочу. Потому что... Потому что это не важно для расследования!

— Он заинтересованное лицо, — предлагаю самый нейтральный и правдоподобный вариант объяснения. — Его подход к разбирательству и поиску истины может оказаться субъективным. Или зависимым. А вам я доверяю.

Молчание в ответ, и я, оторвав наконец глаза от дороги и взглянув на леянина, вижу, как удивленно ползут вверх белые брови.

— Спасибо, — немедленно реагирует Атис, словно спохватывается. — Это более чем неожиданно, но ты права. Я сделаю все, что можно, и так, как нужно. Если у тебя появится новая информация, которая может помочь, снова активируй датчик, я найду способ с тобой встретиться, чтобы все обсудить.

Последнее он говорит торопливо, приглушая голос, потому что наши спутники теперь к нам намного ближе. Мы пересекли городскую черту, а здесь не те пространства, чтобы можно было двигаться далеко друг от друга.

Я лишь киваю и благодарно улыбаюсь, надеясь, что этого будет достаточно. И до самого дворца наслаждаюсь приятным ощущением перспективы, надежды и... свободы. Ведь Атис, в отличие от Эстона, не стал ничего требовать взамен той помощи, которую готов мне оказать. Даже намек не сделал, что было бы неплохо и ему что-то получить от меня. Не поинтересовался выгодой для себя. Конечно, может, она и есть, какая-то опосредованная, вторичная, но это не навязанный долг, основанный на конкретных обязательствах.

Вот, оказывается, сколько событий может произойти и как много измениться всего за пару часов! И как же я благодарна моему маленькому своенравному и шустрому питомцу, ведь именно из-за его привязанности обстоятельства сложились для меня настолько удачно.

К тому же теперь, когда по приезду во дворец я встречу с Атиусом, а он первым делом спросит: «Какая девушка на прогулке вела себя наиболее достойно? Ты определилась с невестой?» — ведь именно с этой целью столь необычное развлечение и было организовано, — я имею полное право ему ответить со всем трагизмом, на который способна: «Как же в стрессе делать выбор? Спорным будет результат! Обстоятельства мешают, планы на корню горят... Поиски мои напрасны, завершаться не хотят».

ГЛАВА 6

Шестьдесят — смотреть налево, семьдесят — шагнуть вперед, а на восемьдесят нужно сделать все наоборот

Шестьдесят коридоров на каждом этаже. В каждом коридоре по десять комнат. Этажей целых семь, и каждое тысячелетие надстраивается еще один дополнительный этаж. А уж площадь, которую это архитектурное сооружение занимает, вообще представить трудно, ведь королевский замок Цесса — самая высокая и самая масштабная постройка на планете. Плутать по нему можно долго и безрезультатно, если не знаешь, куда именно направляться.

Я выше четвертого этажа не поднималась. На первом ориентировалась уже неплохо, благодаря тому самому церемониальному залу, который действительно находился под открытым небом — дворец окружал его огромным кольцом. А вообще этот этаж был предназначен в первую очередь для прислуги — настоящий лабиринт подсобных помещений, которые, кстати, еще и под землю уходили. На втором этаже я тоже бывала — там разместили приглашенных на смотрины невест и всех инопланетных гостей. Файола пару раз затаскивала меня в свои комнаты, потому что жить вдали от брата не хотела. Здесь помещения были определены древними, но обустроенными ничуть не хуже тех, в которых жили остальные обитатели замка. Мои апартаменты были на третьем этаже, соседствовали с личными комнатами Атиуса и остальных его родственников. Наверное, это должно было означать, что меня приняли в семью. Четвертый этаж, по всей видимости, отвели для развлечений: небольшие, но многочисленные спортивные залы, оранжереи, игровые, библиотеки, музыкальные комнаты, салоны красоты и релаксации, даже медицинский сектор имеется. В общем, целый спектр увеселительных и прочих занятий, призванных скрасить досуг и спасти от ничегонеделания женские две трети населения дворца.

Да, дядюшка был прав, когда говорил, что у цессян рождаемость девочек намного выше. Я мужчин в коридорах почти не вижу, а вот любопытные смазливые личики альбинозного фенотипа встречаются мне на каждом шагу. Оказывается, во дворце живут еще и семьи министров — королевских советников. Судя по всему, пятый этаж именно они занимают, а на четвертый спускаются получать удовольствие.

Шестой этаж, как поведал мне Атиус, исключительно деловая зона. Мир мужчин, куда женщинам доступ запрещен категорически, дабы не отвлекали. Там залы для совещаний, кабинеты министров, дворцовый архив-музей, где собраны самые раритетные и древние экспонаты. А вот седьмой был достроен сравнительно недавно, каких-то шестьдесят лет назад, и в большинстве помещений там до сих пор идут отделочные работы. В тех же, что уже готовы, проживает наемный персонал: секретари, помощники, ассистенты, референты... Все те, без кого механизм власти, разумеется, работает, но со скрипом.

Не сказала бы, что дворец самодостаточное место жительства — здесь нет магазинов, увеселительных общественных мест, мастерских, кроме разве что совсем маленьких, — это, скорее, очень большой дом. Все, что нужно для комфорта его обитателей — и одежда, и продукты, и предметы обихода, — все привозится извне. Ведь дворец окружен городом, а за ним степь и фермы-производства. Но масштабность и внушительность от этого ничуть не уменьшаются. А уж сколько средств уходит на его содержание, страшно даже вообразить.

Да я и не пытаюсь. Ясно же, что на обеспечение королевской семьи работает вся планета. И так не только на Цессе. Мне учителя рассказывали, что на Роотоне в древности ни прислуга во дворце, ни охрана не получали материального вознаграждения — все считали за честь обеспечивать и защищать свою династию. Теперь все немного иначе, любой труд будет оплачиваться, даже если ты готов проявить альтруизм и работать даром, но тем не менее идейность и самоотдача у нас, что называется, в крови.

И еще в крови у нас тяга к любимой цветовой гамме. И это в куда большей степени неистребимо и неизменно, нежели экономические вопросы. Я вот, например, хотя теперь и надеваю светлую одежду, но делаю это с огромным неудовольствием, принимая лишь как вынужденную, приспособительно-маскировочную меру. Не хочу лишний раз привлекать к себе внимание. Особенно когда брожу по дворцу в то время и в тех местах,

в которых делать этого в общем-то не должна.

Но что мне остается? Атиус такой скандал закатил по поводу моего желания навестить Эстона, когда я оставила соответствующий запрос в планнере! Примчался сразу, не прошло и нескольких минут. Долго выяснял, как именно я к рогранину отношусь и что это за слухи относительно нашей с ним ночной встречи на крейсере. Снова пофыркал при виде Файолы, которая, как на грех, была в это время в комнате — она меня, собственно, и позвала к брату. В итоге заявил категорично, что ходить на гостевой этаж я теперь буду только после танца с ним.

Я сочла за лучшее не спорить. Злить принца себе дороже. Еще передумает насчет отсрочки свадьбы и лишит меня преимущественного права выбора невесты. А мне время нужно! То есть не мне, конечно, а Атиусу. Что, впрочем, вовсе не означает, что я буду ограничивать себя в том, что мне хочется. Ведь при желании всегда можно найти лазейку. Особенно учитывая, что теперь в вильюрере сведения о том, чем занят мой «любовник», где находится и когда желает меня посетить, появляются без задержки с изумительной точностью по времени. Видимо, помнит альбинос мой упрек.

Так что особенного труда не составляет выждать и выбрать момент, когда он стопроцентно отсутствует на нижних этажах, поскольку его отец проводит суперважное заседание на шестом, где принц пробудет еще не меньше двух часов. Впечатать в планнер: «Отдых в апартаментах. Не беспокоить». Отправить восвояси служанок. На пару с Файолой похихикать над Луритой, которая вместо меня забралась в мою кровать и накрылась с головой. Накинуть на волосы белый платок. Ну и выскользнуть следом за рогранкой, которая, словно разведчица, идет первой и предусмотрительно меня останавливает и прикрывает собой, если есть опасность, что нас кто-то увидит.

Чтобы уменьшить вероятность нежелательных встреч, выбираем мы самые редко используемые коридоры и лестницы, а таковых во дворце немало, как выяснила за эти несколько дней Файола. Она же была почти не ограничена в свободе перемещений. И в комнаты Эстона попадаем без приключений и помех — на втором этаже прислуга появляется исключительно по требованию гостей, ведь большинство инопланетников имеют личный обслуживающий персонал, который сопровождал их в полете. Да и невесты тоже приехали со своими слугами, а им до того, кто именно ходит по коридорам, уж точно нет никакого дела.

— Дейлина, — приветствует меня лежащий на кровати рогранин. Улыбается и пытается сесть.

— Ку-у-уда! — немедленно спохватывается Фай. — А ну-ка, давай обратно! Врач же сказал — не вставать. Тебе еще два дня нельзя двигаться.

— Я за сутки чуть с ума не сошел от безделья. И еще столько ждать... — сетует, закатывая глаза к потолку Эстон, но все же откидывается на подушку. Однако его послушание длится недолго. Не проходит и нескольких секунд, как он снова приподнимается на локтях. — Впрочем, если Дейлина составит мне компанию, я готов хоть месяц лежать... Фай, может, ты погуляешь?

Он выразительно приподнимает брови и взглядом указывает сестричке на дверь.

— Ку-у-уда! — подражая тону Файолы, возмущаюсь я, когда та с готовностью шагает к двери. — А ну-ка, давай обратно! Я не на свидание пришла, а поддержать больного.

— Кто тут больной? — взвизгивает в праведном гневе рогранин, но, видимо почувствовав боль, все же успокаивается: — Ладно, больной, чего уж... Жив, и то замечательно.

— Мне жаль, что так получилось, — извиняюсь я.

Осмотрев комнату, в которой оказалась впервые, я присаживаюсь на краешек кресла. Не потому, что оно жесткое и неудобное, а потому, что нужно быть готовой в любой момент из комнаты исчезнуть. У Эстона ведь кроме сестры фаворитка есть. Ей на глаза лучше не попадаться.

— Где Виария? — предусмотрительно выясняю.

— Так она же еще вчера на несколько дней к родителям уехала. Я сам ее отправил,

чтобы не страдала и ко мне не приставала. Мне в таком состоянии не до любовницы. Фай разве не сказала? — удивляется моей неосведомленности рогранин. Смотрит на сестру, которая надувает щеки, но молчит, возвращается взглядом ко мне и интересуется: — Как твой план? Прогресс есть?

— Нет никакого прогресса, — морщусь я. — Ни одна из имеющихся в наличии невест даже в мыслях себе не позволяет представить, что можно пойти против желания Атиуса и на свадьбе попросить его отказаться от фаворитки.

Разочарование, которое я испытала, когда это выяснила, представить несложно — ведь я именно на это ставку делала. Надеюсь, что найдется хоть одна девушка, которая захочет быть единственной. Я ради того, чтобы отыскать именно такую, с каждой невестой еще раз лично побеседовала, благо на четвертом этаже для этого и мест предостаточно, и обстановка, располагающая к откровенности. Увы. Даже Уграна, отношение которой к фаворитке оставляет желать лучшего, тем не менее готова всю жизнь видеть ее рядом. Да, задвинутой в угол. Да, почти бесправной. Но в семье.

— А я сразу сказал, что затея глупейшая, — со свойственной ему грубой прямолинейностью припечатывает Эстон. — Не понимаю, ради чего вся эта щепетильность? Претит тебе оставаться его фавориткой? Так ему и скажи. Коротко и без купюр. Мол, либо сам отказывайся, если опозориться не хочешь, либо потом последствия разгребай. И плевать, что у цессян фаворитка не имеет права на подобное заявление! Это их проблемы, а не твои. Так нет же, вечно вы, женщины, напридумываете себе сложности! Хотя, конечно, чего еще ожидать, когда для вас физическое влечение стоит на первом месте? И как только оно нарастает, мозг тут же отключается. Атиус определенно умеет этим пользоваться.

Файола смотрит на меня укоризненно, но я лишь коротко предупреждающе качаю головой. После того как альбинос обвинил ее в разглашении информации, я еще раз попросила подругу никому не рассказывать, что между принцем и мной ничего нет. Не хочу давать Эстону такой козырь в руки. Памятуя о том, как радикально действовал его отец в отношении кавалера дочери, можно представить, на что сыночек способен. Да он запросто Цесс в противостояние остальным планетам империи поставит и даже не задумается о последствиях. И якобы имеющаяся у меня привязка к принцу для него сейчас единственный сдерживающий фактор.

Зачем же тогда я к нему пришла? Надеюсь, что рогранин хоть какой-то план предложит. Вот только он, похоже, гибкость в поступках и дальновидность проявлять не умеет. Неужели мне действительно не остается ничего, кроме как устроить скандал на церемонии?

— Откуда у принца информация о нашей встрече на крейсере? — меняю тему, чтобы Эстон не заподозрил, что наши с Фай переглядывания несут какой-то смысл. — Кто постарался?

— Так я... это... того... — натужно вздыхает Эстон. Смотрит мне в лицо, где изумление сменяется возмущением, и оправдывается: — Я же не специально! Разговорился с Виарией, когда она в мою каюту пришла, нужно ведь было с ней найти общий язык, не тащить же девчонку с порога в постель? Вот и сказал как есть. Что у них по кораблю не только беловолосые девушки по гостям ходят, но и черноволосые тоже. Откуда мне было знать, что, кроме тебя, на цессянском крейсере нет ни одной роотонки?

Действительно, откуда? Так и хотелось ему популярно объяснить, как именно он должен был это узнавать и что конкретно своей любовнице-шпионке говорить. Но я сдержалась. Лишь покивала молча, окончательно убеждаясь, что замуж за рогранина мне не хочется категорически. Вот честное слово, чем быть его женой, так уж лучше стать фавориткой Атиуса. Альбинос, по крайней мере, ко мне с большим уважением и тактичностью относится. Возможно, не совсем равнодушен, раз ревнует. К моему мнению прислушивается. Старается создать максимальный комфорт. Даже его запреты объяснимы и логичны, хоть и не совсем приятны.

С таким настроением я с Эстоном и прощаюсь, стараясь не показать той степени отторжения, которая у меня сформировалась. А жаль. Ведь чисто внешне он мне импонирует — крепкого телосложения, такой же невысокий, как роотонцы; хоть и моложе Атиуса, но выглядит старше. Определенно из-за разницы в сроке жизни.

— Прости, я не думала, что брат поведет себя так некрасиво и тебя подставит, — не выдержав напряженного молчания, останавливается и оборачивается идущая впереди Файола.

Мы отошли уже на приличное расстояние от апартаментов, выделенных рограм, и теперь находимся в коридоре, в конце которого есть лестница, ведущая на третий этаж.

— Нашла за что извиняться, — укоряю я подругу. — У него своя голова на плечах. Ты-то какое отношение к этому имеешь? Пошли, не стой! Надо поскорее ко мне вернуться, а то ведь, не ровен час, нарвемся на кого-нибудь...

Вот зря сказала. Наверняка сглазила, потому что именно в этот момент дверь, рядом с которой мы оказались, распахивается, и на пороге появляется высокая худощавая фигура в белоснежной рубашке и светло-серых брюках.

Мужчина выходит спиной, и поэтому я не сразу понимаю, с кем именно мне повезло встретиться. До тех пор, пока он, игриво бросив в полумрак комнаты «ты была изумительна, моя красавица. Не забудь, я завтра жду повторения», не разворачивается и не замирает, впиваясь в меня непонимающим сиреневым взглядом.

— Дейлина?.. — бормочет в растерянности.

— Атиус?.. — ничуть не меньше изумляюсь я.

— Дихол... — хоть и тихо, но несдержанно-потрясенно выдыхает подруга, тем самым привлекая внимание цессянина к себе.

— И вы здесь?! Какая прелесть! Впрочем, этого как раз можно было ожидать. Снова из-за вашего присутствия рядом Дейлина оказывается в провокационном положении!

— При чем тут Файола? — В этот раз я успеваю возмутиться раньше, чем она ответит. — Я, по-вашему, до такой степени инфантильна, что нуждаюсь в указаниях?

— По-моему мнению, ты достаточно разумна, чтобы не допускать таких ситуаций! Значит, кто-то очень умело тебя к ним подталкивает! — не сдается альбинос, гневным взглядом испепеляя рогранку.

— Вы сами Дейлину к этому подталкиваете своими запретами! — возмущается обвинениями Файола. — Притом что себя ни в чем не ограничиваете.

Словно в подтверждение ее слов из оставшегося незакрытым проема, наверняка среагировав на излишне громкое выяснение отношений, выглядывает смазливое личико, обрамленное распущенными белыми волосами, спадающими на голые плечи и грудь, прикрытую лишь легкой бледно-розовой тканью.

Ясно. Одна из бывших невест. «Бывших», потому что я точно помню — она не из числа тех, кто был мной одобрен.

— Что происходит? — нежным голоском вопрошает и растерянно хлопает беленькими ресничками цессяночка, с любопытством уставившись на нашу компанию.

— Все в порядке. Я позже объясню.

Тон альбиноса меняется, а с лица исчезает раздражение. Определенно ему не хочется, чтобы кто-то еще оказался в курсе скандала и донес родителю. Принц даже улыбается, протягивая руку к стене, чтобы активировать датчик смыкания дверей. Лишь после этого бросает очередной злой взгляд на рогранку и яростно шипит, на этот раз приглушая голос:

— Это мой дом! А Дейлина — моя фаворитка! В наших отношениях мы сами разберемся. А вы с братом немедленно покинете Цесс!

— Но она моя компаньонка! — протестую я.

— С этого момента — нет, — припечатывает Атиус. — Мне надоели ее интриги, твои капризы и вообще...

Он замолкает, осматривается и, неожиданно крепко схватив меня за руку, тянет дальше по коридору. На мое негодование принц не обращает внимания, а у меня вырваться не получается — несмотря на хрупкое телосложение, цессянин вовсе не слабак. Впрочем, долго терпеть его самоуправство мне не приходится. Не дойдя до конца коридора, альбинос открывает одну из дверей, и мы оказываемся с ним наедине в апартаментах, которые определенно остались свободными. Никто в них сейчас не проживает.

— Вы что себе позволяете! — Я так сильно нервничаю, что говорить спокойно не получается.

— Дейлина, я же тебе запретил сюда приходить!

Атиус, загораживая путь к спасению, надвигается на меня, оттесняя вглубь комнаты.

— Для того чтобы не быть уличенным в своих поступках?

Отступая вслепую, я падаю на диван, который оказывается за моей спиной.

— Я тебе уже говорил! — останавливается напротив и потрясенно восклицает альбинос. — Я — мужчина! У меня есть физиологические потребности, которые, кстати, я должен удовлетворять со своей фавориткой. Но ведь ты держишь меня на расстоянии!

— А кто вам сказал, что меня возмущает то, что вы провели время с неофициальной любовницей? Да пере... любите вы хоть всех невест, раз уж они были настолько неосмотрительны, что ухитрились получить к вам привязку! В конце концов, это ваша прямая обязанность — освободить их от влечения. Не в этом дело. А в том, что вы меня обманываете! Вы написали в плане, что находитесь на совещании. Намеренно ввели меня в заблуждение! Вы солгали!

— Я написал неправду, потому что щадил твои чувства. И заботился о правилах приличия. Посещение неофициальной любовницы мужчиной, у которого есть фаворитка, в первую очередь, предосудительно для самого мужчины, который вел себя неосторожно и допустил появление привязки к нему у другой девушки! — Принц читает мне нотацию на повышенных тонах. — Кроме того, ведь и ты тоже со мной не честна! Шляешься к Эстону, несмотря на то, что я просил этого не делать!

— Просили?

Пораженная его наглостью, я даже забываю о том, что подобное обвинение недоказуемо. Это ведь я застала его на «месте преступления», а не он меня.

— Хорошо! Приказал! У меня уже способов не осталось иного воздействия. Ну почему ты настолько упряма? Неужели непонятно, что твои свидания с гив'Ором для меня не просто неприятны, они оскорбительны! Или ты думаешь, что, если получишь привязку к нему, это что-то изменит? Или еще на крейсере получила? Потому и меня избегаешь и не подпускаешь к себе?

Он отшатывается, изучающим взглядом впиваясь в мое лицо, и хмурится, покусывая губы. Видно, только сейчас подобная мысль пришла ему в голову.

— А если так? — провоцируя его, старательно сдерживаю возмущение, потому что хочу понять, насколько далеко готов зайти Атиус.

— Тебе же хуже, — презрительно кривится цессянин. — Значит, после танца со мной тебе много лет придется провести без мужчины, пока влечение к Эстону не сойдет на нет и появятся чувства ко мне.

Его безжалостности я ужасаюсь, вспомнив судьбу Файолы. Получается, что Атиус, как и ее отец, готов обречь меня на мучения?

— Не смотри на меня так, Дейлина! — Атиус морщится. — Не ты первая, не ты последняя. Мой отец больше пятидесяти лет страдал из-за отказа твоей прабабушки помочь ему избавиться от влечения к ней. В итоге оно само исчезло, а он, как видишь, жив, здоров и счастлив. Так что это не смертельно.

— Значит, вы не позволите Эстону доставить мне удовольствие? — задыхаясь, тихо

шепчу, осознав, что намного выгоднее поддерживать альбиноса в том заблуждении, которое он себе надумал. Потому что в этом случае ему нет никакого смысла пытаться создать у меня привязку.

— Я ему даже предлагать не буду. Он, вне всякого сомнения, захочет использовать наличие влечения, чтобы шантажом заставить меня отказаться от тебя и жениться самому. Сегодня же поговорю с отцом, и рогране отправятся на свою планету. Ты их больше никогда не увидишь. И на церемонии их не будет, так что твой отказ от танца некому будет поддержать. Впрочем... — Он на несколько мгновений замолкает, задумываясь. А когда возвращается взглядом ко мне, в сиреневых глазах я вижу странное выражение, которое определенно ничего хорошего не обещает. — Пожалуй, мы вообще устроим две церемонии. Одну официальную, с гостями и свидетелями...

— И я при всех заявлю, что отказываюсь с вами танцевать! — яростно шиплю, впиваясь ногтями в обивку дивана.

— Ты меня не дослушала, — сердито бросает принц и продолжает: — Я сказал две церемонии. Официальная будет второй, намного позже. А первая, неофициальная, пройдет сейчас. Без свидетелей. И ты будешь со мной танцевать, даже если мне придется тебя к этому принудить!

— А как же невеста? — с вызовом бросаю я, надеясь, что хоть это его остановит.

— Ах да, невеста... — Атиус поднимает брови и усмехается. — Пусть будет Угрana, раз уж тебя совсем не волнует отношение к тебе жены в будущем.

Он вскидывает руку и, включив коммуникатор, быстро впечатывает в него сообщение. Я же, пока он занят, нервно глажу пальцами свой браслет, надеясь, что альбинос не заметит, как я активирую следящий датчик. Да, я до последнего не хотела втягивать в это Атиса, но, кажется, у меня не остается иной возможности избежать закрепления статуса.

— Ну вот, — заявляет цессянин, прочитав ответное письмо. — Через полчаса она придет. Ты посидишь в этой комнате взаперти, пока я в соседней с ней танцую, потом Угрana уйдет, и танцевать будем мы с тобой. Наедине.

Он уходит к окну, чтобы опустить ставни и заблокировать механизм их открытия, тем самым не позволив мне сбежать, выбравшись на широкий парапет, идущий под всеми окнами. Я же решаю, что момент удобный и можно попробовать выбраться из комнаты, не дожидаясь появления Атиса. Есть же вероятность, что он сейчас не в замке, тогда ждать нет смысла. Кроме того, ведь неясно, как именно Атиус планирует меня заставить танцевать.

В общем, я вскакиваю и бросаюсь к двери. Она не на замке, но ведь все равно закрыта, а датчик срабатывает не так быстро, как мне бы этого хотелось. И этих секунд хватает альбиносу, чтобы сориентироваться, догнать меня, перехватить за талию и оттащить обратно к дивану.

— Дейлина, прекрати брыкаться! — пыхтит он, пытаюсь меня усмирить. — Все равно ведь сделаешь, как я сказал!

— Не сделаю! — не сдаюсь я, пытаюсь расцарапать ему физиономию.

Но много ли я могу против сильного и верткого мужчины, который, кстати, не особенно со мной и церемонится? Заваливает животом на диван и садится на спину сверху, прижимая коленями мои руки, чтобы освободить свои. Я слышу, как он облегченно переводит дыхание, когда наконец понимает, что, как бы я ни пыталась, выкрутиться у меня не получается. Я даже ногами не могу нанести ему сильных ударов — юбка мешает, да и положение тела неудобное для замаха.

— Не хочешь сидеть смирно и ждать? — раздается раздраженный вопрос. — Хорошо, тогда я тебя свяжу. Потом не жалуйся. Сама меня вынудила.

— Садист! — выплевываю яростно. — Я всем расскажу о том, что вы сделали.

— Я же не собираюсь тебя насиловать. Еще чего не хватало! — шипит альбинос. — Будет

всего лишь танец. А когда ты успокоишься, осознаешь, что твой организм уже не сможет принять другого мужчину, вот тогда станцуешь со мной повторно на официальной церемонии. И отцу я сам расскажу, не трудись. Он только рад будет. Давно предлагал танец без свидетелей.

— Он же сам хотел отложить свадьбу!

Я приподнимаюсь корпусом и поворачиваю голову, делая вид, что пытаюсь посмотреть на принца, а на самом деле освобождаю пространство для маневров шигузути, который уже давно проявляет беспокойство и даже начал пробираться наружу, но теперь, придавленный, вылезти не может.

— Ага, сам, — скептически хмыкает Атиус, вытаскивая ремень из шлевок брюк, и, убрав колено с одной моей руки, набрасывает на нее кожаную петлю. — После разговора с Джаграсом. Который, кстати, ему и рассказал про отсутствие у тебя привязки ко мне, а потом устроил скандал по поводу фаворитства вместо замужества и пригрозил, что если свадьба пройдет раньше, чем ты на самом деле в меня влюбишься, то примет меры, которые нам не понравятся. После этого отец меня чуть не придушил...

Он натужно выдыхает, затягивая ремень и заводя мне руку за спину. Со второй справиться не успевает. Малыш, наконец обретший свободу и не слишком довольный самоуправством на своей территории, бросается на него.

Эпического сражения я, увы, в силу своего неудобного положения, не вижу. Лишь слышу ругань Атиуса и чувствую, как он валится на пол, освобождая меня от своего веса. С облегчением сажусь, разминая затекшие от неудобного положения руки, и тут же забываю о себе. Я ведь ожидала, что цессянин, пострадавший от укуса, минимум — корчится в судорогах, максимум — валяется без сознания. Вот только вижу совсем иную картину. Стоящий на коленях альбинос заталкивает извивающееся тельце в узкогорлую вазу, которая украшала невысокий столик и оказалась у него под рукой.

— Отпустите! — Я вскакиваю и замираю, потому что слышу предостережение:

— Сядь! Иначе я его придушу.

Понимая, что этот раунд проигран, я опускаюсь на диван, а Атиус, заткнув горловину какой-то тряпкой, поднимается на ноги. Посмотрев сквозь матовое полупрозрачное стекло на беснующегося внутри малыша, переводит взгляд на меня и, прекрасно понимая мое недоумение, поясняет:

— Врач, которой меня лечил, выделил яд и, используя его, изготовил противоядие. У меня теперь к твоему питомцу иммунитет. Может кусать меня столько, сколько ему заблагорассудится. Хотя это и больно, конечно... — Он встряхивает рукой, морщится и продолжает: — Ну так что? Согласна на танец или мне на самом деле его придушить?

— Нет! Я буду сидеть смирно и вас ждать. И станцую. Только малыша не трогайте!

— Вот и умничка. Давно бы так, — с укоризненными интонациями, но все же хвалит меня Атиус. — Как же с тобой сложно, Дейлина! Я ведь хотел, на самом деле хотел, чтобы все было по-хорошему. Столько делал, чтобы ты меня полюбила и могла быть счастлива! Ухаживал за тобой, не давил, действовал мягко, уговаривал, ждал. Хотя давно уже мог бы заставить — сколько раз у меня была такая возможность. А ты? Смотри, до чего ситуацию довела... — Он вздыхает, приглаживает растрепавшиеся волосы и удобнее перехватывает вазу. — Твоего питомца я с собой заберу и спрячу. Верну после нашего танца. А если попытаешься от меня сбежать, его смерть будет на твоей совести.

Цессянин шагает к двери и неожиданно останавливается. Бледнеет, начинает задыхаться, роняет свою ношу и сам падает на колени, хватаясь за грудь. Я невольно подаюсь вперед, наблюдая, как ваза катится по полу, но не решаясь начать действовать.

Из последних сил Атиус поднимает голову, отыскивая взглядом шигузути.

— Не может быть... — шепчет пересохшими бескровными губами и со стоном заваливается на бок.

Больше я не мешкаю. Первым делом освобождаю моего защитника, который с

негодующим и одновременно радостным «гур-р-р» вскарабкивается на мою руку и ныряет за корсаж. Посмотрев на альбиноса, понимаю, что я ему ничем не помогу, но и быть виновной в его смерти тоже не хочу. То есть нужно звать на помощь. Раз Уграна на подходе, значит, придется сказать, что мы хотели станцевать, но забыли про возможную реакцию шигузути. И, пока принц будет в коме, я улечу с Цесса вместе с Файолой. Правда, никто не знает о намерениях Атиуса, и теперь рогран вряд ли вышлют, но ведь они и сами могут принять решение вернуться домой. А уж убедить подругу в том, что нужно это сделать и взять меня с собой, будет несложно. Возможно, даже получится уговорить Луриту какое-то время имитировать мое присутствие во дворце, чтобы родственнички принца не сразу спохватились. Главное, не оставить следов и не вызвать подозрений!

План есть, остается действовать. Оправить платье и волосы. Открыть ставни. Поставить вазу на место. Вернуть ремень, который так и болтается на моем запястье, на пояс Атиуса. Осторожно открыть дверь и выглянуть. Посмотреть направо, посмотреть налево...

— Семьдесят. И ни дозой меньше! — припечатывает темноволосый субъект бандитской наружности. На голове — капюшон, на плечах — светлая плотная накидка, за спиной виднеется рукоять бластера, и еще одна периодически показывается из-под полураспахнутых пол тяжелого грубого плаща.

— Вы с ума сошли, — мрачно высказывает свое отношение к подобным запросам светловолосый мужчина в сером военном мундире, стоящий перед экраном, через который ведет переговоры. — Столько ултриза за информацию?

— За *нужную* вам информацию, — многозначительно тянет алчный торговец на экране. Бросает взгляд в сторону на невидимых нам соратников и добавляет: — К тому же ни от кого другого вы ее не получите.

— И все же это грабеж, — сердится покупатель.

— Фу, как грубо, — обижается алчный тип. — Всего лишь адекватная цена. И если вы не готовы к расходам, зачем вообще меня беспокоите? — Он протягивает руку, чтобы отключить связь.

— Мы заплатим, — раздается рядом со мной уверенный мужской голос. Сильный, ровный, красивый. От которого мое беспокойство относительно итогов переговоров моментально отступает.

Торговец тут же расплывается в улыбке, прикладывает ладонь к груди и коротко кланяется, хоть и не видит того, кто с кем разговаривает, поскольку мы находимся вне зоны видимости голокамеры.

— Вы приняли правильное решение. — Его темные глаза вновь находят своего собеседника. — Сделка заключена.

Изображение гаснет, а военный оборачивается к нам.

— Надеюсь, мы не зря с ним связались, — высказывает имеющиеся у него сомнения.

— Заберите данные и загрузите в систему. Нужно изучить все как можно тщательнее, — просит мой спутник и обращается ко мне: — Дейлина, тебе бы отдохнуть. Ведь сутки почти на ногах. Может, пойдешь в каюту?

— Как можно отдохнуть, не узнав, что именно мы получили? — удивляюсь я, заглядывая в серые глаза и просительно складывая ладони. — Я здесь посижу. Подремлю немного, пока вы все выясняете, ладно?

Отказать мне он не в состоянии. Коротко кивает и провожает к гостевой зоне. Дождивается, пока я, скинув туфли, заберусь в уютные объятия противоударного кресла. Отходит к военному, который присел за рабочую панель и принялся за работу. По пути успевает отдать несколько тихих приказов дежурному офицеру, и тот немедленно исчезает в раскрывшемся дверном проеме. А я, положив на спинку кресла голову и

подперев ее рукой, рассматриваю окружающее меня помещение.

Размеренная рабочая обстановка рубки управления меня расслабляет. Негромкие переговоры пилотов, уверенные краткие приказы капитана, тихие попискивания и пощелкивания аппаратуры. Маленький рейдер торговца-контрабандиста, превращающийся в едва заметную точку на обзорном экране. Космическое пространство за бортом, заполненное звездами...

Это леянский крейсер. И в его рубке мне уютно, спокойно и хорошо. Почему? Да потому, что здесь... Атис.

Полузакрыв глаза, сквозь ресницы смотрю на его профиль. И с чего я решила, когда первый раз леянина увидела, что он на принца похож? Нисколько не похож. Даже внешне они различаются, а уж о поступках и говорить нечего! Атиус в лучшие времена, когда за мной ухаживал, не демонстрировал такой вежливости, деликатности и заботы. Атис откликнулся на мои просьбы немедленно, без раздумий и оглядок на то, нужно ли это ему самому. Ведь первый, кого я увидела, открыв дверь после стычки с альбиносом, был именно он. Стоящий совсем рядом, в растерянности осматривающийся и пытающийся определить, из какой именно комнаты пришел сигнал. И весь мой план, который я придумала наспех, забыв в нем учесть мою просьбу о помощи, отправленную леянину, в тот же миг рухнул. То есть изменился.

Я даже сказать ничего не успела, — Атис, едва взглянув на мое лицо, понял, что произошло неладное. Осмотрел комнату и начал действовать. Присел рядом с принцем, прощупывая на шее пульс. Ободряюще мне кивнул и быстро набрал на коммуникаторе сообщение. Мое судорожное «его опять укусил...» даже не дослушал, успокоив: «Не сейчас, потом расскажешь». Заглянул в соседние апартаменты, убеждаясь, что они не заняты. Попросил побыть там, не выходить и не волноваться. И исчез.

Я почти час провела в ожидании, прислушиваясь к топоту и гомону, которые были слышны, если приложить ухо к двери. А когда Атис вернулся, первым делом сообщил:

— Ли'Тон в коме, как и в прошлый раз. Прогнозов, когда из нее выйдет, врачи пока не делают, но жить будет точно. Черныш с тобой? Не пострадал?

— Кто? — удивилась я и только потом сообразила: он шигузути имеет в виду.

— Черныш, — повторил Атис и растерялся: — Его не так зовут? Я подумал...

— Так, — немедленно подтвердила я, ругая себя за недогадливость. Во-первых, давно нужно было малыша назвать. Во-вторых, разочаровывать моего спасителя мне не хочется. — Просто я же вам имя не говорила, вот и не поняла, откуда вы его знаете. С ним все в порядке.

Словно почувствовав, о ком идет речь, шигузути вылез из глубин корсажа, взобрался на плечо, потоптался, негромко вякнул и юркнул обратно. Только хвостик остался висеть на привычном месте.

— Почему он принца укусил? — проследив за маневрами, поинтересовался Атис.

— Атиус слегка... — Я замаялась, но все же нашла нужное слово: — Слегка увлекся.

Смутилась, невольно это маскируя, поправила выбившуюся из прически прядку и растерялась, когда подняла взгляд на леянина. Не поняла, почему его глаза впились в мое запястье и в них вспыхнуло негодование. У него даже дыхание сбилось, хотя он и не сказал ничего. И лишь осмотрев руку, сообразила — синяки от ремня появились.

— Черныша надо спрятать, — совладав с собой, но так и не прокомментировав увиденное, сказал Атис. — Король приказал его найти и уничтожить. Он полагает, что шигузути от тебя сбежал и напал на принца, а ты испугалась, заперлась в своих комнатах и открывать отказываешься. — В голосе было слышно недоумение.

— Там только Лурита. Мы с Файолой без разрешения здесь оказались, — вздохнула я. — А можно Черныша спрятать вместе со мной?

И снова Атис обошелся без лишних вопросов. Задумался, коротко предупредил «на

Цессе не получится», дождался моего утвердительного кивка, а дальше мне осталось лишь довериться его деликатности, опыту, смекалке, статусу... В общем, всему тому, чем он пользовался, чтобы избавить меня от волнений и проблем.

Сначала увел меня в свои комнаты, используя как прикрытие свою охрану, которую вызвал. Затем снова исчез, чтобы заняться организацией побега. Он мне даже возможность поговорить с подругами обеспечил. Уж не знаю, под каким предлогом и почему это ни у кого не вызвало подозрений, но и Лурита и Файола в тот же день посетили его апартаменты.

— Дей, это было отпадно! — хохотала зеленоволосая иперианка, рассказывая, как она имитировала мой голос и вводила в заблуждение цессян. — Они такие: «Дейлина, не волнуйтесь, откройте дверь, мы хотим всего лишь поговорить и убедиться, что с вами все в порядке», а я такая: «Никому не открою и ни с кем говорить не буду, кроме Атиуса». Слушай, а что случилось-то?

Выслушав мой рассказ, подруга побледнела и серьезно, что для нее было совершенно нетипично, предложила:

— Давай я его добыю, пока он в коме, а?

Мою просьбу рисковать лишь тем, что и дальше имитировать мое присутствие в комнатах, делая вид, что только подругам я позволяю входить к себе, Лурита приняла с куда меньшим энтузиазмом. Таковы уж все ипериане — не видят полутонов и не признают полумер ни в любви, ни в ненависти. В общем, с идеей прикончить Атиуса она рассталась с трудом, и то только после того, как появилась Файола и подтвердила, что своим вмешательством Лурита больше навредит, нежели поможет.

Надо отдать рогранке должное, получив от альбиноса оскорбительный приказ покинуть Цесс, впадать в крайности и терять голову она не стала. Понимая, что для вспыльчивого брата это будет прекрасным поводом раздуть конфликт, о происшествии умолчала в ожидании развязки. И скептически усмехнулась, когда узнала, что отцу Атиус сообщить не успел.

— Значит, мы останемся. Хочу посмотреть в его наглые глаза, когда придет в себя, — холодно заявила, поджав губы.

Отговаривать подругу я не стала. Слишком уж взгляд у нее был... не знаю даже, как описать... Решительный. Ничего хорошего альбиносу не обещающий. А еще видела я в нем что-то совсем непонятное, словно знает о чем-то Файола или догадывается, но мне не говорит. Потому и остается на Цессе, чтобы свои подозрения проверить. К тому же теперь у меня уже не было необходимости рассчитывать на ее помощь в побеге. Я была уверена, что Атис найдет способ незаметно вывести меня из дворца и мы покинем планету, не вызвав подозрений.

Способ оказался своеобразным. Не шедевральный, конечно, но другой придумать было сложно — переодеться и изобразить из себя леянку у меня бы не получилось. Вот и пришлось мне смиренно лежать в контейнере для одежды, который вместе с Атисом и его охраной сами цессяне любезно переправили на орбиту. Причем весьма оперативно и без лишних вопросов.

Ну еще бы! Ведь король Атис Алиин ат'Шон распорядился, чтобы пострадавшему принцу как можно быстрее доставили с его корабля капсулу стабилизации, благодаря которой альбинос так быстро вылез из первого раз. Ее спустили с орбиты и перевезли во дворец за несколько часов. Вот только, поскольку она уже использовалась и израсходовала большую часть ресурсов, запустить технику на полную мощность не получилось, а минимальный стазис, в который погрузили Атиуса, хоть и облегчил состояние пациента, но на скорость выздоровления не очень повлиял. Нужны были новые расходные материалы с Ле. Куда король, решивший лично за ними слетать на своем королевском крейсере, и направился. То есть направлялся. До тех пор, пока его корабль не ушел в подпространство и не перестал быть доступным для наблюдения.

— Куда мы летим? — немедленно поинтересовалась я, едва это поняла.

— Я же помню, что ты доверила мне расследование, — спокойно ответил Атис. — Мои

аналитики за это время отработали все возможные зацепки и нашли того, кто, вероятно, имеет нужную информацию. Перекупщик. Торговец сплетнями, слухами и реальными фактами, которые кое-кому дорого могут обойтись. Где он сейчас находится, нам известно. Осталось только с ним пересечься и убедить передать нам эти сведения.

Вот мы его и искали. Сначала несколько часов провели в подпространстве, стремясь как можно быстрее достичь места назначения. Потом почти сутки прочесывали пространство, пока наконец не обнаружили корабль контрабандиста.

Я была в таком нетерпении, что об отдыхе и не думала, весь день провела в рубке, наблюдая сначала за маневрами, а потом за переговорами. Маленькие перерывы на перекус не в счет. Теперь же стараюсь уснуть. Вернее, наоборот, не уснуть. Или же...

Вздрагиваю, сообразив, что на самом деле спала. Даже не заметила, как меня укрыли одеялом и подложили под голову подушку. Не понимая, сколько же времени прошло, приподнимаюсь и осматриваюсь.

В рубке по-прежнему приятный приглушенный свет и спокойная обстановка. Разве что Атис больше не стоит, а сидит рядом с военным, и они вполголоса что-то обсуждают. Мало того, еще и капитан с ними за компанию.

Навостряю уши. Любопытно же!

— ...совсем недалеко.

— А вдруг ловушка?

— Риск, конечно... Где Вальдус?

— Часах в двух. Он не успеет.

— Тогда ныряем без него. Пусть догоняет...

— Куда мы летим? Что узнали? — подаю голос, сообразив, что обсуждение подошло к завершению и решение мужчины приняли.

Атис немедленно оборачивается и покидает кресло, направляясь ко мне, а я потягиваюсь, разминая затекшие мышцы.

— Проснулась?

Леянин едва заметно улыбается, подхватывает коварно сползающее на пол одеяло и передает появившемуся рядом с ним дежурному офицеру. Та же участь ждет и подушку. В итоге все нехарактерные для рубки предметы из нее исчезают. Атис наконец садится рядом и отвечает на мои вопросы:

— Нам досталась запись контракта, из которого следует, что заказчик обязуется обеспечить наличие в указанной точке пространства тех кораблей, которые исполнителю необходимо уничтожить. Координаты и время совпадают. Именно там и именно тогда погибли твои родители.

— Получается, милбарцы не знали, на кого нападут, — без труда догадываюсь я.

— Верно. Но интереснее другое. Плату они получили заранее, в полном объеме, и до начала атаки у них, по всей видимости, претензий к заказчику не было. Однако потом они появились. Нам досталась еще и переписка — несколько любопытных сообщений, в которых недвусмысленно говорится, что плата недостаточна, если учитывать, на кого именно милбарцы напали.

— Шантаж всегда был отличным способом получить то, на что изначально рассчитывать не имеет смысла, — вздыхаю я, вспомнив, сколько раз мне пришлось с этим столкнуться. И дядя и Атиус не стеснялись его демонстрировать.

— А теперь это еще и шанс для нас выйти на заказчика, — морально поддерживает меня Атис. — Вернее, поймать с поличным в тот момент, когда он будет расплачиваться. В последнем сообщении есть дата, время и координаты места встречи. Даже если заказчик

не явится лично, мы вычислим его по кораблю.

— Имена, конечно, неизвестны? — говорю я.

— Контракт обезличенный. Переписка тоже. Кстати, она уже больше года длится. Первые сообщения от милбарцев были вежливыми, как и ответы заказчика с просьбами об отсрочке. Тон последних писем практически ультимативный. То ли милбарцы потеряли терпение, то ли начали опасаться, что заказчик может вообще ничего им не заплатить.

— Любопытно, как они сами на него вышли...

Задумываюсь, сообразив, что с момента нападения до начала шантажа прошло немало времени. Значит, исполнители изначально тоже не были в курсе личности заказчика. О том, как милбарцы узнали, кого именно уничтожили, не спрашиваю. И так понятно. Шумиха была нешуточная, раз даже лансиан обвиняли.

— Невозможно что-то сделать и не оставить следов, — философски констатирует Атис. — Можно лишь ввести в заблуждение тех, кто не слишком рьяно желает отыскать истину.

— Значит, когда мое исчезновение в конце концов обнаружат, то выяснят, что вы к этому причастны... — Мои мысли быстро меняют направление, потому что эта тема сейчас более актуальна.

— Несомненно так, едва для этого появится возможность, — подтверждает леянин. — Не думаю, что цессяне настолько глупы, чтобы не провести расследование.

— И вы об этом так спокойно говорите?! — ужасаюсь я. — Ведь вас могут обвинить в похищении! В заговоре против будущего императора! Это может иметь ужасные последствия. Вам не страшно?

Несколько секунд Атис смотрит изучающе, словно пытается понять причину моей тревоги. В итоге поднимается, протягивая мне руку.

— Идем, я тебе кое-что покажу. Не переживай, здесь нам сейчас делать нечего, — успокаивает, заметив, как я замешкалась, — до места назначения больше часа лету.

Его помощь я принимаю с волнением. И по серебристым, расчерченным световыми полосами коридорам иду, прислушиваясь к необычным ощущениям, которые накатывают волнами, перехватывая дыхание, сбивая сердце с привычного ритма и заставляя конечности слабеть. Удивительное ощущение. Словно организм к чему-то готовится, все ту же скручивая пружину предвкушения.

Причина моих эмоционально-гормональных метаний шагает рядом. И ведь самое любопытное заключается в том, что мужчина даже попыток не делает усилить степень физического контакта. Может, я ему не нравлюсь? Хотя, наверное, не в этом дело, а в том, что ему меньше всего нужно, чтобы у меня к нему развилось полноценное влечение. Вон как переживал, когда цессянка привязку получила. Тем более одно дело переспать с никому не известной девушкой, и совсем другое — с наследницей. Так что Атис совершенно правильно поступает, не будет провокаций с его стороны, и мой организм тоже успокоится, почувствовав, что его запросы бесперспективны. С Атиусом ведь так же получилось, правда, там мне пришлось приложить усилия, чтобы загасить начавшее меня захлестывать влечение. Ну и альбинос помог своим своевременным: фаворитка...

Кстати, а вот это даже более реальное объяснение предельной вежливости и отстраненности леянина. Он ведь полагает, что я на самом деле любовница принца, а в этом случае, пока мое страстное желание затаскивать любовника в кровать не угаснет, Атиусу вообще нет никакого смысла за мной ухаживать. Начни он это делать, и у меня, наоборот, к нему отторжение начнется. То есть началось бы.

Впрочем, возможно, я ошибаюсь. И причина совсем иная. Да, на корабле Атис путешествует один. Без спутницы. Но это вовсе не означает, что на Ле у него не осталась любимая девушка. Или жена. Потому что он и держит дистанцию. А жаль.

В этот момент я с пугающей ясностью осознала, как сильно хочу от него знаков внимания. Восхищенных взглядов. Нежных прикосновений. Ласковых слов. Хочу, чтобы в

основе проявляемой Атисом заботы лежало не мое бедственное положение, а его собственная потребность меня защищать и быть рядом.

Дихол! И что же мне с этим делать? Что, что... Побystрее разобраться в том, чего же хочет Атис, пока я окончательно не влипла! Иначе мне же придется страдать, если окажется, что моя симпатия к леянину не имеет будущего.

— Вот мы и пришли, — неожиданно слышу его спокойный, ровный голос. — Присаживайся.

Осматриваюсь, сообразив, что мы находимся в уютном небольшом помещении, похожем и на комнату отдыха и на кабинет. Этакий гибрид, в котором прекрасно можно совмещать и желание поработать и потребность расслабиться. Приглушенный свет, серо-голубые тона стен и мебели, ворсистый белый ковер, ступать на который туфельками кажется кошунством. Покрывало дивана, на который я опускаюсь, тоже пушистое, мягкое настолько, что я невольно зарываюсь в ворс пальцами и даже жмурюсь от удовольствия, испытывая непередаваемо приятные ощущения.

— Ты спрашивала, не страшно ли мне, — напоминает о нашем разговоре Атис. — Смотри.

Сам он не садится, остается стоять, опираясь на край стола, но я об этом быстро забываю, поглощенная любопытным зрелищем, развернувшимся на экране, который занимает одну из стен комнаты.

На просторе бескрайней снежной равнины, над которой раскинулось темное звездное небо, озаряемое зеленоватыми световыми переливами, движется, протаптывая себе путь, небольшая группа леян. Направляются они к виднеющемуся вдали ледяному массиву. Огромному, сверкающему и притягивающему взор.

Смена картинки, и теперь ледяная гора совсем рядом. Кажется, протяни руку — и дотронешься до невероятных в своей прозрачности кристаллов, от которых веет пронизывающим холодом. Меня в дрожь бросает, несмотря на то, что я нахожусь в ином месте, где очень тепло. А вот трое леян-мужчин там, на экране, поочередно сбрасывают свои мохнатые одеяния, остаются лишь в нижнем белье и, словно не чувствуя никакого дискомфорта, друг за другом пролезают в разлом одной из глыб, чтобы улечься прямо на пол ледяной пещеры.

— Ощущение неприятное только первые несколько минут, — успокаивает меня Атис, заметив, что я поежилась. — Потом организм начинает реагировать на изменение температуры и перестраивает метаболизм для погружения в анабиоз.

— Зачем? — изумляюсь я столь необычным расовым способностям.

— Чтобы не погибнуть при наступлении неблагоприятных условий, — поясняет леянин. — Во время эпидемий, в голодные, неурожайные годы или когда погода оставляет желать лучшего, а менять место жительства не хочется, мы можем предпочесть временный стазис полноценной жизнедеятельности.

— Это действительно важно. — Я вежливо соглашаюсь, не понимая, как это связано с тем, боится ли он разоблачения.

— Не только для выживания, — уточняет, видимо приближаясь к сути, Атис. — На Ле, как и на других планетах, представители правящей династии получают право на управление, демонстрируя уровень расовых способностей и доказывая, что он выше, чем у остальных.

Изображение на экране увеличивается, позволяя различить лица леян, и я невольно ахаю, узнав моего спасителя среди тех, кто решил «замерзнуть».

— Мне тоже пришлось пройти это испытание, чтобы сменить на троне своего отца. Вот только если впасть в анабиоз на несколько дней или даже на пару-тройку лет — обычное дело для любого обитателя Ле, то совсем иное, когда стазис длится дольше. Не каждый способен потом выйти из такого глубокого сна. Мне предстояло уснуть не на пять, не на двадцать и даже не на пятьдесят лет...

Атис говорит, я же, широко распахнув глаза, слежу, как его двойник на экране останавливается, оглядывается на тех, кто остался за его спиной, но все же находит в себе силы шагнуть вперед.

— ...а на восемьдесят выпасть из реальности, — заканчивает рассказчик. — Вот это, Дейлина, было по-настоящему страшно. Я был в ужасе. Нет, не оттого, что мог навсегда остаться ледышкой и не вернуться к жизни. А потому, что понимал: за это время многое станет другим. Уйдут из жизни родные, близкие, друзья. Конечно, не все, но многие из тех, кого я любил и кому доверял. И этого я не мог изменить.

Он замолкает, а я с трудом отвожу взгляд от экрана, где свидетели жуткой традиции, завалив расщелину еще одной глыбой, уходят, оставив смельчаков в ледяном плену.

— И как давно вы... ожили? — потрясенно смотрю на этого невероятного империанина. Да-а-а... После такого испытания его действительно мало что напугает.

— Три года назад. — Атис выключает технику, и комнату вновь наполняет приятный голубой свет. — Через год после моего пробуждения твой отец пригласил мою планету войти в состав империи.

— Но все же зачем вы спали *так* долго? У вашей расы большой срок жизни? Сколько же вам теперь лет? То есть... — Я запинаюсь, сообразив, что годы в холодном сне, наверное, в расчет не идут, а выглядит король леян как зрелый мужчина.

— У меня тридцать восемь лет активной жизнедеятельности, — поясняет Атис, улыбаясь моей заинтересованности. — Полных же лет, включая стазисные, сто тридцать. Прежде чем решиться на главное испытание, я несколько раз уходил в краткий анабиоз. А длительность жизни у нас не слишком велика по сравнению с другими расами. Опять же, если иметь в виду активную жизнь без стазиса, это всего лишь сто пятьдесят лет. Анабиоз существенно удлиняет этот срок, но время, проведенное в нем, не может считаться полноценной жизнью.

— И все же... Восемьдесят лет! — Я никак не могу отойти от потрясения. — А как же ваш отец? Вдруг за время вашего анабиоза с ним бы что-то произошло? Кто бы тогда управлял планетой?

— У нас сложная система иерархии, Дейлина. Мой отец был не единственным правителем, как и я сейчас. Королей на Ле всегда несколько. В любой момент один из них находится в активной фазе жизнедеятельности и управляет планетой, остальные в это время вольны в выборе. Могут уйти в стазис, могут править наравне друг с другом, могут временно отойти от дел. Как я сейчас. Если со мной что-то случится и я не вернусь, на благополучии планеты это никак не отразится. В настоящее время у меня есть два соправителя, и скоро — мы очень на это надеемся — появится еще один. Если, конечно, выдержит испытание. Ему осталось двенадцать лет стазиса, чтобы получить это право.

— А если прошедших испытание окажется много? Пять? Десять? Двадцать? Как тогда быть? Они все станут королями?

— Вероятно, да, — соглашается Атис. — Но такого еще ни разу не было за всю историю нашей расы. Обычно у нас всего три-четыре правителя. Кто-то не проходит испытание, кого-то останавливает риск, многие не хотят жертвовать личной жизнью, но большинство просто реально оценивают свои шансы, ведь по самочувствию после краткого стазиса можно понять, выдержишь ли ты длительный и насколько долгим он может быть. Тех, у кого на первом месте стоит желание служить обществу и готовых отказаться от уже имеющегося в настоящем в пользу эфемерного счастья в будущем, совсем мало.

— Значит, те, кто уходил в анабиоз одновременно с вами, тоже хотели стать королями?

Атис кивает, а я замечаю, как в его серых глазах появляется печаль. Что-то трагическое связано с его спутниками.

— Они не вернулись? — осторожно высказываю свою догадку.

— Один погиб. Он был моим братом, старше меня на двадцать шесть активных лет. Долго не решался на испытание, а в итоге не смог проснуться. Чем больше возраст твоей жизнедеятельности, тем труднее удерживаться в длительном стазисе. Второй очнулся примерно на середине назначенного нам срока. Ему не позволили стать королем, потому что он провел в анабиозе недостаточное число лет.

— А женщины в испытаниях не участвуют? — спрашиваю и прикусываю язык. Вот глупая! Какой в этом смысл? К правлению их все равно не допустят.

— Нет, не участвуют, — мягко отвечает Атис, вместо того чтобы в резкой форме отозваться об умственных способностях противоположного пола, как это наверняка бы сделали Атиус, Эстон или дядя Джаграс. — Наши женщины вообще стараются пользоваться стазисом крайне редко и осторожно. У них высокий процент смертности даже при небольших сроках, а чем дольше длится анабиоз, тем меньше шансов выжить. Поэтому у нас хоть и рождается девочек намного больше, чем мальчиков, но впоследствии соотношение полов выравнивается, а затем даже становится обратным.

— У вашего брата не было жены? Он так поздно решился на испытание. — Хотя и стараюсь оставаться деликатной, но все же не удерживаюсь от вопроса.

— Его супруга погибла за год до этого. Дочь уже совершеннолетняя, вышла замуж. Ему в принципе нечего было терять.

— А вам? — невольно срывается с моих губ, и я, ругая себя на чем свет стоит, прикрываю рот ладонью. Вот я себя и выдала!

Не знаю уж, догадался ли Атис о причинах моей заинтересованности, но отвечает он легко и не задумываясь:

— Если ты имеешь в виду личные симпатии, то мне тоже. Меня с ранних лет воспитывали, прививая мысль, что прежде всего я обязан пройти испытание. И я прекрасно сознавал, чем обернется для меня наличие семьи. Или просто любимой девушки. У моего отца было пять дочерей и всего два сына, которые могли унаследовать высокий уровень способностей и это доказать. Я был его надеждой и не мог себе позволить разочаровать отца, как это сделал мой брат, когда женился до испытания, фактически отказавшись от престола. Мне кажется, он и из стазиса не вышел именно потому, что не хотел жить без той, которая была ему дорога. В то время я брата не понимал. Злился, обвинял, упрекал. Теперь понимаю. Окажись тогда вместе со мной та, которая рядом сейчас, я бы тоже пошел против воли отца.

Значит, все же есть девушка.

Волна разочарования, смешанного с отчаянием и болью, охватывает меня. Тугим обручем сжимает грудь, останавливая сердце и застревая в горле. «И вы оставили ее на Ле?» — рождается в голове вопрос, но я его так и не задаю, потому что, подняв голову, встречаюсь с серым взором, в котором... Все что угодно, только не равнодушие.

Ой... Это признание? Он обо мне говорит? Хочет сказать, что ради меня готов пойти на конфликт с цессянами, потерять власть и даже жизнь?

— Я боюсь лишь того, что она не захочет со мной остаться, остальное для меня не важно.

Атис смотрит так задумчиво и выжидающе, что я понимаю — не ошиблась.

Сердце, оживая, заходится в сумасшедшем ритме, кровь приливает к щекам, воздуха перестает хватать. И так же неумолимо растет уважение к тому, кто думает прежде всего обо мне. Он ведь не сказал ничего прямо, оставил мне возможность отклонить его чувства, сделав вид, что ко мне они не имеют никакого отношения, если... Если я влюблена в Атиуса.

Но это же не так!

— Атис, я...

Поднимаюсь с дивана, чтобы это сказать, и не успеваю. Коммуникатор на руке короля выдает переливчатую трель, а вильерер, встроенный в стол, принимается выбрасывать в

воздух голопроекции.

— Мы вышли из подпространства, — присмотревшись к ним, сообщает леянин. — Корабли, которые мы ищем, тоже рядом. Мне нужно в рубку. — Он отталкивается от стола, оказываясь совсем близко. — Ты будешь ждать здесь?

— Я с вами. Пожалуйста! — говорю поспешно и умоляюще складываю руки, понимая, что не выдержу испытания неизвестностью.

На этот раз мы идем быстро, и я с растущим изумлением присматриваюсь к суете, наполняющей коридоры.

Тревожно мигающее освещение. Офицеры, спешащие занять свои рабочие места. Целый отряд в штурмовой экипировке, обогнавший нас и свернувший в боковой ход.

— Что происходит? — нервно спрашиваю.

— Не знаю.

Атис хмурится, решительно берет меня за руку, и оставшуюся часть пути мы тоже бежим, понимая, что происходит что-то серьезное.

На самом входе в рубку, едва раскрывается проем, раздается далекий грохот, пол уходит из-под ног, а я оказываюсь в объятиях Атиса, спасающего нас обоих от падения. Вцепившись в створку двери одной рукой, другой он крепко меня держит, не позволяя упасть.

Секунда, и пол выравнивается, но, вместо того чтобы отпустить, леянин подхватывает меня на руки, а еще через мгновение уже опускает в кресло, где я так сладко спала.

— Не волнуйся, мы справимся, — успевает шепнуть, набрасывая ремни-фиксаторы до того, как новый взрыв сотрясает корабль.

Атис удерживается на ногах, хватаясь за спинку и подлокотники, но, едва состояние крейсера вновь стабилизируется, сразу же отталкивается, чтобы переместиться ближе к капитану. А тот, оглянувшись и поняв, кто именно оказался за спиной, коротко сообщает:

— Нас обстреливают.

— Милбарцы?

— Да, у них три корабля. Один в стадии стыковки с цессянским крейсером. Два других их прикрывают, не подпуская нас ближе.

Все же цессяне? У меня холодеет в груди от ужаса при мысли, что империя могла попасть в руки тех, кто так безжалостно расправился с моими родителями!

— Наша защита?

— Отражающий экран держит нагрузку. Прямые попадания мы ощущаем, но большого вреда они нам не причиняют.

— Связь с Вальдусом есть?

— Он все еще в подпространстве.

— Предупреждение от милбарцев было?

— Нет. В эфире тишина.

— Вызывайте их.

Лейне обсуждают проблему, а я никак не могу избавиться от тревоги, по-прежнему ощущая вибрацию, передающуюся моему телу, и видя, как мужчины сжимают пальцами поручни ограждения, чтобы не упасть.

— Прекратите обстрел! — неожиданно раздается сильный, уверенный голос Атиса.

Я невольно вздрагиваю, увидев, что перед ним сформировалась голопроекция темноволосого милбарца, внешне ничем не привлекательнее того, у которого мы выкупили информацию.

— Вы нам мешаете, — нагло заявляет пират. — Уходите, пока целы. Мы церемониться не будем.

— Уйдем, — соглашается Атис, — как только вы выдадите нам тех, кто совершил преступление против империи.

— Мы не подданные империи, нам до нее нет никакого дела, — парирует милбарец.

— Но даже вы должны понимать, что есть преступления, которые нельзя оставлять безнаказанными.

— Я бы сказал — неоплаченными, — хмыкает пират. — А если с этим порядок...

Он многозначительно замолкает, и я понимаю, что исполнители получили то, что хотели. Заказчик привез им требуемый откуп. Значит, милбарцы его предадут, только если получат от нас еще больше. Только вот почему-то вместо торга Атис выбирает иную стратегию:

— На правах лица, заинтересованного в восстановлении справедливости, я требую, чтобы вы выдали нам заказчика. В противном случае нам придется захватить его самим.

— Захватить?! — Неожиданно милбарец заходится смехом и, утерев тыльной стороной руки слезы с глаз, выдыхает: — Ну и наглость... Да у вас всего один корабль! Ох... — Он снова давится хохотом и саркастически напутствует: — Дерзайте.

Изображение пирата исчезает, а Атис приказывает капитану:

— Маскировочный режим. Скорость максимальная на сближение. Цель — цессянский крейсер.

После этих слов я, изумленно приоткрыв рот, пытаюсь понять самоубийственный план, а потом меня осеняет. Ну правильно! Корабль леян имеет невероятную способность становиться невидимым. Я же сама удивлялась словно зеркальному покрытию его поверхности, которое искажает не только свет, но и другие виды волн. А как только мы окажемся в непосредственной близости от состыковавшихся кораблей, милбарцы стрелять уже не будут, потому что побоятся повредить свой же собственный третий корабль!

Капитан передает распоряжения экипажу, и на экране переднего вида появляется далекая, сложная по своей конфигурации конструкция, в которой я узнаю соединенные вместе корабли. Приближаются они крайне медленно, видимо, расстояние все же велико. Однако и атаки на леянский крейсер тоже прекратились, наверняка потому, что милбарцы его потеряли. Представляю, какая у них сейчас творится неразбериха! Они же могут заподозрить, что заказчик сам их сдал, а все слова о справедливости и требование выдачи — всего лишь прикрытие. А на самом деле леяне в сговоре с заказчиком и прилетели, чтобы устранить исполнителя.

Вполне вероятно, что я оказываюсь права. Иначе как расценивать краткое замечание «они начали расстыковку!» нашего капитана, неуклонно растущее расстояние между крейсерами, а затем обмен выстрелами, когда мы оказываемся уже совсем близко. Цессяне разворачивают корабль, отстреливаясь от атакующих их милбарцев.

— Вальдус на связи, — докладывает капитан, когда я уже могу в деталях рассмотреть корпус белоснежного крейсера.

— Жду приказа, мой король, — тут же слышится незнакомый мне голос.

— Блокируйте милбарские крейсера, командор! Не дайте им к нам подойти! Если не получится удержать, пусть уходят, — торопливо распоряжается Атис. — Капитан, приготовить абордажные боты! Нужно захватить цессянский корабль, мы его почти

догнали! Я к штурмовикам.

Он разворачивается, стремительно шагая к дверям. И все же, прежде чем уйти, оказывается около меня, чтобы едва ощутимо коснуться руки и мягко попросить:

— Я не могу тобой рисковать. Побудь здесь. Пожалуйста.

И столько в его глазах искренней заботы, что я лишь молча киваю. Хоть и хочется мне идти вместе с ним, однако прекрасно понимаю, что буду только мешать и отвлекать. Без меня ему точно будет легче действовать. Да и не допустят леяне, чтобы с их королем, пусть и не единственным, что-то случилось. Смогут защитить.

Смогут. Уверена. А на душе все равно беспокойно. И даже Черныш, словно это чувствуя, вылез из своего укрытия, взобрался на плечо и тихо попискивает в унисон происходящим на экране событиям.

Писк. На белоснежную громаду крейсера ложится тень нашего корабля.

Писк. От нас стремительно удаляются веретеновидные штурмовые капсулы.

Писк. Им навстречу летят, оставляя яркие следы, трассирующие заряды.

Писк. Слепящими фейерверками разлетаются взрывающиеся транспортники, не успевшие включить защиту и попавшие под удар.

Писк. Радужными переливами раскрашиваются контуры силовых полей, отражающих атаку.

Тишина. Гулкая, страшная, в напряженном ожидании. Полное отсутствие движения на экране. И тихие щелчки аппаратуры, отслеживающей состояние корабля...

— Все в порядке, — наконец выпрямляется и поворачивается ко мне капитан, который все это время не отрывал взгляда от символов, появляющихся на пульте оператора связи. — Они сдались.

Выдыхаю с облегчением и с трудом разжимаю руки, мышцы которых свело судорогой — так сильно я стискивала подлокотники. Непослушными пальцами пытаюсь расстегнуть фиксаторы, а когда наконец у меня это получается, встаю с кресла. Оправляю корсаж, в который снова нырнул шигузути, и разминаю ноги, стараясь не обращать внимания на тревожные взгляды капитана. Он, по всей видимости, не может решить, что именно делать, если я захочу выйти из рубки. У него же нет на этот счет инструкций.

Впрочем, подставлять его я не собираюсь. Да и куда я пойду? Я в планировке так и не разобралась — за сутки разве можно это сделать? Рубку я покидала всего два раза, и оба под присмотром Атиса.

Первый раз — чтобы поесть, принять душ и переодеться, благо мои компаньонки пронесли в апартаменты короля несколько моих платьев, и эта одежда вместе со мной путешествовала контрабандным грузом в багаже.

Второй — чтобы поговорить. И, надо признать, ни до него, ни после о маршруте я не думала. Лишь о том, кто идет со мной рядом. Готовый помочь, поддержать, спасти. А как он меня обнял, когда потеряла опору... О-о-о!

От воспоминаний о сильных руках, охватывающих мою талию, сердце замирает, дыхание перехватывает, в животе скручивается пружина сладкого предвкушения. Вот то, чего я желала... Нет! Конечно, большего!

Закрыв глаза, прислушиваюсь к себе, с радостью сознавая, что мое уважение к Атису как к королю и империанину, уже неразрывно слившееся с симпатией и доверием к нему как другу, теперь тесно сплетается с чувствами к нему как мужчине. Я хочу быть с ним разумом. Я готова быть с ним душой. И телом. Да!

Быстро... Как быстро! А ведь я всегда скептически относилась к той скорости, с которой получали привязки другие девушки. Не зря говорят, что правильный эмоциональный настрой дает больше, чем сотня прикосновений!

«Нужно лишь позволить себе полюбить, и обязательно влюбишься», — как наяву слышу ласковый голос мамы.

«И это станет либо огромным счастьем, либо самым большим разочарованием в твоей жизни» — отвечает ей другой, невероятно знакомый голос. Вот только приходит он вовсе не из памяти. Звучит словно наяву и одновременно где-то в глубинах моего сознания.

В недоумении распахиваю глаза и замираю, узрев в раскрытом проеме высокую фигуру в плотном темно-зеленом комбинезоне.

— Дейлина? — В тишине рубки повисает сдавленный возглас, полный недоумения.

— Дядя... — эхом разносится мой столь же ошарашенный шепот.

Вместо ответа иперианин делает шаг вперед, а я невольно отступаю и лишь затем понимаю, что вовсе не добровольно он сюда пришел, а под конвоем троих вооруженных леян, один из которых весьма недвусмысленно подталкивает его бластером. Руки у Джаграса скованы за спиной, на щеке ожог, коса растрепана — сопротивлялся, видимо.

Атис, шагнувший в рубку последним, без промедления подходит ко мне. Его облик куда более опрятный, а вот выражение лица напряженное.

— Ты как? В порядке? — беспокоится леянин. Как будто это не он в бою участвовал и себя риску подвергал, а я.

Не в силах отвести глаз от дяди, который прищуривается, силясь понять, как же я здесь оказалась, киваю и не выдерживаю:

— Ты это сделал?!

Так до конца и не верю, что это он — заказчик. Может, все же цессяне его шантажировали и отправили на встречу с милбарцами как посредника?

— Я? — переспрашивает Джаграс. Невесело усмехается, задумывается, качает головой и бормочет: — Да что уж теперь... Доказательства нашли, да? — уже громче спрашивает, впиваясь взглядом в лицо замершего рядом со мной Атиса.

— Доказательства? — Я оборачиваюсь, чтобы увидеть, как леянин кивает, и услышать:

— Он переписку с милбарцами имеет в виду. А еще откуп. Ултриз, технику, оборудование, расходные материалы, мебель, предметы быта... Это тот самый груз, который был забран с Роотона — маркировки на контейнерах остались прежними. Перегрузить добычу на свой крейсер пираты не успели. Запаниковали, когда мы появились.

Я вновь потерянно смотрю на родственника... то есть не родственника, который сейчас болезненно морщится, наверняка вспоминая, как долго и с каким трудом он все это собирал. Больше года копил, чтобы откупиться от тех, кто грозил ему разоблачением. А я все понять не могла, почему первые месяцы после трагедии дядюшка ходил как в воду опущенный, меня едва замечал, а потом его неожиданно словно подменили. Сначала агрессия появилась, и он срывать начал, а потом до морального прессинга опустился.

— Зачем? — шепчу, с трудом сдерживаясь, чтобы не заплакать. У меня в голове не укладывается, как же он мог хладнокровно отправить на смерть моих родителей! Ну ладно отца, это еще можно хоть как-то объяснить — ревность, амбиции, месть удачливому сопернику. Но маму? — Ты же ее любил!

Джаграс вздрагивает, его лицо искажает жуткая гримаса. Военные едва успевают схватить пленного, чтобы удержать, когда он резко дергается, рискуя вывихнуть руки.

— Огина не должна была умереть! Она должна была вернуться на Роотон. Ко мне вернуться! Император обязан был отправить ее в безопасное место, прежде чем лететь в зону военных действий. Не рисковать женой! Мы же договаривались, что она лишь слетает на Ипер. Но Огина, видимо, решила по-своему и настояла, а твой отец... — Иперианин до хруста сжимает зубы, выплевывая страшные слова: — Мягкотелый идиот! Он не смог ей отказать! Я все рассчитал, а этого не учел. Она погибла вместе с ним...

Моя Огина...

Джаграс падает на колени, настолько страшным оказывается для него возвращение в прошлое.

— Ты хотел жениться на маме после смерти императора и занять его место? — Я нахожу в себе силы продолжить допрос.

— Стать императором? — Дядя поднимает голову, и на щеках, покрытых копотью, я вижу светлые дорожки, которые оставили скатившиеся слезы. — Нет, Дейлина. Мне нужна была только Огина. Я ведь не просто так ждал, когда у нее родится дочь, вырастет и станет совершеннолетней. Понимал, что до этого мне никто не позволит быть с моей любимой. А так... Ты вышла бы замуж, твой муж стал императором, а Огина моей женой. Она была бы только моей, я бы забрал ее домой, на Ипер... Да, я хотел жениться! Мечтал об этом с пятнадцати лет. С тех самых пор, как увидел ее. Только что родившуюся, маленькую, крохотную, беззащитную... Огина росла, я был с ней рядом. Надеялся, что она тоже меня полюбит. Ждал. Оберегал. Защищал. Я столько лет добивался ее симпатии, а она вышла замуж за рооотонца! За чужака, к которому почувствовала влечение за несколько дней! Как я ни старался, Огина видела во мне только брата. Наверное, потому, что не знала... — Он хмуро на меня смотрит. — А тебе кто рассказал?

— Атиус. — Альбиноса я выдаю без зазрения совести. Наверняка ведь тоже причастен. Ну если и не он лично, то его семья.

— Цессяне... — болезненно кривится Джаграс. — Бесцветные выскочки, которые только и умеют, что использовать чужие ошибки и слабости.

— Они вас шантажировали? — помогая мне, подключается к разговору Атис. — И из-за этого вы отказывали во вступлении в империю другим планетам?

— Не-э-эт, — тянет иперианин. — Вовсе нет. После гибели Огины я потерял смысл жизни, а потом... Потом нашел другую цель. Власть. Если я не могу вернуть себе любимую, то хотя бы отомщу тем, кто вложил в голову моей девочки весь этот бред о важности для империи междинастических браков. Получить статус короля Ипера — вот что стало для меня первостепенной задачей. К тому же способ достижения до банальности прост — жениться на Лаарии. И я бы сразу вернулся домой и этим занялся, но ты... — Джаграс гневно зыркнул на меня потемневшими глазами. — Огина назначила меня твоим опекуном и этим лишила свободы действий. Как же я тебя ненавижу, девочка! В тебе нет ничего от твоей матери. Ты копия своего отца. Видеть тебя — напоминание о его существовании в жизни моей любимой... Это было невыносимо.

— Почему же вы терпели мое присутствие столько времени? Выдали бы замуж сразу! — Я сжимаю кулаки, впинаясь ногтями в кожу, чтобы заглушить физической болью то, что творится в душе.

— Да потому что Ют... — Иперианин задыхается, закатывает глаза и, имитируя голос рооотонца, принимается причитать: — «Ох, Джаграс, такая трагедия, не торопись, пусть девочка придет в себя, дай ей время!» Ха! — Он снова переходит на нормальную речь, возмущенно восклицая: — Ей время?! Ему! Кретин, дорвавшийся к власти и заграбаставший ее трясушимися от вождения руками! Можно подумать, я не видел, с какой радостью он принял статус регента! А как он меня уговаривал не афишировать депеши, поступающие с других планет! Ют прекрасно понимал — прими он хоть одну из них, и немедленно последует предложение свадьбы. Власть уплывет. В общем, я, пока была возможность, позволял ему играть в императора, тем более что он мне за это хорошо заплатил, а мне нужны были средства, чтобы откупиться от милбарцев. Когда же время иссякло, я заставил Юта принять и одобрить запрос Цесса.

— Но почему именно цессян? — настораживается Атис.

— Потому что только у них было то, что я хотел лично для себя, — возможность иметь и жену и фаворитку. Думаете, просто так новый закон о фаворитках и тройственных союзах, предложенный как альтернатива привычному институту семьи и брака, с такой легкостью прошел обсуждение и получил одобрение совета? И Луриту я именно для этого приберегал, хотя давным-давно мог бы соблазнить и использовать еще на Рооотоне.

— А Лурита-то в чем перед вами провинилась? — Мое непонимание его логики начинает зашкаливать, а отчаяние охватывает все сильнее.

— Лурита... — В глазах Джаграса появляется что-то похожее на нежность. — Она ведь копия своей матери. Я смотрю на нее и вижу Бару, а она... Ты же знаешь, что она была в меня влюблена. И я очень сильно жалел, что освободил ее от влечения ко мне. Освободил вынужденно, она мне очень нравилась, но я бредил Огиной и верил, что все же стану ее мужем. Эх, если бы в то время в империи был принят этот закон! Я бы не задумываясь обзавелся фавориткой. Но увы... Бара, став свободной, долго не мучилась и нашла себе жениха, Огина тоже вышла замуж, а я остался один. Вот и решил хоть что-то в моей жизни вернуть.

Джаграс со вздохом и кряхтением поднимается с колен. Несколько секунд стоит, покачиваясь, бездумно глядя себе под ноги, и наконец продолжает:

— Монт не сразу, но все же согласился на мои условия. А потом я понял, что он в курсе моего происхождения. Видимо, настолько сильно удивился моему предложению, что заподозрил подвох и решил под меня копнуть. Но афишировать полученную информацию не стал. Оно и понятно, ему-то зачем? И так все в его пользу сработало. Однако же я оказался под угрозой обнародования моего нединастического происхождения и прекрасно понимал, что один мой неверный шаг, и правда всплывет на поверхность, а я лишусь возможности стать королем. Потому и пришлось лебезить перед Атиусом, который начал на меня давить.

— Король Дэйль Монт знал о вашем сговоре с милбарцами? — И без того сухой тон Атиса становится совсем суровым.

В ответ Джаграс лишь отрицательно качает головой. Понятно, не все альбиносы вызнали.

— Тогда почему на встречу вы прилетели на цессянском крейсере? — не унимается леянин.

— Почему? Да потому, что треклятые милбарцы два дня назад прислали сообщение, потребовав немедленной выплаты! Притом что до этого давали еще три месяца отсрочки! Мне пришлось попотеть, чтобы убедить Монту, что мне нужно срочно отвезти груз на Ипер, тем более что мои контейнеры так на крейсере и оставались. А уже в космосе я подкупил капитана, чтобы тот сменил курс и вышел в нужную точку.

— Вы не побоялись, что капитан может впоследствии выдать ваш поступок королю?

— И что? Мне это сыграло бы на руку. — Джаграс саркастически на нас смотрит, понижает голос и трагическим речитативом выдает: — Коварные цессяне гнусно решили захватить власть, уничтожив императора, и, чтобы отвести от себя подозрение, вынудили меня быть посредником в своих переговорах с пиратами. Я негодовал, но противостоять не мог. Вынужден был им подыграть, втереться в доверие, но в моих планах было сорвать операцию и помешать убийству. Не вышло, но я-то герой и расскажу империи правду...

Он переводит дыхание и уже спокойно продолжает:

— Если бы Монт обвинил меня, я бы подставил его. А доказательства.... Кому они нужны? Общественность ухватилась бы за сенсацию и раздула до межпланетного скандала, который лишил бы Атиуса императорства. Король не стал бы так рисковать. Как ни крути, а заинтересованность Цесса налицо. Как и факт того, что всем отказывали, а именно цессянину позволили получить наследницу, да еще и не в качестве жены, а всего лишь фаворитки... Хах! — мстительно, со смешком выдыхает ипериянин. — Ох, как же Монт качественно отвесил за этот финт своему сыночку! Любо-дорого было посмотреть! Я ведь поначалу разозлился, решив, что король на ходу меняет условия, притом что мы с ним договаривались — ты станешь именно женой, а не фавориткой. И лишь на Цессе понял — не Монту, а Атиусу пришло в голову, что нужно сделать все наоборот.

ГЛАВА 7

Девяносто, даже сто, как же долго я считала, продолжать не буду — стоп! Я конечно же устала

— Девяносто... Девяносто один... Девяносто два...

Мужской голос неторопливо считает, а я, заложив руки за голову, качаю пресс. Уже из последних сил, между прочим, но так не хочется разочаровывать своего тренера. Увы, у меня не получается.

— Девяносто пять... Давай, Дейлина, до сотни совсем немного осталось, — подбадривает он меня, но я со стоном откидываюсь навзничь и разбрасываю руки в стороны. Бессмысленным взглядом смотрю в потолок, выравнивая дыхание и прислушиваясь к гулким ударам сердца. Все. На большее я не способна.

— Отлично, — несмотря на это, с уважением отзывается о моей спортивной форме уверенный в себе голос. — А теперь на тренажеры? Или на татами?

— Не-э-эт! — В ужасе от поступившего предложения, я поворачиваю голову, чтобы увидеть лицо собеседника. — Вы хотите моей смерти?

— Я хочу, чтобы ты перестала изводить себя. А физическая нагрузка для этого самый хороший способ. — Серые глаза смотрят на меня с сочувствием, но непреклонно.

Да уж... Плакать и бежать по меняющей скорость и направление дорожке было проблематично. Задышаться от отчаяния и присесть еще сложнее. А уж страдать и качать пресс вообще нереально.

Можно сказать, что я успокоилась? Наверное, так. Нет, конечно, боль в груди никуда не делась, и горло по-прежнему перехватывал спазм при одной только мысли о том, что мне пришлось услышать. Но это ничто по сравнению с той волной ужаса и горя, которая захлестнула меня, едва военные, подчиняясь приказу Атиса, вывели пленного из рубки. И если до этого я еще держала себя в руках, то когда двери сомкнулись...

Судорожно всхлипнула, слезы заполнили глаза, а ноги стали ватными и непослушными. Мир исчез. Я почувствовала лишь руки, которые подхватили меня, не позволяя упасть. Прижали к чему-то упругому, теплomu, надежному, и мои пальцы тут же в него вцепились, чтобы больше не отпускать.

— Дейлина, милая, все будет хорошо...

Тревожный голос Атиса я слышала словно издали и вообще плохо соображала, что происходит. Рыдания сотрясали тело, воздуха не хватало, одежда, к которой я прикинула щекой, стала совсем мокрой. Я пыталась, честно пыталась истерику прекратить. И в те редкие мгновения, когда мне это удавалось, чувствовала взволнованное дыхание мужчины, его объятия, руки, ласково скользящие по моим волосам, а потом... Потом все начиналось заново. Только вот длилось недолго. Леянин, вместо того чтобы продолжать уговаривать и жалеть, пробормотал «ну, хватит», перехватил меня удобнее, решительно поднял и понес...

— Ку-у-уда? — сквозь всхлипы удивилась я.

— Переодеваться, ужинать, в спортзале заниматься, купаться, музыку слушать, в оранжерее гулять, голограммы смотреть, на боте кататься, — перечисляет Атис. — Можно еще что-нибудь придумать, да и последовательность любую выбрать. Тебе чего больше хочется?

— Не знаю, — прошептала я, закрывая глаза и опуская голову ему на плечо. Все, что он предложил, казалось мне ненужным и совершенно бессмысленным. Хотелось закрыться от всего мира, ничего не видеть и не слышать.

— Тогда доверься мне. Хорошо?

Спорить сил не было, и я лишь судорожно выдохнула «угу», продолжая плакать.

И снова из мрачной пучины горя меня выдернула реальность в лице Атиса. Вернее, его рук, которые сначала усадили меня на что-то упругое, избавили от туфель, а затем уверенно и быстро принялись натягивать на ноги эластичный комбинезон. Единственный среди трех нарядов, которые имелись в моем распоряжении. То есть в распоряжении леянина, ведь он, заставив меня встать и убедившись, что брюки натянуты до талии, отстегнул юбку и принялся за корсет.

В шоке оттого, как же ловко он управляет, я даже не подумала возмутиться или попытаться его остановить. Вспомнила о возможных последствиях, лишь когда потревоженный шигузути вылез из своего укрытия и забрался на плечо. Однако набрасываться на мужчину малыш не спешил. Наверное, потому, что Атис, ослабив застегжки, тут же отступил.

— Дальше сама, — спокойно сказал он. И отвернулся.

Маленькой передышки между волнами душевных терзаний мне хватило, чтобы закончить начатое леянином. И даже понять, что решил он реализовать первое из своих предложений. Вот только зачем? То есть чем это мне поможет, я не понимала. И лишь потом осознала, насколько же правильно он поступил.

Новые впечатления, потому что в той части леянского корабля, где располагался спортзал, я была впервые. Физическая нагрузка, которой я и раньше не пренебрегала, но до таких масштабов не доводила. Заботливый тренер, готовый и совет дать, и вовремя подхватить, если сил не хватает. Он ведь еще и переодеться успел, так что, когда могла видеть фигуру леянина, я начинала сомневаться: стоит ли признание дяди такого уж пристального внимания, когда тут рядом куда более важный раздражитель?

В общем, всего этого оказалось достаточно, чтобы мне стало легче, и я вернула себе нормальное восприятие и способность к анализу. Да, мне больно, зато теперь я точно знаю, что происходило на самом деле и кто в этом виноват. А моя жизнь продолжается, и она может стать совсем иной — ведь рядом тот, кого я не хочу потерять. И это намного важнее!

Потому и отвечаю Атису пусть грустной, но все же улыбкой. И руку протягиваю, чтобы лишний раз почувствовать его заботу.

— Хорошо, раз не нравятся тренажеры, можно продолжить в другом месте, — загадочно обещает леянин, помогая подняться на ноги, и, не дожидаясь моего вопроса, продолжает: — Хочешь купаться?

— Как купаться? Где? — теряюсь я.

Мне казалось, на кораблях только индивидуальные ванны возможны, а в ванне объем воды более чем ограничен. По крайней мере, на цессянском крейсере ничего подобного не было, а рооотонские корабли вообще отличаются минимализмом и аскетичностью. Здесь же...

Шагнув в раскрывшийся проем стены, отделяющей небольшой спортивный зал от бассейна, я тихо ахаю в изумлении. Водой заполнена небольшая, но совершенно прозрачная полусфера, которая определенно выдается из корпуса корабля, потому что даже сбоку от нас я вижу космос и звезды. Ровная, спокойная поверхность лишь у борта подсвечена маленькими светильниками, в глубине же видны звезды.

— Здесь все в твоём распоряжении, — подсказывает мужской голос. — Раздевайся и наслаждайся.

— А ты куда? — оборачиваюсь, понимая, что леянин собирается уйти. И лишь после этого соображаю, что невольно, желая сблизиться, перешла на неофициальное обращение. Исправляться не спешу, что уж теперь... Я ведь второй раз себя выдаю. Пора бы Атису на это хоть как-то отреагировать.

И он меня не разочаровывает. Ровно на секунду задумывается, а потом шагает обратно, закрывая за собой проем.

— Дей... — В окутавшем нас полумраке слышен тихий выдох.

Мои пальцы оказываются в жарком плену рук леянина, который, опускаясь вниз, тянет меня за собой. Подчиняясь ему, я тоже сажусь на упругую теплую поверхность узкого выступа. Рядом с нами мерно подрагивает в ритме работы двигателей поверхность воды, а дальше... Дальше только космос.

Сердце заходится в бешеном ритме, дыхание сбивается... От захватывающего дух зрелища, да. Но не только. Еще и в ожидании.

— Милая, я не хочу тебя торопить, — мягко звучит приятный мужской голос, — и готов на все, лишь бы ты чувствовала себя защищенно и комфортно. Если ты хочешь, чтобы я остался, я с радостью это сделаю. Но ты же понимаешь, что есть границы, которые нам не стоит переходить?

— *Пока* не стоит или в *принципе* не стоит? — уточняю я, начиная нервничать. Вдруг я ошиблась, и его забота — это исключительно дружеская помощь и поддержка, а все остальное я придумала?

— Это от тебя зависит, Дей. Я приму любое твое решение, — спокойно отвечает Атис. Вот только его пальцы сжимают мои, не желая отпускать. И глаза говорят совсем другое. Что, не будь я связана с цессянином, он бы ни минуты не медлил. — Я пойму, если ты захочешь вернуться к ли'Тону...

— А если не захочу? — перебиваю, всматриваясь в его лицо. Именно поэтому замечаю мимолетную радость, которую леянин все же гасит, словно боится поверить и разочароваться.

— Дейлина...

Атис начинает говорить и вдруг замолкает. На его лице появляется изумление, потому что именно в этот момент Черныш, который с чувством собственного достоинства спустился по моей руке и добрался до наших ладоней, постояв в задумчивости, приподнимает одну лапку и... Шагает с моей руки на руку мужчины. Я ахаю, а шигузути совершенно невозмутимо, с гордой неторопливостью принимается изучать новую территорию, наверняка решив, что она достойна его внимания.

Боясь его спугнуть, мы молчим. А черное тельце ловко взбирается по складкам рукава и добирается до плеча. Поднимается на задние лапки, чтобы опереться передними на щеку. Потягивается, растопыривая крошечные пальчики, прогибаясь в спинке и распрямляя хвост в струнку. Снова опускается, на этот раз сползая за пазуху. И даже пискнуть недовольно ухитряется, негодуя, что ткань слишком плотно прилегает к коже.

— Это что-то значит? — шепотом спрашивает Атис.

— Да. — Я улыбаюсь, искренне радуясь за выбор, который малыш сделал. — Он тебе доверяет. Показывает, что ты ему нравишься. Значит, можешь его не опасаться, когда общаешься со мной. Черныш тебя не укусит.

— Хочешь сказать, когда ли'Тон пытался с тобой сблизиться, твоему питомцу это не нравилось? Черныш его не признал? — наконец-то осеняет моего мужчину.

— Все правильно, — вздыхаю, переводя взгляд на завораживающие колебания водной глади. — Я ведь цветок приняла, не имея влечения к принцу. И малыш меня защищал. Он очень чувствителен к намерениям и... желаниям.

Последнее слово звучит совсем тихо, едва слышно. Зато последствия провоцирует бурные. Очень приятные. И долгожданные. Потому что леянин немедленно меняет положение тела. Я и ахнуть не успеваю, как оказываюсь в плену его объятий. Сильных и одновременно нежных, страстных, но таких ласковых.

— Дейлина... Моя Дей... — шепчут губы, едва ощутимо касаясь виска, и жаркое дыхание согревает кожу.

Я с облегчением прижимаюсь к тому, кто для меня так же дорог, как и я для него. Скольжу ладонями по широким плечам, зарываюсь пальцами в светлые волосы, наслаждаясь новыми, необычными ощущениями.

— Какой же я глупец, — сетует Атис. — Как раньше не догадался? Мне и в голову не пришло, что у тебя нет к нему влечения. Ли"Тон так уверенно себя вел... Я думал, вы поссорились и ты решила его проучить, когда попросила меня тебя увезти. Кстати.... — Он чуть отстраняется, чтобы заглянуть в глаза. — Ты же мне так и не рассказала, что между вами произошло.

— Принц принуждал меня к танцу. Черныша пытался изолировать, чтобы лишить меня возможности отказаться. Хотел, чтобы все прошло без свидетелей, даже невесту позвал...

Чувствую, как напрягаются мышцы под моими ладонями, дыхание становится совсем тяжелым, а серые глаза темнеют. И все же Атис сдерживается, лишь крепче прижимает меня к себе.

— Теперь понятно, почему Ялиса первая прибежала в комнату, — задумывается, вспоминая произошедшее. — И хлопотала, словно она уже его жена.

— Ялиса? — удивляюсь я. Эту цессяночку я помню, она тоже была в числе одобренных. — Ты, наверное, ошибся. Может, Уграна?

Леянин отрицательно качает головой, и я потрясенно пытаюсь сообразить, что же произошло.

Ну, Атиус! Ну, махинатор! Лишь изображал, что ему все равно, кто будет невестой! Сказал про одну, чтобы меня напугать и наказать за строптивость, а позвал совсем другую. О себе думал в первую очередь! И пользовался тем, что я не видела, ни кому он отправляет сообщение, ни с кем станет танцевать в соседней комнате. Узнала бы только постфактум, а альбинос наверняка бы сказал, что я не ценю его самоотверженности. Типа мог бы выбрать самый худший для меня вариант, но все же пожалел и предпочел нейтральный.

— Что-то не так? — беспокоится Атис, потому что молчание затягивается.

— В моей жизни все пошло не так после гибели родителей, — вздыхаю я. Положив голову ему на плечо, принимаюсь обводить пальцем световой блик, который падает на обтягивающую грудь голубую футболку. — Так что неприятностью больше, неприятностью меньше... Не хочу об этом. — Отталкиваюсь, просительно заглядывая в серые тревожные глаза. — Давай купаться.

Ровно секунду Атис обдумывает мои слова, а дальше...

Хриплый выдох: «Как скажешь, милая». Резкое движение вверх — меня подхватывают на руки. Столь же быстрое скольжение вниз... Я зажмуриваюсь, обнимая леянина за шею, и негромко взвизгиваю. А потом, стирая с лица попавшие на него брызги, смеюсь:

— Ты про одежду забыл! И про Черныша! — спохватываюсь и лишь потом понимаю, что напрасно волнуюсь. Глубина у бортика совсем небольшая — едва выше пояса. Так что опасность утонуть малышу точно не грозит.

— Если мы снимем одежду, тебе придется со мной танцевать немедленно, — строгим голосом предупреждает Атис. — А Черныш... Я просто не знаю, что с ним делать. — Он с очевидной растерянностью опускает голову, чтобы посмотреть на шевелящийся бугорок, подползающий к вороту.

— Малыш любит гулять по бортику, когда я моюсь, — улыбаясь, успокаиваю мужчину. — Уже привык.

В подтверждение моих слов шигузути, добравшись наконец до края футболки, высовывает голову и передние лапки, заинтересованно осматривается и с готовностью перелезает на ладонь, которую я ему подставляю. А затем послушно шагает на теплый пластик, которым покрыт пол, ждет, когда я поглажу его пальцем по голове, и, переливчато курлыкнув, отправляется исследовать новое пространство.

— Какой он у тебя замечательный! Верный, ласковый. И настоящий защитник... — Наблюдая за нашим общением, Атис тоже улыбается. Впрочем, улыбка быстро меркнет, глаза, отражающие огоньки звезд, темнеют, а в интонациях слышится осуждение самого

себя, когда он продолжает: — Прости, что я медлил и ждал, пока ты меня позовешь. Мне нужно было сразу вмешаться. Ты ведь могла пострадать.

— Зря себя упрекаешь. Начни ты действовать раньше, и принц быстро бы догадался о твоих чувствах ко мне. Возможно, тогда у нас вообще не осталось бы шанса быть вместе. — Заниматься самобичеванием я ему не позволяю и меняю тему: — Атис, научи меня плавать. Ты ведь умеешь?

— Конечно, — определенно радуется моей просьбе леянин. — Только обувь все же придется снять.

Смеясь и помогая друг другу, с этим мы справляемся быстро. Теперь Черныш с недоумением обнюхивает появившееся на его пути препятствие — мои промокшие насквозь спортивные тапочки — и брезгливо трясет лапкой, которой наступил в лужицу. Я же внимательно слушаю инструкции и послушно стараюсь их выполнить. Получается плохо. Это только у бортика мелко, а дальше глубина становится больше, и я хоть и пытаюсь не паниковать, но все равно судорожно цепляюсь за своего тренера, вместо того чтобы расслабиться и довериться его рукам, которые меня поддерживают.

Вот уж не думала, что это окажется так сложно! Мне ведь вода очень нравится! Оказалось, что только до тех пор, пока под моими ногами прочная опора. А как только я ее лишаюсь...

— Ты освоишься, — успокаивает меня Атис. — Это дело привычки. А на Рооотоне негде плавать?

— Искусственных бассейнов нет, — отфыркиваясь и задыхаясь, я все же ухитряюсь ему отвечать. — Озера есть, но сильно заболоченные. А на Ле? — вдруг спохватываюсь, вспомнив ледяной пейзаж. — Откуда у вас понятие «плавать»?

— Льды — это ведь тоже вода, — помогая мне удержаться на поверхности, объясняет леянин. — Периодически через ледяную кору планеты прорываются гейзеры и образуются огромные озера с теплой водой. Потом они медленно замерзают... Держись!

Атис неожиданно меня отпускает и ныряет. Я даже испугаться толком не успеваю, как оказываюсь на его спине и оплетаю шею руками. Он, убедившись, что я держусь крепко, в пару гребков доплывает до прозрачной преграды, где заканчивается вода и начинается пустота космического пространства.

Наверное, мой визг в этот момент Атиса оглушил, но мой мозг не смог по-другому отреагировать на увиденное. И инстинкт самосохранения сработал куда эффективнее, чем разум, который прекрасно знал, что отсюда невозможно вывалиться в открытый космос. К счастью, испытывать мое сердце и нервную систему на прочность леянин не стал и тут же развернулся. В поле зрения оказался небольшой фрагмент борта корабля и та самая площадка, с которой мы стартовали. А через несколько секунд и мы сами к ней вернулись.

— Испугалась? — совершенно искренне озабочился моим состоянием Атис, осторожно расцепляя судорожно сжатые пальцы и снова сгребая меня в охапку, словно доказывая, что бояться нечего и он всегда будет со мной рядом.

— Жутко... — признаюсь я, с опаской оглядываясь на эфемерную границу нашей среды обитания.

— Это от неожиданности. Пять-шесть заплывов сделаешь и освоишься.

— Не-э-э... — Я отрицательно мотаю головой. — Хоть двадцать. Хоть даже... даже сто раз! К такому невозможно привыкнуть.

— Напрасно ты так думаешь, — философским тоном замечает леянин. — Наша психика удивительно пластична. Она способна адаптироваться к любым жизненным трудностям, принимать то, что на первый взгляд неприемлемо, и находить решение в таких ситуациях, которые кажутся совершенно безвыходными. Разве не так? Прислушайся к себе.

Я послушно замираю, с невероятной отчетливостью начиная воспринимать все, что меня

окружает. Пляшущие световые блики на стене. Ласкающие, накатывающие волны потревоженной воды. Тихие всплески и звуки падающих с моих волос капель. Медленное движение насыщенного влагой воздуха, охлаждающего кожу. Необычный запах — легкий, свежий, прохладный, которым пахнут волосы и одежда мужчины. Его тяжелое дыхание. Соприкосновение наших тел, старающихся удержаться рядом...

Впрочем, Атис же не только настоящий момент имеет в виду, но и мое прошлое. Мрачное, давящее, граничащее с безысходностью, которое с каждым мгновением становится для меня все менее важным.

Ловлю взгляд, скользящий по лицу, губам, шее. Внимательный, ожидающий и все же показывающий, как сложно ему удерживаться и не переступить тонкую грань приличий. Потому и будоражащий ничуть не меньше, чем физический контакт с тем, ради кого я готова забыть обо всех своих страхах. Кроме одного — потерять своего любимого.

— Что нам делать, Атис? — с тревогой спрашиваю, осознав, что именно меня больше всего сейчас беспокоит. — Ты ведь не можешь со мной танцевать, пока я не стану свободной. Я люблю тебя, но по закону все еще связана с ли'Тоном. А он не захочет меня отпустить, не захочет терять власть над империей, к которой теперь так близок. Пожениться тайно, убежать и жить там, где нас никто не найдет, мы с тобой не можем. Это не выход.

— Не волнуйся. — Атис мягко притягивает мою голову к себе и касается губами виска. — Я тебя ему не отдам. Чтобы все уладить, нам придется вернуться на Цесс, но улетишь ты оттуда уже свободной и станешь моей женой. Верь мне.

Я верю. Верю. Но опасения все равно не исчезают, хоть я стараюсь их скрыть и жить, наслаждаясь теми чувствами и ощущениями, которые доступны мне сейчас. Силой мужских рук, помогающих мне выбраться из воды. Тихим смехом Атиса, когда я интересуюсь, как же теперь добраться до каюты, если мы в мокрой одежде. Теплым полотенцем, в которое он меня укутывает прямо поверх костюма. Возмущением шигузути, оказавшегося под душем из капель на моем плече. И близостью мужчины, который с легкостью и уверенностью несет меня по коридору, оставляя за собой мокрые следы, а потом, поставив на ноги в ванном отсеке каюты и прошептав «люблю тебя, милая», исчезает за дверью.

Я же, вспоминая такой насыщенный событиями день, избавляюсь от мокрой одежды, высушиваю волосы и переодеваюсь. Вернее, закутываюсь в мужской пушистый халат, потому что платье надевать на ночь глядя смысла нет. А потом отправляюсь в столовую. Неторопливо ужинаю в компании Черныша, поглядывая на дверь и ожидая, что Атис все же не выдержит и к нам присоединится. Однако терпения ему не занимать. С другой стороны, чему я удивляюсь? Он же влюбленный мужчина и потому будет избегать провокационных ситуаций до свадьбы.

В итоге, сытая и уставшая, я падаю в уютные объятия мягкой кровати, покрытой все тем же пушистым материалом, который так часто встречается на леянском корабле. Некоторое время бездумно рассматриваю необычный дизайн потолка, завешенного бледно-голубыми воздушными, колыхающимися тканями, скрывающими медленно гаснущие светильники. Наконец закрываю глаза, прислушиваясь к тихому звуку, похожему не то на свист ветра, не то на шум листьев, и засыпаю мгновенно. А еще сплю, похоже, совсем без сновидений, потому что, когда открываю глаза, понимаю, что ночью меня ничто не тревожило. Вот что значит физкульттерапия! Метод Атиса оказался на удивление разумным и результативным.

Однако, как выяснилось утром, имеются у него и побочные эффекты.

— Дихол, — раздраженно шиплю, когда понимаю, что привести в порядок волосы, которые я перед сном не расплела, потому что были сырыми, — занятие не из легких. Обычно я их расчесываю до ванны, а вчера ведь они намокли вынужденно, вот я и решила их не трогать.

Сердито дергаю запутавшиеся пряди и со стоном роняю голову на столик, за которым сижу. Все. Длинные волосы — это, конечно, красиво, но практичности, особенно в экстремальных обстоятельствах, ноль. Может, обрезать?

— Я помогу, — спасает их от неприглядной участи приятный мужской голос, от которого мурашки по коже, дыхание сбивается и сердце бьется часто-часто.

— Атис! — Я невольно разворачиваюсь к нему.

— Т-ш-ш... — Удержав меня за плечи, он забирает из моих рук расческу и просит: — Сиди ровно.

И я сижу, наслаждаясь спокойными, ласкающими прикосновениями и не сводя глаз с отражения леянина в зеркале. Такого красивого. Статного. С идеальной укладкой. С уверенным, спокойным взглядом. Одетого в светло-серые брюки и белоснежную рубашку с закатанными до локтя рукавами, ниже которых смуглая кожа. А под рубашкой в том же размеренном ритме, в котором он расчесывает мои волосы, перекачиваются мускулы. По этим рукам так и хочется пройти ладонями, погладить... Мм... Ах, если бы не формальности! Как же хочется, чтобы побыстрее все закончилось! То есть началось...

— Через два часа мы войдем в систему Бокуса, — наверняка заметив мое нетерпение, сообщает Атис. — Через три будем на орбите Цесса. Запросим посадку на наших ботах.

— А если они откажут? — пугаюсь я.

— Тогда королю Цесса придется лететь сюда. — Атис мне подмигивает и улыбается, стараясь придать уверенности. — Ничего не бойся, ты все время будешь со мной. Тебе одну косу заплести или несколько?

Он настолько удивляет меня неожиданным вопросом, что я даже теряюсь и растерянно хлопаю ресницами.

— Э-э... А ты умеешь?

— У меня пять сестер, — напоминает леянин. — Научился.

Ох, еще как научился! Через полчаса я люблюсь весьма оригинальным плетением из десяти косичек, как-то сложно скрепленных между собой. Атис тоже выглядит довольным.

— У тебя изумительные волосы. Очень мягкие и послушные, — делает мне комплимент, поглаживая свое творение, словно ему не хочется с ним расставаться. А потом еще и склоняется ко мне, целуя в шею.

Я ахаю, и мои руки невольно вскидываются вверх, зарываясь в густую массу его волос, плотных и коротких, но для меня ничуть не менее притягательных. В ответ получаю еще два кратких поцелуя, жаркие объятия и... И он подхватывает меня на руки, чтобы отнести в рубку управления. А на мое робкое предложение пройти самостоятельно лишь отрицательно качает головой.

Да я и не настаиваю. Его забота мне приятна даже вот в такой гипертрофированной форме, потому что я тоже хочу именно этого — быть к любимому как можно ближе. И оказавшись в кресле так далеко от него, разговаривающего с капитаном и своим помощником-военным, я с каждой минутой все острее это чувствую. Так хочется подойти к леянину, обнять, снова почувствовать ту уверенность и нежность, которую он мне дарит.

Однако порывы приходится сдерживать. Компенсируя отсутствие рядом Атиса, играть с Чернышом, смотреть на обзорный экран, где медленно, но неуклонно увеличивается в размерах бело-зеленая планета, покрытая бледно-желтыми пятнами, и ждать, все чаще обращаясь мыслями к предстоящему. И прошлому. Ведь только оно способно повлиять на мое будущее. Парадоксально, но это так. Цепочка событий, ведущая к желаемому результату, не только каждое звено которой имеет свое значение, но и их последовательность. Будь она иной — и итог оказался бы другим.

Не загорись Джаграс страстью к той, которая не могла ответить ему взаимностью, — я имела бы выбор.

Не родись в душе Орлей ревности и ненависти к моей прабабушке — не получила бы я предложения стать фавориткой.

Не будь Атиус сыном, у которого уважение к матери сильнее страха перед гневом отца, — и я бы уже давно была его женой.

Не прояви алчности милбарцы — мы бы никогда не узнали, кто на самом деле виновен в гибели императора.

И все же жаль... Жаль, что в этой цепочке нет звена, которое доказывало бы вмешательство и шантаж со стороны цессян. Это было бы самое простое и весомое основание, чтобы признать мой статус недействительным. И я не понимаю, на что будет делать ставку Атис.

Как же долго! Я считала секунды до приземления, а они все не заканчивались. Потом с той же неторопливостью тянулись минуты ожидания транспортника, который должен был отвезти во дворец и нас и груз — те самые материалы для более эффективной работы капсулы стабилизации. Затем под нашими ногами, то есть дном не слишком торопливого средства передвижения, вилась бесконечная пыльная дорога...

И все же любое ожидание когда-нибудь заканчивается, сменяясь активностью — действиями и их последствиями.

— Атис Алиин ат'Шон! Я рад вашему возвращению, — доброжелательно приветствует спускающуюся с транспортника делегацию вышедший навстречу король. На равных приветствует, без налета превосходства или заигрывания. И даже руку протягивает, чтобы обменяться с леянином касаниями, означающими дружеское расположение и готовность к общению.

— Дэйль Монг ли'Тон, — учтиво откликается Атис, который первым спрыгнул на каменное покрытие площади перед дворцом. — Как здоровье вашего сына?

— Лучше, намного лучше. Благодаря вам, — улыбается король. — Стазис, даже слабый по интенсивности, тем не менее помогает его организму справиться с ядом. Теперь же я надеюсь на скорое и полное выздоровление.

Он отвлекается, чтобы взмахом руки поторопить рабочих, начавших выгрузку, а когда поворачивается обратно, его глаза изумленно округляются. В ошеломленном молчании король наблюдает, как Атис помогает мне спуститься вниз.

— Дейлина, — изумленно произносит ли'Тон. — Но... Я ведь утром с тобой говорил. Как же...

Он в полной растерянности переводит взгляд на моего спутника, который, лишь усиливая его недоумение, притягивает меня к себе ближе, обнимая за талию.

— Я полагаю, что вы не с ней общались, а с ее компаньонкой, — мягко замечает Атис. — Позвольте нам все объяснить. Здесь? Или...

Монт спохватывается, кивает, ждет, когда я скользну пальцами по его ладони, и приглашающим жестом просит нас следовать за собой. Вот только если я медлю, то есть иду с опаской, потому что больше всего боюсь попасть в какую-нибудь ловушку, то леянин шагает уверенно, ничуть не страшась ни предстоящего разговора, ни того обстоятельства, что вся его охрана осталась внизу.

Однако не только у него выдержка и самообладание на высоте. Король Цесса тоже ведет себя вполне корректно и вопросов больше не задает. Лишь когда мы оказываемся в его кабинете и усаживаемся в кресла, позволяет себе заговорить:

— Что за игру вы затеяли, ат'Шон?

В голосе пусть скрытое, но все же возмущение. И взгляд, которым он одаряет меня, тоже не светится одобрением. Вот только обвинить меня Атис ему не позволяет.

— Боюсь, что начал ее вовсе не я.

Он скользит пальцами по коммуникатору, активируя какую-то программу, и по

помещению разносится знакомый язвительно-трагический голос:

— Цессяне гнусно решили захватить власть, уничтожив императора, и, чтобы отвести от себя подозрение, вынудили меня быть посредником в своих переговорах с пиратами...

— Это ложь! — Бледное лицо Монта багровеет, и он вскакивает со своего места, опираясь ладонями о столешницу. — Где этот... этот... — задыхается от негодования, не находя подходящих слов. — Я его удавлю собственными руками!

Его кулаки сжимаются, сминая лежащие на столе листы бумаги, а затем их скручивая, словно цессянин уже чувствует под своими пальцами шею иперианина.

— Успокойтесь, ли'Тон, — спокойно реагирует на это Атис. — Истинное положение дел мне известно. Никто не собирается вас обвинять, в противном случае эта запись уже давно была бы обнародована. Что касается Джаграса Гун он'Ласта, то он будет находиться под арестом на моем корабле до судебного разбирательства.

— Зачем же... — непонимающе встряхивает беловолосой головой альбинос, опускаясь обратно на сиденье.

— Хотел убедиться в том, что вы цените справедливость в той же степени, в которой отстаиваете свою невиновность.

— Говорите. — Монт прищуривается, откидываясь на спинку кресла.

— Джаграс сделал все, чтобы Дейлина приняла предложение вашего сына, не имея иного выбора. Думаю, что вы об этом догадывались, но посчитали несущественным, потому что наследница была свободной.

— Допустим, — уходит от прямого ответа король. На мгновение его глаза находят меня и вновь возвращаются к леянину.

Взгляд холодный, неприятный, осуждающий. Видимо, король уже понял, к чему ведет его оппонент, и моя роль в этом ему не нравится. Я невольно ежусь, а в душе вновь рождаются опасения, которые уже почти исчезли. И тут же чувствую уверенное, успокаивающее пожатие, потому что Атис накрыл мои судорожно сжатые ладони своей рукой, продолжая разговор с цессянином.

— Как видите, сейчас ситуация в корне иная. Сомнительно, чтобы принц своевременно информировал вас обо всех нюансах отношений, которые были между ним и Дейлиной, но о том, что влечения к нему у девушки нет, вы все же в итоге узнали. Так что вас не должно удивлять, что между нами возникли взаимные чувства.

— Я вижу, что вы, ат'Шон, ловко воспользовались тем стечением обстоятельств, о которых вам стало известно, — презрительно кривит губы Монт. — И наглядно продемонстрировали поведение, недостойное вашего королевского статуса. Вы спровоцировали влечение у девушки, прав на которую у вас нет.

— Мне казалось, вы прозорливее, ли'Тон, — возвращает ему упрек леянин. — И умеете делать правильные выводы.

— И в чем же я ошибся? — Белые брови поднимаются с явной издевкой. — В том, что вы нашли способ прибрать империю к рукам, соблазнив наследницу и рассчитывая на свадьбу с ней после того, как Атиус откажется от нее как от фаворитки? Так это очевидно.

— Очевидно ровно в той же степени, в которой вы причастны к гибели Ит Мун ро'Лона и его жены, — холодно отчеканивает Атис.

— Хорошо. — Монт поднимает руки, демонстрируя, что аналогию понял и готов пойти на уступки. — Допускаю, что вы действовали, не имея умысла. Верю, что удачно для вас сложились обстоятельства. Однако Дейлина — фаворитка моего сына. Надеюсь, вы не станете отрицать того, что, вступая с ней в личные отношения, вы, пусть невольно, — он снова умышленно делает оговорку, — но нарушили закон?

— До момента приглашения на второй свадебный танец либо отказа от такового в

случае, если данный отказ объявлен любовником официально или сам танец становится невозможным по факту отсутствия возможности его провести, фаворитка остается свободна в определении личных предпочтений. Об изменении уровня либо объекта влечения она обязана сообщить своему любовнику, чтобы тот принял правильное решение о рациональности второго танца, — явно цитирует статью леянин. — Так что закон нарушил не я, а ваш сын. Или вы до сих пор считаете, что последний инцидент, который произошел с Атиусом, — несчастный случай?

— Объяснитесь.

Король хмурится, сцепляя пальцы в замок, а я начинаю понимать, что невозможность отказаться от любовника, о которой все мне говорили, вовсе не означала, что я не имела права просить Атиуса или даже настаивать на том, чтобы он отказался от меня сам. То есть запрет на отказ — всего лишь способ пощадить гордость и самолюбие мужчины, не сумевшего удержать на должном уровне влечение к себе у девушки. А такое явление не редкость, если сексуальному контакту не предшествует танец, ведь в этом случае привязка неизбежно начинает угасать. В общем, мужчине нужно быть очень-очень хорошим, заботливым и постоянным любовником, чтобы сохранить верность своей партнерши. И этот самый запрет на огласку нужен лишь для того, чтобы другие не знали истинного положения дел и считали, что мужчина просто избавляется от надоевшей ему фаворитки, делая это по собственной инициативе.

Вот ведь как однобоко могут иногда трактоваться законы...

— В тот день Атиус Рэль ли'Тон, вероятно думая исключительно об интересах империи и заботясь о том, что ей необходим император, не прислушался к словам Дейлины, которая свое мнение ему сообщила. Забыв о недопустимости применения силы, принц в грубой форме вынуждал девушку с ним танцевать. По этой причине он и был укушен шигузути, а наследница обратилась ко мне за помощью.

С неприятным скрежетом ножки резного кресла, в котором сидел Монт, прокатываются по полу, когда альбинос резко встает и, оттолкнув мешающий ему предмет мебели, уходит к оконному проему. Лучи закатного Бокуса, уже не слепящие, искаженные атмосферой, окрашивают его белоснежный костюм в желтые и зеленые оттенки. Король долго стоит молча, сложив руки на груди, глядя на городской пейзаж, которым и я любовалась, когда впервые попала в этот кабинет.

Мне сложно представить, о чем именно цессянин думает. Возможно, вспоминает свое прошлое, подробности которого мне так и не удалось узнать. Или же выстраивает новый план, чтобы вернуть себе утраченные позиции и отнять меня у удачливого соперника сына. Да я в общем-то и не пытаюсь постичь суть его размышлений, просто пользуюсь маленькой передышкой, чтобы улыбнуться Атиусу и показать, что я его люблю и ему доверяю.

Наконец король поворачивается к нам.

— Дейлина?

На меня испытующе смотрят бледно-сиреневые глаза, требуя подтверждения или же опровержения обвинений. И я альбиноса не разочаровываю.

— Атиус сказал, что это была ваша идея принудительного танца.

— Неофициального! — рычит Монт, хватаясь за голову и падая на диван, который, к счастью, в этот момент оказывается у него за спиной. — Тайного танца без свидетелей, а не принудительного! Я надеялся, что у него хватит ума и обаяния тебя уговорить, убедить, чтобы ты, даже не имея привязки, согласилась на это добровольно... Что же в этом было сложного? Дихол! Я думал, сын не повторит моих ошибок!

Он дергает себя за волосы так сильно, что я пугаюсь. Вырвет ведь от расстройства! К счастью, обходится без повреждений. Король, взяв себя в руки, тяжело вздыхает и говорит усталым, почти бесцветным голосом:

— У меня есть предложение. Раз уж так вышло... Дейлина, умоляю тебя, не злись и не обижайся на моего сына. Да, он повел себя недопустимо. Но я обещаю, что лично буду

контролировать, чтобы в дальнейшем Атиус вел себя достойно и в первую очередь учитывал все твои интересы и пожелания... Вы ведь привязку не сбили, как я понимаю. — Он исподлобья буравит взглядом Атиса. — Я прошу вас это сделать и определить, какую компенсацию от нас желаете получить. Вы же прекрасно сознаете, что в противном случае вас станут считать корыстным и хитрым типом, пожелавшим захватить власть. И это неизбежно отразится на правах Ле как планеты, входящей в состав империи.

Напряжение и возмущение леянина после этих слов становится настолько очевидным, что мне кажется, он, невзирая на последствия, не сдержится и Цесс лишится своего короля. Но все же лицо Атиса остается непроницаемым, поза непринужденной, и отвечает он спокойно:

— Я готов закрыть глаза на нанесенное мне и наследнице оскорбление, потому что понимаю, какие причины подтолкнули вас к этому. Я искренне и всем сердцем люблю Дейлину. И бесконечно счастлив, что она не только обратилась ко мне за помощью в трудной для себя ситуации, но и ответила взаимностью на мои чувства. Если бы можно было сказать «заберите власть себе, только от девочки отстаньте», я бы так и сказал. К сожалению, это невозможно. Мне страшно представить, что станет с империей, если контроль и управление будут в ваших руках.

Изначально ровный, даже мягкий тон приятного мужского голоса постепенно становится все более жестким, резким, и в нем уже слышатся нотки истинных чувств, бушевающих леянина.

— Поэтому у меня есть встречное предложение. Ваш сын добровольно официально откажется от фаворитки и сделает это, не дожидаясь своего свадебного танца. В качестве компенсации, я очень на это надеюсь, его устроит отсутствие обвинений в принуждении. Не будет и межпланетного скандала, который вряд ли упрочит позиции Цесса, аналогично тем, о которых вы упомянули в отношении Ле. Возврат крейсера, столь неосторожно доверенного вами Джаграсу, тоже возможен, но только после проведения соответствующих следственных процедур.

Атис замолкает, а помрачневший Монт принимать предложение не спешит. И встречаться с нами глазами тоже избегает. Определенно он понял, что все его попытки торговаться и шантажировать не только бессмысленны, но еще и опасны, потому что оборачиваются против него самого. Покинув диван, король возвращается в кресло во главе стола, барабанит пальцами по белому гляncу столешницы, хватается за какие-то бумаги и тут же их роняет. Взъерошивает белые волосы и хмуро бросает:

— Для этого нужно время! Атиус в коме.

В отличие от цессянина, леянин долго не размышляет, отвечает немедленно:

— Мои помощники сделают все, чтобы капсула стабилизации позволила вашему сыну прийти в себя в кратчайшие сроки. А я и Дейлина будем счастливы гостить в вашем дворце. И мы сами, и мой эскорт, и леянская эскадра, и даже флотилия Ипера, которая присоединилась к нам, чтобы обеспечить конвой преступника, — все будут терпеливо ждать, пока принц не поправится.

— Флот? — Король дергается, торопливо включая настольный экран, и, по всей видимости, принимается отыскивать отчеты по объектам, находящимся на орбите и в самой звездной системе.

Его противник лишь улыбается одними уголками губ, наблюдая за суматошными попытками убедиться в реальности нависшей над Цессом военной угрозы. Я же окончательно успокаиваюсь. Нам ничего не грозит, даже если Монт что-то нехорошее задумал. Атис и тут подстраховался, обеспечив нас полноценной защитой.

Лейянин помогает мне подняться и, не дожидаясь комментариев короля, уводит из кабинета. Всем ясно, что на этом тема беседы исчерпана. Можно не продолжать.

— Не буду я с ним говорить, — приглушенно, но все же различимо возмущается женский

голос. — В конце концов, это твой брат. Вот сама с ним и объясняйся.

— Тебе трудно сказать ему, чтобы не приходил? — негодуяще шипит другой. — Взятась уж замещать Дейлину, так будь добра, делай это со всей ответственностью! Чтобы ей потом не пришлось за тебя краснеть.

— Ха! — изумляется оппонентка. — Это я-то безответственная? Да я... я...

— Ты самая замечательная! — не выдерживаю и полностью раскрываю проем. — Я и не сомневалась, что на тебя можно положиться.

Шагнув внутрь комнаты, тут же оказываюсь в плену тесных объятий бросившихся ко мне подружек. Однако если Лурита радостно взвизгнула, то Файола отреагировала куда менее эмоционально. Определенно ее что-то беспокоило.

— Что случилось? — Взяв за руки девушек, тяну их к дивану, чтобы посадить по разные стороны от себя.

— Эстону сегодня разрешили ходить, — вводит меня в курс рогранка, расправляя темно-фиолетовую гладкую струящуюся ткань юбки. — Поговорить и увидеться с тобой было для него навязчивой идеей все это время. Вот он и рвется сюда. Я с трудом сумела убедить его на пару часов отложить визит, чтобы успеть предупредить Луриту.

Ясно. Планов мне понравиться ее брат не оставил и пользуется тем, что Атиус ему помешать не может.

Атиус. Но не Атис. Уверена, леянин найдет нужные слова, чтобы рогранин все понял правильно и не остался обиженным.

— Ты ему рассказала? — вспоминаю, как повел себя принц, узнав о мнимом сопернике.

— Про изгнание? Нет, — мрачнеет Фай и меняет тему, показывая, насколько прежняя ей неприятна. — А что у тебя произошло?

Мой пересказ событий не так уж и долог. О чем-то я умалчиваю, понимая, что есть вещи, которые не нужно знать даже подругам, о чем-то говорю вскользь, щадя чувства Луриты, которая не сводит с меня глаз, едва речь заходит о Джаграсе.

— Сволочь, — категорично высказывается о любовнике иперианка. Откидываясь на спинку дивана, она переплетает пальцы в замок, складывая руки на ярко-желтой ткани блузки. — Улетел ведь, даже меня не предупредил. Я до последнего не знала, думала, он, как обычно, просто меня избегает.

— Останешься с ним? — осторожно спрашиваю, хоть и надеюсь, что ее влечение уже не должно провоцировать такой сильной тяги, как раньше.

— Не хотелось бы, — радуется меня решением подружка. — Я же тебе говорила, что в постели Джаграс — то еще счастье. А уж про личные качества, которые могли бы эти недостатки компенсировать, и говорить нечего. Жаль, что придется ждать, когда он соизволит от меня отказаться.

— Думаю, с этим не возникнет проблем. — Теперь, узнав истинную трактовку закона, я в этом уже уверена. Дядюшка не захочет, чтобы к обвинениям, которых и без того будет немало, добавили еще одно. — А Эстон отказываться от Виарии не собирается?

Обернувшись к Фай, вижу, как та отрицательно качает головой.

— Это он, только пока болел, видеть ее не желал, а вчера, когда альбиноска вернулась, прекрасно с ней развлекался. Она всю ночь провела в его спальне. А утром он мне сказал, что лучше уж иметь под рукой вот такую готовую на все малышку, чем постоянно думать и искать, с кем сбросить напряжение.

Говорит рогранка ровным голосом, явно сдерживаясь, но и без этого понятно, что позиция брата ее возмущает. Я же из чисто женского любопытства спрашиваю:

— И при этом не оставлял мысли жениться на мне? Или все же в случае свадьбы

отказался бы?

— Сомневаюсь, — отвечает Фай грустно. — Жена, фаворитка... Он считает, одно другому не мешает.

Вот мы и вернулись к тому, с чего начали. То есть к бесперспективности разговора с тем, кто решил дать мне статус жены, получить империю и при этом ничем не поступиться. Правильно Файола давала указания Лурите: просто сказать мужчине, чтобы больше не приходил.

Но все же хорошо, что мне в итоге не пришлось даже этого делать. Вернее, пришлось лишь услышать от Эстона снисходительное «молодец, хороший выбор сделала» на прогулке в оранжерее, а от Атиса получить уверенное рукопожатие и ласковый взгляд. Ясно, что мужчины сами между собой все выяснили, и, честно говоря, у меня нет никакого желания узнавать в подробностях, как это происходило. Для меня важен результат. А он — вот, рядом. Притягательный настолько, что я не могу оторвать от него глаз, даже по сторонам почти не смотрю и красот оранжереи совсем не замечая. Предупредительно провожающий обратно в комнаты и позволяющий остаться наедине с подругами, когда для этого приходит время. Неизменно возвращающийся, едва я начинаю скучать. Искренне заботящийся обо всем, что мне нужно. Такой... такой...

— Дейлина, очнись! — сердится и толкает меня в бок Лурита. — Я все понимаю, ты влюбилась, но я же не могу за тебя решать. Вот это платье брать?

— Ты себя ничуть не лучше вела, — возвращаю я ей упрек и присматриваюсь к наряду, который она сняла с вешалки.

Мы с подружкой решили с пользой распорядиться имеющимся у нас временем и упаковать в контейнеры мои вещи. Все равно ведь наше пребывание на этой планете скоро закончится. Мы и так уже второй день ждем, когда Атиус выйдет из комы.

— Это не нужно, оно белое. Я все местные наряды здесь оставлю. Мои рооотонские складывай, — указываю на ряд темных платьев, которые на Цессе и не носила толком. Не то чтобы все новые платья мне категорически не нравились, есть среди них вполне приличные экземпляры, да и к светлым тонам я уже начала привыкать. Но ведь фактически это подарок принца. Сомневаюсь, что Атису будет приятно видеть меня в них.

Вскоре одна половина гардеробной сиротливо пуста, другая по-прежнему заполнена. Я уже собираюсь закрыть нишу, как слышу недоумевающий возглас:

— А это что такое?

Лурита, шагнув внутрь, вытаскивает из угла, который раньше был завешан платьями, коробку. Я не сразу вспоминаю, что именно в нее положила и почему сюда поставила, а когда соображаю...

— Ну ничего себе! — потрясенно восклицает девушка, рассматривая оказавшийся у нее в руках цветок. Тот самый, который я приняла от Атиуса на церемонии.

Удивительно, но за это время он почти не изменился. Лишь засохли зеленые листочки, а сама масса белых лепестков до сих пор сохраняет внешний вид, разве что стала немного менее сочной. Видимо, устойчивое к увяданию растение, не зря именно его цветы дарят фавориткам.

— Что с ним делать? — деловито интересуется Лурита.

— А ты что сделала со своим? — переадресую я вопрос.

— Ничего особенного, он так и стоит в вазе. Правда, с водой.

— А ты ни у кого не спрашивала об этой традиции? Я просто понять не могу, почему Атиус просил не оставлять цветок на Рооотоне.

— Я не спрашивала, но видела, как Марида... Помнишь фаворитку Кераса? У которой сестра-близняшка? Вот она этот цветок везде с собой таскала. Хвасталась. Для нее это

как подтверждение достигнутого. Стать фавориткой на Цессе не менее престижно, чем женой. Может, альбинос думал, что ты тоже так будешь делать? Мужчины в этом смысле очень тщеславны. Наверняка, оставь ты цветок, потом на Атиуса смотрели бы с пренебрежением. Ну типа вот насколько ты нужен своей любовнице, что она подаренный тобой цветок, который все равно увянет, даже временно хранить не хочет. А так вроде придаться не к чему.

— Видимо, ты права, — соглашаюсь я, не найдя в ее выводах противоречий.

— И как с ним поступить? Выбрасывать?

— Положи обратно. Я сначала посоветуюсь с Атисом. Не хочется, не зная каких-то нюансов, попасть в новые неприятности.

Вечером, когда он, как обычно, зашел пожелать мне хороших снов, я именно так и сделала. Леянин меня выслушал и успокоил:

— Насколько мне известно, цветок имеет значение исключительно для первой церемонии, дальше в описаниях традиций нигде не фигурирует. Но Лурита права, негласное символическое значение тоже возможно. В любом случае оставлять его на Цессе не стоит, чтобы не давать повода для пересудов. Я заберу.

В общем, коробку он унес, избавив меня от еще одной головной боли. Больше я этого цветка никогда не видела, и разговоров о нем Атис не начинал. Наверное, все же утилизировал тихонько, я допытываться не стала. А вот Лурита свой цветок в тот же день демонстративно выбросила, и я потом видела не один осуждающий взгляд, направленный в ее сторону.

Впрочем, через сутки этот вопрос ни меня, ни ее, ни кого-либо другого уже не волновал, потому что все заслонила новость: принц ли"Тон вышел из комы.

Я напросилась на посещение медицинского центра в момент извлечения пациента из капсулы. Уговорила Атиса взять меня с собой. Отказать мне леянин не смог, хоть и пытался переубедить. Возможно, он был прав и мне совершенно незачем было присутствовать при этом фарсе, но я ни за что не желала пропустить уникальное зрелище. Очень уж мне хотелось собственными глазами увидеть, как «обрадуется» любовничек известию, что ему уготовано стать бывшим.

О своей настойчивости я не пожалела. Спектакль оказался выше всяких похвал. Достойно выглядело все: и антураж, и зрители, и действующие лица, и реплики, определенно не отрепетированные, а потому весьма занимательные.

Стерильная чистота помещения, наполненного светом, свежим воздухом и запахом медикаментов. Отодвинутое к белым стенам медицинское оборудование, выключенное, забытое, с темными дисплеями, словно расписавшееся в своем бессилии. Триумфально занимающее центральную часть палаты, сияющее зеркальным блеском каплевидное устройство, раза в полтора длиннее, чем тело империанина.

Два леянина в насыщенно-голубых комбинезонах, неторопливо выключающие систему, открепляющие подводящие трубки и вынимающие из гнезд провода. Еще два врача-цессянина в белом облачении, за ними наблюдающие, но замершие чуть поодаль, чтобы не мешать. Другой медперсонал, не допущенный в палату, с любопытством созерцающий происходящее, оставаясь за прозрачной перегородкой.

Одетый в довольно мрачный по цессянским меркам строгий бежевый костюм без декоративной отделки король Цесса, сидящий в специально принесенном сюда кресле и нетерпеливо постукивающий по полу ботинком. Прислонившийся к стене Атис в привычных для него серых брюках, белой рубашке и жилете, отороченном меховой опушкой, — теперь я знала, как называется эта пушистая ткань. Ну и я, разумеется, в вызывающем черном платье в пол и со столь же демонстративно сидящим у меня на плече шигузути, который почему-то именно сегодня наотрез отказался прятаться в одежде. Мало того, еще и постоянно перепрыгивал с моего плеча на плечо леянина, словно решить не мог, с какого ракурса смотреть удобнее.

Наконец, самый главный персонаж, на которого в этот момент направлено

исключительно пристальное внимание. Пока еще темный, мутный силуэт, шевелящийся за стенками капсулы в ожидании своего освобождения. И со вздохом облегчения принимающий положение сидя, едва крышка лопается поверху и уходит в боковые стенки устройства.

— Уф-ф... Наконец-то! — Он растирает ладонями голые плечи и поводит шеей, разминая затекшие мышцы. — В прошлый раз как-то легче было. Сколько?..

Вопрос замирает на губах, когда Атиус понимает, что кроме бросившихся к нему врачей здесь присутствуют и другие. Впрочем, увидев картину в целом, мелочей он пока не замечает, а потому лишь удивленно молчит, не зная, что сказать.

— Шесть дней, — не слишком довольным тоном ставит его в известность король.

— Ясно, — все же находит в себе силы ответить Атиус.

На несколько секунд мы теряем его из виду, потому что врачи заслоняют пациента, надевая на него халат и помогая выбраться из капсулы. То есть сесть на ее край, потому что вставать на ноги ему еще точно рано.

— Дейлина... — К чести альбиноса, перво-наперво он решает извиниться передо мной. Видимо, прекрасно помнит причину, по которой в капсуле оказался. — Я вел себя недопустимо. Прости. Надеюсь, наказание, которое я получил за самоуверенность, кажется тебе достаточным. Если нет, то я, несмотря на то, что ты фаворитка, а не жена, готов понести другое. Все, что ты скажешь. — Он демонстративно печально вздыхает, с показной обреченностью принимая неизбежность.

Придумывать, что сказать в ответ, мне не приходится. Атис реагирует быстрее:

— Принц ли'Тон, степень вашего пристального внимания к статусу Дейлины впечатляет. Безусловно, большая честь — быть любовником наследницы Рооотона. Надеюсь, что это не единственная причина для гордости, и вы ничего не потеряете, если от нее откажетесь.

— Откажусь?

Атиус хмурится, а вот глазки бегают, отыскивая отца в поисках поддержки. По вполне понятным причинам не находят. Вернее, обнаруживают перекошенное гримасой лицо и испуганно округляются.

— Атис Алиин ат'Шон, могу я попросить вас об услуге? — цедит сквозь зубы король Цесса, испепеляя сына взглядом.

— Какой именно? — спокойно спрашивает леянин.

— Не демонтируйте капсулу стабилизации, — негромко, но внятно доносит до него свою просьбу цессянин, сжимая кулаки. — И уведите, пожалуйста, девушку. Не думаю, что дальнейшее ей понравится.

— Дэйль Монт ли'Тон, мне не хотелось бы задерживаться на Цессе, поэтому ваши намерения кажутся мне нерациональными и несвоевременными. Капсулу я оставлю, но очень рассчитываю не знать, как именно вы ею распорядитесь. Дейлина, несомненно, увидела и услышала достаточно. Она уйдет, а я останусь. Прослежу за сохранностью... оборудования.

— Да что происходит? — растерянно бормочет принц.

Именно в этот момент Черныш решает, что с моего плеча ему обзора недостаточно. Он перепрыгивает на леянина, и если на моем черном платье малыш был совсем незаметен, то на серо-голубом жилете Атиса... Вот-вот, виден он более чем прекрасно.

Атиус нервно вздрагивает, теряя дар речи, а Атис еще больше усиливает его потрясение, склоняясь ко мне. Целует в лоб и осторожно подталкивает к выходу.

— Я присмотрю за Чернышом, не волнуйся, — тихо шепчет и раскрывает проем.

Я с ним не спору. Послушно выскальзываю за дверь под надзор дежурящей у входа Луриды. С ней же усаживаюсь за стеклянной стеной оранжереи, которая находится как раз напротив входа в медцентр. Заниматься нам все равно нечем, а мне любопытно, когда же семейные разборки закончатся. То есть как долго король будет вразумлять своего сына под бдительным оком лелянина. Ясно, почему Агис остался, — не хочется долго ждать церемонии официального отказа, а она неизбежно отложится, если Монт будет пользоваться не только словами.

С полчаса мы сидим, болтая ни о чем. В итоге наше терпение вознаграждается. Проем раскрывается, из него стремглав вылетает взбешенный король и бросается к лестнице, ведущей на третий этаж. Причем не к ближайшей лестнице, а к той, которая намного дальше, зато ведет напрямую к апартаментам королевской четы. В комнаты Орлей, в общем.

Я вовремя припоминаю, что рядом с ними есть изумительное местечко, наличие которого мне так неосторожно продемонстрировал Агис. Можно даже не сомневаться, что мы с Луридой заговорщически переглядываемся и... отправляемся напрямик туда.

— Стоп! — Я оперативно хватаю за руку иперианку, заставляя развернуться ко мне, и приседаю, принимаясь поправлять шнуровку туфельки.

Вот ведь невезение! Едва я собралась открыть скрытую декоративными накладками на стене дверь, как тут же в коридоре появились свидетели. Хорошо хоть заметила я их своевременно.

— Вам помочь, Дейлина? — интересуется, останавливаясь рядом со мной, экс-королева Виона.

— Нет, спасибо. Просто лента развязалась.

Мне ничего не остается, кроме как мило улыбаться в ожидании, когда нежданная собеседница соизволит продолжить свой путь. Увы, у вионки другие планы.

— Я третий день пытаюсь с вами встретиться, и не получается. Каждый раз что-то мешает. — Словно почувствовав мое нетерпение, она извиняется, но откладывать разговор, видимо, не хочет. — Возможно, у вас сейчас найдется пара минут?

— Разумеется, — не раздумывая откликаюсь я, поднимаясь и шагая ей навстречу.

Хоть и стремится моя душа к заветной дверце, а отказывать Лале я не могу. Ведь именно благодаря ей в моей жизни так много изменилось! Да и Агиса к расследованию я привлекла только после беседы с ней.

— Я бы не торопилась с разговором, но, боюсь, у меня скоро просто не останется такой возможности. Вам вряд ли сообщили, оно и понятно, это не самая важная информация... У меня родился внук. И мне бы очень хотелось увидеть его именно таким — крошечным, очаровательным карапузиком. Он с каждым днем будет меняться, расти, я боюсь упустить эти чудесные мгновения!

Она нежно и искренне улыбается, говоря об этом, а мне становится и радостно и грустно. Лала замечательная женщина, так не хочется с ней расставаться!

— Вы улетаете с Цесса, — со вздохом говорю я.

— Да, сегодня. Я в общем-то и искала вас, чтобы попрощаться и извиниться, что не смогу дожидаться свадебной церемонии. Хотя...

Она бросает беглый взгляд на Луриду, и та немедленно отступает еще на пару шагов, так же, как это чуть раньше сделали две сопровождающие вионку женщины. А экс-королева, деликатно взяв меня под руку, склоняется ближе и приглушает голос:

— Честно говоря, я даже рада, что есть повод улететь. Я бы определенно получила лишь отрицательные впечатления от церемонии. Мне очень не по душе новый семейный институт, навязанный Цессом, и статус, который вас вынудил принять принц ли"Тон.

Видеть, как вы будете танцевать второй... Это выше моих сил. Понятно, что так вышло, и теперь делать нечего, однако я хотела, чтобы вы знали: будущие наследницы не обязаны повторять вашу судьбу. Да, вам не повезло. Вас увлек не самый порядочный мужчина, сделав всего лишь фавориткой. Однако есть много других империян, готовых все изменить и вернуть на свои места. Увы, не сейчас, но позже — обязательно. Думаю, когда у вас родится малышка, Литт, мой внук, будет еще слишком юн, чтобы понимать всю степень ответственности за будущее империи, и опыта у него будет немного, но вот ваша внучка вполне может составить его счастье. И я уверена, фавориткой он ей стать не предложит. И будет любить вне зависимости от наличия способностей у нее или будущих детей. Так же как — я уверена — любили вас ваши родители. Да и для всех остальных важен в большей степени факт династического брака, а не расовые признаки и сила их проявления.

Говорит она быстро, напористо, на одном дыхании, стараясь меня убедить. Мне никак не удается найти момент, чтобы ее прервать и рассказать, как же на самом деле обстоят дела. И лишь когда Лала останавливается, я получаю эту возможность.

— Скажу вам по секрету... — отступаю с ней еще на шаг дальше от любопытных ушей свиты. — Я не в принца Цесса влюблена, а в короля Ле. И стану его женой, когда принц от меня откажется.

— А он откажется? — со смешанным чувством недоверия и изумления спрашивает экс-королева.

Ее опасения понятны, однако, когда я уверенно киваю, в синих глазах появляется облегчение.

— Тогда я за вас спокойна. И очень рада. Ох, как же хорошо... — Она кладет руку на грудь, стянутую темно-синим бархатным корсажем, и искренне улыбается. — Обязательно прилетайте на Вион погостить. Мы будем вам рады... Значит, это к счастью, что вы не попробовали лиглиорас, — неожиданно вспоминает о подаренном Атиусу продукте.

— Почему? — Я заинтересовываюсь, вспомнив, что именно ответ на этот вопрос так и остался для меня загадкой.

— Он влечение тоже стимулирует.

Экс-королева потерянно разводит руками, а я краснею, сообразив, что, съев его, я с высокой степенью вероятности могла бы позволить цессянину стать ближе.

— Извините, я ведь думала, что вы — фаворитка в истинном смысле этого слова, и более страстная ночь... — Она вздыхает сокрушенно, но тут же спохватывается, обещая: — Я обязательно передам упаковку в качестве свадебного подарка. Вам очень понравится эффект! И вашему... мужу, — последнее слово произносит одними губами, совершенно беззвучно, понимая, что для всех это еще тайна.

Лала уходит, сопровождаемая своей свитой, а я все еще смотрю ей вслед. Какая же она в своих суждениях... правильная! И меня поддерживает, и о благе собственной семьи и планеты не забывает. Мудрая женщина. Мне необычайно повезло, что она стала моим другом.

— Дей, — тихо шипит Лурита и толкает меня локтем, напоминая о наших планах. — Больше никого нет!

Я спохватываюсь и дотягиваюсь до декоративного завитка, который служит датчиком срабатывания замка. Через пару секунд мы оказываемся в крошечной тьме, но я помню, где находятся смотровые окошки, поэтому уверенно тяну подружку за собой. Однако даже раньше, чем мы отодвигаем заслонку и приникаем к отверстиям, слышим громкий негодующий рык Монта:

— Ревнивая дорада!

И ответ не менее возмущенный, но обиженный:

— Моя ревность к Лиле вовсе ни при чем. Я уже давно забыла о твоём юношеском

увлечении. Но эта девчонка недостойна быть королевой Цесса!

— Много ты понимаешь в политике!

Я приникаю к окошку как раз вовремя, чтобы увидеть, как король потрясенно закатывает глаза к потолку. Стоит он, уперев руки в боки, перед сидящей на диване Орлеей. В белоснежном воздушном платье, она почти сливается со спинкой, в которую вжалась, однако ее испуг вовсе не уменьшает решительного настроя не сдавать позиций.

— Да уж не меньше тебя! Мой отец завещал сохранять чистоту династии! И он бы не допустил того, что попытался повернуть ты! Это же уму непостижимо — меланистка-королева! Да еще и дети, которые родятся без способностей. Ты решил разрушить будущее своего сына?

— По-моему, возможность управлять империей — достойная компенсация. Цесс мог бы получить огромную выгоду. Мы законным путем сделали бы Зогг с его невероятными запасами ултриза своей колонией. Теперь же придется довольствоваться подачками, и то, если их одобрит император. А Атиус... Не вижу проблем в том, что на нем династия бы прервалась. Я не столь амбициозен. Сын твоего покойного брата с удовольствием примет титул короля.

— Не позволю! — шипит Орлея. — Отдать власть Риграну? Ты забыл, с каким трудом удалось его отстранить от наследования, чтобы ты мог стать королем? Забыл, что для этого мне пришлось...

Она задыхается от негодования, но фразу, увы, не договаривает. Мне остается лишь догадываться, что не слишком хороший поступок совершила королева, которая теперь трагически всхлипывает и закрывает лицо руками.

— Я все делала ради тебя! А ты... ты...

— А я тебе говорил, что не нужно так рисковать. — Монт неожиданно успокаивается, из его голоса исчезают раздраженные нотки. Он даже садится рядом с женой и обнимает ее за плечи, притягивая к себе. — Меня бы вполне устроила должность министра. В определенном смысле она давала бы мне даже больше свободы действий. Тайная власть, она, знаешь ли, куда более удобна — твои поступки не на виду, а за принятые решения несут ответственность другие. Так что старалась ты ради себя.

— Неблагодарный! — взвизгивает королева, отталкивая мужа. Вот только он ее руки перехватывает, к себе снова прижимает и говорит примирительно:

— Какой есть... Ну что ты злишься? Все ведь по-твоему вышло. Мальчик станет королем, женится на Ялисе, она показывала мне сообщение — он ее выбрал. Будет у тебя достойное продолжение династии...

Орлея поднимает к нему заплаканное лицо и... В общем, дальше я уже не смотрю. Тактично задвигаю заслонку и толкаю в бок Луриту, чтобы тоже перестала любоваться, как королевская чета Цесса целуется.

Подружка именно это и делает, а потом молча выразительно разводит руками. Понятно, что Монт жену любит и наказывать не станет. Ну поскандалил, ну высказался, ну сбросил негатив... На этом все. Даже если король, когда на Орлее женился, и не был в нее влюблен, то по прошествии стольких лет чувства развились в полной мере. И ему с ними приходится считаться.

— На выход, — шепотом приказываю, шагая к двери. К счастью, это только с внешней стороны она замаскирована, а изнутри кладовой прекрасно видна.

— Куда идти-то? — тихо возмущается у меня за спиной иперианка. — Дихол! — сдавленно шипит.

Оборачиваюсь и с удивлением вижу, как Лурита словно слепая водит руками впереди себя. Ощупью она огибает оказавшийся на ее пути контейнер и осторожно переступает ногами, чтобы снова не споткнуться. Что это с ней?

— Ты в порядке? — Я спешно бросаюсь к девушке и подхватываю под руку.

— Как ты тут ориентируешься? Может, свет какой включить?

— Так ведь светло... — говорю я и осекаюсь, потому что только теперь понимаю: светильники не горят.

Да и я не касалась датчиков. К тому же вижу чуть иначе, не так, как обычно. Цвета почти не различаю, лишь коричневые оттенки немного, а так, можно сказать, практически черно-белая картинка. Зато вполне отчетливая. Зеленые волосы Луриты, как и желто-зеленое платье, сейчас видятся в разных оттенках серого, а кожа осталась телесного цвета, который ей свойствен изначально. Помещение тоже не отличается яркостью красок, а вот четкость линий и границ предметов, пожалуй, даже выше, чем на свету, словно каждый имеет контрастную обводку.

Ой... Это что? Рооотонская способность видеть в темноте? Та самая, которая была у моего отца и которую мне пообещали цессяньские боги? Мне становится страшно. А вдруг я теперь и на свету вот так же буду видеть? Бесцветно! Это же кошмар!

Торопливо утаскиваю подружку к выходу. Наружу выскакиваю, даже забыв осмотреться и убедиться, что в коридоре нет свидетелей. К счастью, желающих прогуляться именно по этому коридору не нашлось, а я с облегчением выдыхаю... Фух! Порядок. Нормально я вижу. Ложная тревога.

— Что случилось? — тревожится Лурита, бросая подозрительный взгляд на закрывшийся проем. — Тебя кто укусил?

— Никто.

Я пытаюсь сдержать радостное возбуждение, которое так и рвется наружу. Эх, жаль, что нет возможности снова нырнуть в темноту и проверить. Может, это временное «прозрение»? И я снова его лишусь?

Стоит ли удивляться тому, с каким нетерпением и скоростью я перемещаюсь в свои апартаменты! Вернее, в ванную комнату, потому что она — единственная, где нет окон, соответственно пригодная для слегка потерявшего адекватность экспериментатора в моем лице. Я ведь и разных цветных предметов туда натаскала, пытаюсь оценить, как меняется восприятие; и разные вариации освещенности перепробовала, чтобы понять, в какой именно момент включается ночное видение; и глаза закрывала-открывала в разных условиях, создавая резкие и мягкие переходы от света к тьме и обратно. И с каждой минутой все больше убеждалась в том, что мой организм накрепко вцепился в новое, но очень удобное умение.

Значит... Значит, боги-создатели, посетившие меня во время танца, все же реальность? Не плод моего буйного воображения? А я-то решила, что они — галлюцинация. Или все же возникновение способности — это какой-то естественный процесс, а я ищу ему невероятное объяснение? Может, просто время пришло проявиться? Или стресс так повлиял. Или моя влюбленность в Атиса. Эх, жаль, что я после ритуального танца и до сегодняшнего дня в полной темноте ни разу не оказывалась! Вот как теперь достоверно выяснить, что послужило этому толчком?

— Дейлина, милая, ты... Это что? — Заглянувший в комнату Атис искренне удивляется беспорядку. — С тобой все хорошо? Лурита беспокоится.

— Все отлично! — Я стремительно хватаю его за руку и затаскиваю в темноту. А потом наслаждаюсь. Восторгом шигузути, который, оказавшись в обожаемом им мраке, с воодушевлением стремительно бежит по полу и стенам, а потом, утомленный, взбирается на меня и затихает. Изумленным выражением лица леянина, который ничего не видит, но при этом прекрасно понимает, как хорошо получается это делать у меня. Вдохновенно-ласковым восклицанием «как же я за тебя рад!», после которого хочется его обнять и никуда-никуда не отпускать.

Последнее все же мне приходится сделать. Правда, предварительно я успеваю выяснить, что разговор Монта с Атиусом прошел без рукоприкладства, хоть и с обвинениями. «Женщине простительны подобные идеи, но мужчина обязан думать за двоих!» — Король свалил всю ответственность за решение сделать меня фавориткой на сына, признавшегося в том, что пошел на поводу у матери. А еще узнаю, что церемония будет

завтра — Атис настоял на кратчайших сроках.

Этого завтра я жду с нетерпением и волнением. И когда оно наступает, прикладываю максимум усилий, чтобы не выдать своих истинных чувств. Ведь так трудно не морщиться, опираясь на руку, предложенную мне принцем. Спокойно шагать рядом с ним по малому церемониальному залу, заполненному гостями. Мило улыбаться приветствующим нас королеве и королю. Не замечать скептического взгляда стоящей рядом с ними королевской фаворитки. Не искать любимых серых глаз, которые, я уверена, с неменьшим волнением следят за всем, что происходит. Атис готов прийти мне на выручку, если что-то пойдет не так, как запланировано.

Да, мы хотим избежать скандала. Да, мы не желаем, чтобы о моих чувствах к нему все узнали раньше, чем я обрету свободу. Стабильность и устои империи важнее наших личных амбиций. Целостность объединенных территорий ценнее возможности насладиться местью. Мы не имеем права разрушить то, что уже создано. А унижение цессян будет способствовать именно этому.

Ответственность... Это главное, о чем нужно помнить.

К счастью, понимаем это не только мы. Торжественная речь короля наполнена тем же смыслом. Признанием первостепенности целей, стоящих перед планетами, образовавшими тесный союз. Приоритетом законов. Соблюдением традиций...

Последнее становится сигналом для начала церемонии. Надо отдать должное цессянам, сужать масштаб происходящего они не стали. Видимо, посчитали, что чем шире будет огласка, тем меньше возникнет подозрений в том, что принятое Атиусом решение неискреннее, навязанное, вынужденное.

— Дейлина Мео Мун, я благодарен вам за оказанную честь быть моей спутницей. С этого момента вы более не моя фаворитка и свободны в выборе партнера и жизненного пути.

Слова принца так органично сливаются по смыслу с тем, что сказал король, что даже не вызывают у присутствующих сильного изумления или недоумения. А реакция тех немногих, кто все же позволил себе проявить эмоции, теряется на фоне нового действия, разворачивающегося в зале.

Церемония продолжается. Словно доказывая, что она не ограничивается отказом принца и вообще призвана служить иным целям, король объявляет о начале свадебного торжества. Я же отступаю и теперь, окруженная подругами, имею прекрасную возможность наблюдать за происходящим. О том, что танцевать с будущим мужем в королевском дворце — огромная честь, я уже слышала. Невесты Атиуса во время отбора об этом говорили. Именно поэтому ничуть не удивляюсь, что сразу несколько нарядно одетых мужчин выводят в центр зала столь же эффектных девушек, и они замирают в ожидании музыки. Поклон. Шаг навстречу. Движение по кругу. Пауза...

Одну пару я узнаю. Керас и Лирида. Ее сестра-близняшка — Марида, которой телохранитель подарил цветок на крейсере, сейчас стоит среди гостей и, прижав руки к груди, с хорошо заметным волнением наблюдает за танцующими. Ее тревога мне понятна: если по окончании первого танца Керас не пригласит ее на второй, она лишится статуса фаворитки, даже несмотря на отсутствие официального отказа. А девушке, видимо, не хочется терять любовника. Очень не хочется. И с каким же облегчением и радостью она устремляется навстречу мужчине, когда тот, закончив танец с теперь уже женой, шагает к ней, а король объявляет:

— Я счастлив поздравить молодоженов. Мы продолжаем...

На последнем слове его голос как-то странно меняется, и я не сразу понимаю почему. Смотрю на одетого в белоснежный, украшенный золотой тесьмой костюм Монта, который замер, широко раскрыв глаза. Перевожу взгляд на Орлею, схватившуюся за сердце. Присматриваюсь к приоткрывшей рот и хлопающей в недоумении белыми ресницами Родизе. Лишь после этого обнаруживаю причину их состояния и изумляюсь ничуть не меньше.

Под нарастающий гул и рокот, совершенно не обращая ни на кого внимания, Атиус выводит в центр зала... Файолу. Они ведь за моей спиной стояли, и поэтому я не сразу

вникла в происходящее. Теперь же оно у меня в голове не укладывается. Как принц на это решился? Почему Фай согласилась? И как Эстон допустил?

А ведь действительно роуганин возмущения не выказывает. Руки на груди сложил, глаза чуть прищурил, усмехается одним уголком рта... В курсе был, по всей видимости. Да и платье у подруги праздничное — я еще утром заметила, но акцентировать внимание не стала, сама была во взвинченном состоянии. Значит, она знала о будущем предложении. Возможно, даже хотела мне рассказать, но я в тот момент была не способна ее слушать. А теперь теряюсь в догадках, наблюдая за красивыми, плавными движениями, которые навсегда привязывают Файолу и Атиуса друг к другу. К тому же она его женой становится, ведь для него танец первый, а от меня как от фаворитки он отказался и второго танца при всем желании уже ни с кем станцевать не сможет. Даже с Ялисой, которая дожидаться окончания не стала и, всхлипнув, выбежала вон. Неужели у нее привязка успела образоваться? Впрочем, знаю я Атиуса, собьет без проблем. И наличие жены ему не помешает.

Орлея, как мне кажется, тоже готова последовать за бывшей невестой. Она несколько раз порывается встать, однако тяжелая мужская рука, плотно лежащая на плече, удерживает ее на месте. Оно и понятно — избежав одного скандала, король не желает быть втянутым в другой. Даже несмотря на то, что своим поступком сын фактически отказывается от права наследовать трон Цесса. Хотя... Помню я подслушанный разговор с женой. Определенно этот аспект Монта беспокоит меньше всего.

Тем не менее окончание церемонии получается скромным. Поздравление короля звучит не слишком празднично. Супружеские пары поспешно покидают зал. Гости тоже расходятся торопливо. Теперь я понимаю, почему Атиус медлил и пригласил Фай лишь на второй, так сказать, раунд — не хотел портить свадьбу своему телохранителю. Король запросто мог прервать торжество из-за его выходки, тогда у Кераса была бы только жена, без фаворитки.

Атис вместе со своей охраной, прикрывая меня и Луриту, торопится куда меньше, но тем не менее тоже движется к выходу. Впрочем, его осторожность, возможно, даже излишняя — сейчас на нас никто не обращает внимания, все заняты только обсуждением поступка принца.

Однако получается, что покидаем мы зал последними. И когда я оглядываюсь, вижу, как Монт, вцепившись в трон, чтобы не упасть, истерически хохочет и отталкивает руку своего советника, который пытается его успокоить, а Родиза и еще пара альбиносочек склонились над лежащей в обмороке Орлеей. Тяжело дался этот день королевской семье.

Я конечно же устала. Безумно. Мне бы отдохнуть, сбросить нервное напряжение, не отпускавшее меня последние дни и достигшее максимума сегодня, но... Расслабиться не получается.

Да, Атис, проводив меня в апартаменты, тактично исчезает, чтобы дать мне возможность спокойно поесть, привести себя в порядок и переодеться. Но не успевает дверь за ним закрыться, как тут же снова распахивается.

— Дей, можно? — неуверенно спрашивает посетительница, сделав всего один осторожный шаг внутрь.

— Фай! — Забыв об усталости, я бросаюсь к ней. Схватив за руку, тащу к дивану и усаживаю рядом с собой. — Почему ты... Почему не с мужем?

— Мы улетаем. Прямо сейчас. У меня больше не будет времени на объяснения, а я не хочу, чтобы у тебя оставались какие-то вопросы и сомнения.

— Куда улетаєте? — теряюсь я, хоть и понимаю, что по сути решение правильное. Нужно время, чтобы родители принца приняли его поступок.

— На Роугранс. Эстон сказал, что Атиус как посол Цесса будет очень выгодным зятем. — Девушка недовольно поджимает губы. Не нравится ей прямолинейность брата, однако

выбора, видимо, не остается.

— Почему же ты раньше ничего мне не сказала? — Я сокрушенно качаю головой, не в силах понять ее логики.

— Вчера вечером я и сама еще ничего не знала, а утром... — Она хмурится и принимается мять хвосты белых лент, которыми опоясано ее серебристое платье. — Не смогла. Боялась, что ты не поймешь, будешь еще больше нервничать.

— А что произошло ночью? — Я моментально выхватываю из ее слов тот самый момент времени, который оказался переломным в наших судьбах.

— Ночью... — Рогранка в смущении растирает лоб, собираясь с мыслями. — Он пришел ко мне в комнату. Признался, что испытывает ко мне влечение. Попросил прощения за свое поведение. Сказал, что агрессию проявлял, потому что надеялся, что она вызовет отторжение ко мне, а вышло с точностью наоборот. Знаешь, я ведь давно чувствовала, что за негативом Атиуса, направленным на меня, стоит что-то другое. Сомневалась, конечно, потому тебе и не говорила, но... Уж очень своеобразно он на мое присутствие реагировал.

— Да, я это тоже заметила, — поддерживаю ее. — И что, Атиус попросил тебя выйти за него замуж?

— Нет, — мотнув головой, Файола кривится. — Он просил меня с ним переспать, чтобы сбить привязку. Я так разозлилась, что отказала категорически. Сказала, что так ему и надо. Раз был неосторожен, пусть теперь сам расхлебывает. В конце концов, я же не умерла от того, что мой бывший возлюбленный исчез раньше, чем освободил меня от страстного желания быть с ним.

— И что? — Я, памятуя, как вел себя принц, получив мой отказ, ужасаюсь, представляя себе самые жуткие последствия. И ошибаюсь. Впрочем, так же как и рогранка.

— Я ожидала, что Атиус вспылит, как обычно наговорит мне кучу гадостей, а он... Он просто ушел. Молча. Я даже виноватой себя почувствовала. Ведь и моя вина есть в том, что он влюбился. Я же специально его задевала, чтобы физический контакт был. Мстила за неуважение.

— Если ушел, тогда как...

Мне не удастся даже договорить — Фай моментально схватывает суть и неожиданно смеется. Правда, не слишком весело.

— Недалеко ушел. И ненадолго. Зашел к Эстону, с ним ситуацию обсудил. А дальше они вдвоем меня обрабатывали, только теперь уже с позиции замужества. Брат никаких других вариантов рассматривать не пожелал.

— И ты согласилась, — сочувственно вздыхаю.

— Согласилась, — пожимает плечами девушка, — Эстон бывает очень убедительным. А Атиус... Может, он и гад и вел себя совершенно по-скотски, но в чем-то достоин уважения. Ты только представь, сколько же мужества нужно иметь и как же сильно влюбиться, чтобы забыть о способностях будущих детей, о недовольстве отца, о гневе матери, которая ему предательства не простит. И еще представь, что было бы, если бы я все же отказала. Принц бы окончательно обозлился на всех, глупостей бы натворил, разных проблем принес тебе, мне, Атису... Для тебя его брак будет хорошей страховкой и защитой. По крайней мере, теперь я его контролирую.

— Но ведь ты его не любишь! — Беспокойство меня все же не покидает.

— Ну и ладно. Отторжения он у меня не вызывает, а влечение... Ты же знаешь, что оно после танца все равно неизбежно появится. Да и я устала уже мучиться, честно говоря. А теперь угасание старой привязки пойдет намного быстрее.

— Ты уверена, что он не станет тебя принуждать? Будет ждать столько времени? И дети...

— Не волнуйся, Дей. Я с этим справлюсь, — успокаивает меня подруга. — А дети... Думаю, об этом пока рано говорить. Будущее покажет. Может, проявятся способности, ведь вообще неясно, как именно они передаются в межрасовых браках. Вдруг есть какие-то исключения?

Мне так хотелось ей сказать, что есть! Что я сама такой пример, который только вчера обзавелся тем, на что уже и надеяться перестал. Промолчала. Надежда — это замечательно, но она ведь может превратиться в разочарование. И я прекрасно помню, что весь возникший в этом случае негатив ляжет в итоге на того, кто эту надежду породил.

Наверняка почувствовав, что обсуждать услышанное я не желаю и вообще расстроена расставанием с подругой, Лурита, проводив Файолу до двери, старается вести себя совсем незаметно. Даже извечные шуточки и подколки предупредительно держит при себе. Черныш тоже активностью не отличается — наравне со мной спит, вяло жует свой обед, на краю ванны сидит спокойно, словно заразившись моей задумчивостью. Лишь спустя час после того, как я заваливаюсь на диван, чтобы просмотреть в вильюрере новости, он вылезает на плечо и поднимается на задние лапки, проявляя беспокойство. Я не сразу понимаю, что ему не нравится, а потом...

— Атис! — Роняя технику, я мгновенно подскакиваю, чтобы оказаться в таких нежных и нужных мне сейчас объятиях.

Черныш, восторженно пискнув, принимается с упоением носиться по нашим плечам и головам, словно радуется тому, что утраченная часть его места обитания вновь присоединилась. Может, он поэтому грустил?

— Как ты, милая? — беспокоится леянин, погладив малыша и тем самым немного уменьшив степень его возбуждения.

— Соскучилась, — отвечаю я, вдыхая умопомрачительный морозный аромат, присущий скорее иперианину, и сильнее прижимаясь к бархатистой ткани жилета, чтобы почувствовать мужчину как можно ближе. Дихол! Содрать бы с него этот костюм... — Атис, — все же не выдерживаю, — а когда мы танцевать будем?

Надо признать честно — я, хоть и понимала, что это будет самым неудачным и неправильным поступком, ведь мы обсудили данный вопрос, приняв решение не торопиться, чтобы не провоцировать слухов и домыслов на наш счет, но все же подсознательно ждала, что Атис пригласит меня на танец во время цессянской свадебной церемонии.

— Три дня нам лететь до Ле. Планету посмотреть, с моим окружением познакомиться — еще дня два-три. Гостей дожидаться и церемонию подготовить — неделя, — перечисляет леянин.

Он ласково массирует мой затылок одной рукой и крепко обнимает второй. А я молчу, вжимаясь лбом в его грудь, понимая, что столько не выдержу. Одно дело, когда Атиса нет рядом и он делами занят, но когда леянин близко... На корабле же и в его дворце избегать встреч будет нереально.

— Давай мы тайно станцуем, а? — жалобно прошу, с надеждой заглядывая в серые глаза. — Теперь уже можно, я ведь свободна!

— Подстрекательница! — хрипло выдыхает Атис, во взгляде которого столько эмоций. Уверена, если бы не необходимость соблюдать правила, он бы ни секунды не раздумывал. Ему ведь тоже сложно себя сдерживать. — Хорошо, только — на корабле, не на Цессе. И праздник на Ле все равно будет.

— Отлично! Обязательно станцуем повторно на глазах у всех! — наверняка ослепляю я его своей улыбкой. — Когда на корабль?

Я прикидываю, все ли мы с Луритой упаковали, и собралась ли она сама, и сколько контейнеров получилось. Долго ли это все будут грузить? И как отнесутся цессяне к тому, что мы улетаем. И...

А по факту получается, что беспокоиться мне вообще ни о чем не приходится. Никаких

торжественных проводов, видимо, и не планировалось. Груз из каюты исчезает за считанные секунды. Мы взлетаем на тех же транспортных леянских ботах, на которых спускались на Цесс. Я же, наблюдая за медленно плывущей на экране, закрытой белым рыхлым облачным покровом желто-зеленой планетой, никак не могу расстаться с ощущением нереальности происходящего. Притом что и обстановка вроде знакомая — привычные серые и хромированные поверхности рубки управления; и подружка рядом — необычайно довольная Лурита сидит в кресле по левую руку от меня; и Атис в зоне видимости — беседует с незнакомым мне леянином в строгом военном мундире.

Рядом с ними смеющимся взором изучает обстановку высокий долговязый субъект в темно-синем комбинезоне. Узкое лицо, длинный нос, любопытные зеленые глаза, чуть раскосые, как у всех ипериан, и длинная толстая коса светло-зеленых волос, переброшенная через плечо. Нам его представили как Земора, капитана королевской службы безопасности Ипера. Наверняка именно в его зоне ответственности контроль за преступником. Однако сейчас безопасник находится в рубке, и при всем том, что мужчине явно хочется заговорить, он тактично молчит, пока мы обустраиваемся, а корабль готовится к отлету.

— Сюрприз приятный. Вот не ожидал. И не планировал подобных встреч.

Неожиданно явственно, словно говорящий находится совсем рядом со мной, раздается искрящийся смешливыми модуляциями голос. Я в недоумении осматриваю рубку, но никого, кто мог бы это сказать, не нахожу.

— Ох, извините, капитан, я вас посмела от ваших важных дел отвлечь, — столь же отчетливо отвечает ему другой голос. Женский, яркий, звонкий. Лурита?..

Смотрю и вижу, как подружка улыбается. Однако губы ее вовсе не движутся.

— Отвлечь от дел? Вот мелочи! Это не важно. Так все же я имею шансы вас развлечь?

Земор тоже рта не открывает, лишь вопросительно приподнимает зеленую бровь.

— Развлечь... увлечь... Какая честь! А у меня своих забот не счесть...

— Заботы могут надоест. Да и наследница, наверно, захочет общество другое предпочесть.

— Наслед-ница... захочет... верно.

Мой мозг, как-то странно отреагировав на необычный диалог, вдруг облекает возникшую мысль в совершенно невероятные и непривычные мне колебания. Я скорее чувствую, чем слышу то, что подумала. Вряд ли можно это назвать «сказала».

— Ох, Дей! — разворачивается ко мне и впивается в мое лицо изумленным взором иперианка. — Ты слышишь? Говоришь? Но как? Ведь ты же на ультри...

— Сама не понимаю. Подожди!

Я встряхиваю головой, пытаюсь вернуться к нормальной речи.

— Лурита, — наконец с трудом произношу вслух, — это что сейчас было?

— Я так думаю, что тебе не только папины способности достались, но и мамины, — весело делает вывод подружка и округляет глаза, потрясенно шепча: — Это невероятно! Такого вообще никогда и ни у кого не было! Сразу две способности! Обалдеть!

— Что случилось? — обеспокоенно спрашивает Атис, подошедший к нам. Определенно безопасник, не менее удивленный моим вмешательством в его разговор с девушкой, привлек внимание короля к происходящему.

— Дейлина на иперианском ультри говорит, — громким шепотом сообщает ему иперианка.

— Милая... — Атис растерянно смотрит на меня, а я лишь плечами пожимаю и руками развожу. Он меня точно не услышит, даже если попытаюсь продемонстрировать. Кроме

ипериан, никто на ультразвуках общаться не может.

— Прошу простить меня, Дейлина, но четко ль различимый звук? Или сливается, теряясь, с другими звуками вокруг? — неожиданно снова вмешивается Земор.

— Куда уж четче! Несомненно, стабильно. Внятно. И отдельно. Пожалуй, даже за пределами, — отвечаю именно на тех частотах, на которых слышала вопрос. Словно мозг автоматически переключается в правильный режим общения.

— Действительно говорит. Не очень уверенно, но достаточно разборчиво, — уже вслух коротко подтверждает безопасник.

Леянин тут же реагирует на это заявление:

— Прошу вас, Земор, до официального разрешения не распространять данную информацию.

Тот в ответ молча прижимает руку к груди и коротко кланяется. Однако все же не удерживается и, заодно сверкнув зелеными глазами, говорит, наверняка пользуясь тем, что, кроме меня и моей подруги, никто его не услышит:

— Так в силе ваше разрешение — со мной Лурите время провести?

— Вполне. Но только если разочарований не будет на ее пути, — отвечаю ему, удивляясь необычности построения фраз, которые складываются в упорядоченные конструкции, словно переплетаясь друг с другом.

Когда мужчины отходят, принимаюсь допрашивать воодушевившуюся подружку.

— Созвучные окончания слов? — Та сразу понимает, о чем я толкую. — Это из-за специфики ультразвуков. Они воспринимаются, только если фразы собеседников хотя бы частично имеют одинаковый диапазон частот. Вот и возникает эффект рифмы.

Да уж, эффект... И что мне теперь с ним делать? То есть не с ним, конечно, а со способностью. Ночное видение, оно хотя бы применимо — Атис сказал, что на Ле тоже бывают сезоны, когда несколько недель длится ночь. А ультри? Я ведь не на Ипере жить буду, в отличие от Луриты, которая после свадьбы именно туда вернется. Получается, что мне разговаривать на нем будет не с кем! Ну и зачем меня боги-создатели одарили этой способностью?

Впрочем, радуюсь я все равно больше, чем недоумеваю. Много, как говорится, не мало! К тому же мысли о предстоящем танце вскоре заставляют забыть обо всем, кроме... Прически, которой занимается привычно подшучивающая надо мной Лурита. Наряда, моего любимого, искристо-черного, похожего на звездное небо. Томительного ожидания, когда наконец раскроется проем и войдет... Он.

Высокий, уверенный, прекрасный. В необычном меховом наряде, похожем на тот, что был на нем перед погружением в длительный сон. С волнующе-заботливым взглядом любимых глаз. И с восторженным вздохом произносящий мое имя:

— Дейлина...

Протянутой руки я касаюсь с таким волнением, словно делаю это впервые. Но больше всего на свете сейчас желаю, чтобы он меня стиснул в объятиях, прижал к себе — простого прикосновения мне мало! Меня невыносимо тянет к нему. И эта потребность — быть ближе — мучительна настолько, что я не выдерживаю и всхлипываю:

— Атис...

Ровно на секунду в серых глазах рождается бушующее пламя, готовое вырваться на свободу и дать мне то, что я хочу. Но все же гаснет. Леянин приспускает веки и глубоко вздыхает, успокаивая взбудораженный организм.

— Идем! — Крепко сжав руку, он тянет меня за собой.

Зачем? Куда? Почему нельзя танцевать в каюте? Привычная обстановка, красивый

дизайн — он же наверняка сам его одобрил. И столовая имеется. И кровать удобная.

И лишь когда оказываюсь там, куда столь настойчиво стремился Атис, понимаю — нельзя. Действительно нельзя танцевать нигде, кроме как здесь!

Зал, не слишком большой, чтобы почувствовать себя в нем ничтожной пылинкой, но и не настолько маленький, чтобы ощутить тесноту, заполнен темнотой и переливами зеленых всполохов. Над головой — имитация звездного неба; под ногами — белая рыхлая масса снега, в которой утопают маленькие желтые огни, подрагивающие в ритме ударов сердца; в воздухе — теплые порывы ветра, наполненные влагой и свежестью; а у одной стены — ровная темная гладь воды, отражающая огромную белую звезду, застывшую в глубоком космосе перед прозрачным бортом корабля.

Я не знаю, честно, не знаю — как и, главное, когда леяне успели сотворить это чудо, но выглядит оно невероятно! Я даже понять не могу — это тот же самый зал, только без тренажеров, и бассейн, в котором мы купались, или же совсем другое место. Однако спросить не успеваю, потому что Атис останавливается на площадке, где снега почти нет, и опускается на одно колено передо мной, сжимая мои руки в своих горячих ладонях.

— Разделив нас однажды, лишив меня возможности прилететь на Рооотон и встретиться с тобой, судьба все же позволила нам узнать друг друга. В другой обстановке. В иных ролях. Она сплела наши чувства не в сладкой неге приятного необременительного знакомства, а в череде нелегких испытаний и сомнений. Дейлина... Я все сделаю, чтобы ты никогда больше не боялась. Не думала о плохом. Буду оберегать тебя от невзгод. Я отдаю тебе свое сердце и весь мир, заключенный в нем. Ты — жизнь моя. Моя любовь. Мое счастье. Навсегда.

Он говорит, а я не могу пошевелиться. Лишь тону в его глазах, ласковых интонациях, жарком прикосновении губ к моей ставшей необычайно чувствительной коже на запястье.

Всего лишь одно касание, и Атис меня отпускает. Поднимается и отступает, подарив краткий, стремительный поклон. Мой поклон в ответ, куда более глубокий и медленный. Новое движение — теперь уже навстречу друг другу. Близко, но пока еще на предельной дистанции. Соприкасаются лишь руки, а тела... Они ловят тот ритм, который станет для них общим, единым. Шаг. Поворот. Шаг. Стоп. Мы танцуем под тихие приятные звуки, похожие на переливчатое журчание воды, стук капли и мелодичный перезвон стекла.

Это древний ритуал. Вовсе не дань традициям и не формальное действо. Это инстинкт. Потребность тела. Закрепленный в нашей генетике, доведенный до автоматизма механизм фиксации привязки. Его можно наполнить грацией, превратив в прекрасное зрелище. Продлить, усилив ощущения и растянув удовольствие. Усложнить композиционно, приблизив именно к танцу. Но суть и смысл все равно останутся прежними.

Наконец оказавшись в столь желанных для меня объятиях, я зажмуриваюсь. Мир плывет и теряется, потому что Атис поднимает меня и кружит, лишая возможности воспринимать что-то, кроме одного — он рядом. И это действительно навсегда.

Я замираю, наслаждаясь долгожданными мгновениями истинного счастья, которое теперь у меня уже никто не отнимет. И все же, почувствовав шевеление на груди, чуть отстраняюсь, чтобы дать возможность Чернышу вылезти на свободу. Все это время он тихо сидел на своем привычном месте, то ли деликатничал, то ли на самом деле спал. Теперь же малыш активно напоминает о себе — взбирается на плечо, потягивается и, по-хозяйски поставив одну лапку на руку обнимающего меня леянина, начинает прижиматься.

Направление его взгляда, то есть носа, предсказуемое — у стены, на небольшом возвышении вблизи поверхности воды, расставлены блюда и напитки. Да, закрытые непрозрачными колпаками, но, уверена, нюх у шигузути отменный, и потому приготовленные деликатесы он обнаруживает сразу.

— Голодный! — Атис улыбается, подставляя Чернышу ладонь и увлекая меня в сторону импровизированного стола. — А ты?

— Я бы предпочла немного иную... трапезу, — стеснительно прячу лицо у него на груди.

— Мы совместим. И не только это, — многозначительно обещает муж. А дальше... Дальше я теряюсь совершенно. В круговороте новых ощущений и впечатлений. В необычном вкусе неизвестных мне блюд и в мужском привкусе на моих губах. В силе и настойчивости его рук, снимающих с меня платье. В приятной прохладе чего-то упругого под моей спиной и неожиданно оказавшемся прямо перед глазами звездном небе. В скольжении горячих ладоней по голой коже. В тумане дурманящего хриплого голоса и моем сбивчивом шепоте. В страстных порывах, рожденных испепеляющим огнем возбуждения, и в сводящих с ума волнах наслаждения. В невероятно сладостном умиротворении, пленившем тело. В тех звуках, что нас окружают: все в том же стеклянном перезвоне, едва уловимом похрустывании и почему-то плеске воды.

С трудом заставляю сознание хоть немного проясниться. Хруст оказывается привычным чавканьем Черныша, который сосредоточенно занят ужином, а вот плеск...

— Как мы здесь оказались? — В легком недоумении смотрю, как потревоженная гладь воды ласкает, накатывая волнами на мою обнаженную грудь.

— Тебе рассказать или продемонстрировать? — хрипло шепчет муж, удобнее устраивая меня в своих объятиях.

Я не отвечаю, тихо смеюсь, утыкаясь носом в его голое плечо. А потом не удерживаюсь и прижимаюсь губами к разгоряченной, влажной коже, все еще хранящей запах страсти. В ответ получаю поцелуй в шею, подбородок, губы... И вновь теряю ориентацию в пространстве. И во времени.

— Дейлина, милая, очнись! — тревожный голос Атиса будит меня, полностью расслабленную и медитативно созерцающую протуберанцы, которые хищно выбрасывает в космос та самая белая звезда, около которой сейчас дрейфует корабль леян. Великолепное зрелище.

— А?... — Я не сразу понимаю, в чем проблема. Мне было так хорошо!

— Ты в порядке? — облегченно выдыхает муж, осторожно прижимая меня к себе.

— Конечно, в порядке... — Я потягиваюсь, разворачиваясь к нему лицом. Вытягиваю руки, скользя ладонями по мокрому покрытию пола, зарываясь руками в лежащую на нем белую, уже изрядно подтаявшую, но все еще рыхлую массу. Холодную! Особенно в контрасте с теплой водой в бассейне.

Ого... А снег-то настоящий. Неожиданно. На чем же мы тогда?..

Приподнимаюсь и вижу около «стола» нечто столь же белое, но куда более плотное, похожее на неравномерно взбитый матрас, рядом с которым лежит черный ком — мое платье и меховая одежда леянина. Ага. Поня-я-ятно...

— Так, что случилось? — возвращаюсь взглядом к мужу, который терпеливо ждет, пока я осмотрюсь.

— Ты минут пять не дышала. Я испугался.

— Да ну, — теряюсь от его заявления, — дышу я. Видишь? — даже демонстрирую, чтобы не сомневался.

— Нет, не дышала, — настаивает на своем Атис. — Совсем.

Задумываюсь, прислушиваясь к себе. А ведь на самом деле. Пожалуй... Пожалуй, если бы не необходимость говорить, можно было бы обойтись и без воздуха в легких. Ой...

Невероятная догадка пронзает меня, однако даже лихорадочно забившееся сердце не заставляет мой организм начать дышать так часто, как раньше. Пытаюсь окончательно в это поверить, я медленно сползаю ниже, погружаясь в воду с головой. Любопытно, сколько выдержу?

— Дейлина, милая, не пугай меня! — Муж не выдерживает раньше. Вытащив меня на

поверхность, убирает с лица мокрые волосы. — Ты действительно хорошо себя чувствуешь?

— Абсолютно. — Набираю воздух в легкие только для того, чтобы ему ответить. Дышать мне как не хотелось, так и не хочется. — Атис... По-моему, у меня еще и способности зоггиан работают.

— Кожное дыхание? — Он задумывается. — Возможно. Если проявилась вторая способность, почему бы не включиться и третьей? А ты только сегодня это почувствовала?

Закономерный вопрос, мы купались уже, а я ничего такого не замечала.

— Одежда могла мешать, — неуверенно предполагаю, а потом решаю, что не так уж это и важно. Главное иное — благодаря чему, вернее, кому я свои способности получила. Определенно это не случайность. Ведь у моей мамы, несмотря на то, что с папой она была очень счастлива, их все равно не было. А у меня... У меня они именно после обрядового танца появились. Да и богов, с которыми я разговаривала на Цессе, было трое: зоггианин, иперианин и роотонец. Мои предки тоже принадлежали именно к этим расам. И способности открылись только те, что им присущи.

Значит, это и к лучшему, что Атиус не захотел на мне жениться, но все же увез на Цесс. И то, что я пыталась свою жизнь изменить, не став марионеткой для тех, кто пытался мной манипулировать, — тоже к лучшему. Иначе бы точно ничего не приобрела.

Удивительно. Необычно. И очень радостно, потому что отныне никто не посмеет сказать, что я — пустышка.

ЭПИЛОГ

Все укрытие нашли? Жду от вас я результата, кто не спрятался, увы, в этом я не виновата!

— Все укрытие нашли, ты уверен?

— Не волнуйся, мама, никто не пострадает. Идем.

Рука сына, прихватив мой локоть, настойчиво тянет меня внутрь убежища.

— Хорошо.

Все же бросив еще один взгляд в темноту, наполненную мельтешащими снежинками, и не увидев в ней фигур, я послушно шагаю под защиту горы. Вернее, в пещеру, где нам предстоит переждать бурю.

Ловмит — очень коварный сезон на Ле. В это время совершенно тихая, ясная погода может в несколько минут смениться шквалистым ветром, несущим тонны снега. Но и стихнет буря столь же быстро, оставив после себя лишь ровную белую гладь. Однако именно поэтому мы идем к месту ритуального сна не по прямой, через снежную равнину, а вдоль горного хребта, который огибает ее широким полукругом. Путь в три раза длиннее, зато безопаснее — тем, кто сейчас остался снаружи, не позавидуешь.

Присаживаюсь на каменный выступ, на который наши спутники уже бросили теплые шкуры, и вытягиваю ноги, чтобы дать им возможность отдохнуть. Я могла бы поехать на ростоле — это очень удобный, приспособленный для перемещения по снегу и льду транспортник. Атис именно на этом и настаивал, но я не захотела оставлять сына. Он-то должен пройти этот путь пешком. Таков уж обычай, и нарушать его не стоит.

Из-под полуопущенных век наблюдаю, как мой беловолосый сероглазый красавец — вылитая копия своего отца, от меня он не взял ничего — совершенно по-деловому принимается за обустройство. Помогает сопровождающим плотно завесить вход, проверить оборудование, развернуть обогреватель. Словно и не устал нисколько. Словно и не он несколько часов шел по тяжелому маршруту, ведущему его в будущее.

В это будущее Дарейт смотрит с оптимизмом, с уверенностью, что способен пройти испытание и получить право стать королем. А мне грустно. Восемьдесят лет сына не видеть и беспокоиться: хватит ли его организму сил на длительный сон; выдержит ли он столько времени в естественных условиях, а не в комфорте стазисной капсулы; сможет ли преодолеть самую сложную фазу — пробуждение после столь длительного анабиоза.

Да, сын уже дважды уходил в пробный долговременный стазис и никаких трудностей при этом не испытывал. Видимо, несмотря на то, что никаких способностей от меня он не получил, та, что досталась ему от отца, была развита идеально. И все равно мне становилось не по себе.

— Ты опять переживаешь? — Присев рядом и заботливо поправив меховой капюшон, который закрывает мою голову, Дарейт смотрит на меня с укором. — Обещала же...

— Не обращай внимания.

Я снимаю рукавицу и ласково глажу его по руке. Вовсе не детской и не подростковой. Это рука взрослого мужчины, которому уже сорок пять активных лет. А если приплюсовать стазисные, то и все шестьдесят. Жизненный опыт у него более чем достаточный. В его возрасте Атис уже и испытание прошел, и королем был, и на мне женился, и империей управлял, и даже сына мне подарил. Дарейт ведь родился спустя два года после официальной свадьбы — ни я, ни муж не захотели долго ждать. Да и со вторым ребенком тоже тянуть не стали. Так и появилась у Дарейта в день его шестнадцатилетия маленькая сестричка-наследница...

— Мы можем идти, — обрывает мои воспоминания голос проводника. — Буря стихла.

Сборы в дорогу занимают совсем немного времени. Пара минут, и мы уже шагаем, вернее, скользим, прокладывая себе путь в снежных наносах, искрящихся ничуть не

хуже звездного неба над головой. Мутиты — специальная обувь с широкой водоотталкивающей подошвой — помогают не проваливаться и удерживаться на поверхности даже самых рыхлых сугробов. И это очень удобно, ведь глубина некоторых из них может достигать нескольких метров.

— Дальше лед!

Я слышу радостный возглас идущего первым проводника и ловлю веселую улыбку сына, который мне подмигивает и протягивает руку.

Эх...

Крепко вцепившись в его запястье, я зажмуриваюсь и чуть сгибаю ноги в коленях, чтобы не упасть. Со скоростями, которые развивают леяне, скользя на мутитах по ледяным поверхностям, я так и не свыклась. Одно дело — ростол, на нем ты сидишь, и площадь опоры у транспортника больше, а тут...

Полностью доверяя сыну, глаз я так и не открываю. Лишь чувствую ускорение и холодный ветер, бьющий в лицо и пытающийся сорвать с меня капюшон и куртку. Атис тоже не единожды таким же способом меня катал, но я все равно не научилась получать от этого развлечения полноценное удовольствие.

А вот наши дети в этом смысле настоящие леяне. Сколько раз мы, обыскавшись их во дворце и его окрестностях, находили потеряшек именно на ледяном поле. Что Дарейт, что Алли в убеждении, что для них это лучшее времяпрепровождение, были солидарны. Дочка, правда, столь же сильно любила и другое — плавать в термальных озерах, что ее брату не слишком импонировало. Оно и понятно — нырнув, эта мелкая «спуктумиха», как он ее в сердцах обзывал, могла часами не вылезать на поверхность, а переживать приходилось кому? Несомненно, брату.

Разумеется, к настоящим спуктумам дочь никакого отношения не имела и водными потоками управлять не могла, но кожное дыхание зогтиан использовала на все сто процентов. Впрочем, не только его. Удивительно, но ей, в отличие от Дарейта, досталось все. Она и в темноте видела прекрасно, и однажды до смерти меня перепугала, когда ухитрилась впасть в краткий анабиоз, а уж как болтала на ультри...

«Вот! Одежда тесновата. Мне же кто-нибудь поможет? Жду от вас я результата!» — Я до сих пор не могу удержаться от улыбки, вспоминая ее детский лепет, обиженно поднятые домиком белые бровки, накупившееся личико, обрамленное светлыми волосами, и обе ножки, которые она ухитрилась втиснуть в одну штанину.

Необычный способ выражения своих мыслей Алли освоила намного раньше, чем привычную речь, и обожала куда больше именно из-за своеобразного построения фраз. Да и общаться ей было с кем — в имперский совет, который базировался на Ле все то время, пока Атис был императором, входили и представители Ипера. И как же я жалела, что муж Луриты, тот самый Земор, с которым она познакомилась на леянском крейсере, все же не принял приглашения императора занять должность главы имперского флота и остался служить иперианскому королю. Да и четыре дочери, младшей из которых сейчас десять, а старшая родилась на три года позже моего Дарейта, тоже не оставили подруге возможности активно путешествовать. За эти шестьдесят с небольшим лет свиделись мы лишь однажды — не прилететь на свадьбу моей дочери Лурита просто не смогла.

И ведь вот что любопытно: ей катание на мутитах понравилось с первого раза. Все же моя подруга всегда была экстремалкой...

— Прибыли.

Уже? Открываю глаза, бегло осматриваю привычный снежный пейзаж, озаренный синезелеными всполохами, и с замиранием сердца впираюсь взглядом в невероятную по своей чистоте и прозрачности громадную пустотелую глыбу льда, возвышающуюся среди куда более мелких и мутных. Мое горячее дыхание, превращающееся на морозе в мелкую искрящую изморозь, сливается с дыханием сына, когда я его обнимаю. А дальше мне, как и всем остальным, остается лишь ждать, пока он настроится на стазис и сбросит теплую одежду, которую потом аккуратно уложат рядом с его замерзающим телом.

— Все будет замечательно! — Дарейт оборачивается и дарит мне незабываемую улыбку, прежде чем шагнуть в недра ледяной горы.

Таких образований на Ле считанные единицы, и они уникальны тем, что сохраняют удивительную стабильность, несмотря ни на какие внешние факторы и внешнюю хрупкость. Снаружи может резко меняться температура, бушевать буран или слепить желтый Фийол, могут даже разрушаться каменные горы, обрушиваясь совсем рядом, но эти естественные анабиозные «капсулы» останутся незыблемыми, а условия в них стабильными. Ощущение такое, словно планета специально их сотворила и сохраняет, чтобы ее обитатели хоть в этом могли доверять ей свои хрупкие жизни.

Так что сын прав, все будет в порядке. И я, несомненно, увижу, как Дарейт выйдет из стазиса и займет достойное место в обществе. Мой срок жизни мне это позволит. Да и муж тоже встретится с сыном снова — я настояла на том, что теперь, когда Атису уже не нужно управлять империей, он будет периодически уходить в анабиоз. Я не хочу остаться в одиночестве, лишившись супруга, у которого длительность жизни в два раза меньше моей. В этом смысле его возможности к анабиозу оказались для нас спасительными. Он погружался в холодный сон иногда всего на сутки, иногда на неделю, реже на месяц-два, но ведь даже этого достаточно, чтобы на тот же срок продлевалась его активная жизнь! А я скучала и ждала, но тем сладостнее и радостнее было возвращение ко мне любимого.

Сегодня же мы поменялись ролями — я провожала сына, а муж меня ждал. Ему, опять же в силу леянских обычаев, нельзя проявлять излишнюю обеспокоенность и демонстрировать своим присутствием возможные опасения. Мужчины и законы на Ле суровы в той же степени, в какой неласкова их планета. Они поощряют упорство, храбрость и силу духа. И это правильно, иначе здесь не выжить.

Ростол, которым управляет мой телохранитель, стремительно рассекает снежную равнину, оставляя после себя широкую ровную полосу, а я, кутаясь в дополнительную меховую накидку и удобно расположившись на заднем сиденье, теперь могу отдохнуть. До дворца он меня домчит меньше чем за час — нет никакого смысла идти обратно пешком. Леяне ведь научились не только выживать, но и жить с комфортом. Тем более нам нужно успеть вернуться до рассвета. Когда на небе засияет Фийол, находиться в окружении снегов станет невероятно сложно. Тут даже защитные темные очки не всегда спасают — так сильно искрят и ослепляют снежные кристаллы.

Именно поэтому и режим жизни у леян совсем иной, нежели, например, на Цессе. Там бодрствуют днем и спят ночью, а на Ле наоборот. Из-за небесного сияния при ясной погоде и отражающей способности снега здесь в темное время суток самое приятное для глаз освещение.

Так что приехала я утром, а мои домашние готовятся ко сну. А может, уже заснули?

Выскочившая мне навстречу дворецкая, услышав вопрос, пожимает плечами и помогает спуститься на снег, бросив выразительный взгляд ввысь, где каменные стены и плотно закрытые ставнями окна не слишком высокого, но массивного сооружения уже расцветиваются розово-желтым заревом. Поблагодарив ее и кивнув телохранителю, я быстро избегаю по ледяным ступенькам и оказываюсь в совсем иной, жаркой атмосфере. В домах леян, обогреваемых все теми же термальными источниками, очень тепло.

Избавляюсь от верхней одежды и обуви, оставив все на попечение прислуги, и иду в нашу спальню. Мне даже шаги приглушать не приходится — все шумы скрадывают меховые шкуры, которые здесь практически везде, даже на полу. А на стенах еще и картины с изображениями тех самых животных, что столь щедро снабжают леян едой, верхней одеждой и обивочным материалом.

Мужа в нашей комнате не нахожу, поэтому бесшумно отворяю дверь в соседнюю — спальню младшего сына. И тут же слышу...

— Кто не спрятался в кроватке?! Кто не хочет спать?! — грозным, жутким голосом, но, к счастью, не слишком громко завывает Атис, прячась в тени коридора за вторым раскрытым проемом. — Найду! Заморожу!

Лейт, сидящий на своей постели, заливается смехом и, увидев меня, тут же с нее

спрыгивает и с радостным визгом бросается навстречу, чтобы сбить меня с ног и завалить в стоящее позади кресло. Как тут спать, когда папа изображает страшного ледового выюжника, а долгожданная мама пришла?

— Как он? — Атис с облегчением прекращает представление и выходит к нам.

— Держался молодцом. — Я подставляю губы, чтобы он мог меня поцеловать.

— Дарейт лег надолго спать, я знаю, — деловито и серьезно сообщает сын, услышав наши слова. — Я тоже скоро так сделаю. Я смогу!

— Обязательно сможешь, но для этого сначала нужно много-много тренироваться и учиться быстро засыпать, — успокаиваю его, глядя по белым, отливающим голубым волосам.

— Я умею! — Лейт тут же закрывает глаза и показательно расслабляется.

Я же продолжаю сидеть, баюкая на руках прильнувшего ко мне сынишку. Ему уже почти пять лет, так что встретятся братья, когда младшему будет... нет, не восемьдесят пять, конечно, меньше, ведь определенно Лейт тоже не удержится от стазиса, а то, глядишь, еще и примеру Дарейта последует, решив, что и он достоин статуса короля. Значит, увидятся они пусть и взрослыми, но довольно молодыми.

Убедившись, что сын уснул крепко, Атис забирает его из моих рук и укладывает в кровать. Поправляет пижамку, накрывает одеялом и под боком устраивает совершенно вялую, расслабленную, тоже сонно сопящую, белоснежную меховую зверушку, в шерстку которой детская ручонка тут же вцепляется прочным захватом.

Соньки — самые маленькие и совершенно ручные домашние животные на Ле, похожие на мохнатые толстые веревки с симпатичными узконосыми милыми мордочками и ярко-желтыми глазками-бусинками. Их можно тискать, гладить, бросать, носить на себе, завязывать в узел, прятать в карман... Терпению, вернее, пофигизму этих зверьков можно только позавидовать. Леяне с огромным удовольствием заводят себе личных сонек. Наши дети выросли вместе со своими питомцами, а вот я себе такого взять не смогла. Это место в моем сердце всегда занимал и будет занимать мой храбрый Черныш.

Забываясь о нем, я упростила Атиса слетать со мной на Рооотон, а не решать имперские дела, связанные с этой планетой, дистанционно. Я понимала, что на Ле слишком холодно, шигузути даже по дому старался не бегать, все время либо на мне сидел, либо на Атисе. Мне казалось, что он предпочтет вернуться в естественную среду обитания или хотя бы найдет себе пару, чтобы мы забрали уже двоих и ему было не так скучно, но Черныш решил иначе. Сородичей вообще проигнорировал, с меня даже не слез, а уж как ругался, когда я пыталась его снять... Наверное, ему было хорошо с нами, и малыш не желал ничего иного. В итоге прожил вполне счастливую, комфортную жизнь. Вот только недолгую. Срок жизни шигузути совсем мал. Десять лет — этот тот максимум, который отведен им природой. Увы...

— Идем спать, моя королева, — тихо шепчет Атис, обнимая меня за плечи и помогая подняться.

— С удовольствием, мой король...

Оказавшись в спальне, я улыбаюсь, зная, что на настоящий сон мне останется не так уж и много времени. И муж меня не разочаровывает — одной рукой прижимает к себе, другой неторопливо стягивает с плеч блузку. Я же судорожно выдыхаю, скользя губами по его шее, так удачно оказавшейся совсем рядом.

Да, Атис все еще король Ле. И будет таковым оставаться до тех пор, пока может выполнять свои обязанности, которые ему сорок лет пришлось совмещать с должностью императора, несмотря на наличие соправителей. Хоть он и не жаловался, но я-то знаю, с каким облегчением Атис передал право управления империей мужу нашей дочери, когда та достигла совершеннолетия и вышла замуж.

А вот молодой император с удовольствием весьма активно выполняет свои обязанности, и столь высокая степень ответственности его нисколько не тяготит. С другой стороны, это и понятно — он хоть и принц, но имеет двух старших братьев, один из которых

управляет его родной планетой, а второй готов прийти на смену, если что-то произойдет. Так что младший может полностью сосредоточиться на делах империи, обеспечивая ее процветание.

Наверное, именно поэтому первый ребенок у Алли родился совсем недавно — мальчик, почти ровесник Лейта. И, насколько я знаю, торопиться со вторым императорская семья тоже не будет. Они любят друг друга, это несомненно, но все же между ними немного иные, более спокойные отношения, нежели те, что возникли между мной и Атисом. Возможно, все дело в том, что молодой паре не пришлось пережить столько, сколько нам. У них все было просто: торжественный прием в честь пятидесятилетия Алли, знакомство с потенциальными женихами, которых к этому времени оказалось не так и мало, ведь в состав империи уже вошло около тридцати планет, и на семи из них были неженатые представители правящих династий, желающие составить пару нашей дочери. Теперь она была уже не просто наследницей, брак с которой давал право управлять империей, а Наследницей с уникальным набором расовых способностей.

Свой выбор Алли сделала быстро. Ее симпатии добился По Роанн ви'Дланс, принц Шенора, невысокий, крепко сложенный молодой мужчина с ярко-желтыми волосами и грубоватыми, словно рублеными чертами лица, хорошо воспитанный, но при этом необычайно прямолинейный и не умеющий врать и интриговать. Наверное, именно это Алли и привлекло, ведь в нашей семье тоже царила предельная открытость и честность. Я старалась развить в детях именно эти качества, мне совершенно не хотелось, чтобы они оказались в той атмосфере, которую после смерти родителей создали для меня дядюшки и тетя Ари. Ведь по факту от этого никто из них, моих родственников, не стал счастливее. Да, тетюшка определенно радовалась, когда дядя Ют перестал быть императором, а власть в империи перешла к моему мужу. Она же оставалась женой короля Роотона. Вот только недолго. После судебного разбирательства, которое затронуло и интересы королевской семьи, дядю Юта лишили всех привилегий и оставили ему и его жене лишь право проживания на планете. Потеряв власть и обеспечение, сопровождаемые осуждающими взглядами роотонцев... Да, их жизнь была уже не столь приятна. Ари вынужденно смирилась, несомненно, и ребенок у нее родился, девочка, но, зная ее характер, я дяде Юту даже сочувствовала.

Кстати, за это время власть сменилась не только на Роотоне. Не прошло и месяца после того как Алли вышла замуж, как по империи прокатилась сенсационная новость. У короля Цесса родилось сразу две дочери: одна от жены, вторая от фаворитки. А спустя еще три дня он передал бразды правления Риграну Дегос ли'Тону. Тому самому племяннику Орлей, которого столько лет держали в опале. Большинство полагало, что Монт поступил так потому, что понял — не будет у него второго сына-наследника. У меня на этот счет было иное мнение. Вернее, информация, которую сообщила Файола. Подруга ко мне прилетала несколько чаще, чем Лурита, а не доверять ей, жене первоисточника, было глупо.

Так вот, Атиус рассказал, что Ригран все же смог доказать свою непричастность к смерти отца, брата Орлей, и именно поэтому снова стал наследником первой очереди. К тому же расовые способности у него были на том же уровне, что и у Монты. А еще (опять же по секрету и строго конфиденциально) Файола поделилась своими подозрениями — Орлея брата со свету сжила, а по ее наводке обвинили его сына. Разумеется, это были всего лишь догадки, но мне, когда я вспомнила подслушанный разговор, они показались правдоподобными.

С тех пор волновалась за семейную жизнь Файолы куда сильнее, чем раньше, хотя на первый взгляд у нее все было хорошо. Устойчивое положение в обществе, любящий муж, двое детей — мальчик и девочка, но... Способностей у деток не проявилось никаких — ни регенерация, ни влияние на растения им оказались недоступны. Да и их судьба сложилась не слишком удачно. Сын Файолы поступил в иперианский флот и пропал во время военной операции, которую провел Атис вместе с будущим зятем — шенориане, будучи изумительными воинами, оказывали в этом огромную поддержку. Если бы не они, то несколько военных конфликтов так и не удалось бы погасить, а в состав империи привлечь тех, кому и была оказана помощь. Ну а дочка Фай согласилась стать фавориткой кого-то из приближенных правящей династии Рогранса. Видимо, решила, что без способностей у нее нет никаких шансов на что-то большее, а мужчина этим воспользовался.

Увы, на большинстве планет, входящих теперь в состав Объединенных территорий, институт фавориток, столь опрометчиво предложенный Атиусом и поддержанный Эстоном, прижился и перестал быть чем-то из ряда вон выходящим. Все же дурной пример заразителен. Многие мужчины оказались готовы содержать и нести ответственность сразу за двух партнерш, и их мало волновало, что те с большим удовольствием предпочли бы иной семейный статус. А ведь девушкам на самом деле женами быть хочется, а не постоянными любовницами. Одно дело сбить пару привязок, а потом жить счастливо с любимым мужем, и совсем другое, когда мужчина, к которому ты имела несчастье получить привязку, тебя не любит и всю жизнь использует.

Как бы ни хотелось мне и Атису вернуть все на свои места, было уже поздно. Джаграс своей махинацией не только в мою жизнь ухитрился вмешаться, но и в целом в традиции Объединенных территорий. Впрочем, лишив жизни моих родителей, он невольно сломал и свою судьбу, потому что, даже несмотря на чистосердечное признание и раскаяние, основанное на том, что действовал под влиянием эмоций, прощения дядя не получил. К счастью, меня не спрашивали, какое наказание я бы для него предпочла, но то, которое принял имперский совет, меня вполне устроило.

Джаграса отправили на Таю. Эта планета вошла в состав империи практически сразу после нашей свадьбы, и ее жители отличались невероятной, доходящей до паранойи склонностью к экспериментам над психикой и самим организмом. У них даже расовые способности оказались с этим связаны — тайянци умеют предсказывать будущее. Не слишком определенно, скорее намеками, интуитивно чувствуя, чем обернется для них тот или иной поступок. Так вот, именно как подопытный экземпляр дядюшка им и понадобился. Очень уж любопытным им показалось изучить и понять, как меняется психика и мозг, когда на фоне необычайно устойчивой привязки ипериианин оказывается одержим навязчивой идеей. Само собой, от фаворитки, то есть Луриты, Джаграса заставили отказаться — проживание на Тае не подразумевало для подопытного комфортных условий и каких-либо удовольствий.

Удовольствие... Как же замечательно, когда оно основано на том, что рядом находится тот, кто тебе дороже всего на свете. Наверное, в чем-то я дядю могу понять: потерять любимого — страшное горе, и оно на самом деле может свести с ума.

Положив голову на плечо мужа, который меня обнимает, ласково поглаживая по спине, я закрываю глаза, впитывая в себя всю нежность и заботу, что он мне дарит.

Определенно можно сказать, — в моей судьбе все складывается очень и очень хорошо. Я смогла найти свое счастье, изменить то, что считала для себя неприемлемым, добилась уважения к себе и к тому статусу, который имела. Передала дочери уникальное наследство, ставшее самым ценным и трепетно охраняемым достоянием империи. Ну а в том, что не всем, с кем мне довелось в своей жизни пересечься, удалось достичь, чего они хотели... В этом я не виновата!

Примечания

1

Дорада — самое глупое животное, обитающее на планетах империи, совершающее совершенно нелогичные поступки. Его название используется синонимично эпитету «дура».

Является ли правдой то, о чем говорит королева Цесса? Что на самом деле происходило сто восемьдесят лет назад, когда империи еще не существовало, а самой Орлее Рэль Шу было всего пятнадцать лет? Ответы можно найти в книге Эль Бланк «Приманка для спуктума. Инструкция по выживанию на Зогге».

3

Туки — медлительные насекомые, обитающие на Лансе. Питаются молодыми побегами миоцы.